

Национальный центр
правовой информации
Республики Беларусь

Кафедра ЮНЕСКО
по информационным
технологиям и праву

ISSN 1997-7328

Право.by

Научно-практический журнал

Читайте в номере:

- ***Современное международное право и информационные технологии***
- ***К вопросу регламентации статуса Всебелорусского народного собрания***
 - ***Предмет соглашения об оказании юридической помощи***
- ***Правовые аспекты государственной пограничной политики Республики Беларусь***

Право.by

1 (11) 2011

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год

Издается с июня 2008 г.

Учредитель и издатель

**Национальный центр правовой информации
Республики Беларусь**

Главный редактор

Балашенко С.А.

Заместитель главного редактора

Кравцов О.Э.

Ответственный секретарь редакционной коллегии

Белокопытов В.В.

Редакционная коллегия

Абрамович А.М.

Батлер Э.У.

Бобцов А.В.

Василевич Г.А.

Гавриш А.Н.

Годунов В.Н.

Гущин И.В.

Каменков В.С.

Кириллова Д.В.

Князев С.Н.

Курбацкий А.Н.

Морозов А.В.

Просяной А.А.

Радиванович Н.Н.

Сивец С.М.

Шаршун В.А.

ЭТАЛОННЫЙ БАНК ДАННЫХ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВОЙ СИСТЕМОЙ «ЭТАЛОН»

Эталонный банк данных правовой информации Республики Беларусь (ЭБДПИ) – основной государственный информационно-правовой ресурс, который формируется и ведется НЦПИ и представляет собой совокупность банков данных «Законодательство Республики Беларусь», «Решения органов местного управления и самоуправления», «Международные договоры». ЭБДПИ распространяется в составе разработанной в НЦПИ **информационно-поисковой системы «ЭТАЛОН» (ИПС «ЭТАЛОН»)**.

ИПС «ЭТАЛОН» версии 6.1 содержит около **150 тысяч** документов в банках данных:

- ◆ Законодательство Республики Беларусь
- ◆ Решения органов местного управления и самоуправления
- ◆ Международные договоры
- ◆ Распоряжения Правительства и Премьер-министра Республики Беларусь
- ◆ Судебная практика

ПРИБРЕТАЯ ИПС «ЭТАЛОН», ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ:

- Эталонную правовую информацию
- Единый информационный массив правовых актов
- Сквозной поиск во всех установленных банках данных
- Интеллектуальный поиск с помощью Поискового навигатора
- Возможность проследить историю модификации интересующего правового акта
- Справочник органов принятия правовых актов с историей их создания и реорганизации
- Возможность поиска и работы с документами на двух государственных языках
- Неофициальный перевод документов с русского на белорусский и с белорусского на русский языки
- Высокую скорость обработки больших массивов документов
- Эргономичный интерфейс, новый дизайн
- Удобную навигацию по системе
- Автоматическое обновление через сеть Интернет
- Возможность установки дополнительных банков данных

РАБОТА С ИПС «ЭТАЛОН» ПОЗВОЛИТ ВАМ:

- Получить доступ к государственным информационно-правовым ресурсам, содержащим эталонную правовую информацию
- Использовать в своей деятельности самые передовые в Республике Беларусь научные разработки в сфере правовой информатизации
- Участвовать в формировании и развитии государственной системы правовой информации и единого информационно-правового пространства Республики Беларусь

МЫ ДЕЛАЕМ ПРАВО ДОСТУПНЫМ ДЛЯ ВСЕХ!

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

СКОБЯЛКО Д.К.,
юрист

1 января 2011 г. явилось знаковой датой для многих сфер и отраслей экономики нашей страны, и прежде всего, в связи со вступлением в силу Указа Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности», которым в том числе отменяется лицензирование деятельности по распространению правовой информации.

Издание Главой государства Указа Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 712 «О совершенствовании государственной системы правовой информации Республики Беларусь» (далее – Указ) видится логичным в связи с отменой лицензирования деятельности по распространению правовой информации и представляется закономерным продолжением поступательной и выверенной государственной политики в сфере либерализации экономики.

В данной статье предлагается ознакомиться с кратким анализом правил, по которым с нового года должны действовать организации и индивидуальные предприниматели, осуществляющие распространение (предоставление) правовой информации*.

I. Особый статус правовой информации в правовом государстве

Полагаем, что началом формирования правовой базы, регулирующей сферу распространения правовой информации в суверенной Беларуси, можно с уверенностью считать конец 90-х гг., когда был образован Национальный центр правовой информации и изданы основополагающие решения Главы государства в данной сфере. В частности, к ним можно отнести Указ Президента Республики Беларусь от 1 декабря 1998 г. № 565 «О порядке распространения правовой информации в Республике Беларусь» (далее – Указ № 565) (данный правовой акт признается Указом утратившим силу) и Указ Президента Республики Беларусь от 30 октября 1998 г. № 524 «О мерах по совершенствованию государственной сис-

темы правовой информации» (Указом вносятся изменения в этот документ).

Детальный анализ законодательства позволяет проследить четкую позицию государства в отношении правовой информации, в основе которой незыблемость конституционного права граждан на получение полной, достоверной и своевременной информации.

Динамика развития общественных отношений, технический прогресс, научная и практическая деятельность субъектов, осуществляющих распространение правовой информации, стремление государства максимально упростить правила осуществления данной деятельности явились естественными катализаторами корректировки действующего законодательства. При этом вносимые Указом изменения не нарушают общего правила: коммерческая деятельность субъектов хозяйствования не должна нарушать гарантированных конституционных прав граждан.

Содержание и качество правовой информации для Республики Беларусь как правового государства имеют существенное значение, что обуславливает установление особого статуса для данного вида информации. Правильное понимание этого статуса вполне оправдывает те требования, которые по-прежнему предъявляет законодатель по отношению к распространителям правовой информации, либерализируя экономическую составляющую их деятельности.

II. Новеллы

1. Договор

Как уже отмечалось ранее, с 1 января 2011 г. отменено лицензирование такого вида деятельности, как распространение (предоставление) правовой информации. Отныне организации и индивидуальные предприниматели осуществляют деятельность по распространению (предоставлению) правовой информации свободно при условии заключения договора предоставления

* В настоящей статье понятие правовой информации используется в значении, определенном Положением о деятельности по распространению (предоставлению) правовой информации в Республике Беларусь, утвержденным Указом, и подразумевает тексты и обязательные реквизиты правовых актов и международных договоров.

правовой информации для ее дальнейшего распространения (предоставления) с Национальным центром правовой информации (далее – НЦПИ).

1.1. Почему именно с НЦПИ?

Хотелось бы отметить, что названный центр является центральным государственным научно-практическим учреждением, осуществляющим сбор, учет, обработку, хранение, систематизацию и актуализацию эталонной правовой информации, ее распространение (предоставление), а также официальное опубликование правовых актов.

Начиная с 1997 года в республике действует специальное учреждение, которое централизованно и системно накапливает акты законодательства, проводит их технологическую обработку, включает в Национальный реестр правовых актов, осуществляет официальное опубликование и поддержание правовых актов в контрольном состоянии. Необходимо отметить, что средства массовой информации, в частности газеты «Советская Белоруссия», «Звезда», «Народная газета», «Рэспубліка», определенные в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 10 декабря 1998 г. № 22 в качестве официальных источников опубликования правовых актов, публикуют эти акты крайне избирательно и не обеспечивают доведение до всеобщего сведения даже половины издаваемых (принимаемых) в стране правовых актов.

Поступающая от субъектов нормотворческой деятельности правовая информация впоследствии подлежит редакторско-корректорской и иной обработке, включению в специально созданный эталонный банк данных правовой информации Республики Беларусь. Данные виды работ осуществляются непосредственно НЦПИ и гарантируют предоставление распространителям исключительно достоверной, актуальной и полной эталонной правовой информации. И это, пожалуй, один из главных аспектов в комплексном процессе обеспечения конституционных прав граждан на качественную информацию.

Представляется вполне оправданным такое построение системы предоставления правовой информации, когда ее поступление к распространителям осуществляется из одного источника. Множественность таких источников способна породить разногласия, различные редакции одного и того же правового акта – недостоверность правовой информации.

Следует обратить внимание, что законодательством приняты меры по упрощению порядка заключения договоров с НЦПИ. Согласно нормам Указа организации и индивидуальные предприниматели, желающие осуществлять деятельность по распространению (предоставлению)

правовой информации с нового года, должны обращаться в региональные центры правовой информации, расположенные во всех областных центрах и г. Минске, для заключения договоров, а субъекты, заключившие договоры с НЦПИ до официального опубликования Указа, осуществляют эту деятельность на основании заключенных договоров в течение срока их действия без перезаключения этих договоров и приведения их текстов в соответствии с требованиями Указа.

1.2. Документы, необходимые для заключения договора

Для заключения договоров предоставления правовой информации для ее дальнейшего распространения (предоставления) организации и индивидуальные предприниматели должны будут представить:

два экземпляра соответствующего договора, подписанных уполномоченным лицом и заверенных печатью заявителя, соответствующих типовой форме данного вида договора. Стандартная форма названного договора определяется НЦПИ по согласованию с Администрацией Президента Республики Беларусь;

документы, удостоверяющие личность заявителя (подтверждающие полномочия).

Положением о деятельности по распространению (предоставлению) правовой информации в Республике Беларусь, утвержденным Указом (далее – Положение), установлен 5-дневный срок рассмотрения НЦПИ перечисленных выше документов, а также иные аспекты заключения договора (условия отказа в заключении, обязательные существенные условия договора и др.).

1.3. Гражданско-правовая природа договора

Согласно пункту 1 статьи 398 Гражданского кодекса Республики Беларусь договором присоединения признается договор, условия которого определены одной из сторон в формуляре или иной стандартной форме и могут быть приняты другой стороной лишь путем присоединения к договору в целом. Такие договорные отношения активно используются в банковской, страховой и иной деятельности.

Учитывая наличие стандартной формы, упрощающей и облегчающей процедуру оформления договора, а также то, что эта форма определяется одной стороной, полагаем, что договор предоставления правовой информации для ее дальнейшего распространения (предоставления) является договором присоединения.

Считаем целесообразным отметить, что в целях исключения возможного субъективизма со стороны НЦПИ, который также осуществляет коммерческую деятельность на рынке распространения правовой информации, Указ предусматривает:

согласование стандартной формы договора с Администрацией Президента Республики Беларусь;

принятие НЦПИ решений о приостановлении (расторжении) договора исключительно по согласованию с Администрацией Президента Республики Беларусь;

контроль за его реализацией Администрацией Президента Республики Беларусь.

Следует отметить, что в названном договоре прослеживаются элементы отдельных видов договоров, например оказания услуг, лицензионного договора (в части имущественных прав НЦПИ на предоставляемый продукт), что, несомненно, делает его смешанным.

2. Ответственность

С 1 января деятельность по распространению (предоставлению) правовой информации, осуществляемая без соответствующего договора, заключение которого, как уже пояснялось ранее, является гарантией распространения именно достоверной, актуальной и полной эталонной правовой информации, признается незаконной и влечет административную ответственность в соответствии с законодательством.

Речь идет об абзаце втором части 2 статьи 12.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, в котором предусмотрена ответственность за осуществление предпринимательской деятельности, когда в соответствии с законодательными актами такая деятельность является незаконной.

3. Требования к деятельности по распространению (предоставлению) правовой информации

В данной сфере Указ, пожалуй, является не столько новаторским, сколько обеспечивает преемственность Указа № 565. Однако нами отмечены некоторые новации, обусловленные практикой распространения правовой информации. Так, согласно пункту 13 Положения при распространении (предоставлении) правовой информации в электронной форме соответствующие информационно-правовые ресурсы в обязательном порядке должны предусматривать доступную и наглядную для пользователей возможность ознакомления с текстами правовых актов без каких-либо комментариев, пояснений и примечаний, если они не предусмотрены непосредственно этими правовыми актами либо не включены в эталонный банк данных правовой информации при обработке правовых актов.

Вносимые распространителями правовой информации в электронном виде комментарии в тексты актов законодательства, принятых и в установленном порядке включенных в Национальный реестр правовых актов, следует рассматривать двояко: с одной стороны, они позволяют пользователям легче ориентироваться в законодательном массиве, правильно воспринимать содержание норм, с другой – способны исказить практику применения требований законодательства.

В связи с этим Указом предусмотрено, что: распространение (предоставление) правовых актов должно осуществляться путем точного воспроизведения текста правового акта с указанием его обязательных реквизитов;

информационно-правовые ресурсы должны иметь технологическую функцию, способную обеспечить для пользователей возможность ознакомиться с текстами правовых актов без каких-либо комментариев. При этом Указ не содержит запрета на использование комментариев при распространении правовой информации в электронной форме.

Названной нормой законодатель обеспечивает право пользователей самостоятельно выбирать: использовать им дополнительную информацию или нет, поскольку правовые последствия от некорректного использования правовой информации наступят именно для пользователя.

III. Заключение

Анализ правовых предписаний нового Указа позволяет сделать вывод о том, что его нормы направлены на установление в сфере распространения правовой информации необременительных для бизнеса правил, понятных и минимальных, но в то же время объективных требований к осуществлению деятельности по распространению (предоставлению) правовой информации.

Очевидно, что регулирование исследуемой сферы построено на доверии к распространителям правовой информации, однако в случае недобросовестного ведения бизнеса законодатель закрепил административную ответственность и возможность прекращения с недобросовестным контрагентом договорных отношений на 6 месяцев.

Не вызывает сомнений соблюдение в Указе четкого и выверенного баланса государственных и бизнес-интересов: государство по-прежнему принимает необходимые меры по соблюдению конституционных прав граждан на полную, достоверную и актуальную информацию, не вмешиваясь в остальном в деятельность субъектов хозяйствования.

Дата поступления статьи в редакцию 17.01.2011

МОНИТОРИНГ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ФАКТОР СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА ГОСУДАРСТВА

САТОЛИНА М.Н.,

помощник Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь,
кандидат юридических наук

В статье рассматриваются вопросы формирования системы мониторинга Конституции Республики Беларусь как одного из существенных факторов создания единого информационно-правового пространства государства. Даются понятия правового мониторинга и мониторинга Конституции, информационно-правового пространства, предлагается возможный вариант осуществления мониторинга Конституции, а также очерчиваются направления использования информационных технологий при осуществлении мониторинга и формировании единого информационно-правового пространства.

Article deals with the issues of formation of the system of monitoring of the Constitution of the Republic of Belarus as one of the essential factors of creation of the joint informational and legal environment of the state. It is given the definitions – legal monitoring and monitoring of the Constitution, informational and legal environment. Also the proposition were made for the possible option of enforcing of the monitoring of the Constitution along with defining of the directions of the use of the informational technologies while execution of the monitoring and forming of the informational legal environment.

Введение

Правовой основой для формирования единого информационно-правового пространства Республики Беларусь является Конституция Республики Беларусь, а информационной основой (информационным механизмом) – государственная система правовой информации (ГСПИ). Для того, чтобы обе составляющих стали базой для такого пространства не только в теории, прежде всего необходимо совершенствовать подходы как к дальнейшему развитию ГСПИ, так и к совершенствованию нормотворческой деятельности, анализу правоприменительной практики. Президент Республики Беларусь А.Г.Лукашенко подчеркнул, что «всем субъектам нормотворческой деятельности следует на системной основе отслеживать, насколько эффективно действуют принятые нормативные правовые акты в различных структурах государства и общества. Мы из года в год об этом говорим, но мало что делаем» [1].

Мониторинг законодательства и правоприменительной практики, осуществляемый на сис-

темной основе, мог бы стать эффективным инструментом по выявлению пробелов, коллизий или правовой неопределенности в действующем законодательстве, а следовательно, и способствовать совершенствованию правовой системы. Для этих целей, полагаем, должны быть выработаны единые критерии оценки нормативных правовых актов, и такими критериями должны быть нормы, принципы, цели и ценности Конституции Республики Беларусь. В статье освещаются некоторые подходы к созданию теоретической базы для такого мониторинга, раскрываются возможности использования современных информационных технологий при проведении мониторинга Конституции.

Основная часть

1. Понятие единого информационно-правового пространства государства

Единое информационно-правовое пространство государства, представляющее собой сложный

феномен, позволяет реально осуществлять информационное взаимодействие государственных органов, юридических и физических лиц. Формирование и использование информационно-правовых ресурсов – одна из основных проблем создания единого информационно-правового пространства республики и формирования единого информационно-правового ресурса государства.

Под единым информационно-правовым пространством государства с точки зрения правовой информатизации обычно понимают совокупность баз и банков данных, содержащих правовую информацию, технологий их ведения и использования, информационно-телекоммуникационных систем и сетей, функционирующих на основе единых принципов и по общим стандартам (правилам) создания, предоставления, обработки, организации и доступа к правовой информации.

Вместе с тем информационно-правовое пространство – это не только информационные сети, базы и банки данных, но и «правовая жизнь» [2], условия жизни в обществе в целом, а основа всей правовой системы – Конституция Республики Беларусь. С учетом этого *единое информационно-правовое пространство государства можно определить как «совокупность всех форм юридического бытия общества», основанную на Конституции как основе правотворчества и правоприменения и в которую встроено (которую пронизывает) единый информационно-правовой ресурс и единые технологии и стандарты его функционирования.*

Целью формирования единого информационно-правового пространства (а это процесс постоянный, поскольку правовые ресурсы все время обновляются как в количественном, так и в качественном отношении) является достижение такой модели развития общества и государства, к которой необходимо стремиться исходя из норм, принципов, целей и ценностей Конституции. Данный подход важен и необходим для создания непротиворечивой и основанной на Конституции системы законодательства и правовой системы в целом.

Единое информационно-правовое пространство государства является качественно новой основой для развития всей правовой системы страны в целом. (В данном случае мы не рассматриваем проблемы его интеграции в информационно-правовые пространства других стран.)

Для создания единого информационно-правового пространства государства, основанного на непротиворечивой, последовательно организованной системе законодательства, необходимо в том числе:

- создание функционирующей системы правового мониторинга, включая мониторинг Конституции. Оба вида мониторинга не являются взаимоисключающими, однако цели правового мониторинга могут быть разными, как и

его методология, так как в различных отраслях законодательства отслеживаются различные параметры;

- создание новой, более полной, версии автоматизированной системы подготовки нормативных правовых актов АС «Проект», которая в свое время разрабатывалась Национальным центром правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ), а затем эта задача была возложена на Национальный центр законопроектной деятельности (в настоящее время – Национальный центр законодательства и правовых исследований (далее – НЦЗПИ).

2. Понятие правового мониторинга и мониторинга Конституции

Поскольку для определения правового мониторинга используются различные термины («мониторинг законодательства», «правовой мониторинг», «мониторинг правоприменительной практики», «мониторинг нормативных правовых актов»), в целях достижения единства терминологии предлагают использовать понятие «правовой мониторинг», которое охватывает собой такие стадии юридической деятельности, как правотворческий процесс, оценка качества действующих нормативных правовых актов, правоприменительный процесс [3, с. 16].

При этом понятие правового мониторинга определяется как система информационных наблюдений, дающая возможность анализировать и оценивать: 1) результаты нормотворческой деятельности, прежде всего законопроектной (правотворческий процесс); 2) качество нормативных правовых актов, принятых тем или иным правотворческим органом в соответствии с предоставленной ему правотворческой компетенцией; 3) эффективность их практического действия, реализации (правоприменительный процесс) [3, с. 19].

К основным целям мониторинга относят оценку эффективности функционирования правовой системы; систематизацию действующего законодательства; создание постоянно действующей системы обратной связи между субъектом нормотворческой деятельности и правоприменителем; подготовку предложений по совершенствованию законодательства.

Конечной целью правового мониторинга является создание эффективного механизма правотворчества и реализация его результатов – нормативных правовых актов, – отражающего общественные потребности на различных стадиях правотворческой и правоприменительной деятельности [3, с. 20].

В свою очередь, О.П.Мариков полагает, что «мониторинг права представляет собой систему

постоянного отслеживания всего жизненного цикла нормативного правового акта, законодательства, правовой системы» (НИР «Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики: концептуальные подходы», выполненная в 2005 году в рамках темы «Условия и принципы развития национальной государственности и законодательства как основы формирования правового государства Республики Беларусь»). По мнению автора, объектами данного мониторинга могут быть как отдельные законы и иные акты, так и функционирование ветвей власти с точки зрения права. В итоге можно получить необходимую информацию для комплексного анализа состояния системы законодательства и выработки предложений по его совершенствованию.

Обе вышеприведенные точки зрения в принципе не противоречат друг другу. Однако для данных теоретических разработок, на наш взгляд, не хватает определенной направленности, основной цели проведения правового мониторинга.

Основоположник современных воззрений на судебный конституционный контроль Ганс Кельзен писал о том, что «вопрос правомерности законодательства, то есть создания права, и идея гарантии такой правомерности спотыкаются на нескольких теоретических проблемах. Их можно обобщить таким образом: *речь идет о принципе, по которому измерение создания (его правомерность) права осуществляется по отношению к некоему эталону, созданному только лишь для оценки измеряемого объекта* (выделено нами – М.С.)» [8].

Можно справедливо предположить, что таким мерилom является Конституция. По утверждению Г.Кельзена, «пройдя через многочисленные изменения, понятие конституции сохранило ее основной элемент: идею высшего принципа, определяющего весь правопорядок и сущность общества, организованного этим порядком. Как бы мы ни определяли конституцию, она всегда является основой государства и основой правопорядка» [8].

Поэтому базой для правового мониторинга и его основной целью может стать *системный мониторинг конституции*. Именно такой подход к мониторингу законодательства изложен в работе Н.Н.Черногора [6], который предложил проводить мониторинг конституции, отталкиваясь от ее норм и принципов.

О необходимости такого подхода пишет и Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь П.П.Миклашевич, указывая, что «конституционность закона должна проверяться не только на наличие прямых противоречий с Конституцией (или иными нормативными правовыми актами (в случае последующего конституционного контроля), но и на соответствие ее духу

и целям, а также установленным в ней ценностям. Иначе говоря, конституционная логика прослеживается, если нормативный правовой акт соответствует модели конституции, принятой данным обществом и государством... Именно цель прослеживания такой конституционной (юридической) логики и должна преследоваться Конституционным Судом при вынесении заключений, решений в порядке как предварительного, так и последующего конституционного контроля законов. Конституционная логика тесно взаимосвязана с юридической функцией конституции и понятием конституционной законности» [7, с. 110].

3. Системный мониторинг Конституции

Таким образом, одним из возможных вариантов системного мониторинга законодательства (с учетом или без учета правоприменительной практики), при котором можно реализовать современные методы системного подхода к изучению теории права (например, синергетический и систематический), может стать мониторинг Конституции. «Конституция – особый вид нормативного правового акта, являющийся «стержнем» правовой системы, основой правотворчества и правоприменения, представляющий собой модель развития общества и государства, к которой надо стремиться» [7, с. 97].

А.В.Малько полагает, что именно в рамках конституционной политики устанавливается нормативная модель идеального образа действительности и ориентируется деятельность социальных субъектов на ее достижение [9]. В связи с этим, как правильно отмечает В.О.Лучин, «программно-целевые положения конституции (конституционные провозглашения) дают нормативный прогноз и осуществляют как бы опережающее регулирование, определяют требования к возникновению новых общественных отношений» [10, с. 34]. Таким образом, конституционная политика должна вырабатывать юридические алгоритмы решения конституционных проблем, коллизий, кризисов, призвана предупреждать подобные отрицательные ситуации, предлагать механизмы, «работающие» на опережение, связанные с четким юридическим планированием.

Конституция является выражением таких основных ценностей и принципов, как права и свободы человека, верховенство права, справедливость и равенство, демократическое социальное правовое государство, разделение властей. Конституционные ценности и принципы образуют системное единство и находятся в определенном иерархическом соподчинении. Важнейшей задачей при реализации норм Конституции является поддержание баланса и соразмерности конституционно защищаемых ценностей, целей, принципов и интересов. При этом недопустимы

подмена одной ценности другой или ее умаление за счет другой ценности [7, с. 103].

Исходя из общих требований, предъявляемых к нормативным правовым актам в соответствии со статьей 9 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 года «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [11], основополагающим требованием, предъявляемым к ним, является конституционность. В связи с этим, на наш взгляд, ученым-конституционалистам, теоретикам права следует обратить внимание как на современные тенденции в развитии конституционного правосудия и конституционного права, так и на появление новых, углубленных методов исследования правовых норм (синергетика и системология), увязав их в своих исследованиях в определенную логическую цепочку: общие условия жизни в государстве, обществе и мире (так называемая «правовая жизнь»* [2]) – Конституция, ее нормы, принципы, цели и ценности – основные направления государственной политики, концепции развития законодательства – система права – система законодательства – нормативные правовые акты базового уровня (конституционные законы, кодексы, декреты, указы) – нормативные правовые акты, принятые в развитие нормативных правовых актов базового уровня, – правоприменение.

Неотъемлемой частью приведенной логической цепочки должна стать обратная связь, включающая возможность и необходимость изменять законодательство в силу его несоответствия Конституции.

С этой позиции утверждение о том, что Конституция должна быть «живой», непосредственно влияющей на законотворческий процесс и правоприменительную деятельность [7, с. 102] с учетом вызовов сегодняшнего дня, приобретает еще более глубокий смысл. Без такого понимания невозможно повысить уровень конституционной законности.

С учетом изложенного под *правовым мониторингом* можно понимать систему информационных наблюдений, дающую возможность анализировать и оценивать прежде всего степень реализации норм, принципов, ценностей и целей Конституции в действующем законодательстве и правоприменительной практике, что предполагает также оценку:

1) результатов нормотворческой деятельности, прежде всего законопроектной (правотворческий процесс);

2) качества нормативных правовых актов, принятых тем или иным правотворческим органом в соответствии с предоставленной ему правотворческой компетенцией;

3) эффективности их практического действия, реализации (правоприменительный процесс).

К целям такого мониторинга следует отнести как основную *оценку степени достижения той конституционной модели*, которую необходимо создать в государстве. Конечной целью правового мониторинга является создание эффективного механизма правотворчества и реализации его результатов – нормативных правовых актов, отражающего общественные потребности на различных стадиях правотворческой и правоприменительной деятельности [3, с. 20].

Таким образом, правовой мониторинг и мониторинг Конституции, имея своей целью в принципе одно и то же – соответствие нормативных правовых актов нормам Конституции, ее целям и задачам, по сути имеют разные отправные точки. Это означает, что для получения адекватных результатов следовало бы создать не только систему мониторинга действующего законодательства, но и в обязательном порядке – систему мониторинга реализации норм и принципов Конституции.

Обобщая имеющиеся точки зрения и поддерживая позицию Н.Н.Черногора, можно предложить следующее. Мониторинг реализации норм и принципов Конституции в нормативном правовом акте должен проводиться на основе анализа:

норм Конституции Республики Беларусь (как они реализованы в административном, финансовом и налоговом, гражданском законодательстве и т.д.);

основных концепций в данной сфере (концепция развития законодательства, основные направления развития государственной политики в данной сфере; концепция национальной безопасности, основные направления развития государства и пр.);

программных законов (наиболее крупных нормативных правовых актов);

общественных отношений в данной сфере (направление развития государства по инновационному пути развития, развитие инвестиционной деятельности; борьба с коррупцией и прочее);

научных и научно-практических публикаций по заданной теме;

международного законодательства и международных обязательств государства в данной сфере (выявление уровня имплементации);

публицистических материалов, размещаемых в СМИ и сети Интернет.

В итоге должна быть создана своеобразная «матрица», на основе которой (при своевременном ее обновлении) в дальнейшем будет легче выявлять ключевые проблемы действующего

* Совокупность всех форм юридического бытия общества, выражающаяся в правовых актах и иных проявлениях права (в том числе и негативных), характеризующая специфику и уровень существующей юридической действительности, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов, под влиянием которых сложилась Конституция [2].

законодательства и отслеживать ход их решения.

При этом должна быть выдержана логическая линия: конституционный принцип/норма – закон – принятый в его развитие нормативный правовой акт – акты реализации правовых норм – конституционный принцип/норма, то есть, как мы уже сказали, следует проводить мониторинг не отдельных законов, не программных государственных документов, а их основы – Конституции (реализации ее норм и принципов).

Можно также использовать *аксиологический подход*, то есть оценку реализации (достижения) тех ценностей, которые закреплены в Конституции. Это только обогатит результативность мониторинга.

Поскольку Конституция, ее нормы и принципы – это основа стратегии развития государства, на базе которой формируются программные документы, принимаются законы, осуществляется правоприменительная деятельность, постольку, проводя мониторинг законодательства и давая оценку эффективности норм права, субъекты и участники этой деятельности должны использовать Конституцию:

в качестве статичного (технического) инструмента мониторинга (вроде школьной линейки) для измерения, снятия показателей или объекта для сравнения с тем или иным законом или правоприменительным актом с целью определения его конституционности и эффективности;

в качестве инструмента, изменяющегося вместе с изменением общественных отношений [6].

Следует также согласиться с Н.Н.Черногомом и в том, что мониторинг реализации норм и принципов Конституции позволит прежде всего существенно усовершенствовать технологию правового мониторинга: восстановить нарушенную логическую последовательность объектов и операций, осуществляемых в процессе проведения мониторинга законодательства и правоприменительной практики, обеспечить стройность целей и задач правового мониторинга, а также показателей эффективности законодательства и правоприменительной практики, которыми согласно существующей концепции правового мониторинга являются данные об обеспечении и защите прав человека. Такой подход в целом даст возможность «перейти от использования Конституции в качестве одного из прикладных инструментов мониторинга к ее восприятию как реально действующего закона, реализуемого и применяемого субъектами правоотношений в практической деятельности, в повседневной жизни, имеющего свои «жизненные циклы», достоинства и недостатки» [6].

Для достижения целей правового мониторинга также можно использовать *системологию* – область научно-практической деятельности, изучающую и использующую системность, орга-

низацию и самоорганизацию объектов, процессов и явлений в природе, науке, технике, обществе и психологии личности, выступающую как методология изучения, проектирования управления и использования природной системности мира и его базовых категорий [12]. Современное развитие *системологии права* направлено на глубокое изучение особенностей и взаимодействия таких сложных динамических систем, как правовая система общества, системы права и законодательства государства, система правоотношений и правосознание, а также система правового регулирования общественных отношений. Первоочередными задачами при этом являются задачи обоснования адекватных концепций рациональных онтологических и гносеологических подходов к системному исследованию правозначимых объектов и явлений [13]. Системология правового регулирования как часть системологии права в настоящее время представлена главным образом двумя общетеоретическими положениями правового знания: концепцией правового регулирования как процесса, включающего по крайней мере пять следующих методологических этапов «миропонимание – правопонимание – правотворчество – правоприменение – правореализация» и концептуально-логической моделью системы правового регулирования общественных отношений [13].

Отметим, что с этой точки зрения именно *конституционное право выступает как системообразующая (правообразующая) отрасль права, представляя собой совокупность правовых норм, основой которых являются нормы, принципы, цели и ценности, закрепленные в Конституции*, системно-комплексно регулирующей положение человека в обществе и государстве, основы общественного строя, определяющей место государства в политической системе общества и принципы взаимоотношений государства с человеком и обществом, регулирующей основы организации и деятельности системы государственных органов.

4. Использование информационных технологий при осуществлении мониторинга Конституции

Мониторинг Конституции, а равно иной правовой мониторинг, может и должен проводиться с использованием достижений современных информационных технологий. Действительно, возможность осуществлять мониторинг нормотворческой деятельности стала значительно легче после появления баз и банков данных правовой информации, создания государственной системы правовой информации Республики Беларусь, разработки общеправового методологического комплекса лингвистической поддержки

классификации и систематизации законодательства, в том числе Единого правового классификатора Республики Беларусь и Словаря терминов и определений действующего законодательства Республики Беларусь.

Государственная система правовой информации (ГСПИ) создается как конкретная модель механизма формирования и управления согласованным информационно-правовым пространством страны, а также как модель создания управленческой системы информационного обеспечения, рыночная модель создания информационного ресурса. Под ГСПИ в Республике Беларусь, с нашей точки зрения, должен пониматься правовой, организационный, социально-экономический и научно-технический процесс обеспечения создания нормативной правовой информации, а также обеспечения потребностей государственных органов, юридических и физических лиц в нормативной правовой информации на базе информационных систем и сетей, осуществляющих формирование, накопление, обработку, организацию и выдачу пользователю нормативной правовой информации в целях содействия совершенствованию механизма правового воздействия и механизма правового регулирования [14].

В настоящее время банк данных правовой информации НЦПИ «Эталон 6.0» содержит такую поисковую возможность, как «Информационно-правовой навигатор», отправной точкой для построения которого послужил текст Конституции Республики Беларусь. Указанный навигатор содержит ключевые слова, тематические слова и ассоциативные связи. Ключевые слова по смыслу объединены в тематические группы (более общие понятия). При выборе тематической группы отображаются ключевые слова этой группы, а также группы, ассоциативно связанные с выбранной группой и группы-синонимы. Для каждой из этих групп можно просмотреть ключевые слова. Одновременно отображается одно или несколько определений из «Словаря юридических терминов и определений» с возможностью перехода на соответствующий правовой акт.

Еще большая работа проведена НЦПИ при проставлении ключевых слов к Конституции и подборке к ним необходимых документов. Отмечу, что не во всех случаях к ключевым словам подобраны необходимые нормативные правовые акты. Полагаем, что такая масштабная работа как подборка нормативных правовых актов в соответствии с каждой статьей Конституции должна осуществляться не только силами НЦПИ, а обязательно совместно со специалистами НЦЗПИ.

На наш взгляд, научно-исследовательская и практическая работа НЦПИ по созданию лингвистического обеспечения баз и банков данных

правовой информации, поиск новых форм, совершенствование словарей и классификаторов, в том числе Единого правового классификатора, может послужить реализации идеи мониторинга Конституции в случае, если такая работа будет вестись системно, с учетом конечной цели – не создания базы данных ради базы данных и простого облегчения поиска информации, а служения правовой информации гораздо более высокой идее совершенствования законодательства, поиска правовых коллизий и пробелов законодательства. Все это возможно при условии объединения усилий нескольких групп ученых и практиков – конституционалистов (понятийный аппарат, содержание принципов, ценностей и норм и др.), теоретиков права (структура правовой нормы, юридическая техника и др.), лингвистов (выборка, создание поисковых систем и др.) и специалистов НЦПИ. Структурированная поисковая стратегия (М.Г. Гриневич, А.С. Шилович), вырабатываемая НЦПИ, должна базироваться на нормах и принципах Конституции, и в этом случае законодательство рассматривается как системный объект.

Полагаем, что специалистами НЦПИ и НЦЗПИ должна вестись последовательная научно-исследовательская работа, направленная на создание информационной базы для осуществления мониторинга Конституции и в конечном итоге – создания единого правового пространства Республики Беларусь.

Что касается практики правоприменения, то ее мониторингу могла бы содействовать дальнейшая работа над ИБД «Судебная практика». Создание этого банка данных, к сожалению, не получило своего логического развития прежде всего за счет отказа от включения в него решений общих судов первой инстанции, как это ранее предусматривалось Техническим заданием НИР 2003-16 «Разработка и внедрение Интегрированного банка данных «Судебная практика» НЦПИ.

При этом использование при дальнейшем совершенствовании баз и банков данных правовой информации *инженерии знаний* [15] может помочь значительно продвинуть вперед не только юридическую или лингвистическую обработку правовой информации, но и возможность ее анализировать, моделировать и, следовательно, совершенствовать законодательство.

Системная интеграция правовых и иных информационных систем и ресурсов, использование принципов управления в правотворческой и правоприменительной деятельности позволят получить совокупный (синергетический) эффект их взаимодействия и выведут на качественно новый уровень процесс принятия решений как при создании правовой информации, так и при ее применении (информировании о ней), создадут новые условия для формирования правовой культуры и правового воспитания, совер-

шенствования правовой системы и, следовательно, будут способствовать ее стабилизации.

5. Создание многофункциональной автоматизированной системы подготовки проектов нормативных правовых актов Республики Беларусь

Ныне действующая компьютерная программа «Автоматизированная система подготовки проектов нормативных правовых актов Республики Беларусь» (далее – программа) является инструментальным средством подготовки проектов нормативных правовых актов (далее – проектов НПА) Республики Беларусь в государственных органах, занимающихся нормотворческой деятельностью [16]. Несомненно, создание такой системы – определенный шаг вперед.

Однако, на наш взгляд, основными целями подобных автоматизированных систем является не сама автоматизация нормотворчества с точки зрения юридической техники, а автоматизация процесса создания и индексирования правовой нормы. Процесс мониторинга и процесс создания нормативного правового акта должны идти «встречными путями». Юрист НЦПИ не должен обрабатывать нормативный правовой акт с точки зрения его расположения в системе законодательства в соответствии с Единым правовым классификатором. Такая индексация должна проводиться на этапе нормотворчества, когда нормативный акт сознательно «встраивается» его создателем в систему законодательства и правовую систему государства, то есть процесс индексации правовой нормы должен происходить на этапе ее создания. Полагаем, что именно тогда можно будет говорить о реальном совершенствовании законодательства. Теперь же создатель правового акта редко задумывается о том, как данный нормативный акт и содержащиеся в нем правовые нормы выглядят в соотношении со всей совокупностью правовых норм. И только тогда можно будет говорить о структурированном подходе к системе законодательства и системе права в целом. Ведь суть нормотворческой техники и суть нормотворческой работы – разная, а совместный результат их использования – один: качественное законодательство.

Возможно, было бы целесообразно вернуться к идеям создания АС «Проект» (ОНИР. 37477375. 98-16, 99-16 «Разработка автоматизированной подсистемы подготовки проектов нормативных правовых актов»), учитывающей все стадии и задачи процесса нормотворческой деятельности государственных органов Республики Беларусь [17]. Поскольку с конца 90-х годов прошлого века прошло достаточно вре-

мени и информационные технологии, а также процесс обработки правовых актов ушли далеко вперед, то можно использовать и уже имеющийся в стране опыт, например опыт Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь по созданию автоматизированной информационной системы, которая позволяет автоматизировать практически весь процесс судопроизводства. Кроме того, ранее предпринимались попытки сотрудничества с российской компанией «Intrallex», создавшей АРМ «Юрист». Эта система технологически позволяет пройти весь цикл создания нормативного правового акта от его концепции до проекта и опубликования, а также экспертной оценки. Функциональная часть проекта включает все этапы и шаги работы с текстом, начиная с технического задания и концепции правового акта и заканчивая его полным текстом, предназначенным для представления в соответствующий орган законодательной власти. В основе лежит дерево целей, выстраиваемое с учетом особенностей работы с проектом акта, которое может быть скорректировано по усмотрению разработчика-пользователя с учетом особенностей нормотворческих процедур и конкретных задач [18].

Для разработки такой системы в НЦПИ и НИЦПИ накоплен достаточный методический и практический материал в области юридической лингвистики, создания и обработки нормативных правовых актов. Полагаем, что было бы необходимо обсудить вопрос о продолжении последовательной научно-исследовательской деятельности, направленной на создание новой версии АС «Проект», позволяющей подойти к нормотворческой работе на новом уровне, применив знания не только в области информатизации, но и в области теории права, юридической лингвистики и юридической техники. Считаем также, что в основе такой АС «Проект» должны лежать нормы, принципы, цели и ценности Конституции Республики Беларусь. Дальнейшее развитие «Автоматизированной системы подготовки проектов нормативных правовых актов Республики Беларусь», основанной на нормах Конституции, будет содействовать совершенствованию нормотворческой деятельности и всей системы законодательства в целом, созданию единого информационно-правового пространства страны.

Заключение

Создание системы мониторинга Конституции и понимание Конституции как единой сис-

темной основы для анализа действующего законодательства, использование системного подхода к исследованию и созданию права, в том числе применение знаний в области синергетики и системологии к области правовых наук, использование общедоступных возможностей государственной системы правовой информации для анализа действующего законодательства и дальнейшее совершенствование поискового инструментария баз и банков данных правовой информации, развитие автоматизированной системы подготовки нормативных правовых актов на

основе конституционных подходов позволят дать новый толчок к совершенствованию правовой системы Республики Беларусь и реальному формированию единого информационно-правового пространства страны. Автор не претендует на выражение единственно правильного подхода, но надеется на то, что материал может послужить отправной точкой для начала дискуссии о новых возможностях, придаваемых традиционным методам исследования права информатизацией, формировании новых подходов к созданию правовых норм и мониторингу права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Динамичный прорыв в развитии страны – путь к новому качеству жизни: Послание Президента белорусскому народу и Национальному собранию, апрель 2010 г. // СБ «Беларусь сегодня». – 21 апр. 2010 г.
2. Малько, А.В. Теоретико-методологическое значение концепции «правовой жизни» / А.В. Малько, В.В. Трофимов // Гос-во и право. – 2010. – № 7. – С. 5–13.
3. Правовой мониторинг: науч.-практ. пособие – М.: ИД «Юриспруденция», 2009. – 416 с.
4. Правовые акты: антикоррупционный анализ / И.С. Власов [и др.]; отв. ред.: В.Н. Найденко, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева; Ин-т зак-ва и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации; Науч.-исслед. центр ФСБ России. – Юрид. фирма «Контракт», 2010. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 176 с.
5. Тихомиров, Ю.А. Рекомендации по проведению мониторинга действия закона / Ю.А. Тихомиров // Законодательство и экономика. – 2008. – № 6. – С. 5–8.
6. Черногор, Н.Н. Мониторинг Конституции: постановка проблемы / Н.Н. Черногор // Законодательство и экономика – 2008. – № 11. – С. 49–52.
7. Миклашевич, П.П. Конституция Республики Беларусь – ориентир совершенствования правовой системы и конституционного контроля / П.П. Миклашевич // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2009. – № 1. – С. 97–115.
8. Кельзен, Г. Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция). Часть 1 / Г. Кельзен // Право и политика. – 2006. – № 8. – С. 5–14.
9. Малько, А.В. Конституционная политика как особая разновидность правовой политики / А.В. Малько // Конституц. и муницип. право. – 2010. – № 4. – С. 2–5.
10. Лучин, В.О. Конституционные нормы и правоотношения / В.О. Лучин. – М., 1997. – 159 с.
11. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г.: в ред. от 2 июля 2009 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 7. – 2/136.
12. Системология // Словарь Wikipedia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%B%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F>. – Дата доступа: 24.11.2010.
13. Ловцов, Д.А. Системология правового регулирования: исторические аспекты развития / Д.А. Ловцов // История государства и права. – 2009. – № 18. – с. 9–12.
14. Сатолина, М.Н. Отдельные аспекты изменения теоретико-правовых подходов к правовому регулированию общественных отношений на современном этапе развития общества / М.Н. Сатолина // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2005. – № 2. – С. 91–99.
15. Инженерия знаний // Словарь Wikipedia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F>. – Дата доступа: 24.11.2010.
16. Сайт Национального центра законодательства и правовых исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://center.gov.by/dotsmain.html>. – Дата доступа: 24.11.2010.
17. Перспективы развития средств и методов создания информационных ресурсов в нормотворческой деятельности / М.Н. Сатолина [и др.] // Проблемы правовой информатизации. – 2002. – № 5. – С. 43–47.
18. Intralex [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intralex.ru/cooperation_automat.htm. – Дата доступа: 24.11.2010.

Дата поступления статьи в редакцию 21.01.2011

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВОЙ СИСТЕМЫ «ЭТАЛОН» ВЕРСИИ 6.1

МЕДЯНИК Ю.А.,

главный специалист отдела разработки программного обеспечения
управления программного обеспечения Национального центра правовой информации
Республики Беларусь

РАДИВАНОВИЧ Н.Н.,

заместитель директора Национального центра правовой информации Республики Беларусь

В статье отражены основные новые возможности разработанной Национальным центром правовой информации Республики Беларусь информационно-поисковой системы «ЭТАЛОН», которая широко используется в государственных органах и позволяет работать с информационным массивом эталонного банка данных правовой информации Республики Беларусь.

The article shows main new features of the information retrieval system «ETALON» worked out by the National Center of Legal Information of the Republic of Belarus, which is extensively used in the state bodies and allows working with informational array of etalon databank of legal information of the Republic of Belarus.

В соответствии с Положением о Национальном центре правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ), утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 30 октября 1998 г. № 524 «О мерах по совершенствованию государственной системы правовой информации», приоритетными задачами НЦПИ являются ведение государственных информационно-правовых ресурсов и распространение (предоставление) эталонной правовой информации.

Основным государственным информационно-правовым ресурсом, который формируется и

ведется НЦПИ, является эталонный банк данных правовой информации Республики Беларусь. Банк данных распространяется посредством предоставления электронных копий с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН» (далее – ИПС «ЭТАЛОН»).

ИПС «ЭТАЛОН» представляет собой совокупность программных и лингвистических средств, предназначенных для хранения, поиска и выдачи по запросу требуемой информации из одного или нескольких банков данных правовой информации. Разработчиком ИПС «ЭТАЛОН» является

Рис. 1. Стартовое окно

НЦПИ, и работы по ее развитию выполняются на постоянной основе. За время существования НЦПИ (с 1997 года) было выпущено достаточно много версий ИПС, обеспечивающих работу под разными операционными системами и различными поисковыми возможностями.

Основные возможности, доступные из стартового окна, при дальнейшей работе с системой также доступны из Главной панели (рис. 2), расположенной в верхней части окна под Главным меню.

Рис. 2. Главная панель

В 2010 году НЦПИ завершил работы по созданию ИПС «ЭТАЛОН» версии 6.1, и в данной статье отражаются основные новые возможности ИПС данной версии.

Следует отметить, что ИПС «ЭТАЛОН» версии 6.1 имеет новый современный и более эргономичный интерфейс, обновлен дизайн всех элементов системы, но при этом по возможности сохранена преемственность основных функций с предыдущей версией.

Среди новых возможностей ИПС «ЭТАЛОН» версии 6.1 – стартовое окно, улучшенная навигация, встроенный переводчик и др.

1. Стартовое окно (рис. 1) предназначено для доступа к основным поисковым возможностям системы (поиск по реквизитам, Поисковый навигатор), а также к новым функциям (Переводчик) и наиболее востребованным подборкам документов (пользовательские списки, новые документы, Кодексы и Тематические банки данных и др.). Кроме этого, из стартового окна есть переход к дополнительной информации, содержащейся в системе, к новостям и Справке по работе с системой.

2. Улучшенная навигация упрощает перемещение между окнами и списками, создаваемыми в процессе работы с системой. Теперь каждое окно отображается в виде вкладки на Панели навигации (рис. 3), что позволяет быстро перейти к любому окну и при необходимости закрыть его.

3. Информационная панель документа, расположенная в левой части экрана (рис. 4), позволяет получить доступ к основной информации о документе. На панели расположены кнопки перехода к карточке с основными реквизитами документа, к Алфавитно-предметному указателю (для кодексов), кнопка включения оглавления, кнопки прямых и междокументных связей, переключения редакций текста, а также кнопка для получения неофициального машинного перевода текста.

4. Усовершенствованные панели инструментов для быстрого доступа к основным функциям располагаются в правой части экрана и помогают легко осуществить необходимые действия – вывод информации на печать, сохранение в файл, экспорт в редактор Word, сортировку списка, переход между документами по списку и т.д.

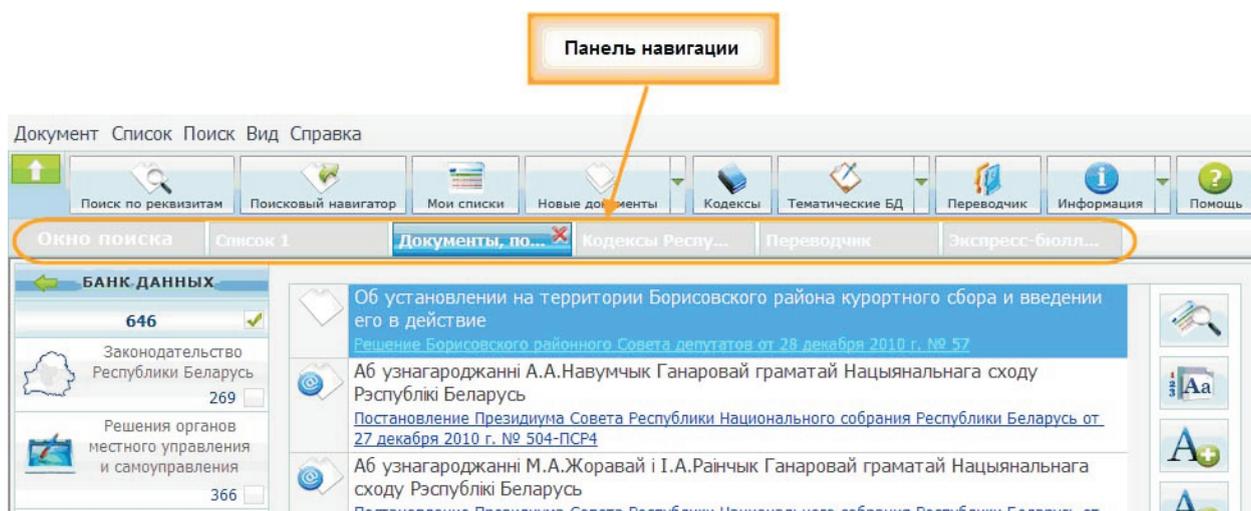

Рис. 3. Панель навигации

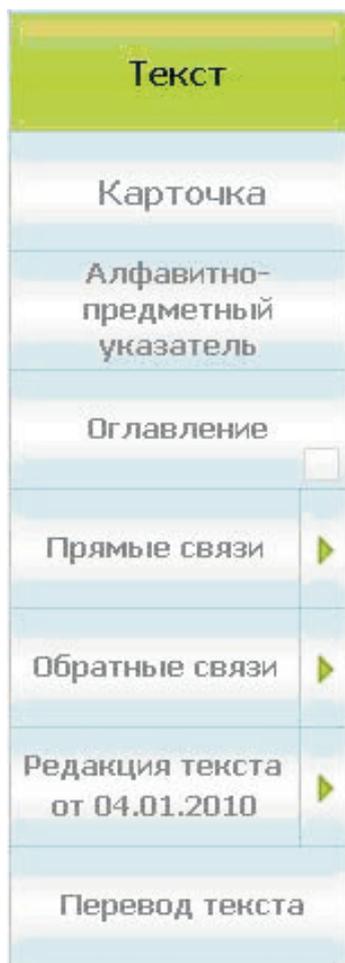

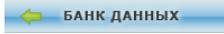
Рис. 4. Информационная панель документа

5. Встроенный переводчик (рис. 5) позволяет получить перевод произвольного текста с русского языка на белорусский и с белорусского на русский.

Помимо произвольного текста переводчик позволяет перевести выделенный фрагмент правового акта непосредственно из окна просмотра текста (рис. 6).

Неофициальный машинный перевод всего текста документа можно получить при помощи кнопки «Перевод текста» на Информационной панели текста документа либо при помощи команды из контекстного меню (рис. 7).

6. Максимальное использование экрана при работе с информацией достигается за счет возможности свернуть не-

которые элементы: Главную панель – кнопкой , Панель с перечнем БД в списке – кнопкой , Информационную панель в тексте документа – кнопкой .

Для удобства чтения текста документа предусмотрен режим «Текст во весь экран», доступный при просмотре текста из Главного и контекстного меню, а также по горячей клавише F11.

Данные функции являются актуальными для пользователей, работающих с ИПС «ЭТАЛОН» на компьютерах с мониторами небольших размеров.

7. Ускорение процесса загрузки и сохранения объемных и сложных текстов за счет перевода текстов (в первую очередь «проблемных» больших текстов с таблицами) в формат XHTML и внедрения новой системы их обработки. Внедрение данной функции позволило уменьшить в несколько раз скорость открытия и сохранения текстов большого размера, содержащих большое количество таблиц и текстов, имеющих несколько редакций.

Помимо вышеперечисленных основных новшеств внесены другие изменения, которые направлены на облегчение и улучшение работы с системой. Подробное описание всех

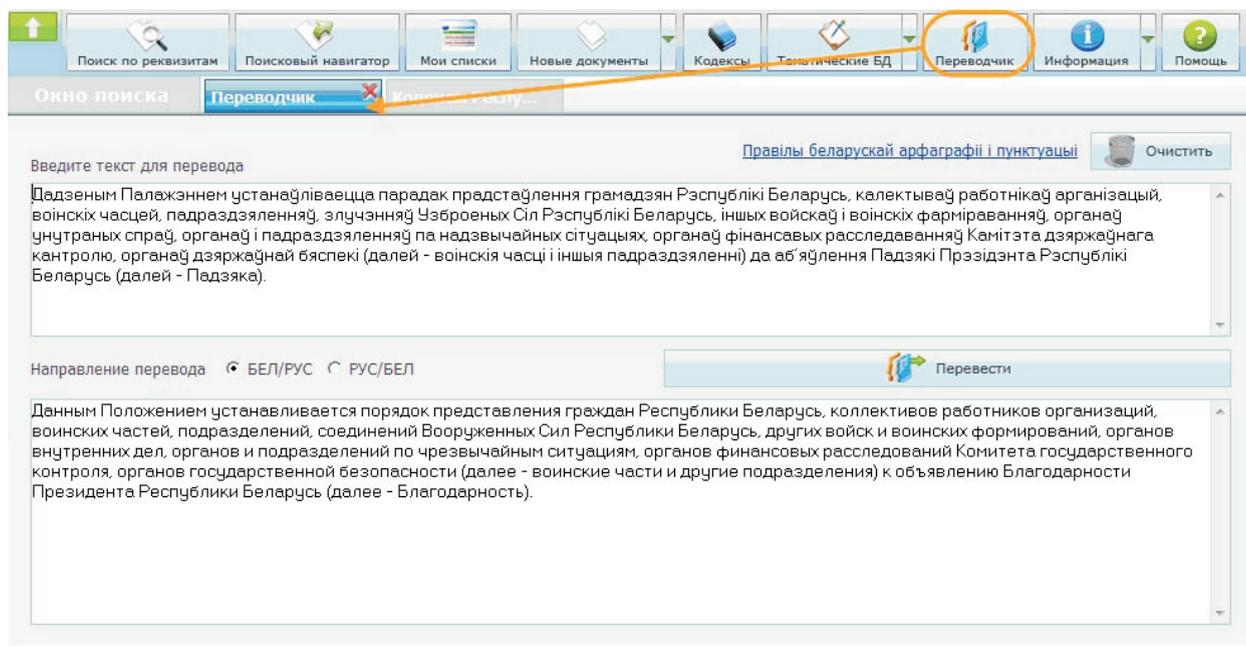

Рис. 5. Встроенный переводчик

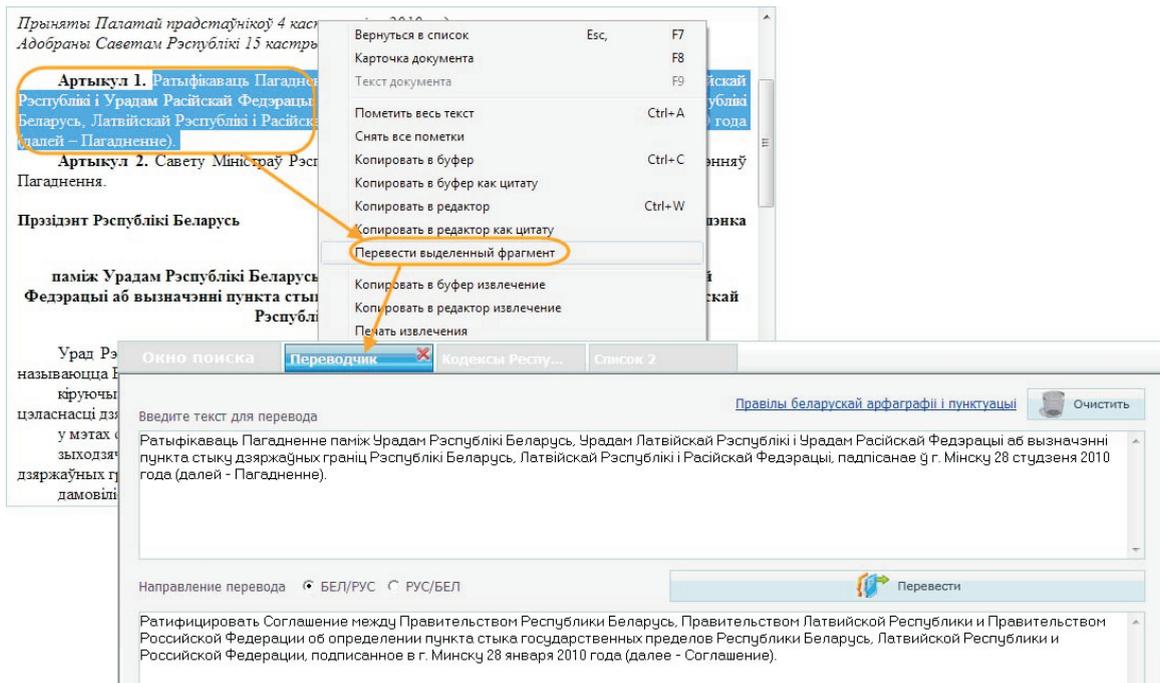

Рис. 6. Перевод фрагмента текста

функций можно найти в руководстве пользователя ИПС «ЭТАЛОН» 6.1, а также контекстно-зависимой справочной системе (Help), реализованной в ИПС.

Внедрение ИПС «ЭТАЛОН» версии 6.1 будет осуществляться в первом полугодии

2011 года, и у всех пользователей предыдущих версий будет установлена новая версия. Разработчики ИПС будут признательны за все замечания и предложения по рассматриваемой версии информационно-поисковой системы.

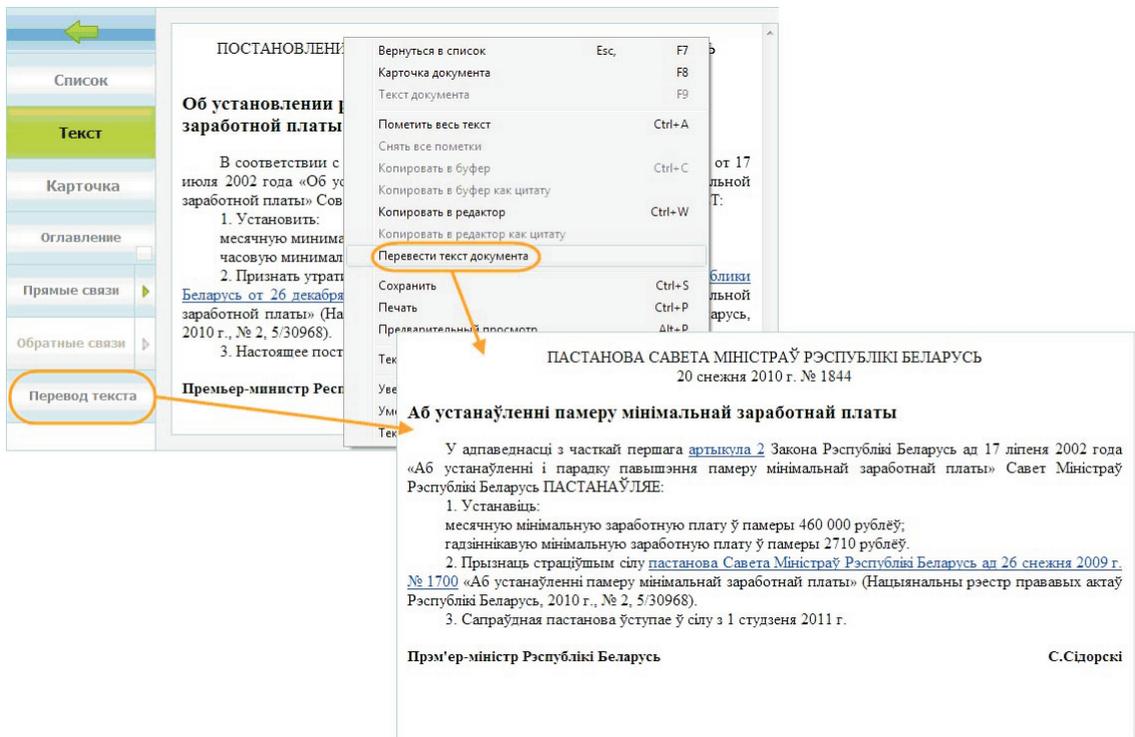

Рис. 7. Неофициальный машинный перевод текста документа

Дата поступления статьи в редакцию 28.01.2011

СОВРЕМЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

КОЗИК А.Л.,

первый проректор УО «Международный институт трудовых и социальных отношений»,
кандидат юридических наук

19 сентября 2010 года, открывая заседание Совета безопасности Республики Беларусь, Президент А.Г.Лукашенко отметил, что: «Современные технологии воздействия на массовое сознание порой оказывают более разрушительный эффект, чем применение традиционного оружия». С этим утверждением трудно не согласиться. Пожалуй, самым важным элементом воздействия на массовое сознание является информация. Точнее информация накопленная, переданная и обработанная. Технологии, обеспечивающие данные процессы, называют информационными. Сегодня я хочу остановиться на том, как существующие информационные технологии бросают вызов общественным отношениям и их международно-правовому регулированию.

Если внимательно осмотреться, то нельзя не заметить, что очень часто правовое регулирование тех или иных общественных отношений основано на допущениях, связанных с определенной скоростью и/или практической возможностью информационного обмена. Например, презюмируется, что казино, организованное в государстве (юрисдикции) А, действует лишь в пределах данной юрисдикции; газета, издаваемая в государстве (юрисдикции) В, распространяет информацию лишь в пределах данной территории; сбор персональной информации о своих клиентах компанией С не может нарушить их охраняемые интересы и т.д. Исключения всегда допускались, но их незначительное количество не наносило вреда системе в целом. Проблематика адекватности правового регулирования сама по себе также не нова. Общественные отношения всегда изменялись, и вслед за ними изменялось и их правовое регулирование. Принципиальная особенность современной ситуации в том, что новые информационные технологии, сеть Интернет, например, не только создали большое количество принципиально новых социальных

связей, но самое главное – они существенно повлияли на уже урегулированные нормами права общественные отношения, сделали своеобразный апгрейд* общественных отношений, как правило, расширив их географию (преодолев юрисдикционные границы) и увеличив интенсивность.

Позвольте мне привести три конкретных примера того, как развитие информационных технологий повлияло на правовое регулирование трех различных групп общественных отношений. Я хотел бы остановиться на:

1. вызовах, которые бросает развитие сети Интернет правам и свободам граждан;
2. вызовах, которые бросает развитие информационных технологий авторскому праву;
3. вызовах в связи с появлением новых средств и методов ведения войны, таких как сетевые компьютерные нападения.

1. Глобальная компьютерная сеть Интернет за немногим более 15 лет стала основным средством коммуникации, хранения и получения информации для более чем 1,3 миллиарда человек во всем мире. Стремительное развитие сети Интернет создало множество правовых коллизий везде, где объектом отношений или методом взаимодействия субъектов является информационный обмен. Отставание в понимании тенденций изменения общественных отношений предопределяет отставание в правовом регулировании этих отношений, что создает прямую угрозу безопасности государства.

Сеть Интернет как явление первоначально не представляла какого-либо серьезного интереса ни для национальных систем права, ни для международного права. Способ передачи информации, использовавшийся в сети, хотя и обладал некоторой спецификой, но не создавал новых значимых общественных отношений и не оказывал какого-либо серьезного влияния на общественную жизнь. Что же сделало сеть Ин-

* От англ. upgrade – улучшение, модернизация.

тернет предметом исследования философов, социологов, юристов и специалистов других областей гуманитарного знания, далеких от технических нюансов существования сети? На наш взгляд, в какой-то момент благодаря доступности и популярности сеть Интернет стала основным средством передачи информации. Благодаря широкой возможности обработки этой информации в реальном времени стало возможно предоставление огромного количества услуг, начиная от деятельности библиотек и заканчивая аудиовизуальными трансляциями и услугами виртуальных казино. Лавинообразный рост пользователей, дешевизна, простота и анонимность предопределили динамичное развитие сети.

Одной из наиболее важных особенностей сети Интернет является отсутствие географических границ, выступающих своеобразными ограничителями общественных отношений, т.е. трансграничность. Интернет – это глобальная сеть, объединяющая тысячи компьютеров и умышленно созданная таким образом, чтобы географическое расположение компьютеров и количество границ между ними не имело какого-либо значения.

Географическая свобода сети Интернет ставит целый ряд вопросов, ответы на которые крайне важны для единообразного применения норм права и в конечном итоге – соблюдения прав человека. Попытки регулировать деятельность в сети Интернет на основании географической юрисдикции зачастую крайне неуклюжи. Так, например, в Германии была предпринята попытка привлечь к судебной ответственности некоего Фредерика Тобена, разместившего на одном из австралийских сайтов материал, где отрицался факт холокоста. Когда в 1999 году Тобен прибыл в Германию, его там арестовали и судили, в частности – за разжигание расовой ненависти. Обвинение основывалось на том, что материалы, содержащиеся на его веб-сайте, были скачаны в Германии. Суд, рассматривавший дело, отклонил обвинение на том основании, что данный оскорбительный материал «находился» вне пределов Германии, но Bundesgerichtshof (Верховный суд ФРГ) такое решение отменил и постановил, что законы Германии, запрещающие восхваление нацистской партии, могут применяться и в отношении материалов, находящихся вне Германии, если таковые были скачаны на ее территории. Аналогичным образом были заявлены и рассмотрены иски во Франции (продажа на аукционе Yahoo! нацистских реликвий, что разрешено в США, но запрещено во Франции), Австралии (Dow Jones & Company Inc. v. Gutnick) и других странах. Таким образом, получается, что размещаемая ин-

формация в сети Интернет должна соответствовать требованиям законодательства всех стран, где сеть доступна, т.е. буквально всех стран планеты. Это абсурдно и, руководствуясь общеправовым принципом разумности правового регулирования, часто не может быть признано допустимым в демократическом обществе.

Американский ученый Дэвид Пост (David Post) справедливо отмечает, что возможность применения санкции в отношении нарушителя права связана с необходимостью физического контроля. Это не абсолютная необходимость, поскольку существуют механизмы, при помощи которых конкретные суверены могут применить свои нормы в отношении нарушителей, не находясь под их юрисдикцией. Однако эти механизмы связаны с рядом сложностей, в том числе и необходимостью гармонизации правовых режимов конкурирующих (в смысле юрисдикции) государств.

2. Авторское право – отрасль, основанная на обмене информацией. Суть любого произведения искусства – информация, обмен ею. Государства обязались уважать права авторов. В статье 27 Всеобщей декларации прав человека 1948 года мы находим: «Каждый человек имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является». Аналогичное положение закреплено и в статье 15 Пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года. Однако следует отметить, что права авторов и исполнителей никогда не были абсолютными. В том или ином объеме предусматривались ограничения таких прав. На наш взгляд, права авторов и исполнителей должны находиться в гармонии с правами пользователей на частную жизнь. Иными словами, пользователь должен иметь возможность использовать частным образом законно приобретенное произведение – читать книгу своим детям, смотреть фильм или слушать музыку в кругу друзей, обмениваться дисками/файлами и т.д. Вмешательство в эту сферу недопустимо, поскольку охраняется двумя важнейшими свободами – правом на частную жизнь и правом собственности*. Кроме того, такое вмешательство будет противоречить здравому смыслу, поскольку создаст ситуацию «авторы против общественного интереса». Необходимо отметить, что законодательства многих стран содержат прямые ограничения прав авторов в указанных ситуациях (например, Бразилия, Венесуэла, Испания, Колумбия, Перу, США).

Кроме того, доктрина «fair use», распространенная в странах с англосаксонской системой права, подразумевает существенные ограниче-

* Хотя авторские права не являются вещными, они тесно взаимосвязаны с последними.

ния прав авторов и исполнителей при условии, что использование произведения *inter alia* происходит без извлечения коммерческой выгоды. Так, например, законодательство США содержит подобные ограничения прав авторов. Практика подтверждает данный подход и более того — расширяет его, позволяя пользователям изготавливать цифровые копии произведения для личных нужд.

Дилемма в том, что если пользователь передал безвозмездно копию произведения соседу, это допустимо, а если он передал копию посредством технологий тысячам человек?

В итоге мы приходим к выводу, что общественные отношения в области авторского права существенно изменились, а «прокрустово ложе» существующего правового режима крайне узко для их адекватного регулирования. Обращаясь к судебной практике, мы констатируем, что ни в Российской Федерации, ни в Республике Беларусь нет ни одного достойного внимания судебного прецедента, связанного с распространением информации в сети Интернет и особенно в пиринговых сетях. В России недавно была предпринята попытка судебного запрета деятельности одного из торрент-треккеров. Решение было вынесено с очевидными процессуальными нарушениями, но интересен и иной факт. Часто сами владельцы сайтов не контролируют (и не могут объективно этого делать), какими файлами обмениваются пользователи и каково их содержание. Привлекать такие компании к ответственности означает то же, что привлекать телефонного оператора за то, что по телефону преступники договорились о совершении преступления. Все это тем более неприятно, что фактически не авторы выступают инициаторами дорогих судебных исков и лоббистами применения государственного аппарата принуждения. Всем этим занимаются крупные транснациональные корпорации, фактически монополизировавшие медиа-рынок.

В качестве примера можно привести известное дело *Corierpresse SCR vs Google IncL*, в котором компания Google попыталась привлечь к ответственности за публикацию в сети Интернет заголовков и подстрочников газетных статей, размещенных на сайтах данных изданий. Сервис был бесплатным для пользователей, а каждая статья представляла собой ссылку, по которой можно было перейти на сайт издания. Примечательно, что не издания были участниками в деле, а посредники, получившие права на коллективное управление авторскими правами. Как правило, сами издания или авторы совсем не против подобной рекламы, наоборот — каждый в ней нуждается. Однако это почти всегда является потенциальной угрозой для посредников, часто выступающих, как в случае с Google, «душителями» технического и общественного

прогресса. А обеспечение выгоды посредников — это совсем не то, чего когда-то добивались создатели международно-правового режима защиты авторских прав и авторы Международного билля о правах человека.

Очевидно, что международно-правовое регулирование отношений в области авторского права не успевает за динамичным развитием современных технологий. Основным вызов бросают технологии, основанные не на стандартной схеме пользователь — посредник — пользователь, а на подходе пользователь — пользователь (*peer-to-peer*).

Основными проблемами здесь являются: размытость термина «распространение» применительно к передаче информации через сеть (неясность правового режима передаваемых пакетов данных), невозможность осуществления контроля за пользователями, поскольку отсутствие коммерческого интереса переносит их действия в сферу личной жизни, наличие правовых режимов в большинстве государств, позволяющих распространять произведения в научных или ознакомительных целях, отсутствие практической возможности привлечения пользователя к ответственности, моральный аспект — деятельность от незаконного воспроизведения произведений причиняет убытки скорее посредникам, а не авторам, ради которых существующая система защиты авторского права и была создана.

Очевидно, что для реального изменения ситуации необходимы пересмотр принципов правового регулирования авторского права, создание системы, основанной на тесном взаимодействии пользователей, а не посредников. Самым худшим вариантом было бы продолжать игнорировать изменения, происходящие в общественных отношениях. Правоприменитель всегда тяготеет к расширению пределов правовой нормы с целью вместить в нее то, что в момент создания нормы не прогнозировалось. Сегодня это ведет к тому, что глобальные идеи, способные порой ускорить мировой прогресс, частично решить проблему севера и юга, не находят практической реализации. Идея создания свободной мировой электронной библиотеки, обработки научных материалов, формирования банков данных с открытым доступом наталкиваются на сопротивление посредников, преследующих свои коммерческие интересы.

3. Война как наиболее масштабное по своему характеру и последствиям общественное явление также изменилась под воздействием информационных технологий. Под влиянием ИТ понятие «поле боя» в буквальном смысле как ограниченное пространство, на котором сталкиваются противоборствующие стороны, утратило свой смысл. В современном вооруженном конфликте стороны все больше опираются на новые средства и методы ведения войны, позволяющие

уменьшить количество персонала в месте столкновения с неприятелем.

Сетевые компьютерные нападения (СКН) уже давно находятся в поле зрения юристов-международников. Профессор Майкл Шмитт (M.N.Schmitt), анализируя СКН, определяет его как не менее опасное оружие, нежели истребитель F-16, оснащенный высокоточным вооружением.

Сетевые компьютерные нападения – термин, введенный в оборот в середине 90-х годов прошлого столетия. В американской доктрине международного права СКН рассматриваются как часть «информационной войны», представляющей собой совокупность информационных операций (ИО). ИО определяются как действия, предпринимаемые для воздействия на информацию и информационные системы противника. СКН определяются как «действия, предпринимаемые через использование компьютерной сети в целях нарушения (disruption), отказа (denial), ухудшения (degradation) или уничтожения (destruction) информации (доступа к ней), содержащейся в компьютерах и компьютерных сетях, или компьютеров и сетей самих по себе».

СКН как деяние за пределами регулирования *jus in bello*, присваиваемое согласно международному праву государству, выделяется тем, что выступает не просто как основание для ответственности государства, но в ряде случаев как противоправный акт с его стороны. Само деяние присваиваемых государству деяний на подпадающие под регулирование *jus in bello* и выходящие за его рамки следует устоявшейся в праве традиции и даже принципу международного права, согласно которому разделяют *jus in bello* и *jus ad (contra) bellum*³. Таким образом, обязательства *jus ad bellum* являются одним из аспектов, подлежащих анализу применительно к отношениям, связанным с СКН. Вслед за *jus ad bellum* следует выделить также иные деяния, не подпадающие под регулирование *jus in bello* и не касающиеся обязательств по применению силы, однако присваиваемые государству в соответствии с правом международной ответственности.

Обозначим некоторые моменты, непосредственно связанные с СКН и требующие детального научного изучения.

Во-первых, подлежит выяснению, в каких случаях, учитывая специфику СКН как объекта исследования, нападение может быть присвоено («атрибутировано») государству.

Во-вторых, необходимо определить, является ли СКН применением силы. Одним из основных обязательств в современном международном праве является обязательство не применять

силу или угрозу силой. Оно является общим и имеет силу обычая. Обязательство не применять силу и угрозу силой нашло отражение в ст. 4(2) Устава ООН. Сложность вопроса заключается в отсутствии единства среди ученых-международников в объеме категории «сила» в смысле ст. 2(4) Устава ООН. В советской доктрине международного права объем понятия был довольно широк, в западной традиции более узок и строго ограничивается вооруженной силой или вообще отрицанием нормативной силы данного принципа. Еще одним важным моментом является необходимость глубокого анализа СКН как общественного отношения и выделения в нем тех черт, которые позволили бы отнести его к категории применения силы независимо от того, на основе какой из существующих доктрин будут построены дальнейшие умозаключения.

В-третьих, если СКН можно считать применением силы, то будет ли оно считаться вооруженным нападением? В каких ситуациях применение СКН можно считать «инцидентом» или, например, «пограничным конфликтом»? Ответ на этот вопрос важен, поскольку определяет объем ответственности государства-инициатора и правовые возможности реагирования государства-жертвы.

В-четвертых, необходимо определить конкретные правовые возможности государства в случае совершения СКН против него. Существует ли правовая возможность задействовать положения ст. 51 Устава ООН (или ст. 5 Договора НАТО) и прибегнуть к самообороне? Вопрос также непрост, поскольку определение самообороны остается крайне неясным. За последние годы интерес к этому институту международного права возрос, однако противоречивая практика государств не позволяет считать дискуссию законченной. Особый интерес в этой связи вызывает возможность применения самообороны против негосударственных акторов.

В-пятых, какова ответственность государства – инициатора СКН? Какие характерные черты СКН возможно создают специфику применения института ответственности в международном праве?

В-шестых, несут ли ответственность государства-посредники, ведь, как правило, СКН осуществляется через инфраструктуру третьих государств. Каковы их обязанности по отношению к государству-инициатору и государству-жертве?

Данные вопросы не являются исчерпывающими. Необходимо подчеркнуть, что именно характерные черты СКН и в частности – особый способ осуществления – передача информационного потока через инфраструктуру множества

³Лат. досл. «право на (против) войны». Представляет собой правовые основания применения (запрета на применение) вооруженной силы в международных отношениях.

государств – представляют собой вызов нормам международного права, рассчитанным на регулирование главным образом «кинетических» отношений.

СКН в свете обязательств государств по *jus in bello* также вызывает особый интерес. В случае начала вооруженного конфликта, а также по ряду обязательств и в мирное время государства связаны положениями международного гуманитарного права. В ст. 1, общей для всех Женевских конвенций 1949 года, государства обязались «соблюдать и заставлять соблюдать конвенции». В связи с этим анализу должны быть подвергнуты любые ситуации, при которых использование СКН отличается от использования уже известных методов и средств ведения войны, а также соответствующие обязательства государств в мирное время. На наш взгляд, можно выделить следующие проблемные моменты.

Во-первых, необходимо изучить механизм действия СКН и ответить на вопрос о том, является ли СКН методом или средством ведения войны. Это позволит определить, должно ли использование СКН подпадать под требования МГП к средствам и методам ведения войны.

Во-вторых, если СКН – это средство или метод ведения войны, то очевидно, что государства в силу положений ст. 36 Протокола I должны осуществлять предварительную экспертизу (до принятия на вооружение) соответствующих технологий.

В-третьих, СКН основано на «информационном» воздействии на объект. Тем не менее, предыдущий опыт человечества был основан на ведении кинетических, а не кибернетических войн. Положения Женевских конвенций 1949 года и дополнительных протоколов могут не учитывать специфику «информационных войн». Необходим детальный анализ положений указанных документов для того, чтобы определить применимость норм МГП к СКН. Например, необходимо отве-

тить на вопросы: кто является комбатантом в вооруженном конфликте с применением СКН, применим ли и в какой части институт непосредственного участия гражданского лица в военных действиях, обладает ли спецификой при СКН институт нейтральных держав, как обеспечить принцип различия и др.?

В-четвертых, необходимо решить гипотетический вопрос о том, что если конфликт между государствами ведется исключительно с применением СКН, возможно это не должно давать права государствам на использование кинетического оружия – по аналогии с *de facto* установившейся традицией не использовать ядерное оружие в ситуациях вооруженного конфликта с применением обычных вооружений.

Как видно из вышеизложенного, СКН является сложным предметом международно-правового анализа. Более того, такой анализ неизбежно будет носить комплексный характер.

Ответ на вопрос о необходимости подобного исследования включает указание на необходимость обеспечения национальной безопасности, необходимость определения возможного поведения государства на международном уровне в случае вовлечения в ситуацию применения СКН, возможность более полно выполнить свои обязательства по международному гуманитарному праву.

Вот всего лишь три примера того, как развитие информационных технологий бросило вызов гражданским и политическим правам граждан, эффективному регулированию частного сектора и вопросу обеспечения военной безопасности государства. Полагаю, что задача ученых – как можно быстрее и эффективнее заполнить лакуны правового регулирования новыми механизмами и нормами, обеспечивающими качественное движение нашего государства к конечной цели – созданию демократического, правового, социального государства.

Дата поступления статьи в редакцию 20.11.2010

ПУБЛИЧНЫЕ ЦЕНТРЫ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: 10 ЛЕТ СПУСТЯ

ДОЛГОПОЛОВА Е.Е.,

заместитель директора Национальной библиотеки Беларуси, кандидат педагогических наук

Рассматриваются основные итоги развития сети публичных центров правовой информации (ПЦПИ) на базе общедоступных библиотек в период 2000–2010 гг. Приводятся количественные данные, характеризующие темпы роста сети и уровень информационно-технологического обеспечения ПЦПИ. Анализируется содержание деятельности ПЦПИ по правовому просвещению граждан. Раскрываются основные факторы, оказывающие негативное влияние на уровень и качество информационных услуг ПЦПИ. Обосновываются мероприятия, способствующие повышению статуса ПЦПИ в информационно-правовой среде.

Main results of legal information public centers' network development (PCLI) are being discussed on the basis of public libraries in 2000–2010 period. Quantitative data defining rate of network growth and information technological PCLI supporting level is specified. The maintenance of PCLI activity on legal education of citizens is being analyzed. Major factors, making negative impact on the level and quality of informational PCLI services are being revealed. Activities encouraging PCLI status rising in informational legal environment are being grounded.

В рамках государственной системы правовой информации Республики Беларусь функционирует сеть публичных центров правовой информации на базе общедоступных библиотек, формирование которой началось в 2000 году. Процесс вовлечения библиотек в правовую информатизацию носил планомерный характер, поскольку опирался на нормативную базу, четко определяющую цели создания ПЦПИ, их принципы и задачи, механизм открытия и функционирования, обязательства государст-

венных органов по обеспечению создания сети ПЦПИ в регионах и совершенствованию их деятельности. Важно отметить, что темпы роста сети на протяжении всего периода ее существования не только не снижались, но и заметно активизировались в последние 3 года. Так, с 2007 года до начала 2010 года количество ПЦПИ увеличилось на 191 % (рис. 1).

Сегодня в республике функционирует 401 центр, что составляет в среднем 3,3 ПЦПИ на одну централизованную библиотечную систему.

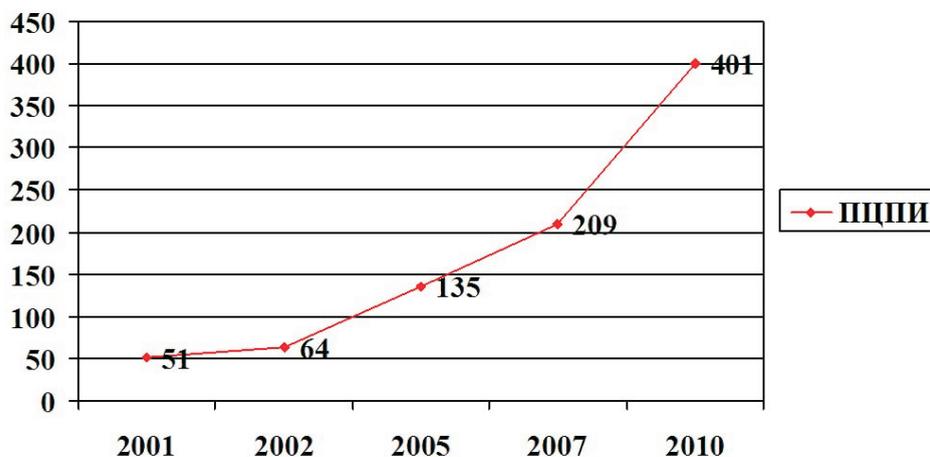

Рис. 1. Динамика развития сети ПЦПИ

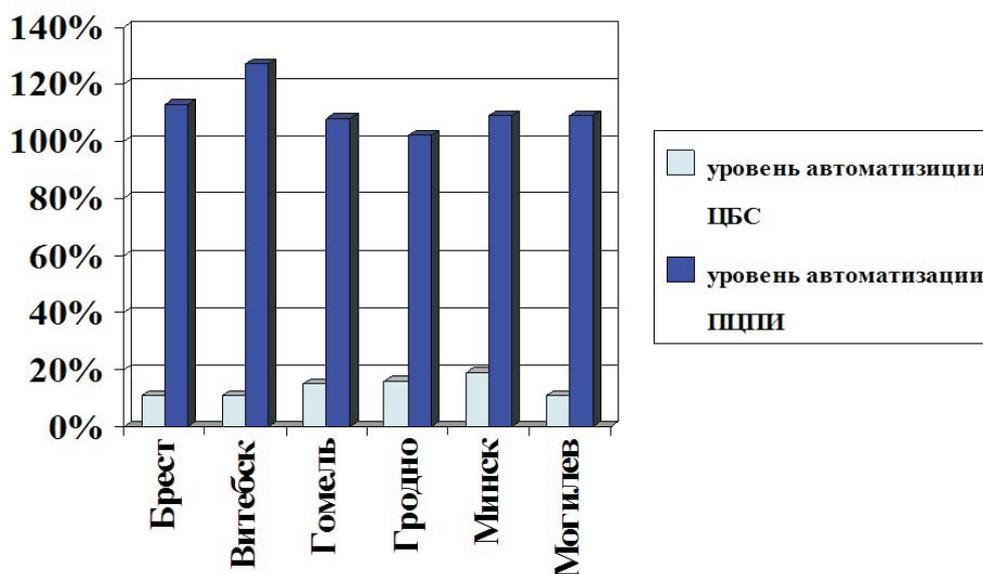

Рис. 2. Уровень автоматизации ПЦПИ

Необходимо отметить, что на всех этапах создания новых центров довольно оперативно решались вопросы их технического оснащения. На фоне общего уровня автоматизации публичных библиотек, составляющем в среднем по республике 13 %, обеспеченность ПЦПИ компьютерной техникой выглядит довольно впечатляюще. В республике нет ни одного центра без автоматизированного рабочего места пользователя (рис. 2).

Проблема обеспечения доступа ПЦПИ к сети Интернет решается не столь планомерно, уровень достигнутых результатов в отдельных регионах существенно отличается (рис. 3).

В то же время нельзя не отметить, что процесс подключения ПЦПИ к сети Интернет в последние годы опережает темпы прироста компьютерного парка. Приняв за 100 % количество функционирующих центров в исследуемый период, мы получим следующий результат (рис. 4).

Наряду с решением организационных и технических аспектов, связанных с формированием сети ПЦПИ, на протяжении 10 лет шло накопление практического опыта в сфере правового просвещения граждан. В настоящее время в содержании деятельности ПЦПИ можно выделить два основных направления:

- накопление информационно-правовых ресурсов на различных видах носителей и обеспечение доступа пользователей к ним;
- формирование правовой культуры граждан посредством различных форм и методов библиотечной и социокультурной деятельности (выставки, встречи с представителями органов местного самоуправления, тематические мероприятия и т.д.).

В рамках второго из названных направлений наиболее ярко проявляется творческий потенциал сотрудников ПЦПИ, и, пожалуй, в государ-

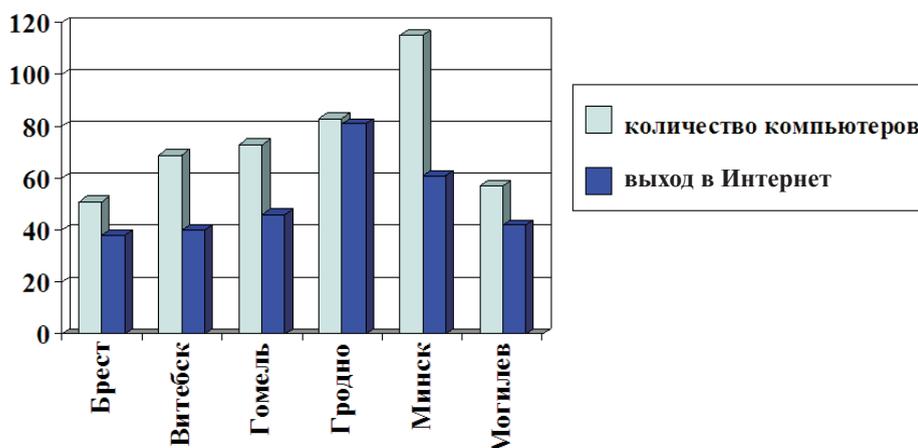

Рис. 3. Выход ПЦПИ в Интернет

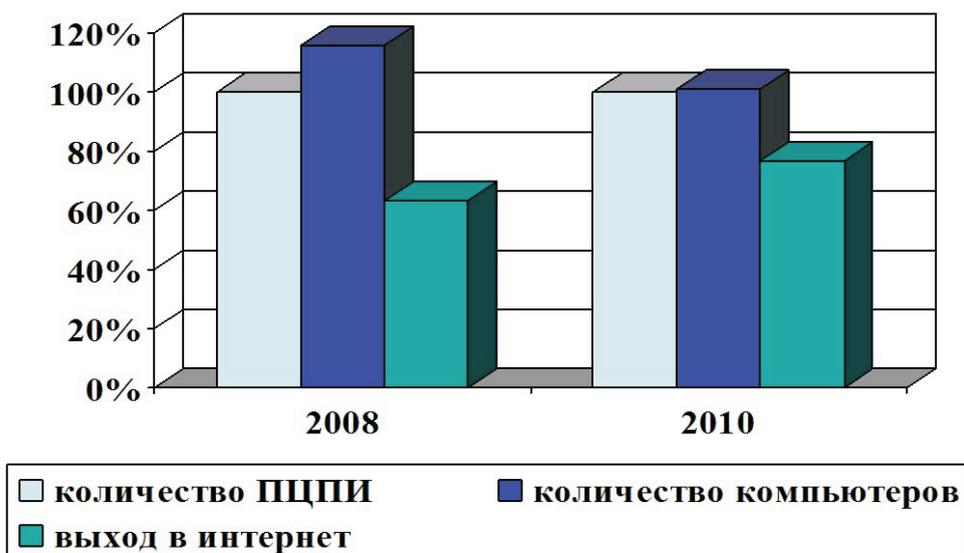

Рис. 4. Динамика автоматизации ПЦПИ

ственной системе правовой информатизации библиотеки являются единственным звеном, активно осуществляющим подобную работу. Не умаляя ее значение, в данной статье основное внимание все же хотелось бы уделить уровню и качеству реализации информационной функции ПЦПИ. Данный вопрос представляется актуальным по следующей причине: в условиях бурного развития web-технологий библиотеки в целом стали утрачивать свою роль базового информационного института общества, и данный процесс не может не затронуть сферу правовой информатизации.

В настоящее время в сети Интернет представлен значительный объем общедоступных правовых информационных ресурсов. Наиболее полный их объем сосредоточен на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь, полные тексты нормативных

актов также довольно широко представлены на официальных сайтах органов государственного управления и органов исполнительной власти. Возможность оперативного и удобного доступа к официальным документам непосредственно с домашнего компьютера постепенно влечет за собой отток пользователей из ПЦПИ (рис. 5).

Если приведенные в диаграмме данные соотносить с темпами роста сети ПЦПИ, то тенденция их снижения будет более наглядной.

Теперь путем простейших математических расчетов вычислим показатели информационного обслуживания пользователей по итогам 2009 года, приходящиеся на один ПЦПИ (см. табл.). Показатели являются весьма усредненными и не дают реальную характеристику работы отдельно взятого центра, признать их эффективными довольно сложно.

Рис. 5. Динамика активности пользователей ПЦПИ

Показатели деятельности ПЦПИ

Регион (область)	Количество ПЦПИ в регионе	Всего пользователей по региону	Всего посещений по региону	Количество пользователей на 1 ПЦПИ	Количество посещений 1 ПЦПИ в год	Количество посещений 1 ПЦПИ в день	Количество посещений ПЦПИ 1 пользователем в год
Брестская	45	6 175	12 213	137	271,4	0,9	2,0
Витебская	54	14 406	31 582	266	584,8	1,9	2,2
Гомельская	67	12 469	27 463	186	409,8	1,3	2,2
Гродненская	81	11 739	19 465	144	240,3	0,7	1,7
Минская	102	14 063	25 484	138	249,8	0,7	1,8
Могилевская	52	5 999	8 116	115	156,0	0,4	1,3
Среднее по республике	—	—	—	164	318,6	0,98	1,8

К настоящему времени сложилась стабильная структура информационных услуг ПЦПИ, включающая выдачу печатных документов правового характера, выполнение библиографических справок, организацию доступа к электронным ресурсам и консультационную юридическую помощь (рис. 6).

Представленная диаграмма наглядно свидетельствует о преобладании традиционной выдачи документов в структуре услуг. Обращений к электронным правовым ресурсам в 4,3 раза меньше, чем обращений к печатным источникам, хотя банк данных «Эталон» имеется в каждом ПЦПИ, а многие из них имеют выход в Интернет. Более того, динамику развития услуг – «не лидеров» в последние годы нельзя назвать положительной (рис. 7).

Таким образом, на одно посещение ПЦПИ в среднем приходится: 2,6 выданного печатного источника; 0,6 обращения к электронным ресурсам, 0,73 справки и 0,01 консультации юриста.

Результаты предпринятого нами анализа показывают, что в организационном и техническом

отношении ПЦПИ стабильно развиваются, однако в содержании их работы имеются тенденции, наводящие на размышления. Почему при практически двойном увеличении сети не наблюдается роста востребованности услуг ПЦПИ со стороны населения? Частично на этот вопрос мы ответили, обосновывая актуальность темы публикации – ПЦПИ функционируют в условиях конкуренции с сетевыми правовыми ресурсами. Данный фактор является важным, но не единственным. Можно выделить как минимум еще две группы причин.

Группа первая. Прирост сети в последнее время обеспечивался главным образом за счет открытия ПЦПИ в библиотеках агрогородков, где численность жителей составляет в среднем 1–2 тыс. человек. Эффективным показателем охвата населения библиотечным обслуживанием считается 40–45 %. Однако и этот уровень достигается при определенном социально-демографическом составе жителей. Дело в том, что в настоящее время самыми активными пользователями библиотек как в нашей стране, так и за

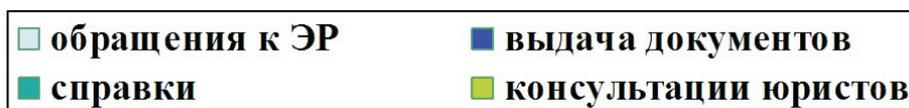
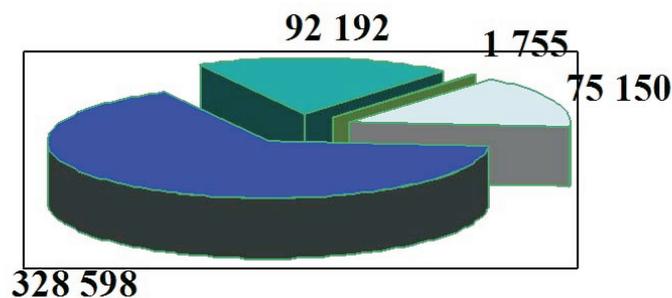

Рис. 6. Структура услуг ПЦПИ

Рис. 7. Динамика развития услуг ПЦПИ

рубежом являются студенты и специалисты с высшим образованием. На их долю в составе читательской аудитории приходится от 50 % до 90 %. Но запросы правовой тематики даже у этой активной категории пользователей возникают не всегда. Данное утверждение проиллюстрируем примером из опыта обслуживания Национальной библиотеки: только 30 % из общего числа зарегистрированных студентов в течение учебного года обращается к услугам зала правовой информации.

Посмею предположить, что в практике библиотек агрогородков этот показатель гораздо ниже. Обратимся к материалам республиканского семинара «Перспективы развития публичных центров правовой информации в Республике Беларусь», который состоялся в Гомеле в сентябре 2010 года. В одном из докладов [1] приводятся следующие данные: общее количество пользователей девяти ПЦПИ, созданных в агрогородках, составляет 393 человека, а число жителей этих агрогородков совокупно превышает 20 000. Сопоставляем эти цифры и получаем уровень охвата населения – 0,1 %, что в общем-то более правдоподобно для населенного пункта, где преобладающим большинством являются люди, имеющие рабочую специальность, чем показатель охвата в 54 %, который указан в другом докладе [2].

Качественное комплектование библиотек в условиях постоянного роста цен на печатную продукцию и электронные ресурсы с каждым годом становится все более сложной проблемой. Приобретение источников правовой информации осуществляется в рамках общего объема финансирования по данной статье расходов и, следовательно, не всегда может обеспечиваться с должной полнотой. Качество ресурсной базы ПЦПИ определяет его привлекательность для

пользователей. В этом отношении показательны результаты анкетирования, проведенного в Гомельской области: 52 % пользователей лишь частично удовлетворены литературой правовой тематики, которой укомплектованы ПЦПИ [3].

Модернизация сельских библиотек началась сравнительно недавно и многие специалисты, работающие в них, оказались профессионально не готовы к внедрению компьютерных технологий. Проблема повышения квалификации сельских библиотекарей практически полностью легла на областные библиотеки. В целом же по республике системное решение этого вопроса не обеспечено. Библиотекарь, слабо ориентирующийся в локальных и сетевых электронных ресурсах, не может обеспечить качественное обслуживание пользователей. Позволю себе еще раз сослаться на итоги упоминавшегося выше анкетирования: 24 % пользователей ПЦПИ не могут самостоятельно ориентироваться в базах данных и столько же лишь частично умеют осуществлять поиск [3].

Группа вторая. Значительное количество пользователей, получая доступ к тексту нормативного правового акта, хотят одновременно получить комментарий либо консультацию юриста по практике его применения. Такая тенденция отражается на итогах работы ПЦПИ. Так, в центрах, которые предоставляют доступ не только к эталонному банку данных правовой информации, но и другим электронным ресурсам правового характера, пользователи отдают предпочтение тем, в которых содержатся комментарии. Соотношение обращений к ИПС «Эталон» и, например, системе «КонсультантПлюс» может достигать 1 к 7. В тех ПЦПИ, где эталонный банк является единственным электронным ресурсом, многие пользователи остаются неудовлетворенными результатами работы с ним [3].

Рейтинг популярности ПЦПИ, которым удалось наладить сотрудничество с юридическими консультациями, отделениями белорусской коллегии адвокатов, гораздо выше среди населения, нежели у других центров. Пожалуй, единственной категорией пользователей, которая не нуждается в профессиональной юридической помощи, являются студенты профильных специальностей.

Эта группа проблем бурно обсуждалась на сентябрьском семинаре. Участниками высказывались кардинально противоположные мнения, каждое из которых имело рациональную основу. С одной стороны, абсолютно верно, что юридическая поддержка не является функцией ПЦПИ, с другой – нельзя отрицать, что пользователь с низкой правовой культурой не способен к самостоятельной работе с текстом нормативного правового акта. Какое звено в государственной системе правовой информатизации обеспечивает такой социально ориентированный подход к правовому просвещению, который сегодня воплощен, например, в «юридической клинике» Гродненской областной научной библиотеки [4]? Впрочем, этот вопрос и обсуждать бы не стоило, если бы во всех регионах юристы активно шли на контакт с ПЦПИ – осваивать дополнительные к уставным функции библиотекам не внове.

Понятно желание библиотекарей предоставить своим пользователям максимальное количество комментариев к нормативным актам. Но также заставляют задуматься разъяснения специалистов Национального центра правовой информации в отношении качества и объективности того или иного комментария. Возможно, в этой ситуации принцип «не навреди» более важен, чем установка «помогу, чем могу». Однако готов ли это понять наш пользователь?

Наличие определенных проблем не является основанием для отрицательной оценки деятельности ПЦПИ, а отсутствие однозначных реше-

ний по ряду проблемных вопросов не означает их неразрешимость. Библиотека – это социальный институт, который должен постоянно адаптироваться к социальным, экономическим и информационно-технологическим процессам, происходящим в обществе. ПЦПИ также должны гибко реагировать на все изменения в информационно-правовой сфере и предлагать пользователям новые виды и формы услуг. Поступательное развитие ПЦПИ должно базироваться на систематическом мониторинге результатов их работы и выработке методических решений на уровне всей республики. Однако сегодня выполнение этой задачи затруднено. В официальную статистическую форму 6-НК данные о деятельности ПЦПИ не включаются, что не позволяет осуществлять многоаспектный и, что особенно важно, объективный анализ их работы. Отсутствуют критерии оценки качества деятельности ПЦПИ по различным параметрам – как формальным, так и содержательным.

В этих условиях представляется очень актуальным решение о создании постоянно действующей рабочей группы из представителей Национального центра правовой информации Республики Беларусь, Министерства культуры Республики Беларусь, Министерства юстиции Республики Беларусь, Национальной библиотеки Беларуси с целью оперативной координации деятельности указанных государственных органов и организаций по оперативному и комплексному решению вопросов развития деятельности публичных центров правовой информации, которое было принято по итогам республиканского семинара, посвященного деятельности ПЦПИ.

Совместная работа всех звеньев системы правовой информатизации может дать новый импульс для дальнейшего развития ПЦПИ и формирования их устойчивого позитивного имиджа среди населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Невдах, Л.И. Информационно-правовое обеспечение в условиях сельской местности / Л.И. Невдах // Деятельность публичных центров правовой информации по правовому просвещению граждан [Электронный ресурс]: материалы респ. семинара, 22–23 сент. 2010 г., Гомель. – [Минск]: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2010. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
2. Дикун, Е.А. Работа публичного центра правовой информации в Стрешинской горпоселковой библиотеке Жлобинской районной централизованной библиотечной системы / Е.А. Дикун // Деятельность публичных центров правовой информации по правовому просвещению граждан [Электронный ресурс]: материалы респ. семинара, 22–23 сент. 2010 г., Гомель. – [Минск]: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2010. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. Щерба, И.О. Публичные центры правовой информации Гомельской области как фундамент доступности к информационным ресурсам государственной власти / И.О. Щерба // Деятельность пуб-

личных центров правовой информации по правовому просвещению граждан [Электронный ресурс]: материалы респ. семинара, 22–23 сент. 2010 г., Гомель. – [Минск]: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2010. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

4. Корочкин, А.Ю. Перспективы взаимодействия публичных центров правовой информации и системы хозяйственных судов Республики Беларусь / А.Ю. Корочкин // Деятельность публичных центров правовой информации по правовому просвещению граждан [Электронный ресурс]: материалы респ. семинара, 22–23 сентября 2010 г., Гомель. – [Минск]: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2010. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Дата поступления статьи в редакцию 27.10.2010

ОБЗОР III МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО (ПРАВОВАЯ ИНФОРМАТИЗАЦИЯ – 2010)»

25 ноября 2010 г. в Национальной библиотеке Беларуси состоялась III Международная научно-практическая конференция «Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2010)», организованная Национальным центром правовой информации Республики Беларусь и Кафедрой ЮНЕСКО по информационным технологиям и праву Национального центра правовой информации Республики Беларусь с целью обсуждения актуальных вопросов, а также обмена опытом в сфере правовой информатизации и обеспечения доступа к официальной правовой информации.

Участниками очередного международного форума стали представители Администрации Президента Республики Беларусь, секретариатов Палаты представителей и Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Министерства юстиции Республики Беларусь, Министерства связи и информатизации Республики Беларусь, Министерства культуры Республики Беларусь, а также представители иных государственных органов и организаций, общественных объединений, организаций-распространителей правовой информации, научные работники, профессорско-преподавательский состав учреждений образования.

В числе представителей иностранных и международных организаций, принявших участие в конференции, – представители Интеграционного Комитета ЕврАзЭС, Германского Фонда международного правового сотрудничества, Научно-технического центра правовой информации «Система» Федеральной Службы Охраны Российской Федерации, Научного центра правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации, республиканского государственного предприятия «Республиканский центр правовой информации» Министерства юстиции Республики Казахстан, Российской государственной библиотеки, а также специалисты в сфере правовой информатизации из Российской Федерации, Казахстана, Украины, Латвии, Литвы.

Тематическое поле конференции предполагало рассмотрение широкого круга вопросов относительно:

- развития и совершенствования государственной системы правовой информации Республики Беларусь;
- актуальных проблем совершенствования законодательства в сфере правовой информатизации;
- отечественного и зарубежного опыта распространения и предоставления правовой информации;
- совершенствования лингвистического обеспечения баз и банков данных правовой информации;
- прикладных аспектов использования современных информационных технологий в юридической деятельности;
- межгосударственного обмена правовой информацией.

С приветственным словом к участникам конференции и пожеланиями плодотворной работы обратился Заместитель Главы Администрации Президента Республики Беларусь В.В.Мицкевич, отметивший актуальность и необходимость рассмотрения процессов развития правовой информатизации как неотъемлемой составляющей информационного общества.

В докладе директора Национального центра правовой информации Республики Беларусь О.Э.Кравцова «Государственная система правовой информации Республики Беларусь – ключевое звено информационно-правовой политики государства» была представлена информация об основных направлениях деятельности Центра по развитию и совершенствованию государственной системы правовой информации в Республике Беларусь, дан анализ отдельных аспектов функционирования вышеназванной системы как неотъемлемой составляющей информационно-правовой политики государства, освещены отдельные вопросы межгосударственного обмена правовой информацией.

Одним из направлений внешней политики Республики Беларусь является содействие интеграции нашего государства в мировое информационное пространство, поддержка взаимовы-

годного международного сотрудничества в области информации и информатизации. Отдельным аспектам решения вышеназванных задач был посвящен доклад первого заместителя Министра юстиции Республики Беларусь А.В.Билейчика «Межгосударственный обмен правовой информацией: перспективы развития», в котором были раскрыты основные направления деятельности Министерства юстиции Республики Беларусь по реализации государственной политики в сфере международного обмена информацией, представлен анализ современного состояния и перспектив развития межгосударственного обмена правовой информацией в рамках межгосударственных объединений и договорно-правовой базы международного сотрудничества в правовой сфере.

Председатель Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь В.С.Каменков выступил с докладом «Развитие «электронного правосудия» — одна из важнейших задач правовой информатизации хозяйственных судов Республики Беларусь», проинформировав об актуальных вопросах развития информационных систем и технологий, применяемых в системе экономического правосудия Республики Беларусь.

В докладах начальника управления учреждений культуры и народного творчества Министерства культуры Республики Беларусь В.Н.Шевелева, заместителя директора Национальной библиотеки Беларуси Е.Е.Долгополовой и заведующей отделом официальных и нормативных изданий Российской государственной библиотеки Э.А.Восканян участникам была представлена информация об основных проблемах развития системы доступа граждан к оперативной правовой информации посредством создания и функционирования публичных центров правовой информации на базе публичных библиотек Республики Беларусь и Российской Федерации, а также об инновационных формах информационного обслуживания граждан на примере деятельности Национальной библиотеки Беларуси и Российской государственной библиотеки.

Об истории создания системы «Нормативные правовые акты Российской Федерации» Единой системы информационно-телекоммуникационного обеспечения Министерства юстиции Российской Федерации, об организации информационных потоков в рамках данной системы, а также о перспективах ее развития рассказал начальник отдела разработки программного обеспечения информационных систем Научного центра правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации Н.Ю.Благовецкий.

Об основных направлениях и перспективах развития правовой информатизации в Казахстане участникам форума сообщил директор республиканского государственного предпри-

ятия «Республиканский центр правовой информации» Министерства юстиции Республики Казахстан Е.К.Оспанов.

Актуальным вопросам совершенствования системы обмена правовой информацией в рамках ЕврАзЭС был посвящен доклад заместителя Руководителя Правового департамента Секретариата Интеграционного Комитета ЕврАзЭС К.М.Малдыбаева.

С правовым регулированием общественных отношений в сфере правовой информатизации в Республике Беларусь участников конференции ознакомила начальник сектора правового обеспечения и кадров Департамента информатизации Министерства связи и информатизации Республики Беларусь Е.П.Щербацевич.

Вопросы информационного обеспечения контрольно-надзорной деятельности в Республике Беларусь осветил заместитель руководителя института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь И.И.Мах.

На отдельных аспектах современного международного права и информационных технологий акцентировал внимание в своем докладе первый проректор УО ФПБ «Международный институт трудовых и социальных отношений» А.Л.Козик.

Генеральный директор ООО «ЮрСпектр» О.В.Сломенец в своем докладе рассказал о потребностях пользователей правовых систем на рынке Республики Беларусь.

Также в ходе конференции благодаря выступлению директора акционерного общества «Lexnet» Таураса Пестининкаса участникам предоставилась возможность ознакомиться с опытом создания баз данных в судебной системе Литвы.

Опыт и перспективы компании LURSOFT (Латвия) в направлении разработки IT-технологий представил советник данной компании А.А.Брувелис.

Конференция позволила участникам обменяться мнениями по вопросам использования современных информационных технологий в правовой системе государства в целях формирования информационно-правового пространства и обеспечения равного доступа к правовой информации.

Основные решения, принятые по результатам рассмотрения проблем правовой информатизации с целью реализации ее перспективных направлений, составили основу принятого участниками Итогового документа конференции.

В Итоговом документе участники конференции определили и предложили для учета при разработке и внедрении в практику систем правовой информации, технологий «электронного правительства» в качестве приоритетных сле-

дующие направления деятельности по развитию правовой информатизации:

разработку и последовательную реализацию научно обоснованных подходов, проектов и программ, направленных на формирование единого информационно-правового пространства каждого государства и согласованного информационно-правового пространства в рамках межгосударственных образований;

последовательное формирование и развитие национальных и региональных (межрегиональных) систем правовой информации, в том числе путем создания и совершенствования банков данных правовой информации, содержащих также решения органов власти всех уровней, результаты правоприменительной деятельности государственных органов, официальные переводы нормативных правовых актов и др.;

совершенствование законодательств государств в сфере правовой информатизации с учетом определения на национальных уровнях организационно-правовых основ (принципов) государственной политики в области правовой ин-

форматизации и создания систем правовой информации на базе современных информационных технологий;

имплементацию в национальные законодательства основных положений Рекомендаций ЮНЕСКО «О развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству», а также разработанных ЮНЕСКО Руководящих принципов по развитию и содействию правительственной информации, являющейся общественным достоянием, создание правовых механизмов, обеспечивающих гарантии доступа к правовой информации и информации о деятельности государственных органов;

формирование единых концептуальных подходов и развитие международного сотрудничества в области подготовки высококвалифицированных специалистов в сфере правовой информатизации;

развитие системы межгосударственного обмена правовой информацией в целях формирования единого информационно-правового пространства.

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ III МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО- ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО (ПРАВОВАЯ ИНФОРМАТИЗАЦИЯ – 2010)»

25 ноября 2010 г., г. Минск, Республика Беларусь

Участники III Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2010)», проведенной Национальным центром правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ) при содействии Кафедры ЮНЕСКО по информационным технологиям и праву НЦПИ,

при участии ученых и практиков из Беларуси, Казахстана, Латвии, Литвы, Российской Федерации, Украины,

руководствуясь Декларацией принципов Всемирного саммита по информационному обществу и Всеобщей декларацией прав человека,

принимая во внимание международно-правовые документы Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, в частности Рекомендации ЮНЕСКО «О развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству», а также руководящие принципы по развитию и содействию правительственной информации, являющейся общественным достоянием,

осознавая необходимость рассмотрения процессов развития правовой информатизации как неотъемлемой составляющей формирования информационного общества,

заслушав и обсудив доклады и сообщения участников конференции,

отмечают:

безусловную актуальность рассмотренных на конференции проблем и направлений развития правовой информатизации, в том числе посредством международного сотрудничества;

последовательную реализацию НЦПИ решений прошедших в 2002 и 2004 годах Международных научно-практических конференций «Современные компьютерные технологии в системах правовой информации (Правовая информатизация – 2002)» и «Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2004)», а также достигнутые результаты в развитии правовой информатизации в Республике Беларусь;

наличие прогрессивных тенденций и эффективность функционирования государственной системы правовой информации, созданной в Республике Беларусь на основе внедрения современных информационных технологий;

эффективность функционирования систем правовой информации и правовой информатизации в странах, представители которых приняли участие в конференции;

совершенствование информационно-правового обеспечения государственных органов Республики Беларусь за счет внедрения автоматизированных систем и банков данных правовой информации;

необходимость:

координации со стороны государства научно-го и кадрового обеспечения процессов правовой информатизации на уровне национальных, региональных и межрегиональных программ;

дальнейшего развития информационно-правовых ресурсов государственной системы правовой информации Республики Беларусь;

создания информационно-правовых ресурсов, обеспечивающих переводы юридических терминов как на государственные языки, так и на наиболее распространенные иностранные языки;

обеспечения общедоступности правовой информации посредством создания и развития сети публичных центров правовой информации, центров эталонной правовой информации с учетом опыта НЦПИ путем использования телекоммуникационных систем и технологий, а также технологий, применяемых при создании «электронных правительств»;

совершенствования системы информационно-правового обучения специалистов неюридического профиля, в том числе путем организации соответствующих образовательных мероприятий;

организации мероприятий (круглых столов) по обмену опытом создания информационно-правовых ресурсов между государственными органами и иными организациями и НЦПИ;

принятия на национальном и международном уровнях соответствующих правовых, организационных, технических и иных мер по повышению надежности и безопасности правовых информационных технологий;

дальнейшего развития международного сотрудничества в области правовой информатизации и создания единого информационно-правового пространства в рамках существующих межгосударственных объединений.

Подчеркивая значимость обсуждаемых проблем правовой информатизации, участники конференции констатируют, что:

широкое применение информационных технологий во всех областях жизнедеятельности человека, в том числе в правовой сфере, существенно влияет на мировое развитие, создает важные предпосылки для крупных экономических и социальных преобразований и способствует формированию информационного общества;

на всех этапах правовой информатизации особое значение приобретают процессы правовой информированности граждан, что является одним из приоритетных факторов динамичного развития цивилизованного государства;

дальнейшее проведение эффективной государственной информационной политики и развитие законодательства в области правовой информатизации будут способствовать расширению доступа к правовой информации и информации о деятельности государственных органов;

информационные технологии в правовой сфере должны быть направлены, прежде всего, на обеспечение доступа к правовой информации широких слоев населения, в том числе несовершеннолетних граждан и лиц с ограниченными возможностями.

Конференция определяет и предлагает для учета при разработке и внедрении в практику государственных систем правовой информации, технологий «электронного правительства» в качестве приоритетных следующие направления деятельности по развитию правовой информатизации:

разработку и последовательную реализацию научно обоснованных подходов, проектов и программ, направленных на формирование единого информационно-правового пространства каждого государства и согласованного информацион-

но-правового пространства в рамках межгосударственных образований;

последовательное формирование и развитие национальных и региональных (межрегиональных) систем правовой информации, в том числе путем создания и совершенствования банков данных правовой информации, содержащих также решения органов власти всех уровней, результаты правоприменительной деятельности государственных органов, официальные переводы нормативных правовых актов и др.;

совершенствование законодательства государств в сфере правовой информатизации с учетом определения на национальных уровнях организационно-правовых основ (принципов) государственной политики в области правовой информатизации и создания систем правовой информации на базе современных информационных технологий;

имплементацию в национальные законодательства основных положений Рекомендаций ЮНЕСКО «О развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству», а также разработанных ЮНЕСКО руководящих принципов по развитию и содействию правительственной информации, являющейся общественным достоянием, создание правовых механизмов, обеспечивающих гарантии доступа к правовой информации и информации о деятельности государственных органов;

формирование единых концептуальных подходов и развитие международного сотрудничества в области подготовки специалистов в сфере правовой информатизации;

развитие системы межгосударственного обмена правовой информацией в целях формирования единого информационно-правового пространства.

Участники III Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2010)» убеждены, что реализация указанных приоритетных направлений развития правовой информатизации станет значительным вкладом в процессы формирования информационно-правового пространства каждого государства, а также информационного общества.

Оргкомитет конференции

УДК 340:004.9

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ – КЛЮЧЕВОЕ ЗВЕНО ИНФОРМАЦИОННО- ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

КРАВЦОВ О.Э.,

директор Национального центра правовой информации Республики Беларусь

Анализируются сущность и основные направления функционирования государственной системы правовой информации Республики Беларусь (ГСПИ) как неотъемлемой составляющей информационно-правовой политики государства.

This article examines the nature and main directions of the functioning of the State System of Legal Information of the Republic of Belarus (SSLI) as an integral component of information and legal policy of the state.

Цель государства в целенаправленном проведении информационно-правовой политики – обеспечение развития информационного общества, в том числе и через разработку информационно-правовых ресурсов, использование информационных технологий, средств телекоммуникации при их создании, распространении правовой информации и организации информационно-правового обеспечения государственных органов, иных организаций и граждан.

Для реализации этих целей в республике создана и развивается государственная система правовой информации Республики Беларусь (далее – ГСПИ), которая представляет собой организованную совокупность государственных информационно-правовых ресурсов, информационных технологий, коммуникационной среды, государственных органов, Национального центра правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ) и иных государственных организаций, осуществляющих деятельность по сбору, учету, хранению, систематизации и распространению правовой информации.

Основу ГСПИ составляют:

- программно-технический и технологический комплекс формирования баз и банков данных правовой информации;
- организованная совокупность информационно-правовых ресурсов ГСПИ, имеющих госу-

дарственное значение, и их компонентов: Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, Единый правовой классификатор Республики Беларусь, Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, Детский правовой сайт;

- система межгосударственного обмена правовой информацией;
- система распространения правовой информации во главе с НЦПИ и его филиалами – региональными центрами правовой информации, сеть как публичных центров правовой информации, так и центров эталонной правовой информации (центров доступа к правовой информации) по всей республике, и организации, осуществляющие распространение правовой информации, деятельность которых организована на основе партнерства и сотрудничества с НЦПИ.

ГСПИ основана на принципах открытости, динамичности развития, доступности информационно-правовых ресурсов, взаимодействия с информационными системами государственных органов и организаций, использования достижений в области новейших информационных технологий, организации внутреннего и внешнего взаимодействия и межгосударственного сотрудничества, отечественных разработок программно-технического и технологического обеспече-

ния правовой информатизации для осуществления информационно-правовой деятельности.

Системно-комплексное решение задачи по формированию ГСПИ потребовало в первую очередь создания государственной структуры, обеспечивающей потребности общества и государства в правовой информации.

Начало в создании этой системы было положено образованием в 1997 году в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 30 июня 1997 г. № 338 Национального центра правовой информации Республики Беларусь – центрального государственного научно-практического учреждения, осуществляющего сбор, хранение, систематизацию, предоставление и распространение эталонной правовой информации, а также официальное опубликование правовых актов.

Основными задачами НЦПИ являются:

- обеспечение функционирования и развития ГСПИ;
- формирование и ведение эталонного банка данных правовой информации и иных информационно-правовых ресурсов;
- предоставление и распространение эталонной правовой информации, а также официальное опубликование правовых актов;
- участие в координации деятельности по распространению правовой информации в Республике Беларусь;
- участие в подготовке проектов нормативных правовых актов, развитии и совершенствовании юридической терминологии на русском, белорусском языках и ее переводе на иностранные языки;
- проведение научных исследований в области правовой информатизации;
- обеспечение межгосударственного обмена правовой информацией.

Основные направления функционирования ГСПИ.

Формирование и ведение эталонного банка данных правовой информации и иных информационно-правовых ресурсов НЦПИ.

Для создания информационно-правовых ресурсов в республике была реализована задача по аккумуляции в Центре принятых (изданных) нормативных правовых актов. Это позволило приступить к созданию эталонного банка данных правовой информации – информационно-правового ресурса, имеющего государственное значение, который был разработан в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 февраля 1994 г. № 50 и принят в эксплуатацию в июне 1997 года.

Эталонный банк данных правовой информации (далее – ЭБДПИ) по своей сути является сводом законодательства Республики Беларусь в электронном виде, его информационную среду составляют почти 130 тысяч документов.

В текущем году начинается внедрение новой версии этой системы (версия 6.1), в которой впервые на основе применения инструментально-программного комплекса смысловой обработки текстов реализована возможность осуществления неофициального перевода текстов правовых актов или их фрагментов с русского языка на белорусский и наоборот.

В 2011 году планируется модернизировать поисковые возможности, исходя из того, что они должны, прежде всего, выражаться в отказе от работы с символьными обозначениями и в переходе на полнотекстовый поиск с учетом морфологии русского и белорусского языков. Кроме того, будет обеспечен двуязычный поиск, который позволит находить документы на русском и белорусском языках независимо от того, на каком языке введен поисковый запрос.

Для обеспечения возможности подготовки текстов правовых актов в электронном виде, содержащих графические объекты (иллюстрации, схемы, диаграммы и др.) и формулы, разработана новая схема обработки таких документов, реализованная в виде опытного образца в технологии ведения ЭБДПИ. Это позволит обеспечить соответствие текстов правовых актов, размещенных в банке данных, подписанным подлинникам, что в свою очередь соответствует требованиям законодательства (пункт 4 Положения об официальном опубликовании и вступлении в силу правовых актов Республики Беларусь, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 10 декабря 1998 г. № 22). Реализация данного подхода позволит пользователям в полном объеме использовать ЭБДПИ в повседневной работе без привлечения для этого иных источников информации.

В настоящее время в НЦПИ завершено проведение научно-исследовательской работы по разработке технологии формирования и ведения банков данных правовой информации в государственных органах республики. В ходе проведения данной работы создано средство ведения, которое апробировано в ряде государственных органов. Основной целью этой работы является создание адаптированной коммуникационной среды, позволяющей государственным органам осуществлять формирование, ведение и актуализацию банков данных правовой информации, а также обеспечить единообразное оформление и единство технологии представления в Центр правовых актов в электронной форме для последующей их регистрации в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь и включения в информационный массив эталонного и иных банков данных правовой информации, формируемых Центром.

Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 609 НЦПИ создан и функционирует Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, являющийся основным государственным ресурсом глобальной компьютерной сети Интернет в области права и правовой информации.

В настоящее время информация в области права и правовой информатизации предоставляется на портале бесплатно. Она сосредоточена в 14 тематических блоках или рубриках и по объему сравнима с многотомной энциклопедией. Наибольший интерес для пользователей, безусловно, представляют материалы рубрики «Правовая информация». Основным источником информации для этого раздела – банки данных правовой информации, формируемые НЦПИ. Размещенная интернет-версия ЭБДПИ предоставляет доступ более чем к 30 тысячам правовых актов.

Также на портале представлен Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь не только как система учета (в виде ежедневно обновляемых перечней правовых актов, зарегистрированных в реестре), но и как официальное издание (обеспечено размещение копий номеров официального периодического печатного издания «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь» и его электронной версии).

При этом портал обслуживает не только тех пользователей, которые обращаются непосредственно к нему. Так как тексты правовых актов на нем приводятся в контрольное состояние ежедневно, то на многих сайтах, в том числе сайтах государственных органов, непосредственно тексты правовых актов не размещаются, а формируются только тематические списки со ссылками на портал.

Концентрация правовой информации, единство методологических и программно-технологических подходов к ее систематизации как главные принципы построения единой общегосударственной системы учета правовых актов реализованы в процессах формирования и ведения Национального реестра правовых актов Республики Беларусь.

Осуществление сбора правовых актов для формирования информационной среды ЭБДПИ потребовало создать систему государственного учета и регистрации нормативных правовых актов. С этой целью создан Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, положение о котором было утверждено Указом Президента Республики Беларусь от 20 июля 1998 г. № 369.

Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь представляет собой систему учета правовых актов, которая в свое время была воспринята на уровне стран Содружества Независимых Государств, отражена в Концепции Единого реестра правовых актов и других документов Содружества Независимых Госу-

дарств и реализована при непосредственном участии НЦПИ.

Сегодня можно констатировать, что посредством реестра как одного из информационно-правовых ресурсов ГСПИ, формируемого с 1999 года, завершена «инвентаризация» законодательства и создана целостная и динамичная система учета правовых актов.

В настоящее время реестр содержит более 90 000 правовых актов, причем более 15 000 из них – это правовые акты, принятые до момента учреждения реестра и включенные в него в результате проведения государственными органами Республики Беларусь «инвентаризации» действующего законодательства начиная с 1919 года.

Электронной версии официального периодического печатного издания «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь», размещенной на правовом портале в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 28 февраля 2006 г. № 4 и Указом Президента Республики Беларусь от 28 февраля 2006 г. № 124, придан статус источника официального опубликования нормативных правовых актов.

Помимо учета и регистрации правовых актов была организована работа по систематизации национального законодательства для упорядочения информационных массивов ЭБДПИ и создания системы отечественного законодательства с унифицированной системой поиска правовой информации в информационной среде в нем.

С этой целью НЦПИ разработан и поддерживается в актуальном состоянии Единый правовой классификатор Республики Беларусь, который утвержден Указом Президента Республики Беларусь от 4 января 1999 г. № 1.

Универсальный характер Единого правового классификатора как особой формы систематизации законодательства использован в банке данных правовой информации «Свод законов Республики Беларусь», в результате чего были достигнуты согласованность структур Свода законов и данного классификатора, а также сопряжение с ЭБДПИ.

К иным ресурсам государственной правовой информации относится Детский правовой сайт. Данный информационный ресурс для детей и подростков по правовой тематике (mir.pravo.by) разработан Центром по инициативе Администрации Президента Республики Беларусь и с августа 2008 года введен в эксплуатацию в рамках развития правового просвещения несовершеннолетних.

Основной целью его создания явилась необходимость формирования адаптированной интерактивной среды, позволяющей детям получать необходимые систематизированные правовые знания о правомерном поведении, выработке практических навыков разрешения конфликтных ситуаций правовыми средствами.

Реализация проекта обеспечила присутствие в глобальной компьютерной сети Интернет нового востребованного информационного ресурса ГСПИ, что подтверждается значительным к нему интересом посетителей всех возрастных категорий как в Республике Беларусь, так и за рубежом.

Следующее направление входит в сферу задач интенсивного развития и совершенствования государством регионального уровня системы правовой информации, в том числе через создание баз данных правовой информации местных органов власти. В этой связи на основе разработанной технологии, обеспечивающей сбор правовых актов, их обработку, систематизацию и обновление, НЦПИ успешно реализует проект по созданию и актуализации региональных банков данных правовых актов областных Советов депутатов и соответствующих исполкомов, а также ряда районных и городских исполнительных комитетов.

В целях обеспечения надлежащей реализации конституционного права граждан на получение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности органов местного управления и самоуправления, повышения качества нормотворческой деятельности, результативности работы местных Советов НЦПИ осуществляется включение в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь правовых актов органов местного управления и самоуправления, поступивших после проведения обязательной юридической экспертизы.

В целях обеспечения оптимизации деятельности по распространению (предоставлению) правовой информации, а также в связи с отменой Указом Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 с 1 января 2011 года лицензирования распространения правовой информации НЦПИ подготовлен проект Указа Президента Республики Беларусь «О совершенствовании государственной системы правовой информации Республики Беларусь».

Подготовка данного проекта Указа и утвержденного им Положения о деятельности по распространению (предоставлению) правовой информации в Республике Беларусь связана с необходимостью формирования эффективной системы взаимодействия государственных органов, НЦПИ и иных организаций, обеспечивающей безопасность Республики Беларусь в информационно-правовой сфере, а также исключающей возможность манипулирования правовой информацией и обеспечивающей формирование на рынке распространения правовой информации атмосферы добросовестной конкуренции. В проекте Положения существенно расширен состав государственных гарантий обеспечения государственными органами и организациями права граждан на получение полной, достоверной и

своевременной правовой информации, в том числе через создаваемые государственными органами совместно с НЦПИ публичные центры правовой информации и центры эталонной правовой информации.

Существенную роль в процессе распространения правовой информации также играют созданные на базе публичных библиотек страны публичные центры правовой информации, которые согласно пункту 5 Положения о порядке распространения правовой информации в Республике Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 1 декабря 1998 г. № 565, понимаются как «пункты свободного доступа граждан к официальной правовой информации в целях формирования правовых знаний, навыков правомерного поведения, уважительно-го отношения к праву».

Сейчас в республике действует более 400 ПЦПИ. Таким образом, создание системы ПЦПИ можно оценить как появление новой формы доступа к правовой информации, которая сочетает в себе как сам информационный ресурс, так и возможность доступа к нему.

Кроме этого, данные центры в своей деятельности не только используют различные формы работы для доведения правовой информации до пользователей, но и предпринимают активные меры в направлении повышения правовой культуры своих посетителей через справочно-информационное обслуживание пользователей, массовое и дифференцированное (индивидуальное и групповое) информирование.

В целях реализации конституционного права на доступ к правовой информации осужденных в исправительных учреждениях и лечебно-трудовых профилакториях НЦПИ совместно с Департаментом исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь в 2010 году приступил к реализации проекта по созданию в указанных учреждениях уголовно-исполнительной системы центров доступа к правовой информации. В настоящее время их создано 38.

Межгосударственный обмен правовой информацией. В рамках выполнения этой задачи на НЦПИ была также возложена функция по формированию электронной библиотеки, содержащей информацию о международном праве и законодательстве зарубежных государств, и обеспечению доступа к ней государственных органов и иных государственных организаций.

С момента создания НЦПИ было налажено информационное взаимодействие и сотрудничество с аналогичными организациями других стран по межгосударственному обмену правовой информацией (банками данных зарубежных государств) для выполнения этой задачи. Обмен правовой информацией осуществляется на основе двусторонних договоров.

В результате заключения соответствующих двусторонних договоров НЦПИ располагает в настоящее время базами данных по законодательству практически всех государств – участников СНГ. Особенно активно сотрудничество в этой сфере развивается с соответствующими организациями России, Молдовы, Казахстана, Украины, Кыргызстана. В частности, НЦПИ активно взаимодействует с Научным центром правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации, Республиканским центром правовой информации Республики Молдова, Республиканским центром правовой информации Республики Казахстан, информационно-аналитическим центром «Лига» (Украина), информационным центром «Токтом» (Кыргызстан) и другими организациями, распространяющими банки данных по законодательству своих стран на русском языке.

Одной из целей деятельности по обмену правовой информацией с иностранными партнерами является создание условий для обеспечения доступности правовой базы Беларуси для зарубежных государств.

На достижение этой цели направлена деятельность НЦПИ по переводу нормативных правовых актов нашей страны на английский язык и размещению соответствующих текстов на Национальном правовом Интернет-портале. В настоящее время в соответствующем разделе портала представлены и поддерживаются в актуальном состоянии переводы наиболее востребованных нормативных правовых актов, прежде всего в сфере бизнеса, внешнеэкономической деятельности и инвестиционной политики.

Научно-исследовательская деятельность НЦПИ. Процесс создания и модернизации информационно-правовых ресурсов как основная цель ГСПИ носит целенаправленный и многогранный характер. Идет постоянный поиск системообразующего фактора в сфере правовой информатизации и новых методологических идей.

Расширяющиеся информационные потребности государственных органов и иных пользователей обуславливают непрерывный процесс совершенствования информационных ресурсов в правовой сфере.

Исходя из этого в настоящее время Центром решается ряд задач по развитию понятийной системы национального законодательства и организации переводов текстов правовых актов на английский язык, а в перспективе – и на другие иностранные языки.

Удовлетворение потребности в автоматизированных системах для подготовки проектов нормативных правовых актов на белорусском/русском языках, проведении правовых исследований, а также обеспечении переводов текстов правовых актов на иностранные языки – на сегодня приоритетные направления деятельности Центра.

Работа в этом направлении ведется в первую очередь путем анализа и определения состояния правовой терминологии в республике, выработки рекомендаций для совершенствования понятийной системы белорусского законодательства, обеспечения условий для предоставления текстов правовых актов на двух государственных языках республики и их перевода на русский/белорусский и иные языки.

В рамках реализации этой политики в НЦПИ создана ИПС «ЭТАЛОН» версии 6.1», которая обеспечивает возможность перевода текстов правовых актов с русского языка на белорусский и наоборот. Однако эти переводы не являются официальными. Поэтому НЦПИ проводит научно-практические исследования юридической терминологии с целью создания словаря юридических терминов на русском/белорусском и английском языках. По сути, этот словарь должен стать официальным эталоном юридической терминологии, подлежащей использованию в деятельности нормотворческих органов при подготовке проектов НПА. Основная цель подготовки многоязычного словаря – создание многофункционального, понятийно-ориентированного лингвистического ресурса.

Особо хотелось бы подчеркнуть, что проблема языка законодательства требует проведения междисциплинарных исследований и сотрудничества специалистов различных областей знаний, так как научное обоснование глубокого анализа понятийного аппарата (системы понятий) национального законодательства – актуальная проблема правовой науки, нормотворчества, сферы информационных технологий, лингвистики и лексикографии.

Поэтому НЦПИ и взял курс на проведение исследований по интеллектуализации создаваемых информационно-правовых ресурсов и разработки автоматизированных терминологических систем правовых знаний как одного из перспективных направлений правовой информатизации Республики Беларусь. В данной сфере важно организовать активное сотрудничество всех заинтересованных, так как объединение усилий ученых и практиков, в том числе с использованием информационных технологий, несомненно, будет способствовать качеству разрабатываемой юридической терминологии национального законодательства, сказывающейся на общей культуре нормотворчества.

Таким образом, успешное развитие названных направлений функционирования ГСПИ позволит обеспечить наиболее полное удовлетворение потребностей всех заинтересованных субъектов в правовой информации, формирование правосознания и правовой культуры граждан, будет способствовать построению информационного общества и интеграции Республики Беларусь в мировое информационное сообщество.

Дата поступления статьи в редакцию 23.11.2010

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБМЕН ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

БИЛЕЙЧИК А.В.,

первый заместитель Министра юстиции Республики Беларусь

В докладе представлена информация о деятельности Министерства юстиции Республики Беларусь по реализации государственной политики в сфере международного обмена информацией, содержится анализ современного состояния и перспектив развития межгосударственного обмена правовой информацией в рамках межгосударственных объединений и договорно-правовой базы международного сотрудничества в правовой сфере.

Report performs information about the activities of the Ministry of justice of the Republic of Belarus according to the implementation of state policy in the sphere of international exchange of information, contains the analysis of modern condition and prospects of development of interstate exchange of legal information within the frame of interstate associations and contractual base of international cooperation in legal sphere.

Уважаемые участники конференции!

Одним из направлений внешней политики нашего государства является содействие интеграции Республики Беларусь в мировое информационное пространство, поддержка взаимовыгодного международного сотрудничества в области информации и информатизации [1].

Министерство юстиции Республики Беларусь в тесном взаимодействии с другими государственными органами укрепляет и развивает сотрудничество с иностранными государствами и международными организациями в области обмена правовой информацией, последовательно реализует внешнюю политику нашего государства в правовой сфере.

В соответствии с Концепцией совершенствования законодательства Республики Беларусь сотрудничество нашего государства с международными организациями и межгосударственными образованиями предполагает координацию и сближение национального законодательства, прежде всего, с законодательствами Российской Федерации, государств – участников Евразийского экономического сообщества, Содружества Независимых Государств, а затем – и со странами Европы. При этом сближение законодательства должно производиться на основе принципов равенства сторон, взаимности, неуклонного соблюдения суверенитета и национальных интересов.

Наиболее активное взаимодействие по вопросам обмена правовой информацией осуществля-

ется под эгидой региональных межгосударственных образований – Союзного государства, Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического сообщества.

Интеграционные процессы, проводимые в рамках Союзного государства, строятся на основе совершенствования и сближения законодательств двух государств в различных сферах правового регулирования.

Актуальные вопросы развития и взаимодействия Беларуси и России в сфере обмена правовой информацией являются предметом постоянного рассмотрения на заседаниях Объединенной коллегии министерств юстиции государств – участников Союзного государства.

В декабре 2008 года решением Объединенной коллегии была создана рабочая группа под руководством заместителей министров юстиции государств – участников Союзного государства для проведения работы по сближению законодательств Беларуси и России.

По итогам осуществленного рабочей группой анализа были выявлены достижения в области сближения законодательств двух государств, определены перспективные направления дальнейшего сближения, а также сферы законодательства Беларуси и России, сближение которых в настоящее время по объективным причинам не представляется возможным.

Создание единого информационно-правового пространства нашего государства и других стран Содружества Независимых Государств является важной практической задачей госу-

дарственной политики Беларуси. Единое информационно-правовое пространство государств – участников СНГ представляет собой систему организационно и методически связанных национальных информационных ресурсов, формируемых каждым государством как в своих интересах, так и в интересах двустороннего и многостороннего обмена данными.

Совет министров юстиции государств – участников СНГ в рамках работы по созданию межгосударственной системы обмена правовой информацией участвует в формировании информационно-правовой базы государств – участников Содружества, а также содействует обмену информацией о законодательствах государств – участников СНГ, о формировании и реализации правовой политики.

С момента создания Совета прошло четыре заседания, на которых рассматривались в том числе вопросы обмена опытом в области законодательного регулирования предупреждения коррупции, государственной регистрации некоммерческих организаций, деятельности органов загса, вопросы, касающиеся перспектив развития правовой системы в государствах – участниках Содружества Независимых Государств.

Работа по совершенствованию системы обмена правовой информацией осуществляется также в рамках деятельности Совета Министров юстиции государств – членов Евразийского экономического сообщества.

При Совете создана и функционирует Координационная группа по совершенствованию системы обмена правовой информацией в рамках Евразийского экономического сообщества, которая участвует в работе по созданию интегрированной базы данных законодательств государств – членов ЕврАзЭС.

В целях обеспечения эффективного функционирования интегрированной базы данных принято решение глав государств о создании Информационно-аналитического центра. Однако реализация данного решения до 2008 года не представлялась возможной из-за отсутствия финансирования.

23 апреля 2008 года принято решение Интеграционного Комитета ЕврАзЭС № 879 «О создании интегрированной информационной базы законодательств государств – членов ЕврАзЭС». Из бюджета ЕврАзЭС на цели создания и обслуживания базы данных были выделены соответствующие средства.

Государства – члены ЕврАзЭС предоставили в Секретариат Интеграционного Комитета ЕврАзЭС эталонные банки данных законодательств на безвозмездной основе. В настоящее время продолжается процесс их интегрирования в единую систему. Работу с интегрированной базой данных, сервер которой размещен в Секретариате Интеграционного Комитета ЕврАзЭС в Москве, пред-

полагается осуществлять посредством интернет-соединения через сайт ЕврАзЭС.

Планируется, что интегрированная база данных ЕврАзЭС станет единым систематизированным и оперативно обновляемым информационным комплексом, содержащим законодательные и иные правовые акты государств – членов ЕврАзЭС, а также акты, принятые в рамках ЕврАзЭС, – международные договоры, решения Межгоссовета ЕврАзЭС и Интеграционного Комитета ЕврАзЭС.

Совет министров юстиции государств – членов ЕврАзЭС, с момента учреждения которого прошло уже более 8 лет, сегодня является не только консультативным органом Сообщества, но и своеобразным форумом для обсуждения и поиска взаимоприемлемых решений, позволяющим оперативно и своевременно решать проблемные вопросы правового характера, обмениваться практическим и научным опытом, а также аналитической и иной информацией по различным правовым вопросам.

В рамках Совета осуществляется деятельность по подготовке и заключению международных договоров, в том числе по вопросам обмена правовой информацией. Так, на последнем, 15-м заседании Совета, состоявшемся в сентябре текущего года, обсуждался проект Соглашения о сотрудничестве в сфере правовой помощи и взаимного обмена информацией при осуществлении принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц.

Советом также проводится сравнительно-правовой анализ законодательств государств – членов ЕврАзЭС, на основании итогов которого осуществляется подготовка соответствующих рекомендаций.

В последнее время значительно возросла роль межгосударственного обмена правовой информацией в рамках Таможенного союза, что обусловлено упрощением механизмов экономического взаимодействия между Беларусью, Казахстаном и Россией.

В этой связи, говоря о перспективах межгосударственного обмена правовой информацией в рамках данного образования, хотелось бы отметить, что с доступом к законодательству Российской Федерации сложностей, как правило, не возникает. В Республике Беларусь государственным и иным органам и организациям, а также гражданам доступен электронный банк данных правовой информации «Эталон», содержащий российское законодательство.

Представляется, что с учетом интеграционных процессов в рамках Таможенного союза целесообразно рассмотреть вопрос о формировании в нашей стране аналогичного банка данных, содержащего законодательство еще одного партнера по Таможенному союзу – Республики Казахстан, а в более отдаленной перспективе – законодательство стран, которые будут присое-

диняться к Таможенному союзу, то есть иных государств – участников ЕврАзЭС (Кыргызской Республики, Республики Узбекистан, Республики Таджикистан).

Создание системы эффективного обмена правовой информацией в рамках Таможенного союза имеет большое значение с учетом переданных Комиссии Таможенного союза функций регулирования правоотношений в отдельных сферах хозяйственной деятельности.

В этом направлении ведется определенная работа. Так, во исполнение Решения Межгоссовета ЕврАзЭС (Высшего органа Таможенного союза) от 27 ноября 2009 года № 15 «О вопросах организации деятельности Комиссии Таможенного союза» создан интернет-сайт Комиссии Таможенного союза, который наряду с печатным изданием Комиссии признан официальным источником опубликования решений и материалов органов Таможенного союза [2].

Однако отдельными решениями Межгоссовета [3] установлена необходимость опубликования решений Межгоссовета, а также решений Комиссии в национальных официальных изданиях государств – участников Таможенного союза.

Аналогичное требование в отношении решений Суда ЕврАзЭС закреплено в новой редакции Статута Суда ЕврАзЭС [4].

В нашем государстве в целях обеспечения реализации решений Комиссии таможенного союза принято постановление Совета Министров Республики Беларусь от 11 февраля 2010 г. № 185 «Об утверждении Положения о порядке дачи заключений по вопросу о соотношении решений Комиссии таможенного союза с актами законодательства Республики Беларусь и доведения таких заключений до всеобщего сведения» [5].

В соответствии с названным постановлением орган, в чью компетенцию входят вопросы, регулируемые решением Комиссии, по согласованию с Министерством юстиции дает заключение о соотношении такого решения Комиссии с актами законодательства Республики Беларусь. В заключении должен быть приведен исчерпывающий перечень актов законодательства Республики Беларусь (их структурных элементов), не применяющихся в связи со вступлением в силу решения Комиссии.

Постановлением также предусмотрено, что решения Межгоссовета и Комиссии должны направляться в Национальный центр правовой информации Республики Беларусь для их включения в эталонный банк данных правовой информации.

Однако Положение об официальном опубликовании и вступлении в силу правовых актов Республики Беларусь, утвержденное Декретом Президента Республики Беларусь от 10 декабря 1998 г. № 22 [6], на опубликование решений органов Та-

моженного союза и Суда ЕврАзЭС не распространяется. Не регулируется данный вопрос и Указом Президента Республики Беларусь от 20 июля 1998 г. № 369 «О Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь» [7].

В этой связи в ближайшее время необходимо на уровне законодательных актов урегулировать вопрос официального опубликования решений Суда ЕврАзЭС, а также решений Межгоссовета ЕврАзЭС (Высшего органа Таможенного союза) и Комиссии Таможенного союза.

Кроме того, для доступности информации и удобства пользования было бы целесообразно в банке данных правовой информации снабжать акты законодательства Республики Беларусь (их структурные элементы), не применяющиеся в связи со вступлением в силу решения Комиссии, соответствующими примечаниями.

В рамках интеграционных процессов на постсоветском пространстве необходимо шире использовать опыт иных региональных объединений, в частности, Европейского союза. Можно констатировать, что нередко эффективность и оперативность получения необходимых сведений и их применения на практике существенно сдерживаются языковым барьером. Имеющиеся в открытом доступе в сети Интернет справочно-поисковые системы, например база документов Европейского союза, оказываются недостаточно востребованными вследствие отсутствия необходимого уровня владения иностранными языками.

В этой связи необходимо продолжать работу по повышению уровня владения иностранными языками в первую очередь сотрудников государственных органов для развития сотрудничества с государствами европейского региона и использования их опыта.

Правовая основа для обеспечения межгосударственного обмена правовой информацией формируется в международных договорах, заключаемых на межгосударственном, межправительственном и межведомственном уровнях.

Министерство ведет планомерную работу по заключению международных договоров о правовой помощи по гражданским и уголовным делам, выдаче, обмене правовой информацией, о сотрудничестве с министерствами юстиции иностранных государств, в пределах своей компетенции обеспечивает их выполнение, анализирует и обобщает опыт этой работы.

Соглашения об обмене правовой информацией, как правило, заключаются на межправительственном уровне. В настоящее время такие соглашения заключены с Узбекистаном, Казахстаном и Россией. Данные соглашения представляют основу для более широкого информационного обмена правовыми актами по сформированным тематическим перечням. Подобный перечень включает более сорока сфер нацио-

нального правового регулирования, в частности, такие сферы, как основы государственного строя, гражданское право, социальное страхование и социальное обеспечение, транспорт и связь, охрана здоровья граждан, таможенное дело, внешняя политика и международные отношения, международное частное право и процесс, внешнеэкономические отношения.

Положения об обмене информацией о действующем законодательстве и практике его применения, иной информацией по правовым вопросам, а также копиями актов законодательства содержатся также в межгосударственных договорах о правовой помощи по гражданским и уголовным делам. Республикой Беларусь такие договоры заключены со странами СНГ, Литвой, Латвией, Китаем, Польшей, Вьетнамом, Индией, Болгарией, Италией, Венгрией, Кубой и другими странами.

В ближайшей перспективе запланировано подписание договоров о правовой помощи с Республикой Корея, Венесуэлой, Египтом, Объединенными Арабскими Эмиратами. География государств, с которыми ведутся переговоры по проектам договоров о правовой помощи, свидетельствует о многовекторности в работе Министерства.

Под эгидой Министерства юстиции активно развивается многостороннее сотрудничество. В рамках работы по оформлению участия республики в многосторонних договорах о правовой помощи стратегической задачей на перспективу является присоединение Республики Беларусь к конвенциям Совета Европы в уголовно-правовой сфере.

На межведомственном уровне заключаются международные соглашения о сотрудничестве Министерства юстиции Республики Беларусь с министерствами юстиции зарубежных государств. Среди прочих форм межведомственного сотрудничества данные соглашения устанавливают возможность обмена между министерствами юстиции правовой и судебной информацией в рамках их компетенции. Подлежащая обмену информация включает материалы, касающиеся правовой системы, законов и иных нормативных правовых актов, а также информационно-методические и иные справочно-аналитические материалы. В настоящее время подобные соглашения заключены, в частности, с министерствами юстиции Сирии, Ирана, Ливии, Сербии, Украины, Вьетнама, Азербайджана, Молдовы, Узбекистана, Армении, Китая, государств – участников ЕврАзЭС.

Положения об обмене информацией о законодательстве включаются в международные договоры о сотрудничестве в различных сферах (торгово-экономической, таможенной, правоохранительной, в сфере международного туризма, образования) [8]. Роль международного обмена правовой информацией в таких социально значимых процессах, как борьба с преступностью, обеспечение общепризнанных прав человека, развитие и взаимообогащение национальных правовых систем, совершенствование законодательства сложно переоценить.

Свободный доступ к официальной, достоверной и актуальной правовой информации является своего рода точкой отсчета и необходимым условием развития всех фундаментальных процессов в государстве, в первую очередь, экономических, социальных, политических, научных, культурных. Правовая информированность граждан является одним из условий динамичного развития любого государства. По уровню ее развития судят об отношениях между государством и личностью, о степени экономической и политической открытости страны для иностранных партнеров.

Правовая информированность способствует реальному воплощению законодательных актов в практические дела, дает возможность компетентно судить обо всех процессах и явлениях правовой жизни, воспитывает уважение к закону и людям, его олицетворяющим, содействует искоренению бюрократизма, формирует правовую культуру.

Поэтому необходимо продолжать работу по совершенствованию информационных систем, содержащих сведения о деятельности межгосударственных образований и принимаемых ими решениях, а также по урегулированию вопросов, связанных с опубликованием их документов. При этом, как представляется, чем выше степень интеграции государств в международных структурах, тем более высокой должна быть степень информированности государств и граждан об их деятельности.

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что совершенствование законодательства Республики Беларусь в рамках межгосударственных образований по направлениям гармонизации и унификации необходимо проводить с учетом правовой информации иностранных государств и межгосударственных образований на основе неуклонного соблюдения суверенитета и национальных интересов Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 14 нояб. 2005 г., № 60-З // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
2. О вопросах организации деятельности Комиссии таможенного союза: Решение Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества (высшего органа Таможенного союза), 27 нояб. 2009 г., № 15 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
3. О едином таможенно-тарифном регулировании таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации: Решение Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества (высшего органа Таможенного союза), 27 нояб. 2009 г., № 18; О техническом регулировании в таможенном союзе в рамках Евразийского экономического сообщества: Решение Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества (высшего органа Таможенного союза), 21 мая 2010 г., № 38; О применении санитарных, ветеринарно-санитарных и фитосанитарных мер в таможенном союзе в рамках Евразийского экономического сообщества: Решение Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества (высшего органа Таможенного союза), 21 мая 2010 г., № 39 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
4. Статут Суда Евразийского экономического сообщества, 5 июля 2010 г.
5. Об утверждении Положения о порядке дачи заключений по вопросу о соотношении решений Комиссии таможенного союза с актами законодательства Республики Беларусь и доведения таких заключений до всеобщего сведения: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 11 февр. 2010 г., № 185 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
6. Об утверждении Положения об официальном опубликовании и вступлении в силу правовых актов Республики Беларусь: Декрет Президента Респ. Беларусь, 10 дек. 1998 г., № 22 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
7. О Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 20 июля 1998 г., № 369 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
8. Соглашение между Министерством образования Республики Беларусь и Министерством образования Туркменистана о сотрудничестве в области образования, 18 июня 2009 г.; Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Боливарианской Республики Венесуэла о торгово-экономическом сотрудничестве, 8 дек. 2007 г.; Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Кабинетом Министров Украины о сотрудничестве в области туризма, 16 февр. 2006 г. [и др.] // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

Дата поступления статьи в редакцию 11.01.2011

РАЗВИТИЕ «ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ» – ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЗАДАЧ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СУДОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

КАМЕНКОВ В.С.,

Председатель Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

В материале анализируются состояние и перспективы развития информационных систем и технологий, применяемых в системе экономического правосудия Республики Беларусь. Излагаются предполагаемые результаты модернизации программного обеспечения «АИС-СХС», предназначенного для использования в качестве единого средства управления повседневной деятельностью хозяйственных судов. Обобщаются задачи и направления работы по внедрению в Беларуси системы «Электронное правосудие».

The material analyzes status and prospects of development of information systems and technologies to be applied within the system of economical justice of the Republic of Belarus. There are set forth supposed results of «AIS-SHS» software development, which is intended for usage as a single management facility by everyday activities of economic courts. There are summarizes tasks and areas of work under the introduction in Belarus of the system «Electronic justice».

Одной из важнейших задач, стоящих сегодня перед системой хозяйственных судов Республики Беларусь, является создание высокоэффективной системы судопроизводства. При этом особое значение приобретает возможность получения оперативной информации, анализа деятельности системы хозяйственных судов, обеспечения гласности и открытости экономического правосудия.

Эти цели могут быть достигнуты только на базе комплексных мер (правовых, кадровых, экономических, организационно-технических и т.д.). Особое место среди таких мер отведено решению вопросов повышения уровня информатизации судов, их компьютеризации, расширения применения информационно-технологических инноваций, создания на их базе современных и надежных систем сбора, хранения и анализа судебной и иной информации, доступа к ней, а также ее использования и распространения.

Международный опыт свидетельствует, что современные информационные технологии и системы телекоммуникаций являются важными составляющими в процессе достижения экономического и социального развития. Очевидно, что использование данных технологий в деятельности практически любой организации в

значительной степени позволяет повысить уровень и качество управления самыми сложными комплексными процессами. Поэтому во всем мире вопросам информатизации уделяется огромное значение. Система хозяйственных судов Беларуси не остается в стороне от этого процесса и в силу своих возможностей стремится применять в своей деятельности самые современные ИТ-технологии.

Первый шаг был сделан еще в начале 1998 года, когда Высший Хозяйственный Суд начал активную работу по созданию и внедрению различных информационных систем, основной из которых являлся программный комплекс по судопроизводству «Автоматизированная информационная система управления делопроизводством системы хозяйственных судов Республики Беларусь» (далее – «АИС-СХС»). Более чем за 10 лет накоплен значительный опыт применения ИТ-технологий, опыт проектирования, создания и эксплуатации различного рода информационных систем.

Вместе с тем используемые столько лет информационные системы в значительной степени устарели и перестали отвечать современным требованиям и потребностям пользователей. Сегодня их модернизация крайне необходима и не-

избежна. Более того, учитывая задачу повышения открытости и доступности правосудия, информационные системы должны совершенствоваться с учетом потребностей не только представителей фемиды, но и граждан, субъектов предпринимательской деятельности.

Никого не надо убеждать в высокой роли информационных технологий в решении задач, стоящих перед экономическим правосудием. Необходимо отметить, что последний год стал периодом напряженной работы, направленной на разработку и применение новых информационных систем и технологий в хозяйственных судах Республики Беларусь.

Программное обеспечение «АИС-СХС» предназначено для использования в качестве единого исчерпывающего средства управления повседневной деятельностью системы хозяйственных судов.

В основу технического задания на его модернизацию легли предложения всех хозяйственных судов, а также передовой опыт в области информатизации («электронного правосудия») судов других государств. Кроме того, в целях реализации указанного проекта были изучены самые современные IT-технологии, проведены процедуры закупки необходимого серверного оборудования и системного программного обеспечения.

Обновленная «АИС-СХС» обеспечит эффективное функционирование деятельности системы хозяйственных судов на основе создания корпоративной сети и общей базы данных посредством новейших телекоммуникационных технологий с применением волоконно-оптических линий связи. Создаваемая система будет иметь высокую степень безопасности и защищенности информационных потоков, обеспечивать механизмы многоуровневого доступа как внутренним пользователям системы, так и определенному кругу внешних пользователей. «АИС-СХС» позволит на качественно новом уровне решать задачи, поставленные перед системой хозяйственных судов.

Результатом модернизации программного комплекса «АИС-СХС» станет:

создание единого банка данных судебных и иных документов в рамках системы хозяйственного правосудия Республики Беларусь, а также возможность предоставления выборочного доступа к информации другим государственным органам;

обеспечение постоянного защищенного доступа к общему банку данных в рамках системы хозяйственных судов Республики Беларусь;

получение оперативной информации и осуществление контроля за состоянием дел в хозяйственных судах республики в заданный момент времени по конкретному судье, категории

спора, субъектному составу участников и другой;

оперативность контроля за движением дела по судебным инстанциям, всем совершаемым процессуальным действиям, результатом рассмотрения дела с целью возможности получения оперативной информации и своевременного реагирования;

автоматизация рутинных операций, связанных с судопроизводством;

обеспечение информационных потребностей системы хозяйственных судов в информации из баз данных других государственных органов;

обеспечение граждан и субъектов экономической деятельности информацией о ходе рассмотрения судебных дел, заявлений и жалоб;

предоставление открытого доступа ко всем судебным постановлениям посредством интернет-портала и информационных киосков.

Внедрение модернизированной «АИС-СХС» должно обеспечить:

оперативную информационно-правовую поддержку правоприменительной деятельности судов;

открытость работы всей судебной системы; повышение оперативности сбора и оформления судебных документов в процессе подготовки и слушания дел;

сокращение сроков рассмотрения дел; формирование единой информационной технологии судебного делопроизводства в целях сокращения времени на переписку и передачу информации;

доступность для судей и работников аппаратов судов всего объема информации о законодательстве Республики Беларусь и судебной практике;

полноту и достоверность информации о деятельности судов;

повышение оперативности сбора и обработки соответствующих статистических данных и обеспечение объективного анализа правоприменительной практики;

повышение эффективности кадрового, организационного, материально-технического и ресурсного обеспечения деятельности судов;

информационно-аналитическую поддержку принятия решений во всех сферах обеспечения судебной деятельности;

формирование полнотекстового единого банка данных судебных постановлений, выносимых в рамках всей системы хозяйственных судов;

упрощение процесса обеспечения лиц, участвующих в деле, информацией о ходе рассмотрения хозяйственными судами дел.

Для правосудия принцип публичности в значительной мере предполагает доступ к результатам рассмотрения дел. Полнота реализации этого принципа неразрывно связана с обеспечением права на доступ к судебным актам. В «про-

зрачности» судопроизводства в равной мере заинтересованы и общество, и правосудие: общественная оценка, безусловно, сказывается на повышении качества работы судов, ответственности работников судебной системы, росте авторитета судебной власти.

В настоящее время все более заметное место в нашей жизни занимают интернет-технологии. Неизбежно повышение роли сети Интернет и в обеспечении доступа граждан к судебной информации. Важно при этом понимать, что суды сегодня не должны ограничивать информацию, предоставляемую пользователям сети Интернет, только общей информацией о суде, лентой новостей и т.п. Пользователям необходима полная и точная информация о движении судебных дел, расписании судебных заседаний, результатах рассмотрения дел, включая тексты судебных актов.

Уже сегодня интернет-портал хозяйственных судов представляет собой мощный информационный ресурс, обеспечивающий многогранное представление в сети Интернет информации о деятельности хозяйственных судов Республики Беларусь.

В целях более полного информирования общественности на интернет-портале был создан электронный банк данных «Судебная практика», предоставляющий авторизованным подписчикам журнала «Вестник Высшего Хозяйственного Суда» бесплатный доступ к более чем 11 тысячам судебных постановлений всех судебных инстанций, а в перспективе – ко всем судебным постановлениям системы хозяйственных судов Республики Беларусь.

В режиме опытной эксплуатации на базе Высшего Хозяйственного Суда и хозяйственного суда Гродненской области организован прием документов (исковых заявлений, заявлений, ходатайств, отзывов, жалоб, возражений и т.д.) в суд дополнительно в электронном виде посредством интернет-портала хозяйственных судов Республики Беларусь. В дальнейшем это позволит не только формировать базу данных «электронное дело», но в перспективе предоставит возможность без фактора «присутствия» подавать в хозяйственные суды Республики Беларусь документы из любой географической точки.

Статистика свидетельствует о постоянном росте популярности нашего интернет-ресурса. В 2008 году на Международной специализированной выставке «Tibo» интернет-порталу хозяйственных судов Республики Беларусь (www.court.by) было присуждено 3-е место в номинации «Органы государственного управления», в 2010 году – 2-е. Мы приложим все усилия, чтобы в 2011 году интернет-портал хозяйственных судов Республики Беларусь получил 1-е место!

Новшеством для системы хозяйственных судов Республики Беларусь стало внедрение в этом году технологии организации видеоконференцсвязи.

Использование видеоконференцсвязи явилось эффективным инструментом в повседневной деятельности судов, позволило повысить оперативность подготовки и проведения различных мероприятий, а также, что немаловажно в современных условиях, сократить командировочные расходы по системе.

Уже сегодня сеансы видеоконференцсвязи используются для:

проведения заседаний Пленума и Президиума;

проведения оперативных совещаний с участием председателей, судей и специалистов хозяйственных судов;

организации рабочих совещаний руководства Высшего Хозяйственного Суда с председателями любого из судов;

организации оперативной работы и взаимодействия управлений и отделов Высшего Хозяйственного Суда со структурными подразделениями хозяйственных судов областей (г. Минска);

просмотра в режиме online важных судебных процессов, проходящих в любом из хозяйственных судов областей (г. Минска);

дистанционного обучения стажеров, судей и специалистов хозяйственных судов посредством трансляции показательных судебных процессов и иных мероприятий;

аудио-, видеオフィксирования судебных заседаний.

В качестве эксперимента 31 августа 2010 г. состоялось судебное заседание с использованием видеоконференцсвязи при рассмотрении дела по первой инстанции в хозяйственном суде Брестской области, в котором судья, секретарь и истец находились в Бресте, а ответчик и секретарь – в Минске (в здании Высшего Хозяйственного Суда). При проведении заседания для демонстрации материалов дела, документов на право представления интересов сторон и иных вещественных материалов с обеих сторон были также использованы документ-камеры, подключенные к системе видеоконференцсвязи.

Переход к развитому информационному обществу сложен. Но мы обязаны не ссылаться на трудности, а их преодолевать. Цели для нас очевидны. Необходима планомерная, постоянная работа в этом направлении. В связи с этим в 2010 году была разработана Программа информатизации хозяйственных судов на перспективу. Программа включает план мероприятий по внедрению элементов «электронного правосудия», в том числе с использованием передового опыта других государств, концепцию оснащения хозяйственных судов техническими и про-

граммными средствами, а также систему обучения, прежде всего дистанционного, основам пользования компьютерными средствами, прикладным и системным программным обеспечением.

Мы надеемся, что утверждение Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года будет

не только способствовать дальнейшему развитию и внедрению в деятельность государственных органов электронных технологий на основе информационно-технологических инноваций, но и позволит активизировать работу в направлении по созданию всеобъемлющей государственной информационной системы «Электронное правосудие».

Дата поступления статьи в редакцию 09.11.2010

ПАРАДОКС В ПОНИМАНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ

ШАФАЛОВИЧ А.А.,

доцент кафедры теории права Белорусского государственного
экономического университета, кандидат юридических наук

Данная статья развеивает миф о единообразии в понимании юридических фактов в рамках науки теории права и выявляет проблему отсутствия соответствующей сегодняшнему дню дефиниции данного понятия. Парадокс заключается в том, что, несмотря на это вне теории права, понимание юридических фактов стабильно и единообразно. Автор утверждает, что адекватное понимание и дефинирование понятия юридических фактов обладает значительным, еще не задействованным потенциалом для повышения эффективности правового регулирования и правопорядка. Автор предполагает, что правильное широкое понимание и соответствующая ему дефиниция юридических фактов позволяют отказаться от их детальной регламентации в законодательстве и тем самым позволят упростить, оптимизировать правовое регулирование.

Автор последовательно излагает новые положения, сформулированные с учетом новейших тенденций в теории юридических фактов. Вниманию читателя предлагается историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ понятия юридических фактов.

The given article scatters the myth about uniformity within juridical facts understanding in the framework of law theory science and reveals the problem of the absence actual juridical facts definition. The paradox lies in that: despite this the juridical facts understanding out the framework of law theory is stable and uniform. The author assumes, that adequate understanding and juridical facts definition possesses significant, not involved yet to the full potential for increasing efficiency of legal regulation, law and order. The author supposes that correct wide understanding and corresponding to it juridical facts definition allow to refuse the detailed regulation within the legislation and thanks to that allow to simplify, optimize the legal regulation.

The author consistently states the new positions formulated in view of the newest tendencies in the legal facts theory. The historical, theoretical and comparative analysis is offered to the reader's attention.

В современной правовой науке, в том числе в науке общей теории права, несмотря на существование множества подходов к пониманию и еще большее количество дефиниций одного и того же явления, бытует расхожее мнение о категории юридических фактов как об одной из немногих стабильных и однозначных. Данное исследование призвано опровергнуть это заблуждение и выявить новые тенденции в понимании этой важной для правоведения категории.

Глобальность в понимании юридических фактов начала проявляться с момента формирования данного понятия. Несомненно, это одно из наиболее обобщенных понятий в правовой науке, являющее собой удачную попытку извлечения из права общих начал, способствующих «от-

делению разнородных и соединению однородных фактов, изучению целого как средства более полного познания частного» [1, с. 64]. Не будет преувеличением также, если сказать, что возможно объединить все «работы юриспруденции под одним общим именем – унификации нормативных фактов» [2, с. 226]. Важно, что понятие юридического факта развилось не из схоластических умозаключений, а из потребности правовой практики «охватить в рамках одного понятия самые разнообразные основания движения правоотношений» [3, с. 422].

Понятие «юридические факты» было выработано пандектистикой. Она систематизировала и догматически обрабатывала нормативный материал римского права для выведения фунда-

ментальных принципов, общих теорий с целью использования в германском Гражданском кодексе 1900 г. Понятия «правовые факты» и «сделка» впервые отражены в статьях 104–185.

В фундаментальном труде «Система современного римского права» (1840 г.) (новая интерпретация перевода подчеркивает позицию автора – «Система ныне действующего римского права») впервые приводилось понятие юридического факта: «Я называю события, вызывающие возникновение или окончание правоотношений, юридическими фактами» [3, с. 421].

Столь позднее появление понятия правовых фактов в юриспруденции (начало XIX в.) В.А.Витушко объясняет формированием к тому времени в науке и праве «основ универсальных прав человека вне зависимости от его социального статуса, отделением юридических прав (обязанностей) от конкретной личности; формированием представлений о праве как об особом социальном феномене и как об объекте правоотношений; формированием науки (теории) о праве как особом социальном знании, отличном от морали, философии и других регулятивных систем и наук» [4, с. 4].

Надо отметить, что следует четко отличать категорию (понятие), термин, ее обозначающий, и дефиниции понятия [5, с. 32–68, с. 201–206]. По отношению к юридическим фактам ситуация такова, что если категория юридических фактов действительно устоявшаяся [6, с. 33] и состоявшаяся, то в ее дефинировании имеются определенные проблемы, связанные, в первую очередь, с самим пониманием юридических фактов. Некоторая небрежность в дефинировании правового понятия юридических (правовых) фактов среди правоведов объясняется, с одной стороны, предубеждением об отсутствии практической значимости этого понятия. Невольно это предубеждение подтверждается (или обуславливается) тем фактом, что законодатель не счел нужным дать легальную дефиницию этому понятию. Между тем П.А.Якушев справедливо отмечает, что «современный уровень правовой культуры обуславливает повышенные требования к деятельности законодателя по закреплению в нормах права оснований правоотношений» [7, с. 15].

Единственным требованием к дефинированию юридических фактов выступает только то, что «понятие должно отражать сущность юридических фактов, раскрывать общие, наиболее существенные признаки, которые отражают специфические свойства данного явления как основания возникновения, изменения и прекращения правоотношения» [8, с. 27]. Сразу же отметим, что понятие обладает точно определенным содержанием и объемом, фиксируется «в тексте нормативного акта посредством только одного и всегда одинакового термина» [5, с. 67–68].

Укажем наиболее характерные определения понятия юридических фактов. Так, по мнению С.Г.Дробязко и В.С.Козлова, юридическими фактами выступают «сформулированные в гипотезах правовых норм жизненные обстоятельства» [9, с. 358]. Е.А.Крашенинников, В.В.Бутнев, Е.Я.Мотовиловкер также считают необходимым закрепление юридических фактов только в гипотезе правовой нормы, «с чем связывают исключительно правообразующую роль юридических фактов» [10, с. 13]; другие правоведы не уделяют данному обстоятельству внимания. Так, П.А.Якушев считает достаточным, чтобы юридические факты были «прямо или косвенно предусмотрены нормой права» [7, с. 11].

Напомним, в качестве юридических фактов признаются жизненные обстоятельства, имеющие юридическое значение, влекущие за собой применение правовых норм [11, с. 473]; жизненные обстоятельства, с которыми правовая норма связывает движение правоотношений (большинство теоретиков права); только жизненные обстоятельства, «имеющее способность к нормативно-правовой оценке» [12, с. 154].

Последнее определение заслуживает отдельного внимания. А.Е.Рябов нарушает законы формальной логики, когда предлагает свое определение юридических фактов как «явления объективной действительности, обладающего способностью к правовой оценке, служащей основой для вывода о возможности использования или применения нормы (норм) права в целях регулирования порожденного этим явлением правового отношения» [13, с. 22].

Во-первых, явление не может обладать способностью к правовой оценке, поскольку правовая оценка является частью мыслительной деятельности и свойственна людям, а не явлениям. В этом смысле уместно высказывание О.А.Красавчикова: «Поскольку юридические факты – явление реальной действительности, постольку оно не может состоять из признаков, которые представляют собой идеологическое отражение тех или других свойств, сторон, качеств данного явления» [14, с. 30].

Во-вторых, следуя логике А.Е.Рябова, только правовая оценка явления влечет за собой «вывод о возможности использования или применения нормы (норм) права в целях регулирования порожденного этим явлением правового отношения». Но ведь правовое оценивание, если допустим этот термин, невозможно без использования, применения правовой нормы.

Согласно мнению А.Е.Рябова, факты становятся юридическими только после правовой квалификации, а не на стадии правового регламентирования (регулирования), то есть того, как они уже распознаны правовой системой и де-факто признаны юридическими: «В каждом конкретном случае происходит индиви-

дуализация обстоятельств, и происходит она путем правовой квалификации. В процессе юридической квалификации жизненное обстоятельство, в социальном смысле имеющее «свою физиономию», в юридическом смысле типизируется, подгоняется под характеристики, выработанные правом, и, получая место в ряду правовых явлений, становится юридическим фактом» [15, с. 20]. Другими словами, «сами по себе акты поведения субъектов и другие социальные явления не способны быть отнесенными к категории юридических фактов. Таковыми они становятся лишь в том случае, если закон содержит характеристические признаки, служащие основаниями для их юридической квалификации (оценки)» [13, с. 22]. Отметим то, что, говоря о юридической квалификации, А.Е.Рябов имеет в виду именно стадию правоприменения. В то время как легальная дефиниция понятия юридических фактов способна ввести в правовое поле социальные факты еще на стадии правового регулирования, не перечисляя их поименно.

Далее «использование или применение нормы (норм) права» никак не может быть «в целях регулирования порожденного этим явлением правового отношения», поскольку стадия правового регулирования предшествует стадии применения права. Другими словами, телега снова поставлена впереди лошади.

Относительно того, что юридические факты являются жизненными обстоятельствами также можно поспорить. Как верно подмечает В.Н.Синюков, иногда юридический факт и реальное жизненное обстоятельство не совпадают (в частности, такая ситуация имеет место при использовании юридической фикции) [8, с. 24].

Правовая фикция – технико-юридический прием, который сам по себе не порождает правовых последствий. Правовое значение имеет решение суда (юридический факт). «Тем не менее, необходимо признать справедливой точку зрения, согласно которой конкретная правовая модель реального события или действия, зафиксированная определенными процессуальными способами, также является юридическим фактом» [7, с. 17]. В.Б.Исаков для обозначения такой конкретной правовой модели реального события или действия, зафиксированных процессуально, использует понятие «факта-модели» [15, с. 9]. Природа факта-модели состоит в том, что эта модель является юридическим отражением реального явления.

То есть, по его мнению, юридическим фактом надо считать не только конкретное жизненное обстоятельство, обладающее признаками такого факта, но и модель жизненного явления, зафиксированную определенными процессуальными способами и обладающую признаками юридического факта (например, решение о компенсации морального вреда, решение суда). Такая пози-

ция нами не приветствуется, поскольку по поводу одного жизненного явления получается два юридических факта: один – реальный жизненный факт, а другой – его модель, отражение, правовая квалификация, оценка. Кроме того, ведь все зафиксированные в норме права юридические факты неизбежно являются отражением реальных обстоятельств.

Приведем пример неверного понимания юридических фактов. Так, Н.В.Тихонькова справедливо «опровергает точку зрения, высказанную в науке о том, что для возникновения так называемых «общих» правоотношений достаточно норм права без юридических фактов» [10, с. 5]. Дело в том, что подобная точка зрения вообще была порождена неправильным пониманием юридических фактов, а точнее, непониманием того, что издание нормы права тоже относится к разряду юридических фактов.

Другая сторона проблемы понимания юридических фактов заключается в том, что в праве эпохи глобализации требуется более широкое понимание юридических фактов, чем только зафиксированных в нормах права. Например, мы предлагаем новое определение юридических фактов как конкретных жизненных обстоятельств, значимых для правопорядка, за которыми он признает способность к движению правоотношения.

Под правопорядком в данном исследовании понимается право как система лиц (органов), реализующих право (организационная сторона правопорядка), так и система общественных отношений, упорядоченных на основе норм права и законности (предметная сторона правопорядка).

Движение правоотношения в нашем понимании охватывает не только возникновение, изменение и прекращение правоотношений, как традиционно принято считать, но и любое оказываемое фактом воздействие по произведению им своего прямого правового следствия (например, факты-ограничения, предвестники и другие). Это определение способно охватить понимание правового факта в римском праве, в англо-саксонской правовой семье, тем самым претендуя на универсальность и логическую полноту юридического знания.

Гражданский кодекс Республики Беларусь в ст. 7 и Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь в ст. 364 также закрепляют расширительное понимание юридических фактов. В правовой практике такое понимание юридических фактов демонстрирует следующее преимущество – оно способно придать большую эффективность правовой системе, не загромождая правовое регулирование чрезмерной детализацией. Ведь чрезмерная детализация ослабляет и без того слабеющее в эпоху глобализации действие закона, действие правового инстру-

мента в целом. Тем самым расширительное понимание юридических фактов, применяемое в практике, способствует компактности и гибкости фактической системы.

Заслуживает внимания тот факт, что этот расширительный подход находит поддержку уже в римском праве, которое в силу своей универсальности, многовекового применения в качестве действующего права в разных правовых системах закономерно выступает прообразом глобального права. К слову, римские юристы «положили начало систематической разработке права и окончательно установили многие основные понятия, составляющие донныне фундамент системы права» [16, с. 95], в то время как, по мнению В.М.Хвостова, «юриспруденция настоящего периода еще не берет на себя задачи приведения права в научную систему» [17, с. 78–79].

Даже для советского правоведения не нова постановка вопроса о расширительном понимании юридических фактов. Еще в 1984 г. В.Н.Синюков, когда обосновывал регулятивный и охранительный потенциал законодательного дефинирования юридических фактов, писал, что, закрепляя нужную систему юридических фактов, представляющих собой взаимосвязанную структуру социально необходимых элементов общественных отношений, законодатель получает возможность контролировать детерминацию новых отношений, входящих в предмет правового регулирования [8, с. 59–60].

В условиях глобализационных процессов указанная задача приведения права в цельную научную систему приобретает повышенную практическую значимость. На наш взгляд, эта задача является вполне посильной для теории юридических фактов.

Представляется уместным рассмотреть соотношение понятий «юридические факты» и «правовые факты». С нашей точки зрения, ранее иногда имеющее место различие этих терминов сейчас не обоснованно в силу того, что ст. 364 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь фактически выводит юридические факты на уровень правовых, то есть предусмотренных правом – тем самым не существует противопоставления права и закона. Поэтому в данной работе эти понятия выступают как равнозначные, что соответствует общей тенденции к расширительному пониманию юридических фактов в условиях глобализации.

Что касается законодательного дефинирования понятия «юридические факты», то оно традиционно отсутствует в законодательстве Республики Беларусь, как впрочем, и в законодательстве других государств. Норма ст. 7 Гражданского кодекса Республики Беларусь, как и ст. 4 ранее действовавшего Гражданского кодекса, аналогична ст. 8 Гражданского кодекса Российской Федерации не дает официальной дефиниции

юридических фактов, но указывает на них, говоря о том, что гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законодательством, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены им, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности.

Говоря словами В.Н.Синюкова, «законодатель пошел по пути относительно-определенного перечисления юридических фактов, не раскрывая их общих признаков и не формулируя соответствующей дефиниции» [8, с. 17]. По этому поводу следует отметить, что перечневый способ (через перечисление) также относится к способам легального дефинирования [5, с. 47–48]. Но в данном случае законодатель действительно не дает легального определения понятию юридических фактов, но при этом, как следует из ст. 7 Гражданского кодекса Республики Беларусь, и не перечисляет юридические факты. Толкование этой статьи позволяет говорить о том, что именно эту категорию он имел в виду.

По нашему мнению, положения указанных выше статей Гражданского кодекса и Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, согласуясь с расширительным пониманием понятия «юридические факты», вполне компенсируют отсутствие его единой законодательно закрепленной дефиниции. Получается, что расширительное понимание юридических фактов как результат учета новейших тенденций в развитии права и результат разумного учета опыта римского права как права универсального фактически закреплен законодательно.

Между тем в отечественной правовой науке упорно продолжает преобладать узкий, нормативистский подход. Хотя в новейших российских учебниках по общей теории права уже иногда встречается положение, согласно которому юридические факты предусматриваются также принципами права.

Для правовой науки расширительное понимание полезно тем, что позволяет отразить общие моменты изучаемых явлений в разных правовых системах разных исторических периодов. При этом, не опровергая множество имеющихся более узких определений юридических фактов, отражающих различные отдельные конкретно-исторические или национальные и даже авторские особенности понимания определяемого явления. В этом также прослеживается, если можно так сказать, глобальность в понимании юридических фактов.

Таким образом, уже в римском праве содержались элементы, реципированные и развитые пандектистикой в самостоятельную, цельную теорию юридических фактов. Современная и последующая правовая наука, по нашему мнению, все больше раскрывает глобальность в по-

нимании юридических фактов, что неизбежно отражается в новом дефинировании юридических фактов. В результате вышеизложенного анализа нами осознается потребность расширительного понимания юридических (правовых) фактов как конкретных жизненных обстоятельств, значимых для правопорядка, за которыми он признает способность к движению правоотношения.

Из вышеизложенного можно сделать вывод об имеющемся парадоксе в понимании юридических фактов. С одной стороны, в отличие от ус-

тоявшегося в правовой науке мнения о единообразии и беспроблемности дефинирования понятия юридических фактов, следует говорить об отсутствии четкого понимания этой правовой категории. С другой стороны, проблемы в понимании и дефинировании юридических фактов в науке общей теории права даже не коснулись общего для юриспруденции в целом понимания юридических фактов, и для нетеоретиков права это действительно «одно из наиболее удачных и бесспорных общих понятий правоведения» [11, с. 437].

ЛИТЕРАТУРА

1. Москаленко, И.В. Роль юридической науки в формировании и развитии гражданско-правовых понятий: история и современность / И.В. Москаленко // Совр. право. – 2004. – № 11. – С. 63–67.
2. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Тип. тов-ва «Екатерингоф. печат. дело», 1909. – Т. 1. – 318 с.
3. Общая теория государства и права: акад. курс: в 3 т. – 2-е изд., перераб. и доп. / Н.Н. Вопленко [и др.]; отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2001. – Т. 2. – 528 с.
4. Витушко, В.А. Континуальная теория юридических фактов / В.А. Витушко // Проблемы правового регулирования хозяйственной деятельности экономики переходного периода: материалы науч.-практ. конф., Минск, 18 дек. 2001 г. / Белорус. гос. эконом. ун-т; редкол.: Н.Е. Заяц [и др.]. – Минск, 2002. – С. 3–9.
5. Ковкель, Н.Ф. Логика и язык закона / Н.Ф. Ковкель; БГЭУ. – Минск: Право и экономика, 2009. – 299 с.
6. Теория государства и права: учеб. пособие / под ред. В.П. Малахова, В.Н. Казакова; Моск. ун-т МВД России. – М.: Акад. проект, Екатеринбург: Деловая кн., 2002. – 576 с.
7. Якушев, П.А. Юридические акты и поступки как основания правоотношений: учеб. пособие / П.А. Якушев; Владимир. гос. пед. ун-т. – Владимир, 2003. – 85 с.
8. Синюков, В.Н. Юридические факты в системе общественных отношений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.Н. Синюков. – Свердловск, 1984. – 190 с.
9. Дробязко, С.Г. Общая теория права: учеб. пособие / С.Г. Дробязко, В.С. Козлов. – Минск: НО ООО «БИП-С», 2003. – 336 с.
10. Тихонькова, Н.В. Проблемы судебного решения как юридического факта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н.В. Тихонькова; Саратов. гос. акад. – Саратов, 2000. – 20 с.
11. Теория государства и права: хрестоматия: в 2 т. / авт.-сост. М.Н. Марченко. – М.: Изд. дом «Городец», 2004. – Т. 2: Право. – 799 с.
12. Рябов, А.Е. Юридические факты в механизме правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.Е. Рябов. – Н. Новгород, 2005. – 202 с.
13. Рябов, А.Е. Юридические факты в механизме правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.Е. Рябов. – Н. Новгород, 2005. – 34 с.
14. Красавчиков, О.А. Юридические факты в советском гражданском праве / О.А. Красавчиков. – М.: Госюриздат, 1958. – 183 с.
15. Исаков, В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования / В.Б. Исаков; науч. ред. С.С. Алексеев. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. – 128 с.
16. История политических учений: учеб. / П.Н. Галанза [и др.]; под. ред. С.Ф. Кечекьяна и Г.И. Федькина. – 2-е изд. – М.: Юрид. лит., 1960. – 894 с.
17. Хвостов, В.М. История римского права: пособие к лекциям / В.М. Хвостов. – 4-е изд., испр. и дораб. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1908. – 463 с.

Дата поступления статьи в редакцию 19.10.2010

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА

ЛИПНИЦКИЙ В.В.,

ассистент кафедры теории и истории права

Белорусского государственного экономического университета

Статья посвящена проблеме определения понятия национального меньшинства в правовой доктрине и практике на современном этапе. Анализируются существующие определения данного понятия, выявляются их положительные стороны и недостатки. Рассматриваются критерии, которые могут быть положены в основу понятия национального меньшинства. Приводится авторское определение данного понятия, которое может применяться в правовой доктрине, а также может быть закреплено в законодательстве.

This article deals with the problem of the definition of the term 'national minority' in contemporary legal science and doctrine. The existing definitions of this notion are analyzed, its advantages and limitations are revealed. The basic criteria that could be laid in the foundation of national minority notion are revealed. The author's definition of national minority that could be used in legal doctrine and practice is given.

В любом исследовании применяются термины и определения, являющиеся ключевыми для соответствующей темы. Данная статья посвящена проблеме определения термина «национальное меньшинство» в юридической науке и практике. Несмотря на важность исследуемой проблемы, до настоящего времени общепризнанной дефиниции национального меньшинства не существует.

Попытки дать официальное определение национального меньшинства обусловлены необходимостью защиты тех или иных групп. Имеющиеся определения национального меньшинства можно классифицировать по двум основным группам в зависимости от взглядов того или иного ученого на понятие нации. Современная наука не выработала единого подхода к понятиям «нация» и «национальность». До настоящего времени в западной (прежде всего в англо- и франкоязычной) литературе и практике категории нации и национальности применяются скорее в политико-правовом, нежели этническом значении. Так, Большой юридический словарь содержит два определения понятия «нация»: 1) в теории конституционного права – историческая общность людей, складывающаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, языка, некоторых особенностей культуры и характера, которые составляют ее признаки; 2) в конституционном праве англо- и романоязычных стран – термин, обычно имеющий значения «государство», «общество», «сово-

купность всех граждан» [1]. Примечательно, что в международно-правовых документах, как и в самом названии Организации Объединенных Наций, слово «нация» употребляется в значении «государство». В немецкой и российской науке и повседневном обиходе возобладало понятие нации как типа этноса. Тем не менее исследователи подчеркивают разницу между нацией-государством и нацией-этносом. Если первое включает в себя совокупность граждан одного государства, то второе – людей одного этнического происхождения независимо от гражданства [2].

Заместитель руководителя аппарата Комитета Госдумы по делам национальностей Российской Федерации Ю.Д.Дубровин приводит следующее определение лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, применимое в специфических условиях России. Это «граждане Российской Федерации, которые проживают компактно или дисперсно на ее территории за пределами своей исторической этносреды, не относятся к малочисленным коренным народам и имеют такие устойчивые отличия, как язык, самобытную культуру, религию, объединены общим самоназванием и единым самосознанием» [3]. Следует обратить внимание, что в данном определении отсутствует такой общепринятый критерий, как критерий длительности проживания в данном государстве, который исключал бы иммигрантов; также примечательно, что проводится попытка разграничения по-

ятий «национальное меньшинство» и «коренные малочисленные народы» как непересекающиеся между собой.

Известный российский исследователь С.С.Юрьев приводит следующее определение национального меньшинства: «национальное меньшинство есть юридическая категория, характеризующая самоорганизованные на основе группового правосознания социальные (прежде всего – этнические) общности, состоящие из лиц, легально находящихся и проживающих на территории данного государства, но не являющихся иностранными гражданами, для которых из-за этнических, языковых, религиозных или культурных признаков в силу действующего внутригосударственного законодательства ограничена или затруднена возможность реализации прав и свобод человека, безусловно распространяющихся на «государствообразующее» (основное) население государства» [4]. Следует отметить, что в данном случае национальные меньшинства понимаются очень широко. Сюда включаются и трудящиеся мигранты, и беженцы, которые могут находиться на территории легально. Также получается, что наличие определенных языковых или культурных особенностей у группы людей может служить основанием для зачисления в национальное меньшинство. Такой широкий подход представляется вряд ли обоснованным.

После Второй мировой войны понятие меньшинства разрабатывалось на сессиях подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств в 1947 и 1950 гг., на иных международных форумах. В 1977 г. специальный докладчик названной подкомиссии Ф.Капоторти в целях реализации статьи 27 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. предложил определение, согласно которому меньшинство – это «меньшая по численности, не занимающая господствующего положения группа, члены которой – граждане этого государства – обладают с этнической, религиозной или языковой точек зрения характеристиками, отличающимися от характеристик основной части населения, и проявляют, пусть даже косвенное, чувство солидарности в целях сохранения своей культуры, своих традиций, религии или языка» [5]. В этом определении, таким образом, наличествуют пять признаков группы, квалифицирующих ее в меньшинство: 1) критерий численного меньшинства; 2) критерий недоминирования; 3) критерий наличия гражданства; 4) критерий самобытности; 5) критерий солидарности. Многие авторы делают эти критерии на объективные и субъективные [6]; можно также подразделить их на качественные и количественные [7]. По мнению А.Х.Абашидзе, данная дефиниция является рабочим определением, и последующие попытки не внесли в это понятие «ничего существенно нового» [8].

Весьма интересен взгляд на вопрос об определении национального меньшинства российских исследователей И.П.Блищенко и А.Х.Абашидзе. Представляя ситуацию с национальными меньшинствами, сложившуюся после распада СССР и образования новых независимых государств, они предлагают новый критерий определения национального меньшинства: «Одним из критериев должно быть дискриминационное положение наций и народов в том или ином регионе... На наш взгляд, критерий дискриминации является не только основным для международной защиты, но и для определения самих меньшинств, нуждающихся в защите... Мы отдаем себе отчет, что введенный нами признак дискриминации ограничивает объем понятия «национальное меньшинство» только теми группами населения, которые подвергаются ограничению в правах и свободах, и что в реальной жизни есть такие национальные меньшинства, которые не подвергаются дискриминации» [9].

Следует отметить, что такая точка зрения не лишена уязвимости, и, видимо, прав В.В.Кочарян, утверждая, что критерий дискриминации весьма уместен при определении необходимости международной защиты национального меньшинства, но сомнительно, что он может быть признан таковым для определения национального меньшинства как такового в силу заложенной в него определенной противоречивости, так как, чтобы установить факт дискриминации, необходимо наличие «ограничения в правах и свободах», а последние должны быть сформулированы относительно субъекта этих прав – меньшинства, которое в свою очередь определяется через критерии дискриминации. Таким образом, налицо порочный круг: субъект прав не может быть определен через признак нарушения этих прав [10].

В свою очередь В.В.Кочарян предлагает понимать национальное меньшинство максимально широко, вводя в определение национальных меньшинств альтернативность критериев численного меньшинства и недоминирования. Такой подход видится им «наиболее принципиальным и всеохватывающим, гарантирующим, что ни одно меньшинство, будь то в численном и «негосподствующем» смысле, ни одна группа, нуждающаяся в охране своих прав, не останутся вне понятия национального меньшинства и, соответственно, вне системы международной защиты» [11].

Одним из критериев для национального меньшинства в правовой литературе нередко называется наличие у членов группы гражданства данного государства. Данный критерий следует считать вполне обоснованным, ибо правовое положение иностранцев и апатридов регулируется обычным правом и специальными международными договорами. Такое явление но-

вейшего времени, как трудящиеся-мигранты, по мнению В.В.Кочаряна, «должны рассматриваться как отдельная проблема, что подтверждает и международная практика по этому вопросу, в частности, принятие отдельных документов, регулирующих эту проблематику» [12]. Вместе с тем следует отметить иную позицию по этому вопросу Европейской комиссии за демократию через право, которая в «Докладе о негражданах и правах меньшинств», принятом на пленарном заседании этой организации 15–16 декабря 2006 г. в Венеции, отмечает, что критерий гражданства не следует рассматривать как элемент определения меньшинства, но более уместным для государств является рассматривать его как одно из условий для доступа к определенным правам меньшинств [13].

Следует также отметить, что, как верно отмечает британский исследователь Т.Х.Меллой, проблема определения национального меньшинства – это не только проблема соотношения универсального и частного подхода, но также и проблема «мультиконтекстуализации», то есть понимания, что национальные меньшинства – не статичные закрытые однородные группы с ясно определенными границами и идентичностью. Индивидуальный член национального меньшинства в разных случаях может принадлежать и считать себя принадлежащим к разным группам в разное время. Феномен индивидуальной множественной самоидентификации не может в принципе найти отражения ни в одном международном определении национально-го меньшинства [14].

Категория «национальное меньшинство» в официальном обиходе появилась недавно, когда указанное словосочетание было употреблено в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанном 1 августа 1975 г. в Хельсинки [15]. На универсальном уровне термин национального меньшинства начинает употребляться лишь в конце XX века с принятием Декларации ООН «О правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам» от 18 декабря 1992 г., которая, однако, не дает каких-либо толкований этой категории [16]. Более того, ни в одном из международных правовых актов нет определения термина «национальное меньшинство». Исключением не может служить и Конвенция СНГ об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, от 21 октября 1994 г., где дается определение не самих национальных меньшинств как коллективных субъектов, но лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам [17]. Это обстоятельство имеет свои плюсы и минусы и создает проблемы с выработкой каждым государством своего понятия «национального меньшинства» в соответствии с историче-

скими особенностями формирования указанных этносов.

Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств от 1 февраля 1995 г. не дает определения этого термина [18]. Это значит, что нет ясного соглашения о типах групп, покрываемых Конвенцией. Пояснительная записка в параграфе 12 говорит, что составители решили принять данный «прагматичный подход» из-за того, что они посчитали невозможным сформулировать определение, которое вряд ли получило бы поддержку у всех государств – членом Совета Европы. Этот прагматичный подход был также принят Верховным комиссаром ОБСЕ по национальным меньшинствам. Важно отметить, что и в других международных инструментах нет консенсуса по определению национального меньшинства. Можно констатировать, что в международной практике категория меньшинств рассматривается скорее как вопрос факта, а не права [19].

Заслуживает внимания также выделение некоторыми западными исследователями, наряду с национальными, этнических меньшинств. Так, польский исследователь А.Порембский определяет, что в отличие от классически понимаемых национальных меньшинств – это группы, культура которых не защищается ни в каком ином государстве-нации. Этнические меньшинства находятся, таким образом, в более трудной ситуации, так как существование их культуры должно опираться на иных основаниях, нежели государство-нация, а значит, по определению, является более затрудненным и подверженным опасностям [20]. Следует отметить, что такое разграничение понятий закреплено и в польском национальном законодательстве о национальных меньшинствах [21].

Говоря о национальных меньшинствах, нельзя пройти мимо вопроса о так называемых «новых меньшинствах», поднимаемом западными учеными. Следует отметить, что этнические процессы в Европе после Второй мировой войны проходят в двух измерениях: первое, историческое, относится к автохтонным, или «автохтонизированным» меньшинствам и этническим группам и является сравнительно стабильным; второе, современное измерение, связано с «новыми меньшинствами», которые прибыли, как правило, в качестве рабочей силы и поселились в странах Западной Европы. Число последних постоянно растет из-за постоянной иммиграции и естественного прироста. Присутствие иммигрантов ставит перед принимающими государствами необходимость принятия мер по их адаптации и интеграции, тем более, что в настоящее время практически невозможно остановить наплыв иммигрантов [22]. В последнее время система защиты национальных меньшинств в Европе не охватывает мигрантов. В большинстве

стран Европы защищены лишь исторические национальные и этнические меньшинства.

Британский исследователь Т.Х.Меллой считает неоправданным распространение понятия национального меньшинства на добровольных или вынужденных иммигрантов. Будучи национальными по названию, иммигранты, которые живут разбросанно среди населения большинства, такие как турки в Германии и Скандинавии, иммигранты из прежних колоний, живущие в Великобритании, Франции, Нидерландах и Португалии, албанцы в Италии, африканцы в Италии и Испании, не рассматриваются как автохтонные национальные меньшинства. Чаще всего они называются «новыми меньшинствами», а сам Т.Х.Меллой предлагает обозначать их термином «этнические группы». При внешней схожести с автохтонными национальными группами, в отличие от них, представители этнических групп решили покинуть свои национальные группы и родную землю, как правило, ради экономических интересов. Различие между национальным и этническим меньшинством в данном случае является решающим. Хотя этнические группы могут также быть тесно связаны со своим родным государством, считается, что они имеют меньшую привязанность, так как в свое время эмигрировали добровольно [23].

На основании всего вышесказанного можно выделить следующие критерии, которые могут быть положены в определение национального меньшинства как правовой категории:

1) критерий этнического отличия национального меньшинства от основного населения государства – титульной, доминирующей нации (этноса), что выражается в наличии языковых, культурных, религиозных особенностей, особенностей традиций, образа жизни, позволяющих констатировать отдельный этнос;

2) критерий гражданства;

3) критерий длительной исторической связи данной группы с территорией государства, в котором они постоянно проживают;

4) «недоминирующий» характер данной группы, что означает, что фактически, на практике, основная государственная административная, финансовая, правовая и моральная поддержка оказывается поддержанию иной национальной (этнической) культуры;

5) критерий наличия у данной социальной группы воли к сохранению и поддержанию собственной идентичности, своих национально-культурных, религиозных, языковых особенностей.

Не случайно здесь пропущен критерий численного меньшинства. Он не является определяющим. Достаточно констатации недоминирующего положения этноса в государстве.

Следует подчеркнуть, что национальное меньшинство – это, прежде всего, этнос (или

часть этноса) – коллективное образование, обладающее собственной волей. Как утверждает Л.В.Андриченко, «Этническое, религиозное или языковое меньшинство определяется прежде всего наличием группового самосознания, одним из элементов которого является коллективная воля группы к выживанию. Наличие такой воли – решающее условие выживания меньшинства, особенно в национальном государстве с недемократическим режимом» [24]. Этнос – это не простая совокупность людей со сходными характеристиками, но определенная духовная реальность, объединяющая людей в единый организм. Человек осознает свою принадлежность к данному образованию, сопереживает ему. Представляется, что правовой защитой должны пользоваться не только индивиды – представители этноса, но и сам этнос – определенная духовная реальность, носителями которой в той или иной степени является определенная группа граждан, причисляющих себя к этому этносу. Такой подход должен однозначно и положительно решить вопрос о признании коллективной природы прав меньшинств.

Уместно отметить, что понятие этноса также весьма спорное и неоднозначное в науке. Так, современный российский этнолог Ю.В.Бромлей приводит следующее определение этноса: «этнос (или этнос в узком значении этого термина) может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» [25]. Русский философ и этнолог Л.Н.Гумилев определял этнос как «коллектив особей, выделяющий себя из всех прочих коллективов. Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени». Этнос – коллектив особей, имеющий неповторимую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения, причем обе составляющие динамичны. Этнос – элементарное явление, не сводимое ни к социологическому, ни к биологическому, ни к географическому явлениям [26].

Автор считает не совсем корректным определять национальное меньшинство через наличие у группы людей определенных культурных, этнических, религиозных, языковых особенностей, как это уже традиционно сложилось в доктрине и законодательной практике государств. Наличие только культурных, или религиозных, или иных характеристик еще недостаточно для констатации этноса, а значит, и национального меньшинства. Например, старообрядцы в России обладают яркими особенностями быта, тра-

диций, религии, характера и даже языка, обладают самоназванием и самосознанием, но вряд ли кто-нибудь посмеет сказать, что они представляют собой национальное меньшинство. Так, Л.Н. Гумилев утверждает, что «нет ни одного признака для определения этноса, применимого ко всем известным случаям. Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими, а иногда – нет. Вынести за скобки можно только одно – признание каждым человеком: «Мы такие-то, а все прочие другие»» [27]. Представляется, что наличие этих признаков в существующих на сегодняшний день доктринальных и легальных определениях национального меньшинства имеет целью указать именно на то, что речь идет именно об этносе, этнической группе.

Может возникнуть вопрос, не лучше ли было бы тогда говорить не о национальных меньшинствах, а об этнических? В данном случае автор предлагает разграничивать понятия национального и этнического меньшинства следующим образом. Каждое национальное меньшинство по определению является и этническим меньшинством, но не каждое этническое меньшинство в государстве является национальным. Национальными признаются этнические меньшинства, которые имеют длительную историческую связь с территорией государства, в котором они проживают, т.е. не являются иммигрантами или беженцами, и, значит, обладают определенными моральными правами на данную территорию, данная земля для них родная. Это вовсе не означает, что этнические группы, не признаваемые национальными, не могут обладать культурными или языковыми правами, вовсе нет, но эти права должны регулироваться иными правовыми институтами, и объем прав у них должен быть несколько иным. Иными словами, «принцип почвы», т.е. традиционная историческая укорененность на территории государства, является определяющим для констатации национального меньшинства.

Такой критерий длительной исторической связи именно с территорией данного государства, а не с государством, подчеркивает, что данный этнос обладает более высокими моральными правами на существование и поддержание своей самобытности, нежели иные группы, не признаваемые национальными меньшинствами, например иммигранты, которые приезжают на территорию данного государства, как правило, из прагматических интересов; беженцы, которые должны рассматриваться, прежде всего, как временно пребывающие на территории данного государства лица.

Представляется, что одной из основных задач правового института защиты национальных меньшинств является поддержание межэтниче-

ского мира и согласия, что может быть достигнуто через предоставление этносам более или менее равных возможностей для существования и развития, независимо, обладает ли этнос своим государством или нет, оказалась ли этническая группа по ту или иную сторону государственной границы. Данный тезис может служить определенным этическим идеалом, к которому следует стремиться, закрепляя правовой статус национальных меньшинств. Национальные меньшинства – коллективные субъекты права, этносы или части этносов, которым «не повезло» создать собственное государство или оказаться в границах родного государства. Вряд ли когда-нибудь будет возможным признание правового принципа равенства этносов, как невозможно и создание отдельного государства для каждого этноса, но возможно и необходимо признание за каждым этносом права на существование, развитие, сохранение собственной идентичности, самовыражение и пропаганду своих идей и ценностей.

В приведенном выше ряду критериев наиболее важным представляется критерий наличия у группы воли к сохранению и поддержанию своей идентичности, самосознания, чувства солидарности в целях сохранения своих традиций, культуры, языка. Причем, как отмечал еще Р. Давид, критерий самосознания является определяющим для формирования самой нации (народа): «Человек не является рабом ни расы, ни языка, ни своей религии, ни течения рек, ни направленности горных цепей. Крупная совокупность людей, здоровая духом и холодная сердцем, созданная единым моральным сознанием, которая называется нацией» [28]. В то же время следует весьма осторожно относиться к данному критерию. Теоретически возможна такая ситуация, когда этнос прекращает свое существование и ассимилируется иными, более сильными этносами добровольно. Однако следует учитывать, что в тоталитарных и авторитарных государствах выражение воли к самосохранению у недоминирующих этносов может быть затруднено, а иногда и вовсе невозможно. Поэтому следует признать презумпцию наличия такой воли у каждого существующего этноса.

Таким образом, на основании вышесказанного можно дать следующее определение национального меньшинства как юридической категории: национальное меньшинство представляет собой этническую группу (этнос) граждан данного государства, отличную от государствообразующего доминирующего этноса (этносов), которая имеет длительную историческую связь с территорией данного государства, обладающая самосознанием и волей к самосохранению и поддержанию своей идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой юридический словарь / под. ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Кругских. – М.: ИНФРА-М, 1998. – VI. – С. 402–403.
2. Юрьев, С.С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты) / С.С. Юрьев. – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 259.
3. Дубровин, Ю.Д. Проблема правового регулирования и защиты прав национальных меньшинств в Российской Федерации / Ю.Д. Дубровин // Московский центр права [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.lawcenter.ru/publisher/c2.htm>. – Дата доступа: 25.03.2009.
4. Юрьев, С.С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). – С. 259.
5. Юрьев, С.С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). – С. 16–17.
6. Malloy, T.H. National Minority Rights in Europe / T.H. Malloy. – New York: Oxford University Press, 2005. – С. 19.
7. Кочарян, Н.Н. Национальные меньшинства и их защита в международном праве / Н.Н. Кочарян // Правоведение. – 1995. – № 2. – С. 24.
8. Абашидзе, А.Х. Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву / А.Х. Абашидзе. – М., 1996. – С. 176.
9. Блищенко, И.П. Права национальных меньшинств в свете мирового опыта / И.П. Блищенко, А.Х. Абашидзе // Общественные науки и современность. – 1992. – № 4. – С. 123–126.
10. Кочарян, Н.Н. Национальные меньшинства и их защита в международном праве. – С. 37.
11. Там же. – С. 37–38.
12. Там же. – С. 38.
13. Report on non-citizens and minority rights (Venice, 15–16 December 2006). – European Commission for Democracy through Law: Strasbourg, 2007. – С. 38.
14. Malloy, T.H. National Minority Rights in Europe. – С. 20.
15. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. Хельсинки, 1 авг. 1975 г. // Абарона правоў асоб, якія належаць да нацыянальных супольнасцей Рэспублікі Беларусь: даведнік / склад. Н.В. Ходар. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2006. – С. 70–76.
16. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, от 18 дек. 1992 г. // Абарона правоў асоб, якія належаць да нацыянальных супольнасцей Рэспублікі Беларусь: даведнік / склад. Н.В. Ходар. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2006. – С. 11–12.
17. Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, от 21 октября 1994 г. // Абарона правоў асоб, якія належаць да нацыянальных супольнасцей Рэспублікі Беларусь: даведнік / склад. Н.В. Ходар. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2006. – С. 91–94.
18. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств от 1 февр. 1995 г. // Права национальных меньшинств. Народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: сб. док. / под общ. ред. О.О. Миронова. – М.: Изд-во «Экзамэн», 2006. – С. 107–108.
19. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. Руководство для НПО // Фонд исследований и поддержки коренных народов Крыма [Электронный ресурс]. – Симферополь, 2002. – Режим доступа: http://www1.umn.edu/humanrts/russian/hrtsbook/Rngoguide_minorities.html. – Дата доступа: 31.03.2009.
20. Porębski, A. Problematyka autochtonicznych grup etnicznych we współczesnej Europie / A. Porębski // Mniejszości narodowe i etniczne w procesach transformacji oraz integracji. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2006. – С. 54.
21. О национальных и этнических меньшинствах и о региональном языке: Закон Респ. Польша, 6 янв. 2005 г. / пер. с пол. В.В. Липницкий // Основы конституционного права Республики Польша / А.Е. Вашкевич. – Минск, 2007. – С. 434–452.
22. Michalik, E. Polityka państw Europejskich wobec nowych mniejszości / E. Michalik // Mniejszości narodowe i etniczne w procesach transformacji oraz integracji. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2006. – С. 125.
23. Malloy, T.H. National Minority Rights in Europe. – С. 23.
24. Андриченко, Л.В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации / Л.В. Андриченко. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2005. – С. 43.
25. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей; послесл. Н.Я. Бромлей. – 2-е изд., доп. – М.: Изд. ЛКИ, 2008. – С. 57–58.
26. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – С. 53–93.
27. Там же. – С. 53–93.
28. David, R. Q'est-ce-qu'une nation? Conferance prononcée a la Sorbonne, le 11 mars 1882 / R. David // [Electronic resource]. – 2008. – Mode of access: <http://www2.ac-lyon.fr/enseigne/ses/ecjs/renan.html>. – Date of access: 05.04.2009. – С. 9.

Дата поступления статьи в редакцию 12.10.2010

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

МАШКО Н.В.,

соискатель Института правовых исследований Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь

Статья посвящена анализу созданных в различных регионах мира механизмов регулирования и защиты права человека на жизнь, истории развития и толкования данного права, рассмотрению основополагающих соглашений и компетенции международных органов по защите права на жизнь. В результате исследования сделаны выводы о возможности причисления права на жизнь к абсолютным правам человека.

The article analyses mechanisms of regulation and protection of human right to life created in different world's regions, the history of development and interpretation of the above mentioned right, as well as basic agreements and competence of international organizations protecting human right to life. The researcher arrives at the conclusion that human right to life may be classified as one of the absolute human rights.

Жизнь человека – высшее право, которое признают и защищают все договоры и декларации о правах человека.

(из Постановления Европейского суда по правам человека по делу «Оджалан против Турции», п. 135. 2005 г.)

Право на жизнь является главнейшим и ценнейшим из всех естественных прав человека. Впервые на международном уровне это право было закреплено во Всеобщей декларации прав человека в декабре 1948 года после того, как мировое сообщество осознало теснейшую взаимосвязь между сохранением международного мира и безопасностью и соблюдением прав человека, в том числе права на жизнь, подвергнувшегося вопиющим нарушениям во время Второй мировой войны.

Статья 3 Декларации стала исторической предшественницей всех региональных норм, закрепляющих право на жизнь, хотя каждое отдельное соглашение привнесло свой особый смысл в раскрытие этого права.

Региональным механизмам защиты прав человека уделяли внимание в своих трудах такие

юристы-международники, как А.Х.Абашидзе [1], В.А.Карташкин [2], С.Ю.Кашкин [3], Л.М.Гойа Дансо [1], З.В.Лешкашели [4]. Отдельные аспекты рассматриваемого вопроса нашли отражение в работах белорусских ученых Е.А.Вашкевича [5], Г.А.Василевича [6, 7], Э.А.Саркисовой [7]. Изучению права человека на жизнь в решениях Европейского и Межамериканского судов посвящены работы Дж.Мэрдока [8], Г.И.Конь [9, 10]. Однако вопрос регулирования и защиты права человека на жизнь созданными в различных регионах мира механизмами представляется требующим более детального рассмотрения, прежде всего, в целях изучения накопленного международного опыта в защите данного основополагающего права.

Освещаемая в данной статье тема актуальна для стран СНГ, так как на пути совершенствования системы защиты прав человека и выработки современных подходов к международному сотрудничеству в данной области необходимо анализ международного опыта эффективно действующих региональных организаций.

В Уставе ООН содержится отдельная глава VIII «Региональные соглашения», определившая правовую основу создания «локальных» межго-

сударственных организаций. Их деятельность должна быть совместима с целями и принципами Устава ООН. Неоспоримым преимуществом региональных систем представляется то, что они на местном уровне могут более «точно» и эффективно урегулировать и «раскрыть» права, предусмотренные универсальными документами, с учетом специфики региона и определенных, уже сложившихся национальных, геополитических особенностей конкретных районов.

Право человека на жизнь находит отражение в международных соглашениях регионального уровня между странами с различными правовыми системами. Это Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года (ст. 2, протоколы № 6 и 13) [11, 12, 13], Американская конвенция о правах человека 1969 года (ст. 4, Протокол об отмене смертной казни) [14, 15], Африканская хартия прав человека и народов 1981 года (ст. 4) [16], Каирская декларация прав человека в исламе 1990 года (ст. 2) [17], Арабская хартия прав человека 1994 года (ст. 5) [18], Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека 1995 года (ст. 2) [19] и иные. Отдельные из них представляют особый интерес в связи с доказанной временем эффективностью функционирования созданных ими механизмов и потому будут рассмотрены в данной статье.

В первую очередь считаем целесообразным обратиться к европейской системе защиты прав человека, которая по праву считается первой и наиболее эффективно действующей на данном этапе системой. Ее основу составляет Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее – Конвенция 1950 г.), закрепившая в качестве контрольных органов за их соблюдением Европейскую комиссию по правам человека (ныне упразднена), и Европейский суд по правам человека, и протоколы к ней.

В настоящее время только европейская система предоставляет возможность рассмотрения индивидуальных жалоб сразу и непосредственно в суде, исключая предварительное рассмотрение комиссией. И, что немаловажно, действие Конвенции 1950 г. распространяется на все государства – члены Совета Европы.

Статья 2 данной Конвенции 1950 г. закрепляет, что право каждого лица на жизнь не только провозглашается, но и «охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе, как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание». Данной статье полностью соответствует формулировка статьи 2 Хартии Европейского союза об основных правах. Содержание этого права предполагает «активные действия Европейского союза, государств-членов, их институтов, органов и должностных лиц по созданию и поддержанию безопасных усло-

вий жизни» [1]. Европейский суд по правам человека в деле «Претти против Великобритании» (Pretty v. UK, 2002), к примеру, еще раз подчеркнул, что он «в своей практике устанавливает верховенство статьи 2» как содержащей основополагающую норму Конвенции 1950 г. [20, с. 98].

Из содержания статьи 2 Конвенции 1950 г. вытекают сразу несколько обязательств для исполнения государствами:

- позитивное обязательство государства предпринимать меры для защиты жизни, предполагающее принятие властями конкретных мер как в виде закрепления соответствующих норм в национальной правовой системе (особенно в конституционном и уголовном законодательстве), так и создании реальных механизмов их реализации (действенной судебно-исполнительной системой);
- процессуальный аспект позитивного обязательства, связанный с тщательным расследованием подозрительных случаев насильственного лишения жизни;
- негативное обязательство воздерживаться от незаконного лишения жизни в случаях, не являющихся исключением в соответствии с пунктом 2 статьи 2 Конвенции 1950 г.

Такое разделение обязательств (аспектов) поддерживается практически всеми специалистами по европейскому праву прав человека [8, с. 28; 20; 21, с. 38].

Содержание, возможности и степень необходимого исполнения государствами этих обязательств и являются предметом анализа Европейским судом при решении каждого конкретного дела о нарушении права на жизнь, количество которых в последнее десятилетие существенно увеличилось. Это связывают со вступлением в Совет Европы Турции и стран Восточной Европы. Так, на долю Турции за период с 1999 года по 2005 год пришлось 109 из 140 дел о нарушении статьи 2 Конвенции 1950 г. [8, с. 27]. В своих решениях суд постоянно подчеркивает, что статья 2 Конвенции 1950 г. накладывает на государство обязательство не только воздержаться от умышленного и незаконного лишения жизни, но и предпринять необходимые шаги по защите лиц, находящихся под его юрисдикцией [8, с. 29].

Впервые суд вынес решение по делу, связанному с нарушением государством обязательств в сфере права на жизнь, в 1995 году (дело «Маккан и другие против Великобритании» [22]). Именно в этом первом деле суд отразил некоторые наиболее важные принципы применения положений статьи, касающихся таких аспектов, как:

- необходимость исключительно ограниченного толкования норм статьи 2 Конвенции 1950 г. (п. 147);

- толкование слов статьи 2 «абсолютно необходимый» (п. 149);
- критерии толкования права на жизнь при применении смертоносной силы (п. 150);
- критерии соразмерности применения властью силы в антитеррористической операции [20, с. 122] и другие.

Статья 2 Конвенции 1950 г. не фиксирует начало возможного осуществления права человека на жизнь. В связи с этим в практике и Европейской комиссии, и Европейского суда при разрешении дел, связанных с медицинским прерыванием беременности, не раз возникала необходимость определить пределы защиты Конвенцией 1950 г. права на жизнь. Европейская комиссия в период своего существования не смогла прийти к однозначному выводу, а Европейский суд в деле «Бозо против Италии» (*Boso v. Italy*, 2002) [20, с. 31] в своем решении от 5 сентября 2002 г. предпочел лишь вскользь «предположить, что при определенных обстоятельствах утробный плод может считаться субъектом прав, охраняемых статьей 2 Конвенции», признав жалобу заявителя, супруга которого без его согласия по медицинским показаниям совершила прерывание беременности, явно необоснованной.

В своих решениях суд не раз подчеркивал, что содержание статьи 2 Конвенции 1950 г. подлежит только ограничительному толкованию [24, с. 44]. На данный момент суд так и не опроверг толкование содержащегося в статье понятия «каждый», данного в заключении Европейской комиссии (1980 г.). Так, «по общему правилу, использование в Конвенции понятия «каждый» и контекст, в котором это слово употребляется в ст. 2..., не применяются к ребенку, который должен родиться» [25, с. 224]. Более подробно вопросы начала защиты жизни раскрыты в статье автора «Пределы действия права на жизнь: трактовка в национальном законодательстве и практике Европейского суда по правам человека» [26].

Лишение жизни в контексте статьи 2 Конвенции 1950 г. не рассматривается как нарушение права на жизнь, если оно является результатом применения силы, не более чем абсолютно необходимой: а) для защиты любого лица от незаконного насилия; б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях; в) в случае действий, предусмотренных законом, для подавления бунта или мятежа. По мнению суда, исключения, предусмотренные статьей 2 Конвенции 1950 г., свидетельствуют, в первую очередь, о возможности «применения силы», способной привести к непредумышленному лишению жизни, а не о ситуациях, в которых позволено преднамеренное лишение жизни. Применение силы должно стать «абсолютно необходимым» для достижения одной из целей,

перечисленных в пунктах а), б) и в) данной статьи [24, с. 100].

Однако Протокол № 6 к Конвенции 1950 г. (1983 г.) содержит следующее положение: «Смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен» [12]. Статья 2 данного Протокола гласит, что государство может предусмотреть в своем законодательстве смертную казнь за действия, совершенные во время войны или при неизбежной угрозе войны. Однако подобное наказание может применяться только в установленных законом случаях с соблюдением установленных условий.

Заключительным этапом формирования европейского права прав человека в части отказа от смертной казни стало принятие Протокола № 13, который предусматривает полную и безусловную отмену смертной казни. Сорок три государства – члена Совета Европы подписали его, двадцать девять – ратифицировали. Он вступил в силу 1 июля 2003 г. после десятой ратификации. Три государства – члена Совета Европы (Армения, Азербайджан и Россия) еще не подписали его.

В пункте 2 Заключения № 233 (2002 г.) Парламентской ассамблеи Совета Европы «О проекте Протокола к Европейской конвенции о правах человека в отношении отмены смертной казни в любых обстоятельствах» подчеркивается, что «высшей мере наказания нет места в цивилизованных, демократических сообществах, управляемых по принципу господства права» [27].

На протяжении всего периода существования Европейской комиссии по правам человека (вплоть до ее упразднения в 1998 году) вопросы о правомерности лишения жизни достаточно часто выносились на ее обсуждение, однако до разрешения Европейским судом по правам человека, как этого требовала процедура, дошло только шесть. В известном деле «Маккан и другие против Великобритании» (о террористическом покушении) 1995 года Европейский суд сделал акцент на тот факт, что статья 2 Конвенции 1950 г. является одной из основополагающих в Конвенции 1950 г. [22].

Одним из главных преимуществ суда является система обязательной юрисдикции для государств, ратифицировавших Конвенцию 1950 г. Тем не менее существуют и полярные мнения о недостаточной эффективности работы суда. В юридической литературе приводятся данные, что по состоянию на 1 мая 2008 г. Европейским судом, к примеру, уже вынесено около 30 решений по поводу нарушений прав и свобод человека на территории Чеченской Республики РФ, и в этих решениях установлена ответственность России за нарушения статей 2 и 3 Конвенции 1950 г. По всем этим делам суд установил отсутствие тщательного и эффективного расследования. Однако, по сведениям авторов, на данный

момент не предоставлено информации о привлечении к ответственности виновных лиц, методы расследования преступлений не были кардинально изменены [28].

И хотя в рамках европейской системы защиты прав человека на данный момент уже создана обширная практика рассмотрения дел в связи с нарушением статьи 2 Конвенции 1950 г., наблюдается тенденция к увеличению удельного веса данной категории дел среди рассматриваемых судом.

Механизмы и процедуры защиты права человека на жизнь предусмотрены и в рамках других региональных международных организаций. Так, в основе функционирования межамериканской системы защиты прав человека лежат сразу три документа: Устав Организации Американских Государств, Американская декларация прав и обязанностей человека (оба приняты в апреле 1948 года) и Американская конвенция о правах человека 1969 года (другое ее название – Пакт Сан-Хосе) [29].

Так, пункт 1 статьи 4 Американской конвенции указывает, что «каждое лицо имеет право на уважение его жизни. Это право должно защищаться законом с момента зачатия. Никто не может быть произвольно лишен жизни». Данная формулировка статьи сразу разрешает дилемму, которая еще стоит перед Европейским судом, – закрепление защиты жизни еще до рождения. Однако именно такое однозначное определение данного момента и защита жизни эмбриона являются одним из факторов, в связи с которыми, к примеру, США отказываются ратифицировать Американскую конвенцию [9, с. 81].

Представляет также интерес содержание статьи 4 рассматриваемой Конвенции 1950 г., уделяющей особое внимание вопросу смертной казни и подробного закрепления случаев ее неприменения: в отношении лиц, не достигших 18 лет, старше 70 лет, беременных женщин, а также за совершение политических или незначительных преступлений. Важным представляется и тот факт, что Конвенция 1950 г. предусматривает наложение запрета на восстановление смертной казни в странах, которые ранее ее отменили, что является весьма актуальным, так как, несмотря на «подтверждение тенденции к росту темпов отмены смертной казни за последние 10–15 лет», ряд государств восстановили этот вид наказания [30, с. 28].

В 1990 году был принят Протокол об отмене смертной казни [15]. На данный момент его подписали 10 из 34 государств – членов ОАГ, из них Бразилия и Чили сделали оговорку о применении смертной казни в военное время в соответствии с международным правом за особо тяжкие преступления военного характера. Таким образом, в тексте Протокола не содержится

абсолютного запрета смертной казни, поскольку возможны подобные оговорки.

Подобно тому, как это было до конца 90-х годов XX века в Европе, механизм контроля сосредоточен в ОАГ в двух органах: Межамериканском суде по правам человека и Межамериканской комиссии по правам человека [31, с. 93]. Комиссия играет роль первой инстанции и решает вопрос о передаче дела на рассмотрение суда. Указанные органы обладают достаточно широкими полномочиями по защите права на жизнь и отмене смертной казни.

Для Межамериканского суда, в отличие от Европейского, в первые десятилетия его работы рассмотрение дел, связанных с нарушением права человека на жизнь, было практически исключительной компетенцией. На данном этапе, после устранения диктаторских режимов в Латинской Америке, рассмотрение таких дел практически свелось к минимуму.

Одними из наиболее важных дел о нарушении статьи 4 Конвенции 1950 г. в практике Межамериканского суда были так называемые дела «о трех исчезновениях» (Веласкес Родригес, Годинез Круз и Фарен Гарби), в решениях по которым было раскрыто содержание позитивного обязательства государства в защите права на жизнь [9, с. 83].

Практика показала, что одной из важнейших функций суда стало принятие промежуточных мер «в крайне важных и срочных случаях, а также в случае необходимости для предотвращения причинения лицам невосполнимого ущерба» (п. 2 ст. 63 Американской конвенции). Примечательно, что такие меры могут предприниматься судом как по уже рассматриваемым им делам, так и по тем, что еще находятся в Межамериканской комиссии. Учитывая особые политические условия современной Латинской Америки, данные меры сыграли позитивную роль в ограждении от насилия свидетелей по делам, касающимся нарушения прав человека.

В Консультативном заключении, касающемся права на информацию, Межамериканский суд отметил, что применение и назначение смертной казни регулируются принципом, что «никто не будет произвольно лишен жизни». Как статья 6 Международного пакта о гражданских и политических правах, так и статья 4 Американской конвенции требуют строгого соблюдения правовых процедур и ограниченного применения этого наказания к «особо тяжким преступлениям». Поэтому в обоих документах отмечается тенденция к ограничению применения смертной казни и ее последующей отмене. Эта тенденция преобразуется в признанный на международном уровне принцип, посредством которого те государства, в которых до сих пор существует смертная казнь, должны без исключений

осуществлять жесткий контроль за соблюдением судебных гарантий в таких делах [27, п. 134].

В Постановлении Межамериканского суда от 21 июня 2002 г. по делу «Хилари, Константин, Бенджамин и другие против Тринидада и Тобаго» Межамериканский суд отметил: «Учитывая исключительно тяжелый и непоправимый характер смертной казни, соблюдение надлежащей правовой процедуры, с набором прав и гарантий, присущих ей, становится еще более важным, когда под угрозой находится жизнь человека» [27, п. 148].

Небольшое количество вынесенных судом решений и консультативных заключений позволило российскому профессору В.А.Карташкину сделать вывод, что деятельность контрольных органов в области защиты права на жизнь в рамках межамериканской системы, учитывая реалии американских государств, «оказалась практически неэффективной» [32, с. 97]. Однако, по мнению ученого З.В.Лешкашели, у межамериканской системы защиты прав человека имеются перспективы развиваться, учитывая опыт Европейского суда по правам человека [4, с. 22].

Таким образом, особенностями межамериканской системы защиты права человека на жизнь можно считать запрет восстановления смертной казни странами, которые ее отменили; точное определение момента начала законодательной охраны права на жизнь; конвенционное закрепление ограничений применения смертной казни. Более подробно о региональных системах в области права человека на жизнь смотри в таблице.

Африканская хартия прав человека и народов – региональный правозащитный договор стран Африканского континента, принятый в 1981 году и вступивший в силу в 1986 году [16]. По состоянию на 2010 год в хартии участвуют 53 страны.

В статье 4 Африканской хартии не содержится прямого запрета смертной казни, а лишь указывается, что человеческая жизнь неприкосновенна и никто не может быть лишен этого права. Для защиты права на жизнь в данном случае может использоваться статья 7 хартии, закрепляющая право на справедливое рассмотрение дела судом.

Несмотря на то, что права человека упомянуты в положениях Учредительного акта Африканского союза, защита этих прав не относится к функциям ни одного из его органов. В отношении права на жизнь совет союза осуществляет «в рамках своих функций по предотвращению конфликтов контроль за успешным продвижением стран союза на пути внедрения демократических основ и методов правления, обеспечения принципа уважения высшей ценности и неприкосновенности человеческой жизни» [1].

Созданная согласно хартии Африканская комиссия по правам человека и народов осуществ-

ляет надзор за выполнением хартии в форме рассмотрения докладов государств о ее выполнении и заявлений о ее нарушениях. Она имеет мандат интерпретировать Африканскую хартию, а также проводить исследования по африканским проблемам в области прав человека и народов, и в числе прочих давать рекомендации правительствам. В научной литературе отмечается, что требуется «провести необходимые исследования, которые заставили бы реально взглянуть на проблему соблюдения прав человека в Африке» [33].

В 1998 году был принят и в 2004 году вступил в силу Протокол о создании Африканского суда по правам человека и народов (на 2010 год его подписали лишь 25 государств континента) [34]. Однако по состоянию на 2010 год данный суд еще не рассмотрел ни одного дела, хотя первый его состав был избран еще в 2006 году.

Специалисты в области африканского права отмечают, что в условиях эйфории, вызванной в тот период усиливающейся борьбой за независимость, таким аспектам, как права человека и демократия, уделялось совсем немного внимания. И дело обретения свободы и независимости само по себе уже рассматривалось в качестве основополагающего права человека [1].

Африканская система защиты прав человека имеет огромный потенциал для развития, хотя пока полна лишь общими формулировками в отношении права человека на жизнь и не наполнена практикой их применения. Так, Африканский суд согласно пункту 1 статьи 3 указанного Протокола при рассмотрении споров может использовать положения Устава ООН, Всеобщей декларации прав человека, а также «любых иных относящихся к правам человека и признаваемых соответствующим государством документов», и это раскрывает большие возможности в защите права на жизнь. Поэтому представляется, что в вопросе защиты права на жизнь роль таких органов, как Африканская комиссия и Африканский суд по правам человека и народов, со временем возрастет.

На территории постсоветского пространства также был создан региональный механизм защиты прав человека – в 1995 году была принята Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека [19]. Действие Конвенции СНГ направлено на соблюдение международных стандартов в области прав человека всеми государствами – участниками СНГ. Контроль за соблюдением прав человека в СНГ осуществляет Комиссия по правам человека, Положение о которой утверждено Советом глав государств Содружества 24 сентября 1993 г. Данная Комиссия является лишь консультативным органом, призванным наблюдать за выполнением государствами обязательств в этой области.

Сравнительная таблица правозащитных региональных систем в области права человека на жизнь

Система защиты прав человека	Европейская	Американская	Африканская	СНГ
Основной акт	Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод	Американская конвенция о правах человека	Африканская хартия прав человека и народов	Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека
Год подписания	1950	1969	1981	1995
Год вступления в силу	1953	1978	1986	1998 (для Беларуси)
Судебные органы	Европейский суд по правам человека, действующий	Межамериканский суд по правам человека, действующий	Суд по правам человека – действует, однако не рассмотрел ни одного дела (первый состав сформирован в 2006 году)	Судебный орган защиты отсутствует
Формулировка нормы о праве на жизнь	Ст. 2. Право каждого человека на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора	Ст. 4. Каждый человек имеет право на уважение его жизни. Это право защищается законом и, как правило, с момента зачатия. Никто не может быть произвольно лишен жизни	Ст. 4. Человеческая личность неприкосновенна. Каждый человек имеет право на уважение его жизни и личной неприкосновенности. Никто не может быть произвольно лишен этого права	Ст. 2. Право каждого человека на жизнь охраняется законом. Никто не может быть намеренно лишен жизни
Абсолютный запрет смертной казни	Закреплен в Протоколе № 13 (вступил в силу в 2003 году)	Протокол 1990 года	Отсутствует	Отсутствует
Возраст неприменения смертной казни	Отсутствует указание	До 18 и после 70 лет	Отсутствует указание	До 18 лет
Обязательность для применения (на 2010 год)	Все страны Совета Европы	29 из 34 членов ОАГ	53 государства континента	6 из 11

В своих формулировках о праве на жизнь статья 2 Конвенции СНГ близка к Конвенции 1950 г. Однако смертная казнь до ее исключения может применяться только за тяжкие преступления. В вопросе указания на случаи возможного отступления от данного права и определения случаев крайней необходимости и необходимой обороны, в отличие от содержания статьи 2 Конвенции 1950 г., данная статья отсылает к национальному законодательству стран – участниц СНГ.

В рамках СНГ на данный момент отсутствует судебный орган, призванный защищать право на жизнь в отношении граждан стран – участниц СНГ. В публичных выступлениях поднимался вопрос о возможности возложения на уже действующий Экономический суд СНГ разрешения споров, связанных с правами человека по Конвенции СНГ [35]. Однако это пока лишь один из возможных вариантов своеобразного развития системы защиты прав человека в СНГ, не лишенный своих положительных и отрицательных сторон.

Несомненно, представляет интерес также отношение к праву на жизнь в странах с мусульманской правовой системой, где священная кни-

га Коран является первоисточником права. По мнению большинства российских историков, центральной категорией в мусульманском праве вообще являются не права индивида, а его обязанности, источником которых является не закон как таковой, а шариат, или «божественный закон».

Право на жизнь закреплено, прежде всего, в Коране, который запрещает неправомерное посягательство на жизнь человека: «Не убивайте живых существ, которых запретил убивать Аллах, за исключением тех случаев, когда у вас [на это] есть право». За нарушение этой заповеди Аллахом установлена ответственность в виде смертной казни по принципу воздаяния равным: «О вы, которые уверовали! Предписано вам возмездие за убитых» [36, с. 280].

Нормы шариата допускают отмену смертной казни за политические преступления, а также ее замену выкупом за кровь или прощением преступника родственниками потерпевшего. Доктрина ислама формулирует достаточно строгие условия для вынесения смертного приговора, которые значительно сужают рамки практического применения данной санкции, что

подтверждается Исламской декларацией прав человека 1990 года [37, с. 400]. Несмотря на особую правовую позицию, современный исламский подход в отношении к праву на жизнь в целом перекликается с мировыми стандартами.

Так, абзац (а) статьи 2 вышеназванной декларации гласит: «Жизнь – дар от Бога, и [потому] право на жизнь гарантировано каждому человеку». Однако данное право не абсолютно – «Запрещено лишение жизни, кроме как по предписанной шариатом причине». А абзац (с) указанной статьи дополняет, что «сохранение человеческой жизни на протяжении всего срока времени волей Аллаха является обязанностью, предусмотренной шариатом».

Таким образом, механизмы защиты, созданные на региональных уровнях, играют немаловажную роль в обеспечении защиты права человека на жизнь. Их развитие свидетельствует о

тождественности мировых процессов по отмене смертной казни. К наиболее эффективно функционирующим международным специализированным органам по правам человека можно отнести Европейский суд по правам человека. По развитию содержания статьи 2 Конвенции 1950 г. четко прослеживается непростой путь развития и толкования права на жизнь в течение последних 60 лет. Представляется, что на данный момент благодаря Протоколу № 13 европейская система защиты прав человека практически исключила смертную казнь, тем самым причислив право на жизнь к абсолютным правам человека.

Данный пример развития отношения к основополагающему праву – праву на жизнь – может служить ориентиром для развития норм по его защите в рамках совершенствования системы защиты прав человека в СНГ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашидзе, А.Х. Региональная система защиты прав человека в Африке: история и современность / А.Х. Абашидзе, Л.М. Гойа Дансо // КонсультантПлюс: Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
2. Карташкин, В.А. Государство и личность в международных правоотношениях / В.А. Карташкин // Юрист-международник. – 2004. – № 4. – С. 2–8.
3. Хартия Европейского союза об основных правах: постатейный коммент. / под ред. С.Ю. Кашкина // КонсультантПлюс: Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
4. Лешкашели, З.В. Межамериканская система сотрудничества в области прав человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / З.В. Лешкашели; Дипломат. акад. МИД РФ. – М., 1995. – 26 с.
5. Вашкевич, Е.А. Отмена смертной казни как конституционно-правовая проблема / Е.А. Вашкевич // Право на жизнь и запрет пыток: европейские стандарты и законодательство Республики Беларусь / отв. ред. В.В. Филиппов, науч. ред. Е.А. Вашкевич. – Минск: Тесей, 2008. – 360 с. – С. 57–75.
6. Василевич, Г.А. Право СНГ и национальное законодательство: проблемы и пути гармонизации / Г.А. Василевич // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
7. Василевич, Г.А. О наказании в виде смертной казни: Республика Беларусь и европейский опыт / Г.А. Василевич, Э.А. Саркисова // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
8. Мэрдок, Дж. Статьи 2 и 3 Европейской конвенции по правам человека: позитивные обязательства и их экстрагерриториальное применение / Дж. Мэрдок // Право на жизнь и запрет пыток: европейские стандарты и законодательство Республики Беларусь / отв. ред. В.В. Филиппов, науч. ред. Е.А. Вашкевич. – Минск: Тесей, 2008. – 360 с. – С. 27–39.
9. Конь, Г.И. Обеспечение права на жизнь в решениях межамериканского и европейского судов по правам человека / Г.И. Конь // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. – 2006. – № 6. – С. 80–92.
10. Конь, Г.И. Порядок рассмотрения индивидуальных жалоб в межамериканском, европейском и африканском судах по правам человека / Г.И. Конь // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. – 2006. – № 2. – С. 94–105.
11. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, 4 нояб. 1950 г. // Бюл. междунар. договоров. – 1998. – № 7. – С. 20–35.
12. Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни, 28 апр. 1983 г. (изм. 11 мая 1994 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440804/2440804.htm>. – Дата доступа: 03.02.2010.

13. Протокол № 13 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни в любых обстоятельствах, 3 мая 2002 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/12030647/12030647.htm>. – Дата доступа: 03.02.2010.
14. Американская конвенция о правах человека, 22 нояб. 1969 г. // Международные акты о правах человека: сб. док. – 2-е изд. – М.: Норма-ИНФРА-М, 2002. – С. 867–886.
15. Протокол к Американской конвенции о правах человека об отмене смертной казни, 6 авг. 1990 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oas.org/juridico/english/treaties/a-53.html>. – Дата доступа: 03.02.2010.
16. Африканская хартия прав человека и народов, 26 июня 1981 г. // Международные акты о правах человека: сб. док. / сост. проф. В.А. Карташкин, проф. Е.А. Лукашева. – 2-е изд., доп. – М., 2002. – С. 887–899.
17. Каирская декларация прав человека в исламе, 5 авг. 1990 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/instree/cairodeclaration.html>. – Дата доступа: 03.02.2010.
18. Arab Charter on Human Rights. September 15, 1994 [Electronic resource] / Council of the League of Arab States. – Mode of access: <http://www1.umn.edu/humanrts/instree/arabcharter.html>. – Date of access: 20.04.2010.
19. Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека, 26 мая 1995 г. // Содружество. Информ. вестн. Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. – 1995. – № 2 (19).
20. Де Сальвиа, М. Прецеденты Европейского суда по правам человека / М. Де Сальвиа. – СПб.: Юрид. центр прессы, 2004. – 1071 с.
21. Деменева, А. Право на жизнь в российском законодательстве и правоприменительной практике / А. Деменева // Право на жизнь, запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания: европейские стандарты, российское законодательство и правоприменительная практика / под общ. ред. С.И. Беляева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – Вып. 4. – С. 38–48. – (Междунар. защита прав человека).
22. Европейский суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. – М.: НОРМА, 2000. – С. 123–150.
23. Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда по правам человека за 2002 год. – М.: Моск. клуб юристов, 2004. – 503 с.
24. Бюллетень Конституционного правосудия. Европейский суд по правам человека. – Спец. выпуск: в 2 ч. – Страсбург, 1999. – Ч. 1. – 231 с.
25. Eur. Commission H.R. Application 8416/79, X v. the United Kingdom. Decision of 13 May 1980. – DR. 1980. – No. 19.
26. Машко, Н.В. Пределы действия права на жизнь: трактовка в национальном законодательстве и практике Европейского суда по правам человека / Н.В. Машко // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2008. – № 2. – С. 3–8.
27. Заключение Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 233 (2002)1 «О проекте протокола к Европейской конвенции о правах человека, касающегося отмены смертной казни в любых обстоятельствах» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2002%5D/%5BJan2002%5D/Zak_233.asp#TopOfPage. – Дата доступа: 27.09.2010.
28. Николаев, А.М. Проблемы реформирования Европейского суда по правам человека на современном этапе / А.М. Николаев // Конституц. и муницип. право. – 2008. – № 15; КонсультантПлюс: Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.
29. Европейские стандарты в области прав человека: теория и практика функционирования Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/hrtsbook/Reurostandards-Rchapter5.2.html#617>. – Дата доступа: 23.08.2010.
30. Доклад Генерального секретаря ООН «Смертная казнь и осуществление мер, гарантирующих защиту прав тем, кому грозит смертная казнь» от 8 июня 1995 г. // Экономический и Социальный Совет ООН, основная сессия 1995 г. – Док. E/1995/78.
31. Родригес, М. Контроль за соблюдением человеческих прав женщин в регионах: интерамериканская система / М. Родригес // Заявляем наши права. – М., 1996. – С. 93–94.
32. Карташкин, В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве / В.А. Карташкин. – М., 1995. – 133 с.
33. Поленина, С.В. Права женщин в системе прав человека: международный и национальный аспект / С.В. Поленина // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wlu.wu/books/polenina/31.htm>. – Дата доступа: 23.08.2010.
34. Protocol to the African Charter on Human and Peoples' Rights on the Establishment of an African Court on Human and Peoples' Rights // OAU/LEG/AFCHPR/PROT(III), adopted by Assembly of Heads of State and Government. – 34th session. – Burkina Faso. – 8–10 June 1998.

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

35. Интернет-конференция Председателя Экономического Суда СНГ Ф. Абдуллоева // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sudsng.org/conference/receivedquestons/7/>. – Дата доступа: 23.08.2010.

36. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / под общ. ред. Е.А. Лукашевой. – М.: Норма, 2002. – 468 с.

37. Мухаммад аз-Зухеили. Права человека в исламе: сравнительное исследование Всеобщей и Исламской деклараций прав человека / Мухаммад аз-Зухеили. – Дамаск, Бейрут, 1997. – 525 с.

Дата поступления статьи в редакцию 12.10.2010

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ КОДИФИКАЦИЯ ЮРИСДИКЦИОННЫХ ИММУНИТЕТОВ ГОСУДАРСТВА И ЕГО СОБСТВЕННОСТИ

БАРЫШЕВ В.А.,

старший преподаватель Витебского государственного университета им. П.М.Машерова

В статье рассматриваются важнейшие международные конвенции, касающиеся иммунитета государства: Европейская конвенция об иммунитете государства от 16 мая 1972 г., принятая в рамках Совета Европы, и Конвенция Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности от 2 декабря 2004 г. Конвенции ограничивают иммунитет государства от юрисдикции иностранного суда, когда оно вступает в гражданско-правовые отношения с иностранными юридическими и физическими лицами.

По мнению автора, более последовательна в ограничении иммунитета государства Европейская конвенция, поскольку она предусматривает возможность принятия мер по предварительному обеспечению иска и реализации решения иностранного суда, вынесенного в отношении государства. Конвенция Организации Объединенных Наций, допуская в определенных случаях ограничение иммунитета иностранного государства, фактически не позволяет без согласия государства осуществить обеспечительные меры до судебного решения и исполнить судебное решение после его вынесения.

In the article the most important international conventions about the immunity of states such as the European Convention on State Immunity of 16.05.1972 adopted by the Council of Europe and the U.N.O. Convention on Jurisdictional Immunities of States and their property of 02.12.2004 are considered. From the contents of the conventions the possibility of limiting the state immunity from the jurisdiction of a foreign state in case it enters into civil relations with foreign entities and individuals follows on.

According to the author's opinion the European Convention is more consistent in restriction of the state immunity because it provides the possibility to realize the decision of a foreign court made in respect of the State. The U.N.O. Convention, allowing in certain cases restriction immunity of foreign state, in fact doesn't allow to implement security for a claim measures before a judicial decision and execute a judicial decision after it was imposed. This inconsistency questions the entry of the U.N.O. Convention into force.

В современном международном частном праве институт иммунитета государства уже несколько десятилетий находится в центре внимания юристов многих государств. У нас эта проблема начала исследоваться еще в советское время. Первым, кто обратился к ней, был известный советский и российский юрист М.М.Богуславский, автор первой советской монографии по этой теме [4]. Несколько позже к этой проблеме проявили интерес С.Иванов [11] и И.Хлестова [24]. В современной российской юридической науке изучение проблемы было продолжено Н.Ушаковым [20, 21] и И.Хлестовой [22, 23],

внесшими наиболее значимый вклад в исследование темы по проблеме иммунитетов государства. Авторами отдельных статей являются А.Белов [3], Т.Нешатаева [18], А.Муранов [17], В.Жуков [10], М.Богуславский [5, 6] и другие.

В белорусском праве теоретические подходы к проблеме иммунитета государства определены в разделе учебника «Международное частное право» профессором В.Г.Тихиной [19]. Излагается вопрос иммунитетов государства в методическом пособии по международному частному праву Е.Б.Леонович [16], курсе лекций М.Л.Чудаевой [26]. Из журнальных публикаций можно

назвать статьи Р.Галстяна [7, 8], О.Кравченко [14, 15], А.Ю.Корочкина [13]. Автор также уже не впервые обращается к проблеме иммунитета государства [1, 2].

В данной статье автор ставит задачу проанализировать международные конвенции, предметом которых является иммунитет государства, с позиции их влияния в целом на институт иммунитета государства в международном частном праве и на содержание иммунитета, которое они закрепляют.

Сущность проблемы иммунитета государства в настоящее время заключается в ограничении абсолютного иммунитета государства в результате обоснования теории функционального иммунитета, в соответствии с которой все действия государства делятся на публично-правовые (*acta jure imperii*) и частноправовые (*acta jure gestionis*). В результате при публично-правовых действиях, когда государство осуществляет суверенные функции, оно пользуется иммунитетом и соответственно неподсудно иностранным судам. В отношении государства также невозможны меры по предварительному обеспечению иска и принудительному исполнению судебного решения иностранного суда. При действиях частноправового характера, где контрагентом государства выступают иностранные физические и юридические лица, оно утрачивает иммунитет и выступает со своими зарубежными партнерами на равных условиях.

Впервые в международном договоре теория функционального иммунитета была применена в Брюссельской конвенции для унификации некоторых правил относительно иммунитета государственных торговых судов от 10 апреля 1926 г. и Дополнительном протоколе к ней от 24 мая 1934 г. [27]. В Конвенции правовой режим государственных торговых судов и перевозимых ими грузов приравнен к режиму частных торговых судов и грузов. Как следствие, Конвенция допускает арест торговых судов и грузов, принадлежащих государству, и обращение на них взыскания. Из европейских стран в Конвенции участвуют Германия, Италия, Франция, Бельгия, Голландия, Норвегия, Польша, Португалия и Греция.

Как указывают российские авторы И.О.Хлестова и Н.Г.Швыдок, в 70-80-е годы прошлого столетия произошло «третье рождение» теории функционального иммунитета [25, с. 2].

Первыми свое отношение к теории функционального иммунитета определили государства Совета Европы, подписавшие 16 мая 1972 г. Европейскую конвенцию об иммунитете государства. О цели принятия Конвенции в ее преамбуле говорится: «Государства – члены Совета Европы, подписавшие настоящую Конвенцию, считая, что целью Совета Европы является достижение более тесного союза между его членами;

принимая во внимание существование в международном праве тенденции к ограничению тех случаев, когда государство может ссылаться на иммунитет в иностранных судах;

стремясь установить в отношениях друг с другом совместные нормы, касающиеся объема иммунитета от юрисдикции, которыми государство пользуется в судах другого государства, и направленные на обеспечение выполнения судебных решений, вынесенных в отношении какого-либо государства;

считая, что принятие таких норм может содействовать делу унификации, предпринятому государствами – членами Совета Европы в области права, договорились о нижеследующем...» [9, с. 40].

В соответствии со статьей 1 Конвенции Договаривающееся государство, выступающее в качестве истца или третьего лица в суде другого Договаривающегося государства, признает в отношении предпринятого разбирательства юрисдикцию судов этого государства (п. 1). Согласно пункту 2 такое Договаривающееся государство не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции в судах другого Договаривающегося государства в отношении встречного иска, если этот встречный иск вытекает из юридической взаимосвязи или из фактов, на которых основывается основной иск, а также в тех случаях, когда это государство не смогло в соответствии с положениями данной Конвенции сослаться на иммунитет.

В статье 2 установлено, что Договаривающееся государство не может ссылаться на иммунитет, если оно взяло на себя обязательство признавать юрисдикцию суда иностранного государства в соответствии:

- а) с международным соглашением;
- б) с ясно выраженным положением, содержащимся в письменной договоренности;
- в) с ясно выраженным согласием, данным после возникновения спора.

Статья 3 Конвенции устанавливает норму, по которой Договаривающееся государство не пользуется иммунитетом в суде другого Договаривающегося государства, если оно ссылается на иммунитет от юрисдикции после принятия решения по существу вопроса.

Данная норма известна в юрисдикции как правило эстоппеля, согласно которому сторона, не заявляющая о своем праве в начале судебного разбирательства, в дальнейшем утрачивает право ссылаться на него.

В то же время Договаривающееся государство не рассматривается как отказавшееся от иммунитета в том случае, когда оно выступает в суде другого Договаривающегося государства с единственной целью – сослаться на имеющийся у него иммунитет (п. 3 ст. 3).

Договаривающееся государство не может ссылаться на иммунитет, если судебное разби-

рательство связано с обязательством государства, которое по имеющемуся соглашению должно быть осуществлено на территории государства, где происходит судебное разбирательство (п. 1 ст. 4). Данное положение не применяется:

а) если соглашение было заключено между государствами;

б) если стороны договорились об ином;

в) в случае, когда государство является стороной в соглашении, заключенном на его же территории, и это обязательство регулируется административным правом государства (п. 2 ст. 4).

В соответствии со статьей 5 Договаривающегося государства не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции суда другого Договаривающегося государства в том случае, когда судебное разбирательство связано с трудовым соглашением, заключенным между государством и физическим лицом, и работа выполнялась на территории государства, где происходит судебное разбирательство. Исключениями, указанными в пункте 2, являются случаи:

а) когда физическое лицо в момент возбуждения иска имеет гражданство государства-работодателя;

б) когда в момент заключения соглашения лицо не имело гражданства или постоянного места жительства на территории государства, где происходит разбирательство;

в) когда стороны в соглашении в письменной форме договорились об ином.

Статья 6 устанавливает, что Договаривающееся государство не пользуется иммунитетом от юрисдикции в суде другого Договаривающегося государства, если оно участвует с одним или несколькими частными лицами в обществе, ассоциации или юридическом лице, имеющем свое реальное или официальное местонахождение или свое главное учреждение на территории государства, где происходит судебное разбирательство. При этом судебное разбирательство должно быть связано с отношениями между государством, с одной стороны, и организацией или одним из ее участников, с другой, вытекающих из этого участия.

Названная норма регулирует коммерческую деятельность государства за границей путем его участия в юридическом лице другого государства.

В пункте 1 статьи 7 ограничение иммунитета государства предусмотрено в связи с деятельностью государства, если оно имеет на территории государства, где происходит судебное разбирательство, бюро, агентство либо учреждение, через которое оно осуществляет тем же образом, что и частное лицо, промышленную, коммерческую или финансовую деятельность.

Эта норма не применяется, если всеми сторонами в споре являются государства или если стороны договорились в письменной форме об ином.

Договаривающееся государство не может ссылаться на иммунитет в суде другого Договаривающегося государства, если судебное разбирательство касается патента на изобретение, чертежа или промышленной модели, производственного или товарного знака, фирменного наименования или другого аналогичного права, в отношении которого в государстве, где происходит судебное разбирательство, установлена охрана этого права (ст. 8).

Согласно статье 9 Договаривающегося государства не может ссылаться на иммунитет в суде другого Договаривающегося государства, если судебное разбирательство касается права на владение или пользование недвижимостью, а также возлагаемого на него обязательства в связи с владением либо пользованием этой недвижимостью, при условии, что эта недвижимость находится на территории государства, где происходит судебное разбирательство.

Государство не может ссылаться на иммунитет, если судебное разбирательство касается прав на имущество, движимое или недвижимое, переходящее по праву наследования, или дарения, или на бесхозное имущество (ст. 10).

Договаривающееся государство не обладает иммунитетом в суде другого Договаривающегося государства, если судебное разбирательство касается возмещения за телесное повреждение или материальный ущерб, причиненный на территории государства, где происходит судебное разбирательство, если лицо, причинившее ущерб, находилось в момент причинения ущерба в этом государстве (ст. 11).

В статье 12 регулируется ограничение иммунитета государства в случае, когда государство согласилось в письменной форме вынести на арбитраж уже возникшие споры или те, которые могут возникнуть по гражданским или коммерческим вопросам. Иммунитет государства не действует в отношении любых действий, связанных:

а) с юридической действительностью и толкованием соглашения об арбитраже;

б) с процедурой арбитража;

в) с отменой арбитражного решения, если договор об арбитраже не предусматривает иного.

В статье 13 дается уточнение действия пункта 1 статьи 1 Конвенции, который не должен применяться, если Договаривающееся государство заявляет в суде другого Договаривающегося государства, ведущего судебное разбирательство, в котором оно не является стороной, что оно имеет право на имущество, являющееся предметом спора в той мере, в какой оно могло бы сослаться на иммунитет, если бы разбирательство было направлено против него.

В соответствии со статьей 14 Договаривающегося государства не имеет прерогативы управлять имуществом, находящимся под опе-

кой, или имуществом банкрота, а также организовывать такое управление или надзирать за ним и в том случае, если другое Договаривающееся государство имеет право на это имущество.

Если судебное разбирательство не подпадает под содержание статей с 1 по 14, Договаривающееся государство пользуется иммунитетом от юрисдикции в судах другого Договаривающегося государства, даже если его представитель не явился в суд (ст. 15).

В главе II Конвенции определены правила процедуры в случае привлечения государства к суду другого Договаривающегося государства. Наиболее важные из этих правил следующие.

Передача оригиналов или копий документов, на основании которых возбуждается судебное дело, а также копии любого судебного решения, вынесенного против государства-ответчика в случае его неявки в суд, производится дипломатическим путем министерству иностранных дел государства-ответчика для передачи компетентному органу (п. 2 ст. 10). Срок, в течение которого государство должно явиться или прибегнуть к обжалованию заочного судебного решения, начинается исчисляться 2 месяца спустя после даты получения министерством иностранных дел документа о возбуждении судебного дела или копии судебного решения (п. 4 ст. 16). Срок явки в суд и время обжалования заочного решения не могут быть установлены для государства менее двух месяцев после даты получения министерством иностранных дел документа о возбуждении судебного дела или копии судебного решения (п. 5 ст. 16). Государство, выступающее в качестве истца в суде другого Договаривающегося государства, должно покрыть все судебные издержки и расходы, отнесенные на его счет (ст. 17). В отношении Договаривающегося государства, участвующего в судебном разбирательстве в суде другого Договаривающегося государства, не может быть применена какая-либо принудительная мера или любая другая санкция в силу того, что оно отказалось или воздержалось от предоставления доказательств (ст. 18).

В главе III Конвенции регулируется приведение в исполнение судебных решений. В соответствии со статьей 20 Договаривающегося государства должно привести в исполнение судебное решение, вынесенное в отношении него судом другого Договаривающегося государства. В пункте 2 этой статьи указаны случаи, когда государство не обязано приводить в исполнение иностранное судебное решение:

1) если исполнение решения вступило бы в явное противоречие с публичным порядком этого государства;

2) если разбирательство между теми же сторонами, основанное на тех же фактах:

а) не завершено в суде этого государства, первым начавшим судебное разбирательство;

б) не завершено в суде другого государства — участника Европейской конвенции, первым начавшим судебное разбирательство;

3) если не были соблюдены требования, предусмотренные статьей 16 о вручении судебных повесток, вследствие чего государство не явилось в суд или не прибегло к обжалованию судебного решения, вынесенного заочно.

В соответствии с пунктом 3 статьи 20 Договаривающегося государства также не обязано приводить в исполнение решение иностранного суда:

1) если суды государства оказываются некомпетентными проводить судебное разбирательство вследствие нарушения правил компетенции, предусмотренных в приложении к Конвенции;

2) если применен ненадлежащий закон, что привело к результату, отличающемуся от того, который был бы получен при применении закона в соответствии с нормами международного частного права.

Согласно статье 21 Конвенции, если Договаривающееся государство не производит исполнение решения суда, сторона, в пользу которой оно вынесено, может обратиться в компетентный суд данного государства с просьбой вынести решение о том, следует ли привести в исполнение судебное решение. В суд может обратиться также и государство, против которого вынесено судебное решение, если это допускает его законодательство. С этой целью каждое Договаривающееся государство назначает специального судью и информирует об этом Генерального секретаря Совета Европы при сдаче на хранение ратификационной грамоты или документа о присоединении.

Одновременно с Конвенцией был подписан Протокол, согласно статье 1 которого: если государство не исполняет решение иностранного суда, сторона, в пользу которой вынесено судебное решение, вправе обратиться в Европейский трибунал по вопросам иммунитета государства. Протокол подписывался отдельно от Конвенции, вследствие чего Трибунал был сформирован в составе 7 членов Европейского суда по правам человека 28 мая 1985 г. после его подписания тремя государствами. Европейская конвенция вступила в силу 11 июня 1976 г. В ней в настоящее время участвуют Австрия, Бельгия, Великобритания, Кипр, Люксембург, Нидерланды, ФРГ, Швейцария.

Возникает вопрос относительно того, почему в Конвенции участвуют всего восемь государств Европы. Известный немецкий юрист Х.Шак дает следующий ответ на этот вопрос: «... Конвенция (в особенности ее ст. 23) устарела вследствие дальнейшего развития международного права, несущего на себе отпечаток последних кодификаций в США, Великобритании и других

государствах (например, Канаде в 1982 г., Австралии в 1985 г.)» [27, с. 69–71].

Статья 23 Конвенции, которую Х.Шак характеризует как особенно устаревшую, запрещает принудительное исполнение иностранного судебного решения в отношении имущества другого Договаривающегося государства, за исключением случаев, когда государство дало на то согласие в письменной форме.

Очевидно, что немецкий юрист указывает на тот недостаток Европейской конвенции по сравнению с принятыми национальными законами, что она не позволяет в случаях, когда государство не пользуется иммунитетом, осуществлять предварительные меры по обеспечению иска, а также исполнять вынесенное судебное решение в отношении государства без письменного согласия на это государства.

Глава IV Европейской конвенции имеет название «Факультативный режим» и содержит три статьи, которые в значительной степени расширяют сферу действия Конвенции. В статье 24 содержится норма, позволяющая любому государству в момент подписания Конвенции или сдачи на хранение ратификационной грамоты или в любое дальнейшее время путем уведомления Генерального секретаря Совета Европы объявить о том, что за исключением случаев, указанных в статьях с 1 по 13, его суды могут быть также компетентны в отношении иных судебных расследований, предпринятых против другого Договаривающегося государства. Однако такое заявление не может относиться к случаям, когда иностранное государство осуществляло публичную власть (*acta jure imperii*).

Х.Шак указывает, что Германия, воспользовавшись возможностью внесения оговорки, на основании статьи 24 «оттеснила» иммунитет государства за пределы перечня, установленного статьями 1–13 Европейской конвенции [27, с. 70].

В статье 25 указано, что Договаривающееся государство, сделавшее заявление, предусмотренное в статье 24, должно, за исключением случаев, предусмотренных в статьях с 1 по 13, привести в исполнение решение, вынесенное судом другого Договаривающегося государства, сделавшего такое же заявление.

Вопрос о разграничении понятия государства и самостоятельного подразделения какого-либо государства разрешен в статье 27 Конвенции, согласно которой термин «государство» не включает самостоятельного подразделения этого государства даже в том случае, если этому подразделению поручено выполнение функций государственной службы. В соответствии с этим любое подразделение может быть привлечено в суды другого государства как частное лицо, за исключением действий, которые оно осуществило при осуществлении публичной власти (п. 2 ст. 27).

В любом случае подразделение государства может быть привлечено к судебному разбирательству в иностранном суде, если в аналогичной ситуации возможно было бы разбирательство против государства, к которому принадлежит подразделение (п. 3 ст. 27).

Из содержания приведенной статьи следует, что любое государственное предприятие или организация, обладающая самостоятельной правоспособностью по предъявлению иска в суде, не пользуются иммунитетом, за исключением случаев осуществления публичных функций.

В то же время остался открытым вопрос об ответственности государства за действия государственного предприятия или организации в случае частноправовых отношений с иностранным юридическим или физическим лицом. Данный вопрос имеет практическое значение, поскольку были прецеденты, когда в США предъявлялись иски к советскому государству по поводу деятельности советских государственных организаций [5, с. 78, 79].

Конвенция не предоставила иммунитет автономным единицам, входящим в состав федеративного государства (ст. 28), что соответствует императивной норме международного права, согласно которой субъекты федерации не могут быть субъектами международного права. Не применяется Европейская конвенция к судебным разбирательствам по вопросам:

- 1) социального обеспечения, нанесения ущерба в ядерной области, обложений или штрафов, таможенных сборов или налогов (ст. 29);
- 2) разбирательств, касающихся претензий, связанных с эксплуатацией морских судов, принадлежащих государству или им эксплуатируемых (ст. 30);
- 3) действий вооруженных сил государства или в связи с ними, когда они находятся на территории другого государства (ст. 31);
- 4) служебной деятельности дипломатических представительств и консульств, а также лиц, им приданных (ст. 32).

Подводя итог можно констатировать, что Европейская конвенция об иммунитете государства достаточно последовательно реализует теорию функционального иммунитета государства. Об этом свидетельствуют статьи 1–13, где конкретно указаны правоотношения с участием государства, в которых ему не может быть предоставлен иммунитет. Помимо этого, каждое государство-участник может расширить действие функционального иммунитета в отношении иностранных государств для своих судебных учреждений, сделав оговорку в соответствии со статьей 24 Конвенции.

Исходя из договорного характера Конвенции в ней предусмотрено прежде всего добровольное исполнение решения иностранного суда государством, как это указано в статье 20. Однако

если государство не пожелает добровольно исполнять решение, вынесенное в отношении его иностранным судом, в дело могут быть приведены юридические механизмы, роль которых выполняет компетентный суд самого государства или Европейский трибунал, специально созданный в соответствии с Протоколом к Конвенции для приведения в исполнение решений иностранных судов в отношении государств. Может вызвать определенный скептицизм эффективность обращения в суд самого государства с просьбой о выполнении решения суда в отношении государства, но следует заметить, что Европейская конвенция 1972 г. предназначена для отношений между демократическими государствами, где последовательно реализуется один из важнейших принципов демократии – разделение властей. В условиях демократического государства суд как независимый орган судебной власти государства, руководствуясь законом, обязан вынести решение, направленное против государства, составной частью которого он сам и является.

Важность проблемы государственного иммунитета подтолкнула Генеральную Ассамблею ООН принять 19 декабря 1977 г. специальную резолюцию, которая рекомендовала Комиссии международного права ООН (КМП) включить в программу своей работы тему юрисдикционных иммунитетов государств и их собственности. В течение длительного времени специальная рабочая группа комиссии вела работу по этой проблеме, обобщая опыт законодательной, судебной и международно-правовой практики в сфере иммунитетов государств. Работа комиссии проходила в сложных условиях, поскольку отчетливо выявились два противоположных подхода к данной проблеме: представители социалистических и некоторых развивающихся государств отстаивали позицию абсолютного иммунитета государства, в то время как большинство членов комиссии высказались за функциональный иммунитет государства. О сложности работы над Конвенцией свидетельствует тот факт, что в период с 1977 г. по 2004 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла восемь промежуточных резолюций, касающихся работы над проектом документа. Мало можно отыскать в истории Генеральной Ассамблеи ООН случаев, чтобы этот орган с такой настойчивостью и последовательностью продвигал в жизнь документ, от которого напрямую судьба мира не зависит. Комиссия международного права представила проект Конвенции в декабре 1994 г., но он не удовлетворил Генеральную Ассамблею ООН, которая в декабре 2000 г. учредила специальный комитет для продолжения работы над проектом.

На основе доклада специального комитета по юрисдикционным иммунитетам государств и их собственности, представленного на 59-й сессии

Генеральной Ассамблеи ООН 2 декабря 2004 г., была принята резолюция, которая предложила государствам-членам стать участниками Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности [12].

Конвенция 2004 г. имеет явно выраженный компромиссный характер по отношению к сторонникам и противникам теории функционального иммунитета государств.

В соответствии со статьей 1 сферой применения Конвенции является иммунитет государства и его собственности от юрисдикции судов другого государства. Под судом понимается любой орган государства независимо от названия, правомочный осуществлять функции правосудия. В Конвенции особо оговорены правила, применимые при определении того, является ли контракт или сделка коммерческой сделкой, что служит отправным моментом в теории функционального иммунитета.

Конвенция не затрагивает привилегий и иммунитетов дипломатических представительств, консульских учреждений, специальных миссий, представительств при международных организациях, а также относящихся к ним лиц (п. 1 ст. 3).

В ст. 5 определен главный общий принцип Конвенции в сфере иммунитета государства: «Государство пользуется иммунитетом, в отношении себя и своей собственности, от юрисдикции судов другого государства с учетом положений настоящей Конвенции». Государство должно обеспечивать иммунитет государства, предусмотренный статьей 5, воздерживаясь от осуществления юрисдикции при разбирательстве в своих судах дел, возбужденных против другого государства, и с этой целью обеспечивает, чтобы его суды по своей собственной инициативе выносили решение о соблюдении иммунитета другого государства (п. 1 ст. 6).

Государство не может ссылаться на иммунитет, если оно явно выразило согласие на осуществление иностранным судом юрисдикции в силу:

- a) международного соглашения;
- b) письменного контракта;
- c) заявления в суде или письменного сообщения в рамках конкретного разбирательства (п. 1 ст. 7).

Государство также не может ссылаться на иммунитет, если оно:

- a) само возбудило разбирательство;
- b) приняло участие в разбирательстве существа дела или предприняло иные действия по существу дела (п. 1 ст. 8).

Государство не рассматривается как согласившееся на осуществление юрисдикции судом другого государства, если оно вступает в разбирательство с единственной целью:

- a) сослаться на иммунитет;
- b) привести доказательства своего права или интереса в отношении собственности, которой касается разбирательство (п. 2 ст. 8).

Явка представителя государства в суд другого государства для дачи свидетельских показаний как и неучастие государства в разбирательстве не должны рассматриваться как согласие на осуществление юрисдикции этим судом (пп. 3, 4 ст. 8).

Государство, возбуждающее разбирательство в суде другого государства, не может ссылаться на иммунитет при предъявлении к нему встречного иска (п. 1 ст. 9).

Государство не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции суда другого государства, если:

1) государство заключает коммерческую сделку с иностранным физическим или юридическим лицом (п. 1 ст. 10);

2) разбирательство в суде другого государства касается трудового договора между этим государством и физическим лицом (п. 1 ст. 11);

3) дело касается денежного возмещения в случае смерти, или причинения телесного повреждения лицу, или нанесения ущерба имуществу, или его утраты в результате действия или бездействия, которое предположительно может быть присвоено государству (ст. 12);

4) разбирательство в суде другого государства имеет предметом любые права этого государства в отношении:

а) недвижимого имущества;

б) движимого или недвижимого имущества в случае наследования, дара или возникновения безвозмездного имущества;

в) управления таким имуществом как доверительной собственностью, собственностью банкрота или собственностью компании в случае ее ликвидации (ст. 13);

5) суд рассматривает дела, касающиеся:

а) установления любого права этого государства в отношении патента, промышленного образца, торгового и фирменного наименований, товарного знака, авторского права или любой другой формы интеллектуальной или промышленной собственности;

б) предполагаемого нарушения этим государством на территории государства суда прав, указанных в вышеприведенном подпункте, принадлежащих третьему лицу и защищаемых в государстве суда (ст. 14);

6) разбирательство в суде касается участия государства в компании или другом объединении в качестве юридического лица (п. 1 ст. 15);

7) в суде рассматривается дело, касающееся эксплуатации принадлежащего государству судна, когда основанием иска стало использование этого судна в иных целях, чем государственные некоммерческие цели (п. 1 ст. 16);

8) рассматриваемое судом дело имеет предметом арбитражное соглашение между государством и иностранным физическим или юридическим лицом, касающееся:

а) действительности, толкования или применения арбитражного соглашения;

б) арбитражной процедуры;

в) подтверждения или отмены арбитражного решения, если в арбитражном соглашении не предусмотрено иное (ст. 17).

Из перечисленных ситуаций, при возникновении которых государство не может ссылаться на иммунитет, следует особо выделить статью 10 «Коммерческие сделки». В соответствии с пунктом 1 этой статьи: «Если государство заключает коммерческую сделку с иностранным физическим или юридическим лицом и в силу применимых норм международного частного права разногласия относительно этой коммерческой сделки подлежат юрисдикции суда другого государства, это государство не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции при разбирательстве дела, возникшего из этой коммерческой сделки».

Коммерческий характер сделки определяется на основании пункта 2 статьи 2 Конвенции, которая требует «прежде всего исходить из природы этого контракта или сделки, однако, следует учитывать их цель, если стороны контракта или сделки договорились об этом или если согласно практике государства суда эта цель имеет отношение к определению некоммерческого характера этого контракта или сделки».

Помимо этого в пункте 3 статьи 10 разрешен вопрос о разграничении иммунитета самого государства и государственного предприятия или другого образования, учрежденного государством и обладающего независимой правосубъектностью.

Если государственное предприятие или другое образование участвует в разбирательстве, которое связано с коммерческой сделкой, заключенной ими, то иммунитет государства считается затронутым.

Конвенция 2004 г. исходит из принципа раздельности юрисдикционных иммунитетов государства, что вытекает из содержания статей 18 и 19, которые не допускают осуществления принудительных мер обеспечительного характера (ст. 18), а также принудительных мер после вынесения судебного решения (ст. 19).

Обеспечительные меры принудительного характера, такие как обращение взыскания или арест в отношении собственности государства, могут быть приняты только в случае, если:

1) государство прямо согласилось на принятие таких мер:

а) в международном соглашении;

б) в арбитражном соглашении или письменном контракте;

в) в заявлении перед судом или в письменном сообщении после возникновения спора между сторонами;

2) государство зарезервировало или обозначило собственность для удовлетворения иска,

являющегося объектом этого разбирательства (ст. 18).

Принудительные меры, такие как обращение взыскания, арест и исполнение решения в отношении собственности государства, после вынесения судебного решения могут быть приняты в тех же случаях, что и при осуществлении обеспечительных мер (пп. «а» и «б» ст. 19).

Особо регулируется случай, если будет установлено, что собственность предназначена или непосредственно используется государством для иных целей, чем государственные некоммерческие цели, и находится на территории государства суда, при условии, что принудительные меры после вынесения судебного решения могут быть приняты только в отношении собственности, которая имеет связь с образованием, против которого было направлено судебное разбирательство (п. «с» ст. 19). В приложении к Конвенции дано толкование понятия «образование», которое означает государство как независимый субъект права, составную часть федеративного государства, подразделение государства, учреждение или институцию государства или иное образование.

В статье 21 определены особые категории собственности государства, которые не рассматриваются как собственность, непосредственно используемая или предназначенная для использования государством в иных целях, чем государственные коммерческие цели, в частности, это:

«а) собственность, включая любой банковский счет, используемая или предназначенная для использования при исполнении функций дипломатического представительства государства или его консульских учреждений, специальных миссий, представительств при международных организациях или делегаций в органах международных организаций или на международных конференциях;

б) собственность военного характера используемая или предназначенная для использования при исполнении военных функций;

с) собственность центрального банка или иного финансового органа государства;

д) собственность, составляющая часть культурного наследия государства или часть архивов, невыставленная и не предназначенная для выставления на продажу;

е) собственность, составляющая часть экспозиции объектов, которые представляют научный, культурный или исторический интерес, и невыставляемая или не предназначенная для выставления на продажу».

Из перечисленных особых категорий собственности следует отдельно остановиться на причинах предоставления иммунитета центральным банкам. Как отмечает Х.Шак: «Во всем мире нет единого правового статуса центральных банков. Это могут быть несамостоятельные

части государственной системы управления, юридические лица публичного права вплоть до частноправовых акционерных обществ в Швейцарии» [27, с. 75]. Как свидетельствует практика, центральные банки в большинстве стран одновременно выполняют как государственные, так и негосударственные задачи. Предоставление иммунитета финансовым активам, находящимся в распоряжении центральных банков, связано со сложившейся практикой в большинстве государств, следующих теории функционального иммунитета.

Для вступления в силу Конвенции необходимо тридцать ратифицированных грамот. В настоящее время сданы на хранение Генеральному секретарю только три грамоты.

Представляется, что пассивность государств в ратификации Конвенции имеет вполне объяснимые причины. Очевидно, что Конвенция в итоге не устроила ни сторонников сохранения абсолютного иммунитета государств, ни приверженцев теории функционального иммунитета.

Противники ограниченного иммунитета не согласны с тем, что государство вообще может подлежать юрисдикции иностранного суда. Сторонники функционального иммунитета в свою очередь недовольны тем, что Конвенция сохраняет иммунитет государства от принудительных мер до вынесения судебного решения и после его вынесения. Такая постановка вопроса не может удовлетворить государства, уже принявшие теорию ограниченного иммунитета или готовые ее принять, поскольку национальное законодательство, допуская юрисдикцию своих судов в отношении иностранного государства, предусматривает в этих случаях применение обеспечительных мер до вынесения судебного решения и принудительное исполнение судебного решения.

Если давать итоговую оценку Европейской конвенции об иммунитете государств 1972 г. и Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 г., следует признать, что при всех издержках обе конвенции стали значительным шагом в развитии международного частного права, поскольку кодифицировали нормы, ограничивающие иммунитет государства в гражданско-правовых отношениях.

В настоящее время ограничение иммунитета государства абсолютно необходимо для нормального развития гражданско-правовых отношений с юридическими и физическими лицами иностранных государств, поскольку повышает доверие участников правоотношений друг к другу, способствует реализации важнейшего принципа гражданских правоотношений – равенства сторон.

Положительным является тот факт, что перечисленные ситуации, в которых государству не предоставляется иммунитет, почти полностью тождественны в обеих конвенциях с незначитель-

ными отличиями. Основное различие между конвенциями выявляется в подходах к реализации обеспечительных мер в отношении государства до вынесения судебного решения и исполнению самого судебного решения. Несмотря на то, что Европейская конвенция была принята более чем на тридцать лет раньше Конвенции ООН, она более последовательна в этом плане, поскольку предусматривает реальные и эффективные пути по реализации обеспечительных мер и вынесенного судебного решения. На наш взгляд, это результат единства общих подходов к проблеме иммунитетов государств, которые были у европейских государств во время работы над Конвенцией и сохраняются в настоящее время.

При подготовке Конвенции ООН столкнулись две несовместимые позиции в подходе к имму-

нитету государства, что в итоге объясняет и длительность работы над текстом Конвенции и ее непоследовательный, противоречивый характер. Непоследовательность Конвенции ООН состоит в отсутствии действенного механизма реализации обеспечительных мер до вынесения судебного решения и выполнения судебного решения, без чего судебное разбирательство во многом утрачивает смысл.

Однако проведенная кодификация иммунитетов государства, несмотря на все издержки, является, безусловно, свидетельством прогрессивного развития международного частного права. В перспективе присоединение Республики Беларусь к Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности было бы весьма полезным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барышев, В.А. Иммунитет государства в международном праве и правовых системах Республики Беларусь и Российской Федерации / В.А. Барышев // Весн. Віцебск. дзярж. ун-та. – 2003. – № 4.
2. Барышев, В.А. Международное частное право: курс лекций / В.А. Барышев. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М.Машерова», 2009. – С. 84–102.
3. Белов, А.П. Иммунитет государства от иностранной юрисдикции / А.П. Белов // Право и экономика. – 1997. – № 3. – С. 12–17.
4. Богуславский, М.М. Иммунитет государства / М.М. Богуславский. – М., 1962.
5. Богуславский, М.М. Международное частное право. Практикум / М.М. Богуславский. – М., 2002.
6. Богуславский, М.М. Практика применения принципа иммунитета государства и проблема законодательного регулирования // М.М. Богуславский // Международное частное право. Современная практика. – М., 2000.
7. Галстян, Р. Иммунитет иностранного государства от принудительных мер / Р. Галстян // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 1999. – № 3.
8. Галстян, Р. Иммунитет государства и охрана интеллектуальной и промышленной собственности / Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 1999. – № 4.
9. Европейская конвенция об иммунитетах государств от 16 мая 1972 года // Международное частное право: сб. норматив. актов / сост.: Г.К. Дмитриева, М.В. Филимонова. – 3-е изд. перераб. и доп. – М., 2006.
10. Жуков, В.А. Юрисдикционные иммунитеты государств в иностранных государствах – вызов времени / В.А. Жуков // Юрид. мир. – 2001. – № 10.
11. Иванов, С.И. Современные тенденции в законодательстве некоторых буржуазных государств по вопросу об иммунитете государств (на примере США и Англии) / С.И. Иванов // Сов. ежегодник междунар. права. – М., 1981, 1982. – С. 235–246.
12. Конвенция Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности от 2 декабря 2004 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <<http://www.ur.org/russian/document/basicdoc/hfm>>. – Дата доступа: 20.12.2009.
13. Корочкин, А.Ю. Юрисдикционный иммунитет государств и их собственности / А.Ю. Корочкин // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. – 2008. – № 8.
14. Кравченко, О. Юрисдикционный иммунитет государства: абсолютный или ограниченный? / О. Кравченко // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 1998. – № 1. – С. 55–59.
15. Кравченко, О. Юрисдикционные иммунитеты государств: перспективы кодификации / О. Кравченко // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 1998. – № 2.

16. Леонович, Е.Б. Международное частное право: учеб. пособие / Е.Б. Леонович. – Минск: ИВЦ Минфина, 2008.
17. Муранов, А.И. Собственность Российской Федерации, закрепленная за ЦБ России и находящаяся за границей. Некоторые нюансы российского законодательства / А.И. Муранов // Моск. журн. междунар. права. – 2000. – № 2.
18. Нешатаева, Т.Н. О судебных иммунитетах / Т.Н. Нешатаева // Вестн. ВАС Рос. Федерации. – 1999. – № 9.
19. Тихиня, В.Г. Международное частное право: учеб. Гл. 7 / В.Г. Тихиня. – Минск: Кн. дом, 2007.
20. Ушаков, Н.А. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности / Н.А. Ушаков. – М., 1993.
21. Ушаков, Н.А. Государство в системе международно-правового регулирования / Н.А. Ушаков. – М., 1997.
22. Хлестова, И.О. Вопросы иммунитета государства в законодательстве и договорной практике Российской Федерации / И.О. Хлестова // Проблемы междунар. частн. права / под ред. Н.И. Марышевой. – М., 2000.
23. Хлестова, И.О. Проблемы юрисдикционного иммунитета иностранного государства в работе Комиссии международного права / И.О. Хлестова // Сов. ежегодник междунар. права. – М., 1988, 1989. – С. 183–194.
24. Хлестова, И.О. Проблемы юрисдикционного иммунитета иностранного государства (законодательство и практика) / И.О. Хлестова. – М., 2002.
25. Хлестова, И.О. Законодательство капиталистических стран об иммунитете иностранного государства / И.О. Хлестова, Н.Г. Швыдок. – М., 1988.
26. Чудаева, М.Л. Международное частное право: курс лекций / М.Л. Чудаева. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2007.
27. Шак, Х. Международное гражданское процессуальное право / Х. Шак. – М.: Изд-во «БЕК», 2001.
28. Materials on jurisdictional immunities of states and their property. – New York, United Nations, 1982. – P. 290.

Дата поступления статьи в редакцию 04.11.2010

ПРОБЛЕМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СМИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

ДОВНАР Н.Н.,
доцент кафедры социологии факультета журналистики
Белорусского государственного университета

В статье исследуется одна из проблем формирования единого информационного пространства Союзного государства, связанная с гармонизацией законодательства о средствах массовой информации. Определяются согласованные подходы к совершенствованию национальных систем законодательства в контексте интеграционных процессов. Сделаны выводы о необходимости разработки и принятия модельных законов, гармонизации и унификации отдельных правовых норм.

The article researches one of the issues of forming the single information space of the Union state of Belarus and Russia connected with harmonization of the legislation on mass media. There are determined concerted approaches to the improvement of the national systems of legislation in the context of integration processes. There are also made conclusions on the necessity of development and adoption of model laws, harmonization and unification of separate legal norms.

Введение

В условиях тесного взаимодействия двух объединившихся государств роль средств массовой информации (СМИ) значительно возрастает. Принимая непосредственное участие в интеграционных процессах, СМИ сами подвержены трансформациям, которые проходят на разных уровнях с учетом многих факторов, и в первую очередь, связанных с формированием единого информационного пространства. Единое информационное пространство как среда обеспечения деятельности межгосударственного объединения включает в себя несколько компонентов, в числе которых, кроме средств массовой информации, информационные ресурсы, информационная инфраструктура, средства массовой коммуникации. Каждый из них используется в контексте интеграции в той или иной степени, являясь предметом программ, концепций, различных мероприятий. Однако сегодня недостаточно разработать только меры по интеграции информационных систем, ресурсов или план мероприятий по обмену информацией, поскольку существует одно очень важное обстоятельство – весь интеграционный процесс

лежит в плоскости законодательного регулирования медиасистем, различных форм правовой интеграции. Поэтому неслучайно с появлением новых межгосударственных образований (СНГ, Союзное государство, ЕврАзЭС) проблема согласованности правовых систем и законодательств разных стран приобрела особую актуальность. Такие формы правовой интеграции как сближение, гармонизация и унификация стали действенными механизмами создания общего правового пространства, привлекли к себе внимание ученых. Наибольший интерес в исследовании проблем теоретического плана представляют работы И.Л.Бачило, С.В.Бахина, В.М.Баранова, Е.М.Пристром, М.А.Пшеничнова, А.Г.Тиковенко, Ю.А.Тихомирова и др.

Научный анализ существующих механизмов правового регулирования различных сфер с использованием методик гармонизации (сближения, унификации) законодательств Беларуси и России, которые предлагают ученые, позволяет наиболее адекватно определить и приоритетные направления в законотворческой деятельности сообщества и формы правовой интеграции в области СМИ.

Гармонизация (сближение, унификация) законодательства о СМИ: постановка проблемы

Глубина интеграционных процессов, необходимость учета роли права в них ставят перед правовой наукой и практикой множество задач, в числе которых: проведение сравнительно-правового исследования законодательных актов, регулирующих организацию и деятельность СМИ, отношения, связанные с получением и распространением информации, ограничением права на получение информации, взаимодействием СМИ с государственными органами, организациями и гражданами, информационной безопасностью. К числу важных задач относятся гармонизация и унификация законодательств путем принятия модельных законов, рекомендаций субъектам информационной деятельности; разработка механизма принятия обязательных правовых актов, касающихся ограничений на распространение информации, которая может причинить вред; проработка вопросов, связанных с саморегулированием СМИ, и др.

Решение вышеуказанных задач напрямую связано как с политической волей, так и с уровнем развития такой науки как информационное право. Сегодня информационное право находится еще в стадии становления, причем уровень его развития в России и Беларуси не одинаков, но наука – это та область, которая по сути не имеет границ, и основания научного знания (идеалы и нормы научного познания, научная картина мира, философские основания науки) дают возможность развиваться новой отрасли права и ее институтам, органично впадаясь в интеграционные процессы. Сегодня, например, уместно уже говорить о таких подотраслях права и правовых институтах как право массовой информации (информационно-массовое право), право СМИ, которые ведут к развитию нового научного направления, включающего в себя и международные аспекты.

Свою роль призвана сыграть и практика. Опыт правовой интеграции стран СНГ, Союзного государства, ЕврАзЭС помогут выработать наиболее приемлемую модель правового регулирования деятельности СМИ в едином информационном пространстве.

Формировать согласованные подходы к совершенствованию национальных систем законодательства в контексте интеграционных процессов ученые предлагают с помощью методик гармонизации, сближения и унификации национальных законодательств. Такая методика предложена заведующей сектором информационного права Института государства и права Российской академии наук, доктором юридических наук И.Л.Бачило [1]. Парламентским соб-

ранием Союза Беларуси и России издано научно-методическое пособие «Организация и проведение работы по унификации законодательных и иных нормативных правовых актов государств-участников и разработка нормативно-правовой базы Союзного государства в области безопасности» [2]. Представляет интерес практика работы ЕврАзЭС в различных областях права («Рекомендации по гармонизации законодательства членов ЕврАзЭС о телекоммуникациях» и др.). Эти методики могут использоваться и в исследованиях информационной сферы. Указанные в них алгоритм действий, методы познания, способы работы с нормативными правовыми актами позволяют найти пути решения проблем, связанных с правовым регулированием отношений в сфере массовой информации, и прежде всего в СМИ.

Гармонизация законодательства, по мнению И.Л.Бачило, – это комплексная система деятельности правоведов, включающая: выявление наличности правовой базы каждого государства; проведение сравнительного анализа, выявление различий и противоречий, пробелов; оценку актуальности и преимуществ законодательства каждой из сторон; выработку прогноза относительно реализации конкретных форм создания единой или унифицированной правовой системы Союза; организацию работы по каждому объекту законодательства с учетом определенной формы его адекватности включения в единое правовое пространство [3].

В этом направлении предстоит большая работа. Прежде всего необходимо четко определить такие понятия, как «сближение», «гармонизация», «унификация». Работа с законодательной базой невозможна без четкого уяснения понятийного аппарата, иначе есть опасность говорить на разных языках. В информационном праве, где речь идет о регулятивных механизмах многоуровневых систем, эта проблема особенно актуальна. Однако однообразия в определении вышеуказанных понятий сегодня не наблюдается, поэтому будем использовать те определения, которые получили закрепление в Постановлении Бюро Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества от 17 ноября 2005 г. № 7 «О предложениях по совершенствованию организационно-правового механизма реализации и систематизации правовых актов Евразийского экономического сообщества».

Гармонизация (сближение, унификация) национальных законодательств – правовые процедуры установления согласованного порядка регулирования отдельных сфер правоотношений посредством юридической интерпретации правовых актов Сообщества в национальные акты на принципах, взаимоприемлемых для госу-

дарств – членов ЕврАзЭС, при приоритете общепризнанных норм международного права, в том числе:

гармонизация национальных законодательств – правовая процедура приведения национальных актов в такое соотношение с правовыми актами Сообщества, при котором национальные акты по своему содержанию, направленности, правовым последствиям и принципам правового регулирования аналогичны (однородны) правовым актам Сообщества при различии мер, осуществляемых государственными органами стран Сообщества для достижения результата;

сближение национальных законодательств – правовая процедура приведения национальных актов в такое соотношение с правовыми актами Сообщества, при котором национальные акты по своему содержанию и направленности в основном соответствуют (не противоречат) правовым актам Сообщества;

унификация национальных законодательств – правовая процедура приведения национальных актов в такое соотношение с правовыми актами Сообщества, при котором нормы национальных актов идентичны (полностью совпадают) правоустанавливающим нормам и положениям правовых актов Сообщества [4].

Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205, предусматривает: унификация и гармонизация белорусского и российского законодательств в рамках создания Союзного государства как составляющие процесса постепенного сближения правовых систем должны носить характер скоординированного, научно обоснованного и взаимообогащающего их развития, а не механического заимствования и использования правовых норм иных государств.

Однако правовая интеграция в области СМИ имеет особенности. Главная из них связана с необходимостью учитывать правовую природу общественных отношений по сбору, хранению и распространению информации, а именно – тесную связь с конституционными правами и свободами человека, и в первую очередь со свободой слова, с правом свободно выражать свое мнение. Это право согласно международным конвенциям, в том числе и Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (ст. 11), включает свободу придерживаться своих мнений, получать и распространять информацию и идеи любым законным способом без вмешательства со стороны государственных властей и независимо от государственных границ. А это означает, что нормативные предписания, связанные с получением и распро-

странением информации, как минимум не должны содержать противоречий и, кроме того, учитывать, что пользование этими свободами может быть сопряжено с формальностями, условиями и ограничениями, предусмотренными законом и необходимыми в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка или защиты прав и свобод других лиц. Определение пределов этих ограничений – очень сложная задача.

Попытка определить степень интегрированности законодательства о СМИ в правовую систему Союзного государства непременно будет связана с определением объема нормативного урегулирования отношений, являющихся предметом законодательного воздействия в сфере СМИ и ключевыми понятиями свободы слова – правом получать и правом распространять информацию.

На сегодняшний день в Беларуси и России существует целый ряд нормативных правовых актов разного уровня. По подсчетам специалистов для России речь идет о примерно тридцати законах и десятках указов и постановлений, имеющих отношение к журналистской деятельности. Они охватывают сферы авторского права, проведения предвыборных кампаний, рекламы, государственной тайны и др. [5].

В Беларуси законодательных актов намного меньше, но достаточно, чтобы говорить о развитии правового института «Право СМИ». Можно сказать однозначно, что фронт работы для сближения, гармонизации и унификации законодательства есть.

Среди задач, которые необходимо поставить в разряд первоочередных, можно отметить следующие:

1. Гармонизация и унификация законодательства, обеспечивающего право журналистов на информацию.
2. Гармонизация и унификация законодательства, ограничивающего право на получение и распространение информации.
3. Гармонизация и унификация специальных законов о средствах массовой информации.
4. Поиск эффективных моделей саморегулирования СМИ.

Гармонизация и унификация законодательства, обеспечивающего право журналистов на информацию

Необходимость проведения работы по гармонизации и унификации нормативных правовых актов, обеспечивающих право журналистов на информацию, вызвана тем, что в национальных законодательствах стран Союзного государства

по-разному решен вопрос о механизме реализации права на информацию. В Российской Федерации в начале этого года вступили в силу сразу два закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». На достаточном практическом уровне этот механизм прописан в Законе Российской Федерации «О средствах массовой информации».

В Республике Беларусь закона об обеспечении доступа к информации нет. Совсем недавно утверждено Положение о порядке предоставления сведений по уголовным делам, связанным с преступлениями, получившими широкий общественный резонанс, и преступлениями, подрывающими авторитет государственной власти, для освещения в средствах массовой информации (Положение утверждено постановлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь и Министерства юстиции Республики Беларусь от 1 октября 2008 г.). Однако сфера действия этого Положения касается очень узкого круга вопросов и по аналогии не применяется. Есть еще один важный документ – Указ Президента Республики Беларусь № 65 «О совершенствовании работы государственных органов, иных государственных организаций со средствами массовой информации», но и он не решает проблему доступа к информации в целом.

Новый Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации» отказался от механизма, который был установлен ранее действующим законодательством. Закон «О печати и других средствах массовой информации» содержал норму, в которой были предусмотрены сроки предоставления и отсрочки в предоставлении информации, порядок предоставления, возможности обжалования отказа. В новом законе эти нормы не нашли отражения. Более того, право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, политических партий, других общественных объединений, иных юридических лиц, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды предоставлено физическим лицам, в то время как субъектами отношений в сфере СМИ являются журналисты и юридические лица, выполняющие функцию редакции. О праве журналистов получать информацию о деятельности государственных органов, политических партий, других общественных объединений, иных юридических лиц, а также их должностных лиц сказано лишь

с помощью юридической конструкции о праве государственных органов и других организаций представлять сведения по своему усмотрению путем проведения пресс-конференций, рассылки справочных и статистических материалов и иными способами (ст. 36).

В сложившейся ситуации есть все основания говорить о необходимости внесения изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации», разработки и принятия Закона Республики Беларусь «О праве на информацию», а в рамках Союзного государства – модельного закона «О праве на информацию». Требуется к себе внимания и институт аккредитации, который можно отнести к формам доступа к информации. Общие для журналистов Союзного государства правила аккредитации журналистов, которые могут быть в форме рекомендаций или типового положения, станут важным звеном в гарантиях прав журналистов.

Гармонизация и унификация законодательства, ограничивающего право на получение и распространение информации

Право СМИ – комплексный правовой институт. В «его ведении» и правовые нормы, касающиеся ограничения прав. Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации» предусматривает несколько видов информации, доступ к которой может быть ограничен (ст. 37), а распространение запрещено (ст. 38).

В числе запрещенной информации – информация, направленная на пропаганду насилия и жестокости.

Но как сделать, чтобы этот запрет стал действенным? Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях «готов привлекать» к ответственности нарушителей. Статья 17.8 предусматривает ответственность за изготовление либо хранение с целью распространения или рекламирования либо распространение или рекламирование, а равно за публичную демонстрацию кино- и видеофильмов или иных произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости. Однако критерии, которые дают возможность определить состав правонарушения, четко не выработаны, поэтому эффективность применения данной нормы можно поставить под сомнение.

Представляется, что назрела насущная потребность разработать концепцию информационной безопасности и принять закон Республики Беларусь о защите несовершеннолетних от негативного влияния массовой информации как на уровне национального законодательства, так и на уровне Союзного государства.

Гармонизация и унификация законов о средствах массовой информации

О необходимости гармонизировать и унифицировать Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации» и Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» говорит сравнительно-правовой анализ. Он, в частности, показал, что нормы законов имеют как сходство, так и различия. Сходство, особенно по структуре регулируемых отношений, предопределено фактом принятия законов в начале 90-х годов прошлого столетия на основе союзного закона «О печати и других средствах массовой информации» от 12 июня 1990 г. Различия возникли постепенно и за прошедшие 20 лет коснулись терминологического аппарата, механизма реализации права журналиста на получение информации, объема прав субъектов СМИ, института ответственности.

Например, понятие «журналист» согласно российскому закону о СМИ включает не только лиц, занимающихся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции, которые связаны с ней трудовыми или иными договорными отношениями, но и занимающихся такой деятельностью по ее уполномочию (внештатные корреспонденты).

Согласно белорусскому закону журналист средства массовой информации – физическое лицо, занимающееся сбором, редактированием и созданием (подготовкой) информационных сообщений и (или) материалов для юридического лица, на которое возложены функции редакции средства массовой информации, связанное с этим юридическим лицом трудовыми либо другими договорными отношениями.

Аналогично трактуется понятие и в отношении журналиста иностранного СМИ (зарегистрированного за пределами Республики Беларусь), при этом не учтено, что понятие «журналист» в российском законе иное, а такого понятия как «юридическое лицо, на которое возложены функции редакции средства массовой информации», вообще нет.

Есть проблемы с объемом прав и обязанностей учредителя, его ответственностью. Так, согласно ст. 29 Закона Республики Беларусь «О средствах массовой информации» учредитель средства массовой информации не имеет права вмешиваться в деятельность средства массовой информации, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Законом, решением о редакции средства массовой информации либо договором о редакции средства массовой информации. В тоже время он несет ответственность не только за выполнение требований, за-

явленных им при учреждении и государственной регистрации средства массовой информации или установленных Законом и другими актами законодательства Республики Беларусь, а также за содержание информации, распространяемой учрежденным им средством массовой информации. Объем обязанностей у учредителя российского СМИ иной.

Есть и другие несоответствия, которые могут отрицательно влиять на формирование единого информационного пространства. Выход видится в тщательной проработке вопросов гармонизации и унификации законодательства при работе над модельным законом «О средствах массовой информации», внесении изменений и дополнений в действующий в Беларуси закон о СМИ.

Поиск эффективных моделей саморегулирования СМИ

Работа над механизмами правового регулирования отношений в сфере СМИ поможет и поиску наиболее эффективных моделей саморегулирования данного института. Вопросы о том, могут ли эти модели быть тесно связанными с правовыми регуляторами, какими должны быть органы, разрешающие споры в сфере массовой информации, продолжают оставаться дискуссионными. Российская практика выявила три основных относительно самостоятельных организационных механизма альтернативного разрешения споров в сфере СМИ:

1) государственно-общественная структура, действующая на основании нормативного правового акта (Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации);

2) внутрикорпоративная структура, действующая на основании решения соответствующей профессиональной ассоциации (Большое Жюри Союза журналистов России);

3) внекорпоративная структура, действующая на основании совместной неформальной инициативы производителей и потребителей массовой информации как независимый институт гражданского общества [6].

Опыт российских журналистов, возможно, пригодится в работе над созданием органов саморегулирования в сфере СМИ и на международном уровне.

Заключение

В заключении следует заметить, что интерес и исследователей и законодателей к опыту других стран был всегда, проводились исследо-

вания, в том числе и сравнительно-правовой анализ законодательства, результаты обсуждались на конференциях, семинарах, в какой-то части использовались при разработке проектов законодательных актов. Однако реалии сегодняшнего дня подсказывают, что пора не просто изучать опыт соседей и брать лучшее и не только использовать такие приемы как согла-

сование общеобязательных подходов и концепций или совместная выработка правовых принципов, но и моделировать регулятивные механизмы в деятельности СМИ в режиме гармонизации нормативных правовых актов и унификации отдельных норм права на всех уровнях правового пространства Беларуси и России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачило, И.Л. Методика гармонизации национальных законодательств России и Беларуси / И.Л. Бачило // Упр. защитой информ. – 2000. – № 2.
2. Организация и проведение работы по унификации законодательных и иных нормативных правовых актов государств-участников и разработка нормативно-правовой базы Союзного государства в области безопасности: науч.-метод. пособие / Союз Беларуси и России, Парламентское Собрание. – Минск: БелТА, 2008.
3. Бачило, И.Л. Методика гармонизации национальных законодательств России и Беларуси.
4. О предложениях по совершенствованию организационно-правового механизма реализации и систематизации правовых актов Евразийского экономического сообщества: постановление Бюро Межпарламент. Ассамблеи Евраз. эконом. сообщества, 17 нояб. 2005 г., № 7 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ipaeurasec.org/docsdown/buro-171105.zip>. – Дата доступа: 28.10.2010.
5. Рихтер, А.Г. Правовые основы журналистики / А.Г. Рихтер. – М.: Изд-во ВК, 2009. – С. 4.
6. Федотов, М.А. Саморегулирование в сфере СМИ: альтернатива суду и цензуре / М.А. Федотов. – М.: Элиткомстар, 2007. – С. 15.

Дата поступления статьи в редакцию 26.10.2010

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАТУСА ЯЗЫКА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ПРАВОВАЯ ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ

ИВАШКЕВИЧ Е.Ф.,

заведующий кафедрой истории и теории права юридического факультета
Витебского государственного университета им. П.М.Машерова, доцент

Работа посвящена конституционно-правовому регулированию статуса языка в европейских странах, где в силу определенных исторических, геополитических и социально-этнических факторов сложились предпосылки к конституционному закреплению двух и более государственных языков. Автор подчеркивает, что данная практика во многом снимает социальную напряженность в обществе и является гарантом сохранения гражданского согласия и стабильности в обществе.

The article is devoted to the legal regulation of language status in those European states where due to the historical, geopolitical, social and ethnical factors preconditions for constitutional fixation of two or more official languages appeared. The author underlines that this practice helps to resolve the problem of social tension and gives guarantees for social safety and stability.

Введение

Уважение к культурному и языковому наследию своей страны, подробное законодательное урегулирование вопросов в области языка является, несомненно, гарантом сохранения самобытности нации, гармоничного развития языка и культуры населяющих страну народностей и национальностей, языкового и культурного разнообразия, становления подлинно демократического государства и развития гражданского общества. Неслучайно вопросы гарантий права на пользование родным языком неоднократно становились объектом регулирования в международных правовых актах, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным и этническим, религиозным и языковым меньшинствам, Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств и многих других [1; 2].

Основная часть

В большинстве европейских стран конституциями декларируется один официальный язык (в Дании, Франции, Австрии, Нидерландах и других), тем более что в некоторых из них население имеет ярко выраженный мононациональный характер (в Греции греки составляют 95 % населения, в Португалии 99 % – португальцы, в Италии 98 % – итальянцы).

Однако в подавляющем большинстве конституций при формулировании принципа правового равенства граждан наряду с другими критериями отмечается недопустимость дискриминации по языковому признаку, стремление поощрять развитие государственного языка и языка национальных меньшинств: «...происхождение, пол, раса, язык, место рождения, религиозная принадлежность... ни для кого не может служить основанием для получения привилегий, извлечения выгоды, нанесения ущерба, лишения какого-либо права или освобождения от какой-либо обязанности», «Основными задачами государства являются: ...обеспечение обучения и посто-

янного повышения ценности, защита португальского языка и содействие его международному распространению» (ст.ст. 13, 95 Конституции Португалии); «Будет поощряться право этнических, языковых и религиозных меньшинств сохранять собственную культурную и общественную жизнь» (ст. 2 Формы правления Швеции); «Все лица, находящиеся на территории греческого государства, пользуются полной защитой своей жизни, чести и свободы независимо от национальной, расовой или языковой принадлежности, религиозных и политических убеждений» (п. 2 ст. 5 Конституции Греции, аналогичное положение содержится в п. 3 ст. 3 Основного закона ФРГ) [3]; «В Республике Польша официальным языком является польский язык. Настоящим предписанием не нарушаются права национальных меньшинств», «Республика Польша обеспечивает польским гражданам, принадлежащим к национальным и этническим меньшинствам, свободу сохранения и развития собственного языка, сохранения обычаев и традиций, а также развития собственной культуры» (ст.ст. 27, 35 Конституции Польши) [4].

На конституционном уровне помимо государственной поддержки права на общение, получение и распространение информации на национальном языке широко закрепляются права на осуществление образования на национальном языке, на обращения на нем в государственные органы и органы местного самоуправления, на предоставление услуг переводчика в судебных органах, на осуществление топографических обозначений на национальном языке и многие другие.

Вместе с тем в Европе достаточно распространена конституционная практика закрепления в качестве государственного нескольких языков, что связано, как правило, с историческими условиями становления и развития государственности данных стран.

Особо подробно конституционно урегулирован вопрос о языках в Конституции Бельгии. С точки зрения государственно-территориального устройства, Бельгия являлась до недавнего времени унитарным децентрализованным государством с тремя уровнями управления – государственным, провинциальным и коммунальным. Конституционная реформа еще в 1921 году юридически закрепляла путем изменения избирательного права усиление роли фламандского населения в политической жизни страны, что, однако, не ликвидировало его приниженного положения в области языка и культуры. Слова бельгийского социалиста Жюлья Дестре, обращенные к королю Альберту I в 1912 году, о том, что в Бельгии есть валлонцы и фламандцы, но нет бельгийцев, не утратили своей актуальности и сейчас, если вспомнить скандал, раздутый в результате опроса общественного мнения СМИ в 2006 году о возможности выхода из страны и об-

ретения независимости северного Фламандского сообщества.

Юридической основой решения межнациональных проблем стали конституционные реформы 1970, 1980, 1993 годов, ознаменовавшие переход Бельгии от унитарного государственного устройства к федеративному. В настоящее время в Части I «О бельгийской федерации, ее составных частях и территории» Бельгия разделена на три сообщества: Французское, Фламандское и Германоязычное (ст. 2); три региона: Валлонский, Фламандский, Брюссельский (ст. 3); четыре лингвистических региона: французского языка, голландского языка, двуязычный столичный регион Брюссель – столица и немецкоязычный (ст. 4), границы которых могут быть изменены только квалифицированным большинством в 2/3 поданных голосов членов каждой лингвистической группы в палатах Парламента при наличии кворума в каждой из этих групп. Конституция провозглашает свободу употребления принятых в Бельгии французского, нидерландского и немецкого языков, не провозглашая ни один из них государственным. Регулирование этого вопроса допускается только в сфере государственного управления и отправления правосудия и лишь на основании закона (ст. 30). В части III «О властях» при формировании Правительства и верхней палаты Парламента – Сената – учитывается принцип представительства на лингвистической основе (ст.ст. 99, 67) [3, с. 109–126].

Пример конституционного урегулирования двух языков в качестве государственных предоставляет нам Ирландия, для которой характерно подчеркнутое внимание к проблемам языка. Так, ст. 8 Конституции Ирландии объявляет первым официальным языком ирландский (п.1), а вторым – английский язык (п. 2) [3, с. 326]. Вместе с тем де-факто основным языком общения остается английский, который часто называют ирландским английским, поскольку он, подобно американскому, несколько отличается от классического английского языка. Это связано, прежде всего, с многолетним господством англичан в Ирландии. Достаточно вспомнить, что долгое время на ее территории действовал английский уголовный закон (1695 года), запрещавший использование ирландского языка и разрушавший ирландские культурные традиции. Однако к 1991 году уже более 1,1 млн. жителей (32,5 % населения от 3 лет и старше) вернулись к разговорному ирландскому языку, хотя степень владения им весьма различна. Преподавание этого языка теперь обязательно в начальных и средних школах, на ирландском языке издаются литературные произведения, периодические печатные издания, ведутся радио- и телепередачи. Интересно заметить, что в официальном английском тексте Конституции Ирландии наименования некоторых государственных органов

употребляются не в переводе на английский, а непосредственно на ирландском языке. Так, Палата представителей названа Dail Eireann, а сенат – Seanad Eireann.

В Конституции Люксембурга не установлены официальные государственные языки, хотя основными языками общения являются французский, немецкий и люксембургский диалект (франсик мозелан), статус которых урегулирован соответствующим законом. В Конституции лишь фиксируется положение о том, что порядок употребления языков в административном и судебном производствах определяет закон. Тем не менее, еще в 1906 году высшая судебная инстанция Люксембурга подчеркнула, что в случае разночтений французского и немецкого переводов законодательных положений судьи должны руководствоваться французским текстом, поскольку французский язык является единственным языком законодателя.

Исторические обстоятельства (до 1809 года Финляндия была владением Швеции) повлияли и на признание в качестве государственных языков в Финляндии финского и шведского (§ 14 Формы правления). Причем финский язык стал государственным впервые в 1863 году при российском императоре Александре II, что привело к подъему и развитию финской культуры. Однако в конце XIX века финляндская автономия была значительно ограничена, и только после Октябрьской революции 1917 года Сейм 6 декабря 1917 года провозгласил независимость своей страны, признанную в 1918 году Советской Россией. Конституционно декларируется «...право граждан Финляндии использовать в судах и в обращениях к органам власти в касающемся их деле родной язык – финский или шведский, а также право на получение касающихся их документов на данном языке с тем, чтобы права как финского, так и шведского населения защищались в одинаковой мере» (II абзац §14 Формы правления) [3, с. 614].

В настоящее время двуязычие особенно актуально для шведскоязычного населения Аландских островов, наделенных правами автономии. Закреплено двуязычие и на двух самоуправляющихся территориях Дании: в Гренландии официальными языками являются эскимосский (инуитский) и датский, на Фарерских островах – фарерский и датский. Конституция Испании, являясь выразителем интересов многонационального государства, в своей преамбуле провозглашает «...стремление нации обеспечить всем испанцам и народам... развитие их культуры и традиций, языков и институтов». Официальным государственным языком признается кастильский (более 72 % этнических испанцев). Однако принципиальное значение имеет конституционное признание официального статуса и остальных языков Испании в соответствующих

автономных сообществах согласно их статутам (п. 1–2 ст. 3 Конституции). Богатство лингвистических особенностей исторических районов страны конституционно определено как часть культурного наследия и пользуется особым уважением и защитой (п. 3 ст. 3).

Редким в мировой практике случаем является признание в Швейцарии государственными сразу 3 языков – немецкого (его считают родным 65 % населения), французского (20 %), итальянского (10 %). Также официальным (но не государственным) признается ретро-романский (раусиский) язык, иногда используемый в италоязычных кантонах [3, с. 372].

В швейцарской федеральной Конституции отсутствуют упоминания о национальных, языковых группах или меньшинствах. Союзное государство предоставляет 26 кантонам право самостоятельно проводить культурную, в том числе и языковую, политику. Каждый кантон выбирает себе один или несколько из четырех языков, которые становятся для него государственным кантональным языком. Администрация, полиция, суды, государственные школы используют этот язык, к федеральным же властям каждый швейцарец может обращаться на одном из четырех языков [5, с. 182–183].

Вместе с тем в некоторых странах не принято использовать языки меньшинств для ведения официальных дел, преподавания общеобразовательных предметов в школах. Например, в Великобритании считается, что ученик получит больше пользы, если преподавание ведется на английском языке. Дети национальных меньшинств могут изучать родные языки лишь во внешкольное время в классах, организованных и оплачиваемых общиной.

Примером радикального отношения к данной проблеме является Конституция Турции 1982 года, в которой согласно ст. 42 «...никакой язык, кроме турецкого, не должен преподаваться в качестве родного языка турецким гражданам в любых образовательных учебных заведениях».

Накоплен значительный опыт правового урегулирования в области языка в Российской Федерации. Так, распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2005 года № 1355-р утверждена Концепция федеральной целевой программы «Русский язык (2006–2010 годы)», в которой в пункте 1 обосновывается соответствие решаемой проблемы применения государственного языка и языков народов Российской Федерации и целей Программы приоритетным задачам социально-экономического развития Российской Федерации. В данном разделе констатируется, что в бывших республиках СССР из 140 млн. человек русским языком владеет 10 млн. Согласно экспертным оценкам, через 10 лет число им владеющих уменьшится более чем в 2 раза. Например, в Литве среди лиц среднего и старшего возраста русским владеют 80 %, в то

время как среди тех, кто моложе 15 лет, – только 13 %. Это связано с тем, что к 2004 году русский язык остался государственным лишь в Республике Беларусь. Достаточно сильны его позиции в Республике Казахстан и Киргизской Республике, где русскому языку придан статус языка официального общения. Языком национального меньшинства русский является в Республике Армения, Грузии и Украине, в странах Балтии он является иностранным языком (в Латвии с 1999 года, в Литве и Эстонии – с 1995 года) [6].

В самой Российской Федерации наблюдается снижение уровня владения русским языком как государственным, сужение сферы его функционирования как средства межнационального общения, искажение норм русского литературного языка в речи политических деятелей, государственных служащих и работников СМИ. Основаниями для разработки Программы являлись Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации», Программа социально-экономического развития Российской Федерации до 2010 года, Приоритетные направления развития образования в Российской Федерации, Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года, а также Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 25 апреля 2005 года.

Представляет значительный историко-правовой интерес исследование белорусского конституционного опыта оформления статуса языков. Так, в Конституции Белорусской советской социалистической республики 1927 года в ст. 21 за всеми гражданами «признавалось право свободного пользования родным языком на съездах, в суде, управлении и общественной жизни, а в государственных и общественных учреждениях и организациях устанавливалось полное равноправие белорусского, еврейского, русского и польского языков», причем опубликование важнейших законодательных актов также производилось на 4 языках (ст. 23) [7]. После длительного перерыва двуязычия как основы государственной политики в области языка 14 мая 1995 года по инициативе Президента Республики Беларусь был проведен республиканский референдум, в котором приняли участие 64,8 % электората. За

одобрение вопроса «Согласны ли вы с приданием русскому языку равного статуса с белорусским?» проголосовало 83,3 % принявших участие в голосовании.

В настоящее время в Республике Беларусь в соответствии с Конституцией государственными языками являются белорусский и русский языки. Наряду с декларацией нескольких государственных языков Республика Беларусь проявляет государственную заботу о свободном развитии и употреблении всех национальных языков, которыми пользуется население республики. Закон Республики Беларусь «О языках в Республике Беларусь» от 26 января 1990 года (с изменениями и дополнениями от 10 мая 2007 года) устанавливает в ст. 3 «...право граждан пользоваться их национальным языком, обращаться в госорганы, органы местного управления и самоуправления, на предприятия, в учреждения, организации и общественные объединения на белорусском, русском или другом приемлемом для сторон языке». В Законе подробно регламентируется язык съездов и других форумов, документов по выборам депутатов, в сфере обслуживания, судопроизводства, международных договоров, образования, науки и культуры и в других сферах, в ст. 34 подчеркивается как принцип государственной политики содействие национально-культурному развитию этнических белорусов, проживающих за пределами Республики Беларусь [8].

Заключение

Таким образом, в настоящее время для европейских стран характерны конституционные положения о недопущении дискриминации по языковому признаку, о стремлении демократического государства сохранить лингвистическое разнообразие путем развития государственного языка и языков национальных меньшинств вплоть иногда до закрепления статуса официального языка не за одним, а за двумя и более языками. Право народов на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития является залогом сохранения поликультурности европейского общества, его толерантности и социальной стабильности, развития свободной демократической личности, любящей свою страну и уважающей другие народы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Права человека: сб. междунар.-правовых док. / сост. Щербов В.В. – Минск: Белфранс, 1999. – 1146 с.
2. Права человека: международно-правовые документы и практика их применения: в 4 т. / сост. Е.В. Кузнецова. – Т. 2. – Минск: Амалфея, 2009.

3. Конституции государств Европейского союза / под общ. ред. Л.А. Окунькова. – М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 816 с.
4. Конституции зарубежных стран: сб. – М.: ООО Изд-во «Юрлитинформ», 2000. – 366 с.
5. Альтернат. Этнонационализм в Европе. – М.: Юристъ, 2000.
6. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Русский язык (2006–2010 годы)»: распоряжение Правительства Рос. Федерации, 5 сент. 2005 г., № 1355-р // Собр. зак-ва Рос. Федерации. – 2005. – № 37. – Ст. 3758.
7. Хрестоматия по истории БССР (1917–1971 гг.). – Минск, 1972.
8. О языках в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 26 янв. 1990 г., № 3094-XI: в ред. от 9 нояб. 2009 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юр-спектр». – Минск, 2010.

Дата поступления статьи в редакцию 04.11.2010

К ВОПРОСУ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СТАТУСА ВСЕБЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ

КОЗАК М.А.,

старший преподаватель кафедры истории и теории права юридического факультета Витебского государственного университета им. П.М.Машерова, аспирант кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета

Статья раскрывает проблему участия граждан в осуществлении государственной власти через выдвижение делегатов и их участие в проведении Всебелорусского народного собрания. В статье затрагиваются вопросы избрания состава Всебелорусского собрания, анализируется социальный и количественный срез делегатов, рассматривается процедура проведения собрания, анализируется правовое значение принятых резолюций.

В работе содержатся конкретные предложения по совершенствованию законодательства при проведении Всебелорусского народного собрания.

This article reveals a problem of participation of citizens in government realization through promotion of delegates and their participation in carrying out of All-Belarus people's assembly. In this article are mentioned the questions of election of structure of the All-Belarus people's assembly, the social and quantitative profile of delegates of the meeting is analyzed, procedure of carrying out of meeting is considered, legal value of the accepted resolutions is analyzed.

In the work there are specific proposals on legislation perfection at carrying out of the All-Belarus people's assembly.

В период становления Республики Беларусь как суверенного, независимого, демократического государства при формировании собственной эффективной политической системы, ориентируясь на основные стандарты мирового сообщества в политической и правовой сфере, был выбран оптимальный механизм власти, позволяющий наиболее полно учитывать интересы граждан и обеспечивающий подлинное народовластие. Одним из способов достижения поставленных задач в Республике Беларусь является проведение Всебелорусского народного собрания. В науке конституционного права практически отсутствуют специальные исследования правового статуса, природы, состава Всебелорусского народного собрания. В силу того, что оно является примером широкого участия граждан в решении важнейших государственных задач, является важным элементом гражданского общества, играет существенную роль в политической жизни нашей страны, назрела необходимость специального комплексного изучения статуса Всебелорусского народного собрания.

Всебелорусское народное собрание впервые было создано в 1996 году на основе Указа Президента Республики Беларусь «О созыве Всебелорусского народного собрания» [1].

В 1996 году Всебелорусское народное собрание созывалось впервые «в целях обеспечения наиболее полного участия широких слоев населения в обсуждении принимаемых Президентом Республики Беларусь, Кабинетом Министров Республики Беларусь, местными исполнительными и распорядительными органами мер по преодолению экономического кризиса, стабилизации социальной обстановки в обществе» [1]. Последующие собрания 2001, 2006, 2010 годов созывались «в целях реализации конституционного права граждан участвовать в обсуждении вопросов государственной и общественной жизни» [2], [3], [4].

На собраниях решались самые актуальные и значимые вопросы для дальнейшего развития государства: обсуждался проект новой редакции Конституции Республики Беларусь 1996 года, анализировались вопросы, предложенные Президентом Республики Беларусь на республиканский референдум 1996 года, разрабатывались и обсуждались основные положения Программы социально-экономического развития Республики Беларусь, подводились итоги реализации программ социально-экономического развития Республики Беларусь, принятых на предыдущих собраниях.

Проблемным вопросом является определение природы Всебелорусского народного собрания. Если брать во внимание, что оно созывается в соответствии со ст. 37 Конституции Республики Беларусь в целях реализации конституционного права граждан участвовать в обсуждении вопросов государственной и общественной жизни на республиканских собраниях, то Всебелорусское народное собрание можно отнести к формам непосредственной или прямой демократии, при которой граждане непосредственно участвуют в обсуждении вопросов республиканского значения. Но в то же время, если учитывать форму проведения собрания и избрание делегатов для представления интересов, напрашивается вывод об институте представительной демократии.

По информации районных, городских, областных организационных комитетов по подготовке и проведению первого Всебелорусского народного собрания было избрано 4740 участников. Обеспечено представительство всех районов и городов, наиболее крупных трудовых коллективов. Среди тех, кому народ Беларуси доверил принимать жизненно важные для нашего государства решения, 1164 (24,7 процента) – женщины, 637 (13,6 процента) – рабочие и колхозники, 554 (11,7 процента) – инженерно-технические работники, 720 (15,3 процента) – работники социально-культурной сферы, 1064 (22,6 процента) – руководители предприятий и организаций, 1382 (30 процентов) – студенты, предприниматели, военнослужащие, пенсионеры и т.д.; 43 делегата – Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда, 936 – кавалеры других высоких государственных наград, 143 – удостоены почетных званий. Делегатами собрания стали 993 депутата местных Советов всех уровней, 120 из них – депутаты Верховного Совета.

Количество делегатов второго, третьего и четвертого собрания было уменьшено до 2,5 тысячи граждан. Если проанализировать социальный срез второго Всебелорусского народного собрания, то получается, что почти половина делегатов собрания – люди среднего возраста (41–50 лет), 30,2 процента – в возрасте от 51 до 60 лет, 14,6 процента – 31–40-летние, 9,8 процента – пенсионеры, 5,6 процента – молодежь до 30 лет. 2026 делегатов (81 процент) имеют высшее, 413 (16,5 процента) – среднее и среднее специальное образование. 755 женщин (30,2 процента), 221 рабочий (8,8 процента), 273 работника сельского хозяйства (10,9 процента), 272 инженерно-технических работника (10,9 процента), 519 работников социально-культурной сферы (20,8 процента), 497 руководителей предприятий и организаций (19,9 процента), а также 718 студентов, предпринимателей, военнослужащих, пенсионеров и лиц других категорий (28,7 процента). 505 депутатов местных Советов,

251 представитель политических партий и общественных объединений. 17 Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда, полных кавалеров ордена Славы. Других государственных наград удостоены 513 человек, почетные звания имеют 175 человек.

Кроме того, на собрания были приглашены депутаты Палаты Представителей и члены Совета Республики Национального собрания, представители администрации Президента, представители руководящих органов СНГ, Союзного государства, делегации России и Украины, руководители центральных органов управления, местных исполнительных и распорядительных органов, представители молодежных объединений, послы Республики Беларусь, представители национальных общин в Беларуси и белорусских зарубежных диаспор, представители Конституционного Суда, Федерации профессиональных союзов, творческой интеллигенции, Республиканского совета ветеранов и большая группа работников средств массовой информации.

Из анализа видно, что Всебелорусское народное собрание самый представительный институт власти, – каждый из 350 избранных делегатов от каждой области и 400 от г. Минска представил на форуме примерно 3300 взрослых жителей республики.

На первых двух собраниях процедура выдвижения делегатов не была прямо предусмотрена в указах Президента. Делегаты избирались открытым голосованием от рабочих коллективов, по месту учебы, по месту жительства. Третье, четвертое Всебелорусское народное собрание формировались в соответствии с Указом Президента. «Областные, Минский городской организационные комитеты пропорционально численности взрослого населения (лица, достигшие 18 лет) устанавливали нормы представительства участников собрания от городов и районов. Участники собрания избирались на районных (городских) собраниях уполномоченных. Уполномоченные на районное (городское) собрание избирались коллективами работников организаций, воинских частей, граждан по месту жительства, общественных объединений в соответствии с нормами представительства, установленными районными (городскими) организационными комитетами» [3, 4].

Способ выдвижения делегатов Всебелорусского собрания очень похож на избрание «коллегии выборщиков», то же избрание представителей или уполномоченных для выдвижения установленного числа делегатов от конкретной территориальной единицы, а именно района или города. При анализе состава делегатов Собрания приходим к выводу, что зачастую в делега-

ты попадают одни и те же люди. На будущее можно было бы предложить, чтобы при выдвижении учитывались интересы тех слоев населения, которые до этого были представлены малочисленно. Например, небольшое представительство имеют индивидуальные предприниматели, руководители частных фирм и предприятий. Представителей от молодежи можно было бы разделить на обучающихся в вузах и тех, кто обучается в средних специальных учреждениях образования и достиг 18-летнего возраста. А также, учитывая, что Собрание проходит в преддверии выборов Президента, обеспечить участие представителей оппозиции, тех, кто набрал не менее 100 тыс. подписей избирателей для выдвижения в кандидаты, с правом выступления на Собрании при обсуждении программы развития.

В политическом устройстве соседних государств и в историческом прошлом Беларуси можно найти похожие на Всебелорусское собрание институты, имеющие различный правовой статус. Например Съезд народных депутатов СССР, который должен был обеспечить широкую представительность всех слоев народа с 16 мая 1990 г. по 21 сентября 1993 г. в СССР, а в последующем и в России. Съезд народных депутатов СССР являлся высшим представительным органом трудящихся, состоял из 2250 депутатов, избранных на областных и краевых съездах. Очередные заседания Съезда народных депутатов СССР должны были проводиться не реже одного раза в год. Съезд народных депутатов СССР правомочен был принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Союза ССР. Съезд народных депутатов являлся высшим государственным представительным органом страны, а правовой статус был закреплен в Конституции.

Также можно проанализировать схожесть Всебелорусского народного собрания с первым Всебелорусским съездом, хотя он не имел большого успеха в достижении поставленной цели (был досрочно распущен), но сохранение принципа массового представительства при принятии наиболее важных решений для государства говорит о том, что Всебелорусское народное собрание не новая форма массового народного представительства на территории Беларуси. Первый Всебелорусский съезд проводился с 5 по 17 декабря 1917 г. На Всебелорусский съезд собралось тогда 1872 делегата, в том числе 1167 с правом решающего голоса, которые представляли все белорусские этнические территории – представители деревни и города, Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, беженских союзов и комитетов, профсоюзов и политических партий. Всебелорусский съезд решал во-

прос о форме национального государственного самоопределения Беларуси и ее взаимоотношения с Россией [5, с. 56].

Можно сказать о том, что Всебелорусское собрание вобрало в себя отдельные принципы советской демократии при формировании Собрания, выдвижении его делегатов, при обсуждении вопросов на заседаниях.

Но нельзя говорить только о преемственности Всебелорусского собрания от представительных институтов прошлого. В настоящее время наличие схожих институтов в структуре государственной власти некоторыми авторами называется «двухэтажностью» [6, с. 427]. Первый уровень – это структура, похожая на Всебелорусское народное собрание, она является многочисленной. За ним закрепляется титул высшего органа народовластия, собирается он на кратковременные заседания. Вторым уровнем является обычный парламент, который и является основным, постоянно действующим представительным и законодательным органом. Такая «двухэтажность» свойственна парламентам Кубы (Народное собрание и постоянно действующий Государственный совет Народного собрания); КНДР (Великое народное собрание имеет Постоянный комитет); Камбоджи (Народное собрание, верхнюю часть которого образует Государственный совет); Мьянмы (Государственный совет Народного собрания до 2008 года); Мозамбика (Народное собрание и его Постоянная комиссия, осуществляющая полномочия парламента в период между сессиями). В Туркменистане – Народный совет (Халк Маслахаты до 2008 года), Индонезии – Народный Консультативный конгресс, Афганистане – Великая джирга, Кыргызстане – Курултай согласия, прошедший в марте 2010 года. Названные собрания в некоторых странах до сих пор существуют. Их статус, полномочия, цели создания отличаются друг от друга, учитывая народные традиции, политическую обстановку в стране. В общем, это так называемые «надпарламентские» органы [7, с. 264], они включают членов парламента, лиц, избранных по квоте от различных слоев населения, высших должностных лиц.

В государствах с государственным устройством, похожим на государственное устройство Республики Беларусь, например Кыргызстане, Туркменистане и даже Индонезии, данный институт нашел свое место в политической системе. В Индонезии высший законодательный орган – Народный консультативный конгресс (собирается один раз в пять лет); постоянный законодательный орган – Совет народных представителей там тоже присутствует. Депутатами Народного консультативного конгресса являются все депутаты Совета народных представителей (550), а также еще 195 депутатов, избираемых непрямым голосованием (представители

провинциальной администрации, вооруженных сил, предпринимателей, рабочих, женщин и т.д.), и руководство партий, исходя из доли полученного ими в ходе последних всеобщих выборов количества голосов избирателей [8, с. 492–530]. В его компетенцию входят изменение Конституции, избрание президента (сроком на 5 лет) и вице-президента, утверждение «Основных направлений государственного курса» – директив правительственной политики на очередное пятилетие.

В Афганистане – Лойя-джирга – совет старейшин (представителей), нерегулярно избираемый от этноплеменных групп для решения кризисных ситуаций. Последняя Лойя-джирга (председатель Себгатулла Моджаиди) созывалась в 2002–2004 годах для утверждения новой афганской конституции. Процесс выборов в нынешнюю Лойя-джиргу проходил в соответствии с Боннским договором, подписанным 5 декабря 2001 г. В январе 2002 года была создана Специальная независимая комиссия по созыву Лойя-джирги, которая определила правила и процедуры, необходимые для проведения выборов в «Большой совет» и его дальнейшей работы. Сначала местные советы старейшин («шурь») на уровне округов и муниципалитетов назначили выборщиков, число которых зависело от числа жителей данного округа или муниципалитета. Затем выборщики на избирательных участках, которые находились в региональных центрах, избрали из своего числа делегатов на Лойя-джиргу.

В Курултай согласия Кыргызстана в 2010 году приняли участие 750 делегатов со всех регионов страны, в том числе 150 по так называемой «президентской квоте», формируемой из числа деятелей искусства, культуры, науки, образования, медицины, бизнесменов, общественных деятелей и представителей этнокультурного сообщества, 35 делегатов от трудовых мигрантов за рубежом, 20 представителей ведущих религиозных конфессий страны. В Кыргызстане он выполнял функции как «общенациональный совещательный орган, призванный обеспечить гражданскую консолидацию и баланс интересов и возможностей при принятии решений государственной важности» [9]. Курултай согласия Кыргызстана собирался Указом Президента «О созыве Курултая согласия Кыргызской Республики». С правовым статусом в Кыргызстане пока еще не определились. В соответствии с проектом постановления это собрание (сход) граждан Кыргызской Республики, на котором могут обсуждаться вопросы, связанные с деятельностью государственных органов и органов местного самоуправления, а также другие важные вопросы. Но до сих пор данный проект не утвержден, и из-за смены руководства страны неизвестно, получит ли он право на существование.

Халк Маслахаты Туркменистана являлся постоянно действующим высшим представительным органом народной власти и обладал полномочиями высшей государственной власти и управления. Его статус был закреплен в Конституции Туркменистана 1992 года (ст. 45).

Полномочия данных структур обычно распространяются на наиболее важные вопросы государственного устройства. Они имеют(ли) право принять, изменить конституцию, свергнуть короля (Афганистан), могут отменить любое решение президента (Индонезия), формировать ЦИК и назначать выборы и референдумы, решать вопросы об изменении государственной границы и административно-территориального деления страны (Туркменистан), избирать высших должностных лиц (РФ) и принимать другие наиболее важные законы. Данные органы являются(лись) выборными. Периодичность созыва различна: в Индонезии созывается раз в 5 лет, в Туркменистане являлся постоянно действующим, в Афганистане периодичность созыва не регламентирована (всего собирался четыре раза), в Кыргызстане Курултай должен был проводиться один раз в год.

Конкретные формы реализации народовластия всецело зависят от ментальности каждого народа, его традиций и исторического выбора. В Беларуси еще в старину самые важные вопросы жизни общества решались «всемирно», на сходах. Нынешняя практика проведения Всебелорусских собраний является прямым продолжением исторических традиций и, на наш взгляд, только расширяет возможности народа через своих делегатов участвовать в определении путей дальнейшего развития государства.

Порядок проведения Всебелорусского народного собрания не регламентируется в указах Президента Республики Беларусь, в них указывается цель собрания, вопросы, подлежащие рассмотрению, количественный состав и в общем виде регламентируется способ выдвижения делегатов. В указах 1996, 2001 и 2006 годов указывался состав Республиканского организационного комитета по подготовке и проведению Всебелорусского народного собрания, содержались имена всех сопредседателей комитета. При созыве 4-го Всебелорусского собрания вначале было издано Распоряжение Президента № 150 «О некоторых вопросах подготовки четвертого Всебелорусского народного собрания», в котором указывался состав Республиканского организационного комитета, а в последующем принят Указ «О созыве четвертого Всебелорусского народного собрания».

Порядок проведения регламентируется в Законе «О республиканских и местных собраниях». Республиканское собрание открывает и проводит председатель организационного комитета по подготовке и проведению республикан-

ского собрания, которого избирает президиум. Для обеспечения работы собрания его участниками избираются следующие рабочие органы: президиум, секретариат, мандатная комиссия, редакционная комиссия, счетная комиссия [10].

Из истории проведения собраний известно, что Председателем является Президент Республики Беларусь, его выступлению уделяется огромное внимание, так как именно он в своем докладе говорит о том, почему созывалось собрание, какие первоочередные задачи стоят перед республикой, перед властью и народом в целом. Президент анализирует выполнение программы социально-экономического развития, принятой на предыдущем собрании. По предложению главы государства делегаты Всебелорусского народного собрания обсуждают новые основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на будущую пятилетку и другие вопросы, вынесенные на обсуждение Президентом Республики Беларусь.

Подводя итог, нужно отметить, что включение Всебелорусского народного собрания в национальный внутригосударственный механизм сегодня является дискуссионным и среди ученых, и среди практикующих специалистов. На современном этапе в Республике Беларусь на законодательном уровне за Всебелорусским собранием закреплён статус республиканского собрания. Хотя, как мы уже отмечали, схожесть данного института с государственными органами в других государствах наталкивает на мысль, что необходимо уточнить статус Всебелорусского народного собрания.

Во-первых, чтобы не было споров о проведении Всебелорусского народного собрания и не возникало вопросов о его легитимности и законности, необходимо все спорные вопросы регламентировать отдельным документом. Таким документом должен быть как минимум отдельный закон, так как закон «О республиканских и

местных собраниях» просто закрепляет правомерность проведения таких форумов. Всебелорусское народное собрание отличается от всех других массовых мероприятий, поэтому и требует отдельного законодательного закрепления. Именно об этом говорил Президент Республики Беларусь А.Г.Лукашенко на первом собрании в 1996 году [11, с. 182]. Но для такого закрепления необходимо решить множество спорных вопросов.

Во-вторых, в законе необходимо определить состав, установить количество участников (например, 2500 представителей), определить порядок избрания делегатов. Это может быть выдвижение от трудовых коллективов, как это происходит в настоящее время, или проведение косвенных выборов по аналогии с Афганистаном.

В-третьих, обозначить ответственных за реализацию конкретных решений, принятых на Всебелорусском народном собрании (Президент, Национальное собрание, Совет Министров и другие государственные органы в соответствии с их полномочиями, установленными Конституцией и законами).

В-четвертых, закрепить периодичность проведения Собрания (по мере необходимости, но не реже одного раза в пять лет по инициативе Председателя Всебелорусского народного собрания, Президента Республики Беларусь, Национального собрания или определенной части от палат Парламента).

Всебелорусское народное собрание могло бы стать высшим представительным органом государства, образовав и возглавив систему представительных органов Республики Беларусь, после его конституционного или законодательного закрепления. Всеми признаками представительности этот институт обладает, он поддерживается населением и государственными органами.

ЛИТЕРАТУРА

1. О созыве Всебелорусского народного собрания: Указ Президента Респ. Беларусь, 29 авг. 1996 г., № 341 // [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.05.2010.

2. О созыве второго Всебелорусского народного собрания: Указ Президента Респ. Беларусь, 16 февр. 2001 г., № 80 // [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.05.2010.

3. О созыве третьего Всебелорусского народного собрания: Указ Президента Респ. Беларусь, 12 янв. 2006 г., № 21 // [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.05.2010.

4. О созыве четвертого Всебелорусского народного собрания: Указ Президента Респ. Беларусь, 13 окт. 2010 г., № 531 // [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.10.2010.
5. История государства и права Белорусской ССР: в 2 т. / редкол.: С.П. Маргунский (глав. ред.) [и др.]. – Минск: «Наука и техника», 1970. – Т. 1 (1917–1936 гг.). – 608 с.
6. Арановский, К.В. Государственное право зарубежных стран / К.В. Арановский. – М., 1988.
7. Чиркин, В.Е. Конституционное право зарубежных стран / В.Е. Чиркин. – М., 1997. – 568 с.
8. Damian, E. Indonesia's Formal Legal System: an Introduction / E. Damian // American Journal of Com-parative Law. – Vol. 20. – 1972. – P. 492–530.
9. Первый Курултай согласия в Киргизии соберет 750 делегатов республики и из-за рубежа // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.trend.az/regions/casia/kyrgyzstan/1657912.html>. – Дата доступа: 23.03.2010.
10. О республиканских и местных собраниях: Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2000 г., № 411-З // [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.10.2010.
11. Только народ вправе решать свою судьбу: заключ. слово Президента Респ. Беларусь А.Г.Лукашенко на Всебелорус. нар. собр. / Материалы Всебелорус. нар. собр., 19–20 окт. 1996 г. – Минск, 1996. – 205 с.

Дата поступления статьи в редакцию 02.11.2010

НОВЕЙШИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

МАСЛОВСКАЯ Т.С.,

доцент кафедры конституционного права Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук

В статье исследуется актуальный теоретический и практический вопрос финансирования президентских выборов в Республике Беларусь. В этой связи рассматриваются виды финансирования избирательных кампаний, особенности финансирования выборов в Республике Беларусь. Подвергаются анализу новеллы избирательного законодательства в данной области, особенно нормы, регулирующие институт избирательного фонда кандидатов. Высказываются предложения по совершенствованию избирательного законодательства Республики Беларусь с учетом зарубежного опыта.

Under consideration there are theoretical and practical issues of a financing of presidential elections in the Republic of Belarus. Under investigation there are kinds of a financing of elections in the Republic of Belarus. Novelties of election legislation in this field, particularly norms which regulated an institution of fund of candidates for election. There are some proposals for a perfection of Belarussian election legislation taking into account foreign experience.

Введение

Проведение избирательной кампании требует значительных финансовых средств. Вопросы финансирования выборов Президента Республики Беларусь приобретают особую актуальность и практическую значимость особенно в связи с внесенными в Избирательный кодекс Республики Беларусь изменениями и дополнениями и предстоящей избирательной кампанией. Новеллы избирательного законодательства в этой области требуют правовой оценки.

Основная часть

По мнению профессора Г.А.Василевича, существует четыре вида финансирования избирательных кампаний: 1) избирательная кампания финансируется из средств, вносимых в соответствующую Центральную комиссию по выборам, и она распределяет их между кандидатами; 2) средства поступают на счет общественных объединений, партий, выдвинувших кандидатов, но при этом осуществляется контроль за расходованием, установлением максимальной суммы расходов на выборы; 3) все участники

выборов напрямую финансируются государством с предоставлением отчета о расходовании полученных средств; 4) государство возмещает расходы, понесенные кандидатами (или партиями, выдвинувшими их), с учетом результатов выборов [1, с. 154].

Избирательный кодекс Республики Беларусь (далее – ИК) предусматривает, что расходы по подготовке и проведению выборов Президента Республики Беларусь осуществляются за счет средств республиканского бюджета (ч. 1 ст. 48) [2]. Вместе с тем расходы по подготовке и проведению выборов могут осуществляться также за счет средств организаций, общественных объединений и граждан Республики Беларусь, которые могут вносить свои денежные средства во внебюджетный фонд, специально создаваемый Центральной комиссией для дополнительного финансирования расходов по подготовке и проведению выборов. Центральная комиссия поровну распределяет все денежные средства, выделенные из республиканского бюджета и добровольно внесенные во внебюджетный фонд для проведения предвыборной агитации между всеми кандидатами в Президенты, что служит гарантией равенства участия кандидатов в предвы-

борной борьбе. До внесения изменений и дополнений в ИК Законом Республики Беларусь от 4 января 2010 г. «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам проведения выборов и референдумов и о признании утратившим силу Закона Республики Беларусь «О Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов» (далее – Закон) ИК запрещал общественным объединениям, организациям, гражданам оказывать иную материальную помощь, связанную с выборами, кроме внесения денежных средств во внебюджетный фонд (ч. 9 ст. 48) [2]. Таким образом, вышперечисленные лица не вправе были оплачивать предвыборную агитацию из собственных средств.

Следует отметить, что правовые нормы, регулирующие вопросы финансирования избирательных кампаний в Республике Беларусь, нуждались в совершенствовании. Белорусское законодательство до недавних пор не предусматривало института личного избирательного фонда. Закон, внесший изменения и дополнения в ИК, предоставил право кандидатам в Президенты Республики Беларусь создавать собственные избирательные фонды для финансирования дополнительных расходов по предвыборной агитации*.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что законодательство ряда зарубежных стран предусматривает создание кандидатом личного избирательного фонда (в частности, Казахстана, Украины, Франции и др.). Например, такой институт существует в России уже несколько лет (для кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации – с 1993 г., для кандидатов в Президенты Российской Федерации – с 1999 г.).

Избирательный фонд – публично-правовое образование, имеющее строго целевое назначение и временный характер. Кандидат не является собственником фонда, но управляет им лично либо поручает управление своему уполномоченному представителю по финансовым вопросам.

Институт личного избирательного фонда имеет определенные преимущества. Во-первых, личный избирательный фонд, на наш взгляд, позволяет поддержать кандидата теми, кто ему симпатизирует и собирается за него голосовать. Во-вторых, дает возможность кандидатам распоряжаться их средствами, самостоятельно решать, сколько средств дополнительно использовать на оплату, например, агитационных печатных материалов, эфирного времени, аренду помещений и др. В-третьих, создание избиратель-

ного фонда направлено на финансирование избирательной кампании (как, например, в России) в целом либо только ее части, например, предвыборной агитации (как в Казахстане).

Согласно новым положениям ИК кандидат в Президенты Республики Беларусь вправе создавать собственный избирательный фонд для финансирования дополнительных расходов по предвыборной агитации (ч. 1 ст. 48¹) [2]. Следовательно, данная норма закрепляет еще одну возможность дополнительного (наряду с созданием Центральной комиссией внебюджетного фонда) финансирования расходов по предвыборной агитации.

Следует обратить внимание на некоторую неточность формулировок, закрепленных в статье 48 и статье 48¹ ИК. В ч. 1 ст. 48 речь идет о возможности создания кандидатами в Президенты Республики Беларусь собственных избирательных фондов «для дополнительного финансирования расходов по предвыборной агитации», в ч. 1 ст. 48¹ – «для финансирования дополнительных расходов по предвыборной агитации» [2]. Необходимо уяснить, о чем идет речь: о дополнительном финансировании или дополнительных расходах? В целом, на наш взгляд, «дополнительное финансирование» может обозначать внесение денежных средств как во внебюджетный фонд, так и избирательный фонд кандидата. Необходимо иметь в виду, что в первом случае денежные средства могут быть использованы на подготовку и проведение выборов, включая и предвыборную агитацию, а во втором – только на предвыборную агитацию. Относительно дополнительных расходов полагаем, что речь идет о возможности кандидатов в Президенты Республики Беларусь помимо выделенных из бюджета средств (2300 базовых величин) на изготовление агитационных печатных материалов, бесплатное опубликование своей предвыборной программы объемом до пяти машинописных страниц, бесплатное выступление на радио и телевидении дополнительно использовать средства собственных избирательных фондов для получения эфирного времени и печатной площади в государственных и негосударственных средствах массовой информации, для аренды зданий и помещений с целью проведения встреч с избирателями. Следовательно, расходы по предвыборной агитации кандидатов являются в соответствии с положениями ИК обязательными, осуществляются за счет бюджетных средств, т.е. государственного финансирования, а дополнительные расходы являются в свою очередь необязательными, они могут осуществляться за счет негосударственного финанси-

* Следует отметить, что начиная с 2004 г. автор в ряде своих публикаций обосновывал целесообразность введения в практику нашего государства института личного избирательного фонда и предлагал его научную конструкцию: см., например [3, с. 8].

вания (средств внебюджетного фонда, личного избирательного фонда кандидата). В то же время возникает вопрос о целесообразности существования одновременно двух дополнительных способов финансирования расходов по предвыборной агитации.

Таким образом, представляется целесообразным уточнить ч. 1 ст. 48 и ч. 1 ст. 48¹ ИК для их единообразного применения.

Избирательный кодекс закрепляет право, а не обязанность кандидата в Президенты Республики Беларусь учреждать избирательный фонд (ч. 1 ст. 48¹) [2]. Напротив, Федеральный Закон Российской Федерации от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» (далее – ФЗ РФ «О выборах Президента Российской Федерации») предусматривает обязанность кандидатов в Президенты Российской Федерации создавать собственные избирательные фонды (ч. 1 ст. 58), причем несоздание кандидатом в Президенты Российской Федерации избирательного фонда является основанием для отказа в регистрации кандидата (п. 5 ч. 2 ст. 39) [4].

Избирательный закон закрепил 3 группы источников формирования избирательных фондов кандидатов в Президенты Республики Беларусь: 1) собственные денежные средства кандидата; 2) добровольные пожертвования граждан Республики Беларусь; 3) добровольные пожертвования юридических лиц (ч. 2 ст. 48¹) [2]. В ФЗ РФ «О выборах Президента Российской Федерации» закреплен практически аналогичный перечень субъектов, имеющих право вносить денежные средства в избирательные фонды кандидатов. Это собственные средства кандидатов; средства, выделенные кандидату выдвинувшими его политическими партиями; добровольные пожертвования граждан и юридических лиц (ч. 2 ст. 58) [4]. Ранее согласно Федеральному Закону Российской Федерации «О выборах Президента Российской Федерации» от 31 декабря 1999 г. в этот перечень также входили бюджетные средства, выделенные ЦИК [5]. Закон Украины от 5 марта 1999 г. № 474-XIV «О выборах Президента Украины» (далее – Закон «О выборах Президента Украины») закрепляет, что избирательный фонд кандидата в Президенты Украины формируется за счет денежных средств самого кандидата, политической партии (или партий, входящих в избирательный блок), которая его выдвинула, и физических лиц (ст. 43) [6]. Таким образом, в Украине иные юридические лица, помимо политических партий, не имеют права участвовать в формировании избирательного фонда кандидата в Президенты Украины.

Предельный размер собственных денежных средств кандидата в Президенты Республики Беларусь не может превышать 50 базовых вели-

чин (п. 1 ч. 2 ст. 48¹) [2]. В Украине он не ограничен, в России собственные средства кандидата в Президенты Российской Федерации в совокупности не могут превышать 10 процентов от предельной суммы всех расходов из средств избирательного фонда кандидата, а для кандидатов, по которым назначено повторное голосование, – 15 процентов (п. 1 ч. 2 ст. 58 ФЗ РФ «О выборах Президента Российской Федерации») [4]. Согласно Конституционному Закону Республики Казахстан от 6 мая 1999 г. № 2464 «О выборах в Республике Казахстан» (далее – КЗ «О выборах в Республике Казахстан») собственные средства кандидата в Президенты, внесенные в избирательный фонд, не могут превышать размер 5000 минимальных заработных плат (п. 1 ст. 58) [7].

Предельный размер пожертвований гражданина Республики Беларусь в избирательный фонд кандидата в Президенты не может превышать 10 базовых величин, соответственно в Украине – 400 минимальных размеров заработной платы, в России – 1,5 процента от предельной суммы всех расходов из средств избирательного фонда кандидата.

Предельный размер добровольного пожертвования юридического лица при проведении выборов Президента Республики Беларусь не может превышать 30 базовых величин (п. 3 ч. 2 ст. 48¹ ИК) [2]. В Российской Федерации добровольное пожертвование юридического лица не может превышать 7 процентов от предельной суммы всех расходов из средств избирательного фонда кандидата (п. 3 ч. 2 ст. 58 ФЗ РФ «О выборах Президента Российской Федерации») [4]. Небезынтересен тот факт, что в Казахстане установлена общая максимальная сумма пожертвований граждан и организаций: она не должна превышать 15 000 минимальных заработных плат (п. 3 ст. 58), причем не зафиксировано, сколько отдельно могут перечислить физические и юридические лица [7].

На основе анализа норм белорусского избирательного законодательства можно утверждать, что субъекты, имеющие право вносить денежные средства в избирательный фонд кандидата, могут осуществлять свое право не ограниченное законом количество раз при условии, что общий размер их перечислений не будет превышать установленный законом предельный размер добровольного пожертвования. В ИК также не содержится запрета как для физических, так и для юридических лиц в отношении перечисления добровольных пожертвований в максимально допустимых пределах в избирательные фонды различных кандидатов.

Представляются целесообразными введенные в ИК ограничения размера пожертвований и суммы всех расходов из средств избирательного фонда кандидата. Этот подход направлен

на обеспечение равных условий предвыборной борьбы.

Согласно ч. 2 ст. 48¹ ИК предельная сумма всех расходов из средств избирательного фонда кандидата не может превышать 3000 базовых величин при проведении выборов Президента Республики Беларусь [2]. Избирательный закон не содержит оговорку в отношении участия кандидата во втором туре выборов. Таким образом, представляется, что данная норма содержит общее ограничение расходования средств избирательного фонда кандидата, применяемое как к кандидату, участвующему только в первом туре выборов, так и к кандидату, участвующему как в первом, так и во втором туре выборов. Полагаем, в данном случае существует определенное неравенство указанных лиц. Предпочтительнее, на наш взгляд, отдельно закрепить предельную сумму всех расходов из избирательного фонда кандидата, который участвует в повторном голосовании.

Подобная практика существует в некоторых зарубежных странах. Так, согласно ФЗ РФ «О выборах Президента Российской Федерации» предельная сумма всех расходов кандидата из средств его избирательного фонда не может превышать 400 млн. рублей, а если он участвует во втором туре голосования, то данная сумма не может превышать 500 млн. рублей (ч. 3, 4 ст. 58) [4]. В Казахстане в случае проведения повторного голосования предельная сумма денежных средств, разрешенная к поступлению в избирательный фонд кандидата, увеличивается в полтора раза (п. 8 ст. 34 КЗ «О выборах в Республике Казахстан») [7]. Предельный размер расходов на избирательную кампанию для кандидата в Президенты Франции на выборах 2007 г., например, составлял: для принявшего участие только в первом туре – 16 116 000 евро; принявшего участие в двух турах – 21 594 000 евро [8, р. 656]. Необходимо обратить внимание на тот факт, что в Украине не ограничен размер личного фонда кандидата в Президенты.

Белорусский избирательный закон содержит запрет на участие в финансировании и другой материальной помощи при подготовке и проведении выборов. Он касается иностранных государств и организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства (в соответствии с Законом), международных организаций, организаций с иностранными инвестициями (ч. 10 ст. 48) [2]. Это общее правило, которое относится к дополнительному финансированию выборов вообще, т.е. к формированию внебюджетного фонда и личного избирательного фонда кандидатов в Президенты Республики Беларусь. Перечень субъектов, которым запрещено вносить пожертвования в избирательные фонды кандидатов, более широкий. В него также входят граждане Республики Беларусь, не достигшие 18 лет

(однако ИК не определяет момент наступления их правоспособности как жертвователей: необходимо достижение ими указанного возраста в день голосования или на момент внесения пожертвования), государственные органы и органы местного самоуправления, организации, полностью или частично финансируемые из бюджета, благотворительные и религиозные организации, анонимные жертвователи (ч. 4 ст. 48¹ ИК) [2]. Согласно ФЗ РФ «О выборах Президента Российской Федерации» подобный перечень еще более детальный: например, в него включены международные общественные движения; организации, учрежденные благотворительными и религиозными организациями; юридические лица, зарегистрированные менее чем за один год до дня голосования; некоммерческие организации, получавшие в течение года, предшествующего дню внесения пожертвования в избирательный фонд, денежные средства либо иное имущество от иностранных государств, и др. (ч. 6 ст. 58) [4].

Для формирования собственного избирательного фонда кандидат в Президенты Республики Беларусь открывает в подразделении открытого акционерного общества «Сбергательный банк «Беларусбанк» специальный избирательный счет (ч. 5 ст. 48¹ ИК) [2]. В ИК не определено, в какой валюте открывается специальный избирательный счет. Полагаем целесообразным дополнить указанное положение словами «в национальной валюте» или «в валюте Республики Беларусь». Основанием для открытия счета является заявление кандидата и копия решения Центральной комиссии о регистрации кандидата. Таким образом, избирательный фонд образуется после регистрации кандидата, что соответствует, например, нормам избирательного законодательства Казахстана. Кандидат вправе открыть только один специальный избирательный счет. Центральная комиссия сообщает в средствах массовой информации об открытии специальных избирательных счетов кандидатов в Президенты Республики Беларусь.

Кандидат вправе назначить своего представителя по финансовым вопросам (ч. 5 ст. 48¹ ИК) [2]. Следовательно, у кандидата есть возможность никого не назначать, а самостоятельно осуществлять действия, связанные с открытием счета, распоряжением средствами, находящимися на этом счете, предоставлением отчетов о поступлении и расходовании средств. Напротив, в России кандидат в Президенты Российской Федерации обязан назначить уполномоченных представителей по финансовым вопросам (ч. 1 ст. 59) [4].

Согласно белорусскому избирательному законодательству право распоряжаться средствами избирательных фондов принадлежит создавшим их кандидатам. Открытым является вопрос

о том, могут ли они оплачивать из средств своих избирательных фондов агитацию других кандидатов. Представляется, что ответ на данный вопрос должен быть отрицательным, поскольку целью создания избирательного фонда кандидатов является финансирование собственных дополнительных расходов по предвыборной агитации (хотя в ИК нигде не встречается словосочетание «собственные расходы»). В связи с этим целесообразно установить в ст. 48¹ прямой запрет для кандидатов относительно оплаты из средств своих избирательных фондов агитации за других кандидатов.

Средства избирательных фондов обязаны носить строго целевое назначение: они могут использоваться только на покрытие расходов, связанных с предвыборной агитацией (Беларусь, Казахстан), избирательной кампанией (Россия).

Положения ст. 48¹ ИК точно фиксируют, на что могут быть использованы средства избирательных фондов: на оплату эфирного времени и печатной площади в средствах массовой информации; аренды зданий и помещений, оборудования, транспортных расходов, услуг связи; агитационных печатных материалов; консультационных и агитационных работ (услуг); канцелярских товаров и других расходов, непосредственно связанных с проведением предвыборной агитации [2]. Таким образом, с одной стороны, перечень закрытый и может быть расширен только путем внесения дополнений в ИК, с другой – слова «другие расходы, непосредственно связанные с проведением предвыборной агитации» можно трактовать достаточно широко.

В соответствии с ФЗ РФ «О выборах Президента Российской Федерации» средства избирательного фонда кандидата могут использоваться только на: 1) финансовое обеспечение организационно-технических мероприятий, направленных на сбор подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидата, в том числе на оплату труда лиц, привлекаемых для сбора подписей избирателей; 2) предвыборную агитацию, а также на оплату работ (услуг) информационного и консультационного характера; 3) оплату других работ (услуг), выполненных (оказанных) гражданами Российской Федерации или юридическими лицами, а также иных расходов, непосредственно связанных с проведением кандидатами своей избирательной кампании (ч. 7 ст. 58) [4]. Относительно финансового обеспечения на этапе сбора подписей необходимо отметить, что в России подписные листы изготавливаются за счет средств избирательного фонда соответствующего кандидата (ч. 3 ст. 36) [4].

Таким образом, в Республике Беларусь из средств избирательного фонда кандидата в Президенты могут быть оплачены только расходы, связанные с проведением предвыборной агита-

ции, а в Российской Федерации – в целом избирательной кампании кандидата, включая и предвыборную агитацию.

Кодекс предусматривает случаи, когда кандидат вправе возратить жертвователю пожертвование в избирательный фонд, если жертвователь не имел право осуществлять такое пожертвование либо пожертвование было осуществлено с превышением его предельного размера. В белорусском избирательном законодательстве не решен вопрос, что делать с пожертвованием, внесенным анонимным жертвователем. Более того, законодательно не урегулировано, кого следует понимать под анонимным жертвователем. На наш взгляд, под анонимным жертвователем следует понимать физическое или юридическое лицо, которое не указало в платежном документе некоторые сведения о себе или указало недостоверные сведения (например, для физического лица: фамилию, собственное имя, место жительства; для юридического лица: учетный номер плательщика, наименование, банковские реквизиты). Представляется, что эти денежные средства будут перечислены в доход республиканского бюджета по истечении трехдневного срока со дня выборов, как и иные оставшиеся на счете денежные средства, не возвращенные жертвователям. Предпочтительным представляется подход, предусмотренный в российском избирательном законодательстве. Так, согласно ч. 5 ст. 61 ФЗ РФ «О выборах Президента Российской Федерации» пожертвования, внесенные анонимными жертвователями, не позднее чем через десять дней со дня поступления на специальный избирательный счет должны перечисляться кандидатом в доход федерального бюджета [4]. Подобная норма закреплена в избирательном законе Казахстана: «Анонимные пожертвования обращаются в доход республиканского бюджета» (ч. 5 ст. 34) [7]. Полагаем, аналогичное положение следует закрепить в ст. 48¹ ИК, закрепив срок перечисления указанных средств.

Кандидаты в Президенты Республики Беларусь обязаны вести учет поступлений и расходов денежных средств своих фондов и периодически представлять финансовые отчеты в Центральную комиссию: первый финансовый отчет – не ранее чем за 15 и не позднее чем за 10 дней до дня выборов; итоговый финансовый отчет – не позднее чем в пятнадцатидневный срок со дня выборов (ч. 13 ст. 48¹ ИК) [2]. Контроль за поступлением и использованием средств избирательных фондов осуществляется Центральной комиссией и финансовыми органами.

Согласно ИК в случае отмены решения о регистрации кандидата либо снятия им своей кандидатуры Центральная комиссия письменно ин-

формирует об этом подразделение банка, которое прекращает все операции по специальному избирательному счету кандидата (ч. 14 ст. 48¹ ИК) [2]. Неурегулированным в белорусском законодательстве является вопрос относительно дальнейшей судьбы денежных средств указанных лиц, находящихся на счете: избирательный закон ничего не говорит ни о возврате денежных средств, находящихся на счете, внесшим их субъектам, ни о перечислении этих средств в доход республиканского бюджета. Полагаем, они незамедлительно должны быть возвращены внесшим их субъектам.

Все банковские операции по специальному избирательному счету, за исключением возврата в избирательный фонд неизрасходованных средств и зачисления на указанный счет средств, перечисленных до дня выборов, прекращаются в день выборов (ч. 15 ст. 48¹ ИК) [2]. Согласно КЗ «О выборах в Республике Казахстан» все финансовые операции по специальным временным счетам прекращаются в 18 часов дня, предшествующего дню выборов (п. 8 ст. 34) [7]. В случае проведения второго тура голосования операции по оплате расходов со специальных избирательных счетов кандидатов, по которым проводится второй тур голосования, возобновляются в день назначения Центральной комиссией второго тура голосования и прекращаются в день второго тура для голосования (ч. 18 ст. 48¹ ИК) [2].

Относительно неизрасходованных денежных средств, оставшихся на счете, необходимо отметить, что они в трехдневный срок возвращаются физическим и юридическим лицам, осуществившим пожертвования, пропорционально вложенным средствам, по истечении указанного срока оставшиеся денежные средства перечисляются

в доход республиканского бюджета (ч. 16 ст. 48¹ ИК) [2].

Необходимо обратить внимание на новое основание для отмены решения о регистрации кандидата: при превышении предельного размера расходования средств избирательного фонда кандидатом в Президенты Республики Беларусь более чем на 50 базовых величин или использовании кандидатом в этих же размерах денежных средств помимо средств избирательного фонда Центральная комиссия может без предварительного предупреждения отменить решение о регистрации кандидата (ч. 6 ст. 49 ИК) [2]. Исходя из этого полагаем, что кандидат в Президенты Республики Беларусь, превышая предельный размер расходования средств избирательного фонда до 50 базовых величин, не будет лишен своего статуса. Однако в ИК не урегулирована ситуация, когда о вышеуказанных нарушениях Центральной комиссией становится известно после выборов, например, после представления кандидатом итогового финансового отчета. В связи с этим встает вопрос о правовых последствиях данного нарушения для кандидата.

Заключение

Таким образом, в целях совершенствования финансирования выборов в Республике Беларусь был введен институт избирательного фонда кандидата в Президенты. Представляется, что российский опыт был во многом учтен при введении этого института в Республике Беларусь. Вместе с тем новая статья 48¹ ИК содержит ряд неточностей, которые следует устранить для ее единообразного применения, и пробелов, нуждающихся в правовом урегулировании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевич, Г.А. Конституция и проблемы совершенствования избирательного права в Республике Беларусь / Г.А. Василевич // Журн. рос. права. – 1999. – № 5/6. – С. 149–157.
2. Избирательный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 11 февр. 2000 г., № 370-З // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/>. – Дата доступа: 26.06.2010.
3. Масловская, Т.С. Институт президентства в Республике Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Т.С. Масловская; БГУ. – Минск, 2004. – 18 с.
4. О выборах Президента Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации, 10 янв. 2003 г., № 19-ФЗ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>. – Дата доступа: 26.06.2009.
5. О выборах Президента Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации, 31 дек. 1999 г. // Собр. зак-ва Рос. Федерации. – 2000. – № 1 (II ч.). – Ст. 11.
6. О выборах Президента Украины: Закон Украины, 5 марта 1999 г., № 474-XIV // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vibory.liga.net/2010/zakon/>. – Дата доступа: 26.09.2009.

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

7. О выборах в Республике Казахстан: Конституц. закон Респ. Казахстан, 28 сент. 1995 г., № 2464. – Астана, 2007. – 236 с.

8. Droit constitutionnel / Louis Favoreu, Patrick Gaia, Richard Ghevontian, Jean-Louis Mestre, Otto Pfersmann, Andre Roux, Guy Scoffoni. – Paris: DALLOZ, 2008. – 1056 p.

Дата поступления статьи в редакцию 11.10.2010

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

ЛУГОВСКИЙ С.Г.,

адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

В статье приведен ретроспективный анализ нормативно-правового регулирования общественных отношений в сфере общественной безопасности в соответствии с устоявшимися в юридической науке этапами развития общества, в частности: древнебелорусским, белорусско-литовским, Российской империи. Исследуются процесс формирования полицейского права, роль полиции в обеспечении общественной безопасности, взаимодействие полиции с органами городского самоуправления по выполнению функций обеспечения общественной безопасности. Анализируются отдельные виды преступлений, посягающих на общественную безопасность, за которые устанавливалась юридическая ответственность.

The author of the article gives the retrospective analysis of the legal regulation of public relations in the sphere of public safety according to the stages of social development traditionally accepted in jurisprudence, namely: ancient Belarusian, Belarusian-Lithuanian and the stage of the Russian empire. The process of the formation of the police law, role of the police in the maintenance of public safety, interaction of the police with the bodies of local government on the problems of public safety maintenance are examined. Separate kinds of crimes encroaching on public safety for which the legal responsibility was provided are analyzed.

Ретроспективный анализ нормативно-правового обеспечения общественной безопасности является актуальным, поскольку позволяет проследить процесс возникновения и развития соответствующих правовых норм, комплексно и системно определить правовую природу общественных отношений, их значимость в исследуемой сфере, выработать оптимальные предложения и рекомендации по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения. Развитие и совершенствование нормативно-правового обеспечения общественной безопасности на территории современной Беларуси происходили поэтапно в тесной взаимосвязи с периодизацией отечественной государственности. В современной науке утвердилось обоснованное мнение о том, что периодами становления и развития белорусской государственности являются древнебелорусский (IX –

первая половина XIII века); белорусско-литовский (вторая половина XIII–XVIII век); Российской империи (конец XVIII века – 1917 год), советский (октябрь 1917 года – август 1991 года), белорусская государственность на современном этапе [1, с. 152–153].

Еще с древнейших времен важнейшими задачами государства являлись обеспечение внутренней безопасности, охрана общественного порядка, борьба с преступностью. Полиция, зародившаяся одновременно с государственностью, – один из наиболее рано обозначившихся признаков государства. Прообразом полиции в современном ее понимании явились регулярные воензированные формирования по осуществлению полицейских функций, возникшие еще в XVII–XVI веках до н.э. в странах Древнего Востока – Египте, Вавилоне, Индии, Китае и в V–III веках до н.э. в античных государствах – Греции, Риме, Византии.

«Полиция (от гр. *politeia* – управление делами государства, управление) – система особых органов, обеспечивающих правопорядок и внутреннюю безопасность государства путем надзора и принуждения, а также в некоторых государствах – разновидность внутренних войск. Полиция как служба обеспечения правопорядка и безопасности зародилась еще в античности. Так, Афины располагали полицией, вооруженной луками, численностью в 3000 человек» [2, с. 329]. Характерно, что сам термин «полиция» в современном его понимании, т.е. для обозначения системы административных органов, предназначенных для борьбы с правонарушениями и обеспечения общественной безопасности, стал применяться сравнительно недавно, с XVII–XVIII веков, сначала в Европе, затем и в России (с первой четверти XVIII века).

Отдельные исторические корни полиции, сохранившиеся до настоящего времени, указывают на то, что она выделилась из армии. Первоначально на Древнем Востоке (в Вавилоне, Индии, Китае), а также в античной Греции функции по обеспечению правопорядка и сохранению центральной власти возлагались преимущественно на армию (войско), которая являлась единственным универсальным инструментом для защиты от внешних врагов и поддержания внутренней безопасности и порядка.

Рассматривая понятие «безопасность», необходимо отметить, что уже у древних римлян оно олицетворяло общественную и личную безопасность, гарантированную властями. Ее культурное значение отразилось даже в монетных знаках.

В период разложения рабовладельческого государства в средние века органы, осуществляющие полицейские функции, постепенно специализировались на охране внутренней безопасности и общественного порядка. Так, с конца XIV века термин «полиция» во Франции (франц. *police, policite*) и Германии (нем. *polizei*) начали употребляться уже в специфичном смысле, как совокупность различных элементов общественного порядка, общественного благополучия, а затем и правительственную деятельность, направленную на достижение этого благополучия [3, с. 55–56].

Необходимо отметить, что в древнебелорусский период каких-либо нормативных правовых актов, направленных на обеспечение общественной безопасности, не существовало. Кроме того, государством гарантировалось обеспечение общественной безопасности в обществе, в которую включалась личная и общественная безопасность. Функции по обеспечению общественной безопасности и сохранению центральной власти возлагались преимущественно на армию, которая осуществляла защиту от внешних угроз и поддерживала внутреннюю безопасность.

Белорусско-литовский период обуславливается вхождением белорусских земель в состав Великого княжества Литовского, когда произошла первая попытка систематизации норм права, действовавших на территории всего государства, путем принятия в 1468 году Судебника Казимира. В данном правовом акте закреплялись автономные права тех или иных территорий, ограничивалась власть великого князя и местной администрации. Автономный характер земель, получивших привилегии (грамоты), проявлялся в законодательном закреплении норм местного обычного права, права на местный суд и органы управления, на обеспечение охраны имущественных и личных прав населения и т.д. В областных привилегиях значительное место отводилось обеспечению охраны имущественных и личных прав населения [4, с. 48].

В качестве одной из основных целей применения наказания в феодальном праве законодательно закреплено запугивание. Однако в Судебнике великого князя Казимира не нашли своего отражения нормы, направленные на обеспечение общественной безопасности. Судебник 1468 года положил начало развитию законодательства, создал предпосылки для появления новых взглядов, направленных на систематизацию и кодификацию феодального права.

Дальнейшему развитию законодательства Великого княжества Литовского послужили разработка и принятие сводов законов – статуты 1529, 1566 и 1588 годов. В каждом из названных документов имелись нормы, направленные на обеспечение общественной безопасности.

Рассматривая нормы Статута 1566 года (свода законов феодального права), который действовал на территории современной Беларуси до 1588 года, необходимо отметить, что существенных отличий от норм Статута Великого княжества Литовского 1529 года в регулировании общественных отношений в сфере обеспечения общественной безопасности данный памятник права не содержал. Через весь Статут 1566 года проводится идея укрепления правопорядка и обеспечения общественной безопасности, причем все государственные органы и должностные лица должны действовать только в соответствии с законом [4, с. 53].

Наиболее значимым был Статут 1588 года, в котором прослеживается идея укрепления правового порядка, когда все государственные органы, должностные лица и граждане должны действовать в соответствии с законом. Так, на обеспечение общественной безопасности был направлен артикул 10 раздела I Статута 1588 года, который устанавливал: «что каждый, кто приезжал в город, по месту своего проживания обязан был перед выходом в город разрядить арбалеты, луки и другое стрелковое оружие, в доме спря-

тать, и не ходить с ним по городу в любое время суток» [5, с. 22]. Таким образом, ограничивался оборот оружия, и оно рассматривалось как источник повышенной угрозы для жизни и здоровья людей с целью недопущения совершения правонарушений с его использованием. Артикулом 26 раздела I данного Статута обеспечивалась безопасность граждан от различных видов угроз: личной, письменной или заочной [5, с. 29]. Изложенное позволяет утверждать, что в рассматриваемом памятнике права закреплены юридические основания обеспечения общественной безопасности.

Следует отметить, что проблема обеспечения внутренней безопасности и благосостояния в данный период решалась не государством, а лишь частными усилиями городов, церкви, отдельных землевладельцев и т.д. Первоначально формирующаяся верховная государственная власть была всецело занята охраной внешней независимости государства. Но по мере подчинения себе феодальных землевладельцев королевская власть, укрепляясь внутри государства, неизбежно встречалась с необходимостью взять в свои руки заботы и о внутреннем благосостоянии, и о безопасности. Посредством этого власть абсолютного монарха не только получила возможность подавлять излишнюю инициативу феодалов, церкви и городов, еще более усиливая свое могущество, но и приобрела определенную поддержку у населения [6, с. 38].

Таким образом, в белорусско-литовский период на территории современной Беларуси впервые происходит законодательное закрепление мер, направленных на обеспечение общественной безопасности, посредством установления запретов в качестве регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений. Это характеризуется тем, что власть государства была занята охраной ее внешней независимости и обеспечение общественной безопасности осуществлялось не государством, а усилиями городов, церкви, отдельных землевладельцев. С укреплением королевской власти возникла реальная необходимость в государственном обеспечении внутреннего благосостояния и безопасности. Таким образом, власть абсолютного монарха получила поддержку у населения в обеспечении общественной безопасности.

С момента вхождения белорусских земель в состав Российской империи до первой трети XIX века на территории западных губерний основным источником права оставался Статут 1588 года. Однако происходил процесс постепенной замены местного законодательства российским [7, с. 153–154].

В Древней Руси функцию обеспечения общественной безопасности исполняли вотчинники и помещики, их слуги, волостели и наместники князей, посадники, тиуны, мечники, праветчики,

доводчики, дворские, приставы [8, с. 3]. В те времена крупным памятником российского права является Русская Правда; этот документ, по мнению ученых, создан в конце XI века и является обобщенным вариантом отдельных законов, принимаемых князьями. В данном документе не предусматривалось ответственности за совершение массовых беспорядков большим количеством людей. Однако единственная ответственность за поджог гумна или двора была установлена в Пространной грамоте.

Еще одним законодательным актом, характеризующим этот период, является Новгородская судная грамота, которая относится к XV веку. В статье 6 данного документа предусматривалось: «А истцу на истца наводки не наводит, ни наводки, ни на посадника, ни на тысяцкого, ни на иных судей. А кто наведет наводку на посадника или на тысяцкого или на иных судей, оно взять на виноватом, на боярине 50 рублей» [9, с. 304–305]. Можно сделать вывод, что обеспечивалась безопасность лиц, участвующих в судебном процессе. Кроме того, за разглашение сведений в отношении этих лиц предусматривались штрафные санкции.

Эти документы явились прообразами законодательных актов единого Московского княжества. Анализ Судебника Ивана III (1497 год) и более позднего Судебника 1550 года позволяет сделать вывод, что законодатель придавал большое значение проблемам обеспечения общественной безопасности. Так, в статье 9 говорится: «А государеву убойце и крамольнику, церковному тату и головному, и подымщику и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнию» [10, с. 55].

Необходимо отметить, что под «подымщиком» в то время понимался человек, который являлся лидером, подстрекал народ к совершению противоправных общественно опасных деяний. Можно сделать вывод, что к ответственности привлекалось лицо не за организацию массовых беспорядков, а за непосредственное участие в совершении какого-либо деяния.

В XVI веке в России, как и в большинстве стран Европы, одним из этапов в развитии законодательства является Воинский артикул Петра I (1715 год), в котором впервые закрепляются такие преступления, как «возмущения и бунт». В артикуле 137 указано: «всякий бунт, возмущение или упрямство, без всякой милости имеет виселицею наказано. В возмущении надлежит виновных на месте и в деле самом наказать и умертвить. А особливо, ежели опасность в медлени есть, дабы через то другим страх подать и оных от таких непристойностей удержать (пока не расширится) и более не умножилось» [11, с. 352]. Таким образом, законодатель уделял особое внимание стихийности и массовости дан-

ного вида преступления, и в отношении виновных в этом предусматривалась жесткая ответственность.

Дальнейшим этапом развития законодательства является Указ об учреждении должности генерал-полицимейстера, изданный в 1718 году Петром I. В соответствии с данным указом главной задачей «регулярной» полиции стала борьба с уголовной преступностью и обеспечение общественной безопасности. «Наиболее полно задачи полиции были определены в Уставе Главного Магистрата от 16 января 1721 г., в котором говорилось, что «полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства» [12, с. 48–49].

XVIII век характеризуется началом формирования полицейского права, которое к началу XX века становится административным. «Под полицией понимается регулярный, военизированный, исполнительный орган государственного управления, повседневно и профессионально охранявший общественный порядок и внутреннюю безопасность» [13, с. 6].

В период правления Екатерины II формируются два подхода к понятию «полиция»: «согласно первому, под полицией следует понимать порядок вообще в государстве». Согласно второму, ведомству полиции принадлежит все то, «что служит к сохранению благочиния в обществе», т.е. полиция рассматривается как функция и орган по поддержанию общественной безопасности (поскольку под благочинием понималось поддержание порядка и безопасности). Именно этот взгляд и принимается Екатериной II [14, с. 323]. Наряду с функциями по обеспечению общественной безопасности полиция выполняла многочисленные общедминистративные, судебные, законотворческие и некоторые финансовые полномочия.

К источникам, регламентирующим вопросы обеспечения общественно опасных деяний толпы, следует отнести Устав благочиния или, как его называли, Полицейский Устав от 8 апреля 1782 г. В статье 272 данного Устава утверждалось: «Кто учинит сходбище подозрительное, либо скоп, либо взлом оград, либо насильственное завладение недвижимого имущества, того иметь под стражу и отослать к суду» [14, с. 384]. При этом под «скопщицем» понимались «толпа», «сборище», «скопление» [15, с. 724]. Эта норма Устава позволяла привлечь к ответственности любую группу людей, которая казалась подозрительной.

Для обеспечения общественной безопасности важными явились организационные правовые формы взаимодействия полиции с выборными органами, а также с органами городского самоуправления. Эти органы были созданы Петровскими реформами и детализировались в Городовом положении 1870 года и его новой редакции 1892 года. К компетенции городской думы относилось издание обязательных для жителей по-

становлений, касающихся общественной безопасности, благоустройства и т.п.

Еще одним законодательным актом, характеризующим этот период, является Устав о предупреждении и пресечении преступлений. В статье 139 данного документа говорилось: «Полиция обязана иметь прилежный надзор, чтобы во время публичных собраний, шествий, праздников и разъездов в публичных местах, беспорядков не происходило, и для этого, в нужных случаях, она требует содействия местных команд» [16, с. 29]. Особое внимание уделялось «личной и общественной безопасности». Так, в статье 243 «запрещалось всем и каждому: 1) носить оружие, кроме тех, кому законом это дозволяет или предписывает; 2) носить трости с вделанными в них потайными кинжалами, клинками и другими орудиями; 3) стрелять в домах, дворах, на улицах и площадях. Кроме того, полиция обязана обеспечивать общественную безопасность от несчастных случаев, которые могут произойти при продаже ядовитых и сильнодействующих веществ» [16, с. 51].

Дальнейшее развитие законодательства направлено на обеспечение общественного спокойствия и порядка управления. Так, в Уголовном уложении от 22 марта 1903 г. закрепляется такое преступление, как «смута». При этом под смутой понимались «мятеж, народные волнения», приводящие к причинению вреда государственным интересам и общественной безопасности [15, с. 737]. В Уложение о наказаниях 1903 года вводится новая классификация преступлений против порядка управления: неповиновение администрации, противодействие правосудию и смута (массовые беспорядки).

Таким образом, данный период времени характеризуется распространенностью массовых волнений. Массовые беспорядки рассматриваются как преступления, посягающие на общественную безопасность, за которые предусматривается и ужесточение ответственности. При этом предпринята попытка определить массовые беспорядки, степень вины участников данного преступления. С формированием полицейского права полиция не только обеспечивает внутреннюю безопасность, но и совместно с органами городского самоуправления выполняет функции по обеспечению общественной безопасности, благоустройству и т.д.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Древнебелорусский период характеризуется тем, что гарантировалась безопасность в обществе, в которую включалась личная и общественная безопасность. Функции по обеспечению общественной безопасности и сохранению центральной власти возлагались преимущественно на армию, которая осуществляла защиту от внешних угроз и поддерживала внутреннюю безопасность.

2. На территории современной Беларуси в белорусско-литовский период впервые происходит законодательное закрепление мер, направленных на обеспечение общественной безопасности, посредством установления запретов в качестве одного из механизмов регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений. В этот период государство в основном было занято охраной внешней независимости, а обеспечение общественной безопасности осуществлялось усилиями городов, церкви, отдельными землевладельцами. Укрепление королевской власти обусловило необходимость в государственном обеспечении внутреннего благосостояния и безопасности, власти абсолютного монарха представилась возможность, при определенной поддержке населения, подавлять излишнюю инициативу феодалов, церкви и городов.

3. Период времени Российской империи характеризуется распространённостью массовых волнений (массовые беспорядки рассматриваются как преступления, посягающие на общественную безопасность, за которые предусматривается ужесточение ответственности), определением понятия массовые беспорядки, роли и степени вины участников данного преступления. Происходит процесс формирования полицейского права, полиция рассматривается как орган по поддержанию общественной безопасности, определяются организационно-правовые формы взаимодействия с выборными органами, органом городского самоуправления, при этом особое внимание уделяется обеспечению личной и общественной безопасности граждан, в том числе при воздействии источников повышенной опасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общая теория государства и права: курс лекций / А.Ф. Вишневецкий, Н.А. Горбатов, В.А. Курчинский; под общ. ред. А.Ф. Вишневецкого. — Минск: Тесей, 1998. — 576 с.
2. Тихомирова, Л.В. Юридическая энциклопедия / Л.В. Тихомирова, М.Ю. Тихомиров; под ред. М.Ю. Тихомирова. — М., Юриформцентр. 1999. — 526 с.
3. Корнев, А.В. Полицейское государство: идеи и практика: учеб. пособие / А.В. Корнев; Акад. упр. МВД России. — М., 1998. — 93 с.
4. Сокол, С.Ф. История государства и права Беларуси / С.Ф. Сокол, В.А. Владимиров. — Минск: БИП-С Плюс, 2007. — 127 с.
5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. / пер. на беларус. мову А.С. Шагун. — Мінск: Беларусь, 2002. — 207 с.
6. Елистратов, А.И. Учебник русского административного права: пособие к лекциям / А.И. Елистратов. — М., 1910. — Вып. 1. — 95 с.
7. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дап. / А.Ф. Вішнеўскі. — Мінск: Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2003. — 319 с.
8. Корнилов, А.А. Курс истории России XIX века / А.А. Корнилов; Высш. шк. МВД России. — М., 1993. — 445 с.
9. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. — Т.1: Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1984. — 432 с.
10. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. — Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1985. — 520 с.
11. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. — Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. О.И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1986. — 512 с.
12. Курицын, В.М. История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы: учеб. пособие / В.М. Курицын. — М., 1999. — 200 с. — Док. № 4. Регламент или Устав главного магистрата, утв. 16 янв. 1721 г. Петром I.
13. Сизиков, М.И. История полиции России (1718–1917 гг.): Становление и развитие общей регулярной полиции в России XVIII века / М.И. Сизиков. — А.П.О., 1992. — 68 с.
14. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. — Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма / под общ. ред. О.И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1987. — 528 с.
15. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М., ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. — 944 с.
16. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. — СПб., 1876. — С. 72, 24.

Дата поступления статьи в редакцию 25.10.2010

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА» И «КАДРОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

МАЗАНИК Е.Н.,

адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

В статье рассматриваются вопросы, связанные с соотношением кадровой политики и кадровой деятельности применительно к органам внутренних дел. Определены общие и особенные признаки данных понятий, показана их взаимосвязь. Проведен анализ научных подходов российских и белорусских ученых к исследуемой проблематике. Детально рассматриваются такие понятия, как «работа с кадрами» и «кадровая работа», дается авторское определение кадрам органов внутренних дел, кадровой политике в органах внутренних дел и формированию кадров.

In the article the questions connected with a relation of staff policy and staff activity with regard to law-enforcement bodies are considered. The general and particular attributes of the given concepts are determined, their interconnection is indicated. The analysis of the scientific approaches of the Russian and Belarusian scientists to an investigated problematic is done. Such concepts as «a staff management» and «a staff policy» are detailed, the author's definition to the concepts of law-enforcement bodies' staff, staff policy in law-enforcement bodies and to the formation of the staff is given.

Эффективное решение поставленных перед Министерством внутренних дел (далее – МВД) задач неразрывно связано с разрешением проблем, возникающих в работе с кадрами. Показатели оперативно-служебной деятельности подразделений и служб органов внутренних дел (далее – ОВД), повышение результативности их деятельности в настоящее время в большей степени зависят от качества кадров, организации управления ими, организационной структуры служб, уровня планирования потребности в кадрах, подготовки и повышения их квалификации, чем от количественного состава сотрудников [1, с. 4]. В связи с тем, что в настоящее время уровень требований, предъявляемых к системе управления кадрами органов внутренних дел, имеет тенденцию к возрастанию, возникает необходимость на качественно новом уровне решения задачи определения потребности в кадрах, распределения и перераспределения кадровых ресурсов. В связи с этим необходим научно обоснованный подход к формированию и реализации кадровой политики в системе органов внутренних дел.

Термин «кадровая политика» в управленческой теории и практике весьма многозначен. Так, Б.К.Коломиец под кадровой политикой понимает совокупность целей кадровой работы, требования к качествам и результатам деятельности рядовых и руководящих работников всех уровней управления, а также основных структур, методов и средств, обеспечивающих достижение целей. Он считает, что она реализуется прежде всего через совокупность структур, методов и средств кадровой работы [2, с. 10, 11]. В.В.Черепанов и В.П.Иванов кадровую политику определяют как систему теоретических знаний, идей, взглядов, принципов, отношений и организационно-практических мероприятий, направленных на установление целей, задач, характера этой политики, определение форм и методов этой работы [3, с. 3]. По мнению Р.Гербера и Г.Юнга, основу понятия «кадровая политика» составляет, прежде всего, рассчитанная на длительный срок линия развития кадров, определяемая перспективными задачами [4, с. 12]. Г.А.Туманов под кадровой политикой понимает стратегию подбора, использования, подготовки и переподготовки кадров, закрепленную законо-

дательно и реализуемую всеми подсистемами общества [5, с. 13]. А.И.Турчинов определяет кадровую политику в системе государственной службы как деятельность и отношения субъектов кадровой политики в государственной службе, направленные на формирование и востребование кадров, их профессиональных способностей в соответствии с задачами и функциями государственных органов [6, с. 143].

В.А.Яцков полагает, что определение стратегической и тактической линий, выявление научных принципов подбора, расстановки и воспитания работников, установление целей, задач, характера, направлений, форм и методов кадровой работы, требований к кадрам и является кадровой политикой. Он считает, что отождествление категорий «кадровая политика» и «кадровая работа» затрудняет решение кадровых вопросов [7, с. 8, 9]. Нельзя не согласиться с мнением В.В.Черепанова и В.П.Иванова, которые полагают, что кадровая политика и кадровая деятельность различны по содержанию и технологиям реализации, отражают разные стороны единого кадрового процесса [3, с. 345].

В.А.Сулемов отмечает, что основное различие в подходах к определению кадровой политики состоит в том, что одни исследователи толкуют ее в широком смысле, считают, что кадровая политика тождественна кадровой деятельности, включают в нее кадровую работу. Другие под кадровой политикой понимают определение стратегии работы с кадрами каждого субъекта управленческой деятельности, то есть программу деятельности [8, с. 81]. Последний подход представляется более обоснованным, так как кадровая политика носит концептуальный характер, а кадровая деятельность – прикладной. Эти категории тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Кадровая политика формируется на основе опыта, полученного при осуществлении кадровой деятельности с учетом перспективных задач. В то же время кадровая деятельность является средством реализации кадровой политики, логическим ее продолжением. Обе категории динамичны, поскольку призваны своевременно реагировать на происходящие в жизнедеятельности общества изменения.

Исходя из содержания кадровой политики в целом, ряд ученых дает определение кадровой политики в ОВД. По мнению А.П.Леонова кадровая политика в ОВД – это стратегическая деятельность МВД по созданию целостной системы формирования и эффективного использования кадрового потенциала, ориентированного на решение задач по обеспечению национальной безопасности, общественному порядку, защиты законных прав и имущества граждан [9, с. 117]. Г.И.Казимирчук полагает, что кадровая политика в ОВД – это составная и неотъемлемая часть

государственной кадровой политики, инструмент ее реализации в деятельности ОВД и внутренних войск [10, с. 4]. С.Г.Дырда считает, что кадровая политика в ОВД призвана обеспечить реализацию установок органов государственной власти и управления на основе вырабатываемых последними принципов, законов и решений [11, с. 6].

Кадровая политика МВД является отраслевой модификацией государственной кадровой политики. Она оказывает непосредственное влияние на повышение уровня профессионализма кадров системы МВД, а соответственно и результативность служебной деятельности. Особенности кадровой политики МВД Республики Беларусь на современном этапе определяются ее целями, задачами и спецификой условий. В связи с вышеизложенным представляется возможным сделать вывод, что кадровая политика в органах внутренних дел – это основанная на принципах государственной кадровой политики, рассчитанная на перспективу линия развития кадров и обеспечения стабильности кадрового корпуса, способного обеспечивать выполнение поставленных задач в современных условиях. Она задает единые требования к осуществлению кадровой деятельности и регулирует процесс формирования кадров.

Следует также отличать понятия «работа с кадрами» и «кадровая работа». Р.Гербер и Г.Юнг считают, что содержанием кадровой работы является осуществление определяемых кадровой политикой задач, прежде всего подбор, обучение, воспитание, использование и переподготовка кадров [4, с. 12]. А.П.Леонов определяет кадровую работу как деятельность, осуществляемую кадровой службой. В кадровой работе ОВД он выделяет следующие направления: организационно-штатная работа, комплектование и перемещение, подготовка кадров, служебная подготовка и идеологическая работа [9, с. 114, 144, 145].

Г.М.Мякишев под работой с кадрами понимает весь комплекс работ (действий, операций, процедур), связанных с реализацией кадровой функции органа управления. «К этим работам обычно относят подбор, расстановку, обучение и воспитание кадров» [12, с. 22]. Т.А.Кабанова подбор, расстановку и продвижение кадров рассматривает как компоненты кадровой работы, как рычаги практического осуществления кадровой политики [2, с. 43]. С.Г.Дырда выработку эффективной системы подбора, расстановки, обучения и воспитания кадров считает содержанием кадровой политики [11, с. 5]. Г.И.Казимирчук профессиональное обучение; переподготовку и повышение квалификации кадров; работу с кадровым резервом; планирование и контроль деловой карьеры; профессиональную и социаль-

но-психологическую адаптацию новых и переведенных работников относит к основным функциям подсистемы развития кадров, которая, в свою очередь, входит в систему управления персоналом [10, с. 5].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что кадровая работа – это прежде всего выполнение сотрудниками кадровых подразделений своих функциональных обязанностей по обеспечению исполнения процедур, предусмотренных законодательством и локальными нормативными актами в области работы с кадровым потенциалом. А сама работа с кадрами является управленческой функцией, воздействующей на общественные отношения, возникающие между нанимателем и работником в процессе формирования кадров. Основное различие этих понятий состоит в том, что в работе с кадрами усматривается присутствие двух сторон, имеющих права и обязанности. Таким образом, можно предполагать, что кадровая деятельность состоит из двух основных компонентов – кадровой работы и работы с кадрами.

В состав коллектива органа внутренних дел входят: лица начальствующего и рядового состава (сотрудники), проходящие «милитаризованную» государственную службу; в некоторых случаях – государственные служащие, проходящие гражданскую государственную службу; работники, работающие по найму – трудовому договору (контракту). Правовое регулирование трудовых (служебных) отношений перечисленных лиц имеет определенные особенности.

Служебные отношения сотрудников и государственных служащих регулируются нормами административного законодательства и законодательства о труде. Правовую основу регулирования служебных отношений сотрудников составляют Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» и Положение о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 13 ноября 2001 г. № 671. Так, в соответствии с пунктом 1 указанного Положения служба в органах внутренних дел является видом государственной службы в Республике Беларусь, заключающимся в непосредственном выполнении сотрудниками этих органов задач по защите жизни, здоровья, прав и законных интересов граждан, общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, исполнению наказаний и административных взысканий.

Правовую основу регулирования служебных отношений государственных служащих составляет Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь». Государственные слу-

жащие в отличие от сотрудников являются специфической категорией наемных работников. Правовое регулирование трудовых и связанных с ними отношений работников осуществляется Трудовым кодексом и иными актами законодательства о труде на общих основаниях. В связи с вышеизложенным возникает необходимость дать четкое определение такой категории, как «кадры органов внутренних дел».

Наряду с понятием «кадры» часто используется понятие «персонал», к которому относят постоянных и временных работников организации, представителей квалифицированного и неквалифицированного труда. В.В.Черепанов и В.П.Иванов характеризуют персонал как совокупность работников организации за исключением руководства. Персонал любого государственного органа состоит из кадров (кадровых государственных служащих) и обеспечивающего персонала (технических работников) [3, с. 349].

Необходимо учитывать, что содержание понятия «кадры» с момента возникновения и до настоящего времени неоднократно изменялось. Первоначально оно означало ядро военной части, в состав которого входили профессиональные солдаты. Однако с течением времени слово «кадры» нашло применение в и других областях общественной жизни. К ним в разное время относили сторонников рабочего движения, руководящих работников партии и массовых организаций, планомерно подготовленные группы молодых работников, занятых в различных областях общественной жизни. Р.Гербер и Г.Юнг рассматривают кадры как категорию людей, которым в силу их способностей, политических и профессиональных знаний поручено руководить другими людьми в процессе осуществления поставленных задач или которые работают в каком-либо руководящем органе. По их мнению, к кадрам, прежде всего, следует относить руководящих работников, то есть лучшие силы народа, способные благодаря своим профессиональным знаниям, практическому и жизненному опыту организовывать массы и руководить ими при решении задач, объективно возникающих в различных областях общественной жизни. Они считают неоправданным расширять это понятие до такой степени, чтобы под него попадали все работающие [4, с. 9, 10].

В настоящее время кадры традиционно определяют как постоянный состав работников, состоящих в трудовых отношениях с органами государственного управления, предприятиями, организациями. Это определение закреплено в Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 18 июля 2001 г. № 399.

Иногда понятие кадры трактуют более узко, относя к ним только квалифицированных работ-

ников организации, имеющих необходимую профессиональную подготовку и опыт работы [13, с. 9]. Л.С.Вечер считает, что кадры – это социально-экономическая категория, характеризующая человеческие ресурсы предприятия, региона, страны [14, с. 86].

В.В.Черепанов и В.П.Иванов понимают под кадрами политическую и социально-экономическую категорию, включающую постоянный, штатный состав квалифицированных работников (персонала) государственных или негосударственных органов, учреждений, организаций и предприятий. По их мнению, с которым нельзя не согласиться, это основной состав, обеспечивающий успешное функционирование учреждения [3, с. 348]. А.И.Турчинов определяет кадры государственной службы как часть состава персонала государственных органов, обладающего необходимым уровнем профессиональной подготовки и имеющего статус государственных служащих [6, с. 154]. По сложившейся традиции к кадрам органов внутренних дел относят лишь работников, имеющих специальные звания. Л.М.Колодкин определяет кадры органов внутренних дел как совокупность лиц, которые постоянно или временно в качестве основной профессии или специальности и на возмездной основе выполняют определенные нормативно-служебные функции в рамках штатной численности органа внутренних дел [15, с. 58, 59]. А.П.Леонов придерживается такой же точки зрения и выделяет следующие признаки кадров ОВД: функциональность, профессионализм, нормативность, продолжительность выполнения служебных обязанностей, возмездность и наличие специального звания [9, с. 114]. С их мнением согласны авторы учебного пособия «Основы управления в органах внутренних дел», которые классифицируют кадры по профессиональной принадлежности, объективным признакам личности (пол, возраст, образование, стаж работы и т.д.), должностному положению, правовому положению в системе управления, функциональной роли в процессе управления [16, с. 233].

Представляется, что наиболее полное определение кадрам МВД дает В.М.Чупров, рассматривая их как всю совокупность штатного со-

става лиц, выполняющих служебно-трудовые функции в его органах и учреждениях на профессиональной основе и получающих за это денежное вознаграждение, наделенных в пределах своей компетенции правом принимать решения в соответствующей сфере деятельности и нести ответственность за их надлежащее выполнение [17, с. 56].

Проанализировав указанные определения можно отметить, что нецелесообразно выделять такой признак кадров ОВД как возмездность, поскольку все лица, проходящие службу (работающие) в соответствии со штатным расписанием и вступившие с нанимателем в служебные (трудовые) отношения, получают вознаграждение.

В связи с проведенной демилитаризацией отдельных направлений деятельности в системе МВД и тем, что кадровый состав, осуществляющий свою деятельность в ОВД, достаточно разнообразен без учета вольнонаемных сотрудников, невозможно осуществление ее эффективно функционирования. Таким образом, кадры ОВД – это кадровый корпус (включая постоянных и временных работников, курсантов учреждений образования МВД), состоящий из аттестованных сотрудников, государственных служащих и вольнонаемных работников, выполняющих служебно-трудовые функции в системе МВД в соответствии со штатным расписанием.

Традиционно значение слова «формировать» толкуется как придавать определенную форму, законченность, породить, создавать, составлять, организовывать. Формирование кадров – это плановый и непрерывный процесс развития кадрового корпуса, обеспечивающий стабильность кадров как необходимого условия успешной деятельности. Поскольку формирование кадров – это процесс, то обеспечение неизменности состояния кадрового корпуса невозможно и нецелесообразно. В данном случае в понятие «стабильность кадров» входит и разумная их сменяемость, так как гипертрофированная стабильность неизбежно отражается на результатах работы. Таким образом, под стабильностью понимается позитивная устойчивость и систематическое рациональное обновление кадров с сохранением их преемственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минаев, В.А. Кадровые ресурсы органов внутренних дел: современные подходы к управлению / В.А. Минаев. – М.: Акад. МВД СССР, 1991. – 164 с.
2. Демократизация форм и методов работы с кадрами в условиях перестройки: сб. науч. тр. / Акад. МВД СССР; редкол.: Л.М. Колодкин (отв. ред.) [и др.]. – М.: Акад. МВД СССР, 1990. – 103 с.

3. Черепанов, В.В. Основы государственной службы и кадровой политики: учеб. пособие для студентов вузов / В.В. Черепанов, В.П. Иванов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 575 с. – (Закон и право).
4. Гербер, Р. Кадры в системе социалистического управления / Р. Гербер, Г. Юнг. – М.: Прогресс, 1970. – 208 с.
5. Туманов, Г.А. Кадры в системе управления органов внутренних дел / Г.А. Туманов. – М.: Высш. шк. МВД СССР, 1974. – 43 с.
6. Государственная служба: энцикл. слов. / В.К. Егоров [и др.]; под общ. ред. В.К. Егорова, И.Н. Барцица. – М.: РАГС, 2008. – 432 с.
7. Яцков, В.А. Кадровая политика КПСС: опыт и проблемы / В.А. Яцков. – М.: Мысль, 1986. – 317 с.
8. Сулемов, В.А. Государственная кадровая политика в современной России: теория, история, новые реалии: моногр. / В.А. Сулемов. – 2-е изд. – М.: РАГС, 2006. – 344 с.
9. Леонов, А.П. Управление органами внутренних дел: в 2 т. / А.П. Леонов. – 2-е изд. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. – Т. 2.
10. Казимирчук, Г.И. Организация работы с резервом кадров для выдвижения на руководящие должности в органах внутренних дел: учеб. пособие / Г.И. Казимирчук. – 3-е изд. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2007. – 80 с.
11. Дырда, С.Г. Организация работы с руководящими кадрами органов внутренних дел: учеб. пособие / С.Г. Дырда. – Минск: Акад. милиции МВД Респ. Беларусь, 1993. – 63 с.
12. Совершенствование работы с кадрами в органах внутренних дел: сб. науч. тр. / Акад. МВД СССР; редкол.: К.Е. Игошев (отв. ред.) [и др.]. – М.: Акад. МВД СССР, 1989. – 130 с.
13. Шрубенко, А.Г. Государственная кадровая политика: теория и практика: учеб. пособие / А.Г. Шрубенко, Н.С. Березина, Г.Е. Ясников. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2003. – 261 с.
14. Вечер, Л.С. Государственная кадровая политика и государственная служба: практикум / Л.С. Вечер. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2008. – 279 с.
15. Колодкин, Л.М. Организационные и правовые основы работы с кадрами в органах внутренних дел / Л.М. Колодкин. – М.: Акад. МВД СССР, 1979. – 432 с.
16. Основы управления в органах внутренних дел: учеб. / Н.И. Буденко [и др.]; под ред. А.П. Коренева. – М.: «Щит-М», 2003. – 396 с.
17. Чупров, В.М. Административно-правовые и организационные средства обеспечения кадровой политики в органах внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / В.М. Чупров. – М., 2005. – 186 с.

Дата поступления статьи в редакцию 18.10.2010

УДК 342.92

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРОТИВ ПОРЯДКА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

ЛАДУТЬКО В.К.,

ученый секретарь Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

В данной статье исследованы понятие и признаки административного правонарушения против порядка налогообложения. Автором проведен анализ общетеоретической и отраслевой литературы по рассматриваемому вопросу, а также проанализировано законодательство Республики Беларусь об административных правонарушениях. В работе дано определение административного правонарушения против порядка налогообложения, выявлены его признаки, а также разработаны предложения по совершенствованию административного законодательства в данной области.

This paper presents the study research of the concept and features of the administrative violation against the order of taxation. The author researched the general theoretical and subject matter literature on the issue, and analyzed legislation of the Republic of Belarus on Administrative Offences. The author gives the definition of an administrative violation against the order of taxation, describes its features, and offers the proposals for improvement of administrative law in this area.

Введение

Исследованиям понятия и признаков правонарушений уделяли и уделяют внимание как представители общей теории права, так и отраслевой науки административного и налогового права. В свое время данные проблемы анализировались в трудах известных ученых И.С. Самощенко, С.Н. Братуся, Ю.А. Денисова, И.А. Галагана, Н.С. Малеина, А.Е. Лунева, О.Э. Лейста, Д.Н. Бахраха и многих других.

Дискуссии по рассматриваемым вопросам в научной литературе ведутся с середины прошлого столетия. Каждый исследователь выделяет различные признаки правонарушения и предлагает свое определение правонарушения. В связи с этим вопрос о дефиниции правонарушения остается и в настоящее время дискуссионным и нерешенным, поэтому научные споры продолжают. Все это говорит о том, что необходимы дальнейшие исследования проблем, связанных с определением понятия «административное правонарушение» и его признаков.

Основная часть

Административное правонарушение против порядка налогообложения невозможно опреде-

лить, выявить его признаки и особенности без общетеоретического представления о правонарушении, а также отраслевого определения административного правонарушения. Чтобы определить понятие административного правонарушения против порядка налогообложения необходимо, в первую очередь, выявить и проанализировать его признаки.

Мнения ученых относительно понятия и признаков правонарушения разделились. Такие признаки правонарушения, как виновность и противоправность деяния, признаются всеми. На этом единство во мнениях заканчивается.

В литературе встречается классификация признаков правонарушения, по которой они делятся на главные (основные) и вторичные (формальные или производные) [1, с. 469–470]. На наш взгляд, предлагаемое деление признаков не представляется целесообразным, так как отсутствие хотя бы одного, даже вторичного, приведет к тому, что правонарушение не будет признаваться таковым.

В соответствии с пунктом 1 статьи 2.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. № 194-З (далее – КоАП) [2] административным правонарушением признается противоправное винов-

ное, а также характеризующееся иными признаками, предусмотренными КоАП, деяние (действие или бездействие), за которое установлена административная ответственность.

Административное правонарушение против порядка налогообложения, по нашему мнению, обладает следующими признаками.

Во-первых, административное правонарушение – это всегда деяние, которое выражается в виде действия (например, осуществление деятельности без постановки на учет в налоговом органе) или бездействия (например, непредставление документов или иных сведений для осуществления налогового контроля). Законодательство Республики Беларусь не предусматривает административную ответственность за намерения, взгляды, мысли людей.

Во-вторых, административное правонарушение – это противоправное деяние, то есть нарушающее нормы права. В случае совершения административного правонарушения против порядка налогообложения речь идет о нарушении налогового законодательства. При этом следует разграничивать такие понятия, как нарушение налогового законодательства и административное правонарушение против порядка налогообложения. Административные правонарушения всегда являются следствием нарушения налогового законодательства. Однако не все нарушения налогового законодательства будут признаваться административными правонарушениями, а только те, которые предусмотрены КоАП.

Противоправным деянием, либо не исполняется, либо ненадлежащим образом исполняется налоговая обязанность, предусмотренная статьей 56 Конституции Республики Беларусь, статьей 36 Налогового кодекса Республики Беларусь (Общая часть) от 19 декабря 2002 г. № 166-З (далее – НК) [3].

КоАП является единственным законом об административных правонарушениях, действующим на территории Республики Беларусь, и определяет, какие деяния являются административными правонарушениями. Глава 13 КоАП содержит исчерпывающий перечень административных правонарушений против порядка налогообложения.

Некоторые ученые полагают, что противоправность может проявляться в виде злоупотребления правом; прямой атаки на запрет; превышения власти, полномочий или компетенции; неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на лицо обязанностей [1, с. 470–471].

Противоправность деяния и административная ответственность определяются актом законодательства, действовавшим во время совершения этого деяния. В соответствии с пунктом 2 статьи 1.5 КоАП акт законодательства, устраняющий противоправность деяния, смягчающий или отменяющий ответственность или иным об-

разом улучшающий положение физического или юридического лица, совершившего административное правонарушение, имеет обратную силу. Со дня вступления в силу акта законодательства, устраняющего противоправность деяния, соответствующее деяние, совершенное до его вступления в силу, не считается административным правонарушением.

Аналогия при привлечении к административной ответственности не допускается. Следует отметить, что в Уголовном кодексе Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (далее – УК) [4] закреплено положение о том, что применение уголовного закона по аналогии не допускается (пункт 2 статьи 3 УК). По нашему мнению, подобная норма должна содержаться и в КоАП в качестве гарантии при привлечении к административной ответственности.

Глава 5 КоАП содержит перечень обстоятельств, исключающих признание деяния административным правонарушением. К ним относятся необходимая оборона, причинение вреда при задержании физического лица, совершившего преступление или административное правонарушение, крайняя необходимость, обоснованный риск.

КоАП предусмотрена возможность освобождения от административной ответственности, в частности, при малозначительности правонарушения с учетом обстоятельств, смягчающих ответственность, указанных в пунктах 2, 3, 6 части 1 статьи 7.2 КоАП, а также освобождение от административного взыскания или замена административного взыскания более мягким вследствие болезни.

По мнению В.М.Сырых, для признания деяния противоправным не во всех случаях достаточно несоответствия его нормативным предписаниям. Автор перечисляет случаи, когда установление запретов недостаточно для признания деяния противоправным, например, если норма права «принята правотворческим органом за пределами его компетенции, либо противоречит нормам, закрепленным вышестоящими актами» [5, с. 386]. И действительно, для признания деяния противоправным необходимо установить не только факт нарушения налогового законодательства, но и определить входит ли в компетенцию того или иного органа принятие данного акта налогового законодательства, не противоречит ли данный акт Конституции Республики Беларусь и иным нормативным правовым актам, обладающим большей юридической силой.

В-третьих, административное правонарушение против порядка налогообложения является вредным для физических и юридических лиц, общества и государства. Налоговые доходы составляют основную часть государственного бюджета страны, следовательно, административные правонарушения в сфере налогообложения от-

рицательно сказываются на деятельности государства, а также социально-экономическом обеспечении всего общества.

Еще с советских времен в литературе ведутся дискуссии относительно того, являются ли административные правонарушения общественно вредными или общественно опасными. Среди ученых выделились две противоположные позиции. Одни авторы полагают, что все правонарушения являются общественно опасными [1, с. 469; 6, с. 432; 7, с. 488–489; 8, с. 583; 9, с. 244; 10, с. 11; 11, с. 45; 12, с. 290; 13, с. 159; 14, с. 318; 15, с. 22]. Большинство белорусских ученых поддерживают мнение о том, что общественная опасность является основным признаком административного правонарушения [16, с. 287, 291; 17, с. 192; 18, с. 94; 19, с. 99; 20, с. 213].

Другие ученые к общественно опасным относят только преступления, а административные правонарушения характеризуют как общественно вредные [21, с. 53; 22, с. 411; 23, с. 297–298; 24, с. 415; 25, с. 164; 26, с. 87; 27, с. 224; 28, с. 413].

Первая группа ученых полагает, что все правонарушения отличаются степенью общественной опасности. В литературе общественная опасность рассматривается с двух позиций: исходя из характера совершенного правонарушения, который основывается на объекте правонарушения, а также в зависимости от степени общественной опасности [1, с. 469; 13, с. 159–161; 14, с. 319; 16, с. 291; 17, с. 194–195; 29, с. 316].

Как считает Ю.А.Денисов, деяние считается общественно опасным только в случае «наличия правонарушений как массового явления, а не отдельных эксцессов» [30, с. 28]. До тех пор, пока отдельная группа деяний будет иметь массовый характер, они будут признаваться общественно опасными [30, с. 29].

В зависимости от степени общественной опасности в научной литературе представлена классификация составов налоговых правонарушений на основной (простой), квалифицированный и привилегированный составы [31, с. 371–374].

Представители второй группы ученых, критикуя мнение о том, что общественная опасность является основным признаком всех правонарушений, полагают, что «терминологически удачнее характеризовать как общественно опасные только преступления» [21, с. 53]. В подтверждение своей точки зрения приводят аргументы о том, что закон так характеризует только преступления, преступления относятся к самому вредному виду правонарушений [21, с. 53].

Рассматривая признаки административного правонарушения, Б.В.Росинский такой признак, как общественная вредность или общественная опасность, вовсе не выделяет [32, с. 35]. По мнению некоторых ученых, административное правонарушение является антиобщественным [33, с. 391; 34, с. 510].

По нашему мнению, административные правонарушения против порядка налогообложения не обладают признаком общественной опасности, а носят общественно вредный характер независимо от того, являются ли они массовым явлением или единичными случаями. Общественно опасное деяние всегда является общественно вредным, но не всякое общественно вредное деяние относится к общественно опасным. Административные правонарушения против порядка налогообложения, безусловно, причиняют вред охраняемым интересам личности, общества и государства, нарушают установленный правопорядок, а также создают угрозу причинения такого вреда.

Только уголовный закон наделяет преступления признаком общественной опасности (статья 11 УК). В определении административного правонарушения, закрепленном в пункте 1 статьи 2.1 КоАП, такой признак, как общественная опасность или общественная вредность, не указан. Однако вредность как неотъемлемый признак административного правонарушения должен быть нормативно закреплен. В связи с этим предлагаем определение административного правонарушения дополнить признаком общественной вредности.

В-четвертых, административное правонарушение против порядка налогообложения является виновным деянием. Данный признак законодательно закреплен в КоАП.

Следует различать вину как элемент субъективной стороны состава правонарушения и виновность как признак правонарушения. Виновность характеризует деяние как противоправное и присуща всем правонарушениям, а вина позволяет квалифицировать отдельное правонарушение [35, с. 95].

Виновность как признак административного правонарушения является выражением таких принципов административной ответственности, как презумпция невиновности и принципа ответственности за вину. В статье 2.7 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г. № 194-З [36] непосредственно закрепляется недопустимость привлечения лица к административной ответственности до тех пор, пока не будет установлена его виновность в совершении правонарушения. Обязанность доказывать наличие вины лица, в отношении которого ведется административный процесс, лежит на должностном лице органа, ведущего административный процесс.

В соответствии со статьей 4.2 КоАП физическое лицо, признанное виновным в совершении административного правонарушения, а также юридическое лицо, вина которого по отношению к совершенному административному правонарушению установлена, подлежат привлечению

к административной ответственности. Лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина.

В КоАП вина физического лица определяется как психическое отношение физического лица к совершенному им противоправному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности. Юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что этим юридическим лицом не соблюдены нормы (правила), за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, и данным лицом не были приняты все меры по их соблюдению. В настоящее время дискуссионным является вопрос об установлении виновности юридических лиц.

По мнению М.Н.Марченко, вина отражает не только психическое отношение физического лица к совершенному им противоправному деянию, но и само психическое состояние физического лица, а также отношение к возникающим последствиям деяния [37, с. 625]. Некоторые другие авторы также указывают на необходимость осознания правонарушителем последствий от совершенного им противоправного деяния [24, с. 416; 38, с. 454].

Лицо должно осознавать совершенное им деяние и последствия таких деяний исходя из знаний о запретах, установленных законодательством. В праве существует презумпция знания права, а, следовательно, незнание не освобождает от ответственности [5, с. 387; 24, с. 416].

В-пятых, административные правонарушения против порядка налогообложения должны быть совершены деликтоспособным лицом, то есть лицом, способным быть субъектом правонарушения [5, с. 388].

В соответствии с пунктом 1 статьи 13 НК плательщиками налогов, сборов (пошлин) (далее – плательщики) признаются организации и физические лица, на которых в соответствии с НК, Таможенным кодексом Республики Беларусь и (или) актами Президента Республики Беларусь возложена обязанность уплачивать налоги, сборы (пошлины). Налоговая обязанность установлена Конституцией Республики Беларусь и возникает при наличии обстоятельств, установленных НК, другими законами Республики Беларусь и (или) актами Президента Республики Беларусь либо решениями местных Советов депутатов (в отношении местных налогов и сборов).

Таким образом, НК признает плательщиками физических лиц независимо от их возраста. Однако в случае нарушения налогового законодательства к административной ответственности может быть привлечено лицо, достигшее 16-летнего возраста. Вместе с тем пункт 3 статьи 4.3

КоАП содержит норму, исключаящую административную ответственность несовершеннолетнего лица, достигшего 16-летнего возраста, если будет установлено, что вследствие отставания в умственном развитии, не связанного с психическим расстройством (заболеванием), оно во время совершения деяния было не способно сознавать его фактический характер или противоправность.

Для признания лица деликтоспособным, помимо достижения 16-летнего возраста, необходимо второе условие – вменяемость лица. Исходя из статьи 4.4 КоАП не подлежит административной ответственности физическое лицо, которое во время совершения деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло сознавать фактический характер и противоправность своего действия (бездействия) или руководить им вследствие хронического или временного психического расстройства, слабоумия или иного психического заболевания.

Правоспособность юридического лица устанавливается в соответствии со статьей 45 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З [39]. Юридическое лицо может иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в его учредительных документах, а также предмету деятельности, если он указан в учредительных документах, и нести связанные с этой деятельностью обязанности. Отдельными видами деятельности, перечень которых определяется законодательными актами, юридическое лицо может заниматься только на основании специального разрешения (лицензии). Правоспособность юридического лица возникает в момент его создания и прекращается в момент завершения его ликвидации. Право юридического лица осуществлять деятельность, на занятие которой необходимо получение специального разрешения (лицензии), возникает с момента получения такого специального разрешения (лицензии) или в указанный в нем срок и прекращается по истечении срока его действия, если иное не установлено законодательством.

В-шестых, одним из признаков административного правонарушения против порядка налогообложения является наказуемость за его совершение. Не все ученые выделяют данный признак.

Признак наказуемости вытекает из принципа неотвратимости ответственности за совершенное правонарушение. Во-первых, каждое административное правонарушение должно быть раскрыто; во-вторых, лицо, совершившее административное правонарушение, должно быть привлечено к ответственности; в-третьих, административное взыскание должно быть исполнено.

По мнению И.А.Галагана, «безнаказанность всегда стимулирует новые правонарушения...» [13, с. 149]. В то же время следует обратить внимание на то, что законодательство об административных правонарушениях направлено на предупреждение административных правонарушений. Следовательно, основное значение неотвратимости административной ответственности состоит в применении такого административного взыскания, которое способствует восстановлению справедливости, а также направлено на предупреждение совершения новых правонарушений.

Исследуя цели административной ответственности, некоторые ученые относят к ним наказание, кару [13, с. 139; 26, с. 283; 40, с. 21; 41, с. 73]. Свою точку зрения они обосновывают тем, что только путем применения административных взысканий достигаются другие цели административной ответственности. По нашему мнению, с представленным обоснованием трудно согласиться. Несмотря на то, что административная ответственность выражается в применении административных взысканий, нельзя однозначно говорить о наказании как главной цели административной ответственности. Более того, наказание может и не наступить в случае, например, освобождения от административной ответственности. В данной ситуации, признавая то, что главной целью административной ответственности является наказание, нужно констатировать, что административная ответственность не достигла своей цели.

Таким образом, несмотря на то, что правонарушитель может быть освобожден от административной ответственности, потенциальная возможность наказания является необходимым признаком административного правонарушения против порядка налогообложения. По общему

правилу каждый правонарушитель должен быть подвергнут наказанию, однако данное наказание не самоцель, а средство для достижения целей административной ответственности, в том числе защиты интересов личности, общества и государства от административных правонарушений против порядка налогообложения, обеспечения установленного правопорядка от административных правонарушений в сфере налогообложения.

В литературе встречается мнение о том, что признаком правонарушения является причинная связь между противоправным деянием и последствиями такого деяния. При этом причинная связь должна быть прямой и закономерной [37, с. 627].

Если говорить об административных правонарушениях против порядка налогообложения, то большинство составов таких правонарушений являются формальными, не требующими наступления последствий. Следовательно, данный признак не может быть универсальным для всех административных правонарушений в сфере налогообложения.

Заключение

На основании вышеприведенных признаков административным правонарушением против порядка налогообложения признается виновное, противоправное действие (бездействие) деликтоспособного лица, которым не исполняется либо ненадлежащим образом исполняется налоговая обязанность, нарушающее установленный порядок налогообложения, причиняющее вред правам и интересам физических и юридических лиц, обществу и государству, и за которое предусмотрена административная ответственность в соответствии с КоАП.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права: учеб. для вузов / под ред. проф. М.М. Рассолова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 735 с. – (Закон и право).
2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, 6 дек. 1984 г., № 4048-X // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.
3. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть), 19 дек. 2002 г., № 166-3 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-3 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.
5. Сырых, В.М. Теория государства и права: учеб. для вузов / В.М. Сырых. – 4-е изд., стер. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2005. – 704 с.
6. Матузов, Н.И. Теория государства и права: учеб. / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 512 с.

7. Теория государства и права: учеб. / под ред. А.Г. Хабибулина, В.В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2009. – 624 с.
8. Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2007. – 768 с.
9. Перевалов, В.Д. Теория государства и права: учеб. / В.Д. Перевалов. – М.: Высш. образование, 2008. – 379 с.
10. Малейн, Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н.С. Малейн. – М.: Юрид. лит., 1985. – 192 с.
11. Лунев, А.Е. Административная ответственность за правонарушения / А.Е. Лунев. – М.: Госгориздат, 1961. – 126 с.
12. Попов, Л.Л. Административное право России: учеб. / Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев, С.В. Тихомиров; отв. ред. Л.Л. Попов. – М.: Проспект, 2008. – 688 с.
13. Галаган, И.А. Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование) / И.А. Галаган. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1970. – 252 с.
14. Административное право: учеб. / под ред. Л.Л. Попова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2006. – 703 с.
15. Кузьмичева, Г.А. Административная ответственность: учеб. пособие. Нормативные акты / Г.А. Кузьмичева, Л.А. Калинина. – М.: Юриспруденция, 2000. – 464 с.
16. Общая теория государства и права: учеб. пособие / Г.А. Василевич [и др.]; под общ. ред. А.Г. Тиковенко. – Минск: Кн. Дом, 2006. – 320 с.
17. Административное право: учеб. пособие / Л.М. Рябцев [и др.]; под общ. ред. Л.М. Рябцева. – Минск: Амалфея, 2009. – 432 с.
18. Постникова, А.А. Административное право: учеб. пособие / А.А. Постникова, А.И. Сухаркова. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2003. – 191 с.
19. Телятицкая, Т.В. Административное право Республики Беларусь. Общая часть: учеб. пособие / Т.В. Телятицкая. – Минск: Финадо, 1996. – 142 с.
20. Гавриленко, Д.А. Административное право Республики Беларусь: курс лекций / Д.А. Гавриленко, И.И. Мах. – Минск: Дикта, 2004. – 416 с.
21. Самощенко, И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству / И.С. Самощенко. – М.: Изд-во «Юрид. лит.», 1963. – 286 с.
22. Общая теория советского права / под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самощенко. – М.: Изд-во «Юрид. лит.», 1966. – 491 с.
23. Хропанюк, В.Н. Теория государства и права: учеб. для вузов / В.Н. Хропанюк; под ред. В.Г. Стрекозова. – 4-е изд., испр. – М.: Изд-во «Омега-Л», 2010. – 323 с.
24. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.С. Пиголкина. – М.: ОАО «Изд. Дом «Городец», 2003. – 544 с.
25. Основы права: учеб. / Г.А. Василевич [и др.]; под общ. ред. Г.Б. Шишко. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: Амалфея, 2009. – 784 с.
26. Крамник, А.Н. Административное право: в 2 ч. / А.Н. Крамник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Изд. центр БГУ, 2009. – Ч. 2: Административно-деликтное право. Общая часть: пособие для студентов вузов по юрид. специальностям. – 379 с.
27. Кузякин, Ю.П. Административная ответственность: учеб. пособие / Ю.П. Кузякин. – М.: МГИУ, 2007. – 224 с.
28. Бахрах, Д.Н. Административное право России: учеб. / Д.Н. Бахрах. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2008. – 528 с.
29. Административное право: учеб. / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. – М.: Юрист, 1999. – 728 с.
30. Денисов, Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты) / Ю.А. Денисов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – 142 с.
31. Налоговое право России: учеб. для вузов / отв. ред. проф. Ю.А. Крохина. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во НОРМА, 2007. – 752 с.
32. Россинский, Б.В. Административная ответственность: курс лекций / Б.В. Россинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2009. – 512 с.
33. Алехин, А.П. Административное право России. Первая часть / А.П. Алехин, А.А. Кармолицкий. – М.: Зерцало, 2009. – 528 с.
34. Налоги и налоговое право: учеб. пособие / под ред. А.В. Брызгалина. – М.: «Аналитика-Пресс», 1997. – 600 с.
35. Томилин, О.О. Административная ответственность юридических лиц за правонарушения в финансовой сфере: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / О.О. Томилин. – Саратов, 2003.
36. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь, 20 дек. 2006 г., № 194-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.

37. Марченко, М.Н. Теория государства и права: учеб. / М.Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 640 с.
38. Теория государства и права: курс лекций / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало: ТЕИС, 1996. – 476 с.
39. Гражданский кодекс Республики Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.
40. Рогачева, О.С. Административная ответственность: учеб. пособие / О.С. Рогачева; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. – 192 с.
41. Габричидзе, Б.Н. Юридическая ответственность: учеб. пособие / Б.Н. Габричидзе, А.Г. Чернявский. – М.: Альфа-М, 2005. – 686 с.

Дата поступления статьи в редакцию 02.09.2010

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ СОВЕРШЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ДЛЯ УСПЕШНОГО РОЗЫСКА СКРЫВШЕГОСЯ ОБВИНЯЕМОГО

ТОЛОЧКО А.Н.,

адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

Рассмотрена проблема «шаблонного» планирования розыска скрывшихся обвиняемых, как одна из причин низкой результативности розыска. Обоснована необходимость в каждом конкретном случае розыска обвиняемого изучать и учитывать криминалистическую, уголовно-правовую и оперативно-розыскную характеристики совершенного им преступления. Представлен спектр наиболее значимых (для розыска преступников) элементов рассматриваемых характеристик.

The problem of «pattern» planning of search of fugitives, as one of the reasons of low effectiveness of search, is considered. Necessity of study and accounting (in each case of search) of forensic, criminal and legal and operational search descriptions of committed crime is shown. The spectrum of most meaningful (for search of fugitives) elements of mentioned descriptions is presented.

Анализ современного состояния розыскной работы органов внутренних дел (далее – ОВД) в Республике Беларусь показывает, что ежегодно в среднем 3000 лиц, скрывшихся от органов уголовного преследования и суда, остаются неразысканными. Из них 32 % совершили тяжкие и особо тяжкие преступления, 36 % продолжают оставаться в розыске свыше 5 лет.

Низкая результативность розыска обвиняемых обуславливается рядом серьезных недостатков и упущений в работе, в том числе организационного характера. Анализ практики позволяет обратить внимание на следующие недостатки:

- отсутствие в процессе розыска взаимодействия между оперативными сотрудниками и следователями;
- выполнение розыскных заданий сотрудниками других ОВД зачастую носит формальный характер;
- слабо используется помощь общественности и средств массовой информации;
- недостаточно используются розыскными подразделениями ОВД возможности, вытекающие из членства Беларуси в Интерполе, а

также договора и соглашения в сфере борьбы с преступностью и правовой помощи, участником которых является Беларусь;

- не изучаются архивные уголовные дела в отношении разыскиваемых и их связей;
- слабо используются в розыскных целях специальные (в том числе научно-технические) знания.

Некоторые недостатки формируются еще в начале розыска, так как вызваны некачественным планированием по розыскным делам. Как результат, планы оперативно-розыскных и иных мероприятий в большинстве случаев носят шаблонный характер. Оперативными сотрудниками не учитываются данные о совершенном обвиняемым преступлении. Следует согласиться с В.А.Лукашовым (защитившим первую кандидатскую диссертацию по проблемам розыскной работы в 1963 году), который в контексте исследования розыска преступников отмечает, что за исходные для построения розыскных версий необходимо брать прежде всего факты и обстоятельства, причинно связанные с преступлением.

Наиболее полная информация о преступлениях содержится в их криминалистической характеристике. Принято говорить о криминали-

стической характеристике отдельных видов (групп) преступлений, имея в виду совокупность наиболее характерной, криминалистически значимой и взаимосвязанной информации о признаках и свойствах преступлений отдельного вида (группы), полученную в результате анализа и обобщения следственной практики [1, с. 468]. Также в литературе можно встретить схожую категорию «криминалистическая структура отдельных видов (групп) преступлений» [2; 3, с. 11; 4]. Один из наиболее последовательных сторонников внедрения в криминалистическую науку данного термина – профессор А.В. Дулов представляет криминалистическую структуру преступления в виде двух уровней: уровень наиболее общих элементов преступления (субъект, совершающий преступление; объект, на который направлены эти действия; орудие преступления) и уровень, отражающий взаимодействие элементов в процессе совершения преступления (механизм преступления) [2, с. 34–42].

Но применительно к розыску обвиняемого нас в большей степени будут интересовать информационные модели конкретных общественно опасных деяний. В частности, мы разделяем позиции ученых, которые считают, что наряду с обобщенной криминалистической характеристикой вида (группы) преступлений существует криминалистическая характеристика конкретного преступления (В.К. Гавло, В.Ф. Ермолович, С.В. Лаврухин, Н.А. Селиванов, В.И. Шиканов, Н.П. Яблоков). В.Ф. Ермолович пишет: «Если нет криминалистической характеристики конкретного преступления, то может ли быть разработана обобщенная криминалистическая характеристика... Ведь для этого необходимы криминалистические характеристики конкретных преступлений» [5, с. 230–231]. В том же ключе высказывается С.В. Лаврухин: «...без исследования отдельных преступлений типовую криминалистическую характеристику объективно невозможно разработать. Другими словами, отрицание характеристики отдельного преступления лишает типовую характеристику эмпирической основы и переводит проблемы ее разработки в плоскость априорных теоретических рассуждений» [6, с. 68].

В.Ф. Ермолович рассматривает криминалистическую характеристику конкретного преступления как сочетание исчерпывающих данных о расследуемом или расследованном общественно опасном деянии [5, с. 31]. Н.П. Яблоков пишет, что в процессе расследования конкретного преступления криминалистическая характеристика может быть первичной (неполной), последующей (более полной) и заключительной, то есть динамична [7, с. 132]. С.В. Лаврухин указывает, что криминалистическая характеристика конкретного преступления способствует его индивидуализации, выдвигению атипичных версий,

коррекции типовой схемы выявления, раскрытия и предупреждения преступлений, то есть индивидуализации криминалистической методики [6, с. 71–72].

По мнению опрошенных респондентов из числа сотрудников отделений (отделов) розыскной работы уголовного розыска и следователей, к основным элементам криминалистической характеристики совершенного обвиняемым преступления, которые необходимо знать при осуществлении розыска, в первую очередь относятся сведения (данные) о личности разыскиваемого обвиняемого, способе совершения преступления, следах, оставленных на месте преступления, специфике непосредственного предмета противоправного посяательства.

В научной литературе личность преступника рассматривается как целостная физиолого-психологическая структура, включающая в себя мотивацию его поведения [8, с. 151]. Ряд авторов указывает на то, что криминалистическая, криминологическая и психологическая оценка личности преступников, поведение которых прогнозируется, дает возможность учесть специфичность их жизненной установки, ценностных ориентаций, дефектов правосознания, антиобщественных взглядов, а также общую развитость, интересы, образ жизни, вероятный круг общения, привычки, склонности, привязанности, потребности и другие данные для предвидения наиболее вероятных мест их появления [9, с. 736; 5, с. 198]. И.Н. Голубков справедливо связывал выбор скрывающимся преступником места проживания с чертами его характера, физиологическими и соматическими особенностями, состоянием здоровья, особенностями психики, прошлым преступным опытом [9, с. 630].

Данные посылки полностью находят свое отражение и в анализе розыскных дел, который показывает, что если разыскиваемый обвиняемый, например, наркозависим, то он, как правило, налаживает контакты в медицинских учреждениях, на «черном» рынке с целью приобретения психотропных лекарств, к которым он привычен.

Своевременное предвидение поведения скрывающегося обвиняемого на основе индивидуальных особенностей его личности позволяет принять правильное тактическое решение.

Что касается способа совершения преступления, то он может свидетельствовать об умениях, знаниях и профессиональных навыках разыскиваемого, его интеллектуальном уровне, характерологическом облике, складывающемся из черт характера и психической направленности личности, преступном опыте, физической силе, умении владеть теми или иными орудиями или средствами, вооруженности, что также необходимо учитывать при осуществлении розыска.

По особенностям оставляемых преступником следов можно судить о его приметах (следы рук,

ног, зубов, других частей тела), привычках, состоянии здоровья, преступном опыте, физическом, психическом и иных качествах и свойствах личности и т.д. Необходимо также иметь в виду, что по таким следам, как следы крови, волосы, части ткани, кожи, можно в последующем получить образцы ДНК разыскиваемых.

Наконец, специфика непосредственного предмета противоправного посягательства в некоторой степени дает информацию о деньгах и ценностях, которыми располагает преступник, имуществе, которое было добыто преступным путем и требует сбыта. Это также способствует правильному определению дальнейших путей розыска.

Категория «криминалистическая характеристика преступления» стоит на стыке с иными характеристиками преступления. В.Ф.Ермолович отмечает: «В юридической науке вопросы о понятии, сущности, структуре, видах, формах и т.п. преступления рассматриваются главным образом ... в уголовно-правовой, криминологической, криминалистической и оперативно-тактической характеристиках преступления» [5, с. 6]. И этот перечень не является исчерпывающим. Можно вести речь о философском, правовом, оперативно-розыскном, уголовно-процессуальном, социально-экономическом и иных значениях (смыслах, видах анализа) преступления. Не ставя перед собой задачу детального рассмотрения в рамках настоящей статьи всех характеристик, остановимся лишь на некоторых, наиболее информативных для розыска обвиняемого.

На наш взгляд очень важны и требуют обязательного учета при розыске обвиняемого аспекты уголовно-правовой характеристики совершенного им преступления: мотив, цель совершения преступления, тяжесть совершенного преступления, общественно опасные последствия. Так, изучение практики показывает, что лицо, обвиняемое в совершении особо тяжкого преступления, из-за боязни быть привлеченным к уголовной ответственности и лишиться на длительный срок свободы более тщательно «замечает следы» и продумывает свои действия, нежели лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности. Согласно статистическим данным за последние годы одним из самых низких является процент розыска обвиняемых в убийстве, а одним из самых высоких – обвиняемых по ст. 174 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Это говорит о необходимости активизации усилий, повышения качества работы и выработки научно-практических рекомендаций по розыску обвиняемых, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления.

А.А.Закатов в своей докторской диссертации зависимость поведения разыскиваемых лиц от характера совершенного преступления и степе-

ни его общественной опасности относит к числу закономерностей, входящих в предмет криминалистического учения о розыске [10, с. 15].

Следующей по значимости для планирования и организации розыска является, с нашей точки зрения, оперативно-розыскная характеристика преступления. По мнению И.И.Басецкого и В.Ч.Родевича, она охватывает собой любую оперативно-розыскную информацию, которая имеет отношение к совершенному преступлению и может быть полезной для его всестороннего и полного расследования. Здесь же авторами указывается, что основное отличие двух сходных характеристик – оперативно-розыскной и оперативно-тактической – состоит в том, что вторая включает в себя менее широкий, чем оперативно-розыскная характеристика, круг элементов, но дополнительно охватывает информацию тактического уровня, касающуюся состояния борьбы, противоборства с преступниками.

В.П.Шиенок, глубоко исследуя проблемы оперативно-розыскной тактики, приходит к выводу о том, что по своему содержанию оперативно-тактическая характеристика включает в себя любые факты и обстоятельства, относящиеся к противоправному деянию, при условии, что они могут способствовать эффективному проведению оперативно-розыскных мероприятий.

В заключение представляется возможным сделать следующие выводы. Низкая результативность розыска во многом обусловлена тем обстоятельством, что при его планировании и организации не учитываются данные о совершенном обвиняемым преступлении. Для успешного осуществления розыска обвиняемого необходимо в каждом конкретном случае проводить комплексный анализ совершенного им преступления, который предполагает изучение и последующий учет ряда важных для розыска преступников элементов криминалистической, уголовно-правовой, оперативно-розыскной и иных характеристик преступления.

К таким, наиболее значимым для осуществления розыска обвиняемого, элементам криминалистической характеристики совершенного преступления относятся: сведения (данные) о личности разыскиваемого обвиняемого, способе совершения преступления, следах, оставленных на месте преступления, специфике непосредственного предмета противоправного посягательства.

Наиболее существенными для розыска элементами уголовно-правовой характеристики преступления являются сведения (данные) о мотиве, цели совершения преступления, а также его тяжести и общественно опасных последствиях.

Наконец, оперативно-розыскная характеристика преступления представляет интерес и практическую ценность в части любой оперативно-розыскной информации, связанной с преступлением, которая может иметь значение для скорейшего обнаружения разыскиваемого лица.

При этом следует понимать, что рассмотренные перечни элементов указанных характеристик преступления исчерпывающими не являются. Более того, мы считаем, что чем больше данных о совершенном преступлении будет изу-

чено и учтено, тем эффективнее будет розыск скрывшегося обвиняемого.

Для того, чтобы при планировании, организации и осуществлении розыска оперативные сотрудники владели криминалистическими, уголовно-правовыми и иными аспектами совершенного обвиняемым преступления, они должны систематически изучать и анализировать материалы уголовных дел, возбужденных в отношении разыскиваемых обвиняемых, тесно взаимодействовать со следователями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криминалистика: учеб. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г.Н. Мухина. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – 863 с.
2. Дулов, А.В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами / А.В. Дулов. – Минск, 1985. – 168 с.
3. Осмотр места происшествия по делам о насильственной смерти: пособие для следователей / под ред. А.В. Дулова, Н.И. Порубова. – Минск, 1995. – 364 с.
4. Гучок, А.Е. Криминалистическая структура преступления / А.Е. Гучок. – Минск: БГУ, 2007. – 151 с.
5. Ермолович, В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В.Ф. Ермолович. – Минск: Амалфея, 2001. – 304 с.
6. Лаврухин, С.В. Значение криминалистических характеристик преступлений / С.В. Лаврухин // Вестн. криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. – М.: Спарк, 2009. – С. 66–73.
7. Васильев, А.Н. Предмет, система и теоретические основы криминалистики / А.Н. Васильев, Н.П. Яблоков. – М., 1984. – 143 с.
8. Фёдоров, Г.В. Криминалистические средства противодействия преступности: теоретические аспекты: моногр. / Г.В. Фёдоров; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. – 187 с.
9. Теория оперативно-розыскной деятельности: учеб. / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 831 с.
10. Закатов, А.А. Криминалистическое учение о розыске: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / А.А. Закатов; Киев. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко. – Киев, 1987. – 39 с.

Дата поступления статьи в редакцию 11.10.2010

ПОНЯТИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ

КЛИМОВИЧ Ю.С.,

преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь

ШОСТАК М.А.,

профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук

Статья посвящена анализу и определению понятия «изменение государственного обвинения» в ходе судебного разбирательства. В основу исследования положено представление об изменении обвинения как о процессуальном решении. На основе действующего законодательства и работ других ученых рассмотрению подвергнуты вопросы правовых последствий, процессуальной формы и оснований решения об изменении обвинения. Раскрыты природа и правовое значение указанного в ч. 4 ст. 301 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь права государственного обвинителя на исключение из обвинения отдельных пунктов и переквалификацию действий обвиняемого по статье, предусматривающей ответственность за менее тяжкое преступление. Автор пришел к заключению об обязательности данного решения с точки зрения его влияния на пределы судебного разбирательства.

The article deals with the analysis and definition of «change public accusation» in the trial. В основу исследования положено представление об изменении обвинения, как о процессуальном решении. The research is based on the concept of changing public accusation as a procedural decision. Based on the work of other scientists and the applicable law it addressed issues of legal consequences and forms of change public accusation. The nature and legal significance of the public prosecutor's right to exclude certain items from the prosecution and requalify actions of the accused under article providing for liability for a lesser crime specified in part 4 art. 301 Criminal Procedure Code are disclosed. The author concluded that this decision is obligatory to determine the limits of the judicial process.

Судебное разбирательство уголовного дела проводится только в отношении обвиняемого и лишь по тому обвинению, которое ему предъявлено в установленном Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК) порядке. Однако в связи с появлением новых доказательств либо вследствие принципиально иной оценки ранее полученных данных предъявленное на стадии предварительного расследования обвинение зачастую подвергается изменению в суде. Такое важное решение, как мы считаем, нуждается в своем научном определении, что позволит ответить на не в полной мере урегулированные в законе вопросы оснований, процессуальной формы и правовых последствий изменения обвинения государственным обвинителем.

Если мы обратимся к истории, то увидим, что в советский период существования нашего государства изменение обвинения на судебных

стадиях допускалось исключительно при условии, что этим действием не нарушалось право на защиту и не ухудшалось положение обвиняемого (ст. 254 УПК БССР 1960 года). Модификация обвинения становилась возможной только путем трансформации и сужения как юридической (юридическая формулировка и правовая квалификация), так и фактической части обвинения исключительно в сторону уменьшения его тяжести и при условии неизменности его сущности. Причем полномочия на принятие подобных решений были предоставлены только суду, государственный обвинитель также мог высказывать по данному поводу свою позицию, но она не имела обязательных правовых последствий.

В действующем уголовно-процессуальном законе компетенция государственного обвинителя в данном вопросе принципиально изменилась и прошла эволюцию от фактически ничего

не значащей возможности высказать в суде свое мнение до императивного права определять объем обвинения как в сторону его сужения и смягчения, так и в прямо противоположное направление ухудшения положения обвиняемого (ч. 2, 4 ст. 301 УПК). Таким образом, допустимо говорить о том, что только с момента вступления в силу действующего УПК вопрос изменения обвинения государственным обвинителем приобрел свое собственное значение, свою принципиально иную плоскость познания. Приведенный экскурс в историю, считаем, позволяет нам рассматривать изменение государственного обвинения по УПК 1999 года сквозь призму уголовно-процессуальной категории «решение».

Как известно, любое процессуальное решение должно отвечать определенным требованиям. Одно из них предполагает, что решение является властным велением, которое изменяет или прекращает уголовно-процессуальные отношения. С учетом этого попытаемся разобраться: является ли изменение обвинения представителем обвинительной власти обязательным для суда, предопределяет ли оно пределы разбирательства в суде?

Можно констатировать тот факт, что в отличие от отказа от обвинения правовые последствия изменения обвинения государственным обвинителем в суде напрямую не регламентированы. УПК содержит императивное правило о том, что судебное разбирательство уголовного дела проводится только в отношении обвиняемого и лишь по тому обвинению, которое ему предъявлено в установленном УПК порядке (ч. 1 ст. 301 УПК). Как известно, обвинение предъявляется обвиняемому на стадии предварительного расследования, когда ему объявляется постановление о привлечении в качестве обвиняемого и предоставляется возможность дать показания. Законодатель последователен в своих требованиях, когда обязывает государственного обвинителя в суде перепредъявить обвинение в случае его изменения на более тяжкое либо на новое, ухудшающее положение обвиняемого, или существенно отличающееся по своему содержанию от ранее предъявленного. Исходя из смысла ч. 2 ст. 301 УПК такого рода изменения обвинения модифицируют обвинительный тезис и являются обязательными для суда.

Но вопрос остается открытым в случае изменения обвинения в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 301 УПК, когда из него государственным обвинителем исключаются отдельные пункты либо действия квалифицируются по статье, предусматривающей ответственность за менее тяжкое преступление. Закон в данном случае указывает на отсутствие необходимости выносить новое постановление о привлечении в качестве обвиняемого, предписывая позицию обвинителя отражать в протоколе судебного заседания. Из-

мененное обвинение не предъявляется обвиняемому, что в соответствии с ч. 1 ст. 301 УПК ставит под вопрос пределы судебного разбирательства.

Отдельные авторы в данном случае говорят не о праве государственного обвинителя на изменение обвинения, а на его обязанность ориентировать суд на принятие такого решения [1, с. 119]. С.Зеленин полагает, что квалификация обвинения, в том числе в сторону смягчения положения обвиняемого, является исключительной прерогативой суда. «Здесь суд должен руководствоваться не соображениями соблюдения прав обвиняемого или потерпевшего, а требованием закона правильно применять уголовно-правовую норму к установленным фактическим обстоятельствам дела, т.е. быть юридически правильным, грамотным, в конце концов» [2, с. 14, 15]. Примечательно, что в соответствии с ч. 7 ст. 293 УПК полномочие государственного обвинителя на изменение обвинения упоминается лишь в связи с ч. 2 ст. 301 УПК. Таким образом, исключительно с точки зрения буквы и логики закона можно предположить, что модификация обвинения государственным обвинителем в сторону его смягчения не является разновидностью изменения обвинения, такую позицию можно оценить не более чем как мнение, которое не обязательно для суда и не предопределяет пределы разбирательства в суде.

Однако мы ни в коем случае не можем согласиться с подобным рода выводами. Отсутствие четкого нормативного предписания относительно обозначенной проблемы вынуждает искать его в Конституции Республики Беларусь и в нормах УПК, определяющих принципы уголовного процесса. Уголовное судопроизводство осуществляется на основе принципа состязательности и равенства сторон, когда функции обвинения, защиты и разрешения дела строго разграничены. Считать изменение обвинения государственным обвинителем в сторону смягчения только лишь мнением, ходатайством, которое не определяет пределы судебного разбирательства, значит предоставить суду возможность выступать на стороне обвинения. Осуждение лица по статье Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), по которой государственный обвинитель обвинения не поддерживал, будет означать, что суд взял на себя не свойственную ему функцию обвинения, что недопустимо. Полагаем, что состязательность по своей природе предполагает полновластие обвинителя в вопросах изменения объема обвинительного тезиса. Необходимо дифференцировать право на высказывание мнения по существу обвинения от властного полномочия на изменение обвинения. Мнение – это право, гарантированное в равной степени стороне обвинения и стороне защиты (ч. 1 ст. 295 УПК) и представляет со-

бой не процессуальное решение, а логическое суждение о доказанности предмета судебного разбирательства, которое имеет задачу убедить в ходе судебных прений суд в необходимости принятия того или иного решения.

Обозначенный вопрос в связи с неоднозначностью его решения в практике российского правосудия в разное время был предметом рассмотрения Конституционного и Верховного судов Российской Федерации. Судебные органы пришли к одинаковому выводу о том, что изменение обвинения в сторону смягчения предопределяет принятие судом решения в соответствии с позицией государственного обвинителя, поскольку уголовно-процессуальный закон исходит из того, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе принципа состязательности и равноправия сторон, а формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются обвинителем [3, 4]. Через непродолжительное время после начала применения УПК 1999 года бывший в то время заместителем Генерального прокурора Республики Беларусь А.Ивановский указывал, что «иная, более мягкая, нежели данная органом уголовного преследования, оценка преступного деяния означает вывод обвинения о том, что прежняя не нашла подтверждения в судебном заседании...такое мнение обязательно для суда» [5, с. 4]. Считаем правильным в законе прописать норму о том, что решение об изменении обвинения государственным обвинителем является обязательным для суда и определяет пределы судебного разбирательства.

В пользу обозначенного нами подхода свидетельствует и тот факт, что производство по делу может быть прекращено судом, в том числе по основаниям, указанным в ч. 1 ст. 30 УПК. Они являются своего рода правовой гарантией для обвиняемого, что при определенных условиях, которые включают его положительное с точки зрения закона поведение, он не будет подвергнут уголовной ответственности. Такие основания могут возникнуть в том числе после изменения государственным обвинителем обвинения в сторону его смягчения. Становится очевидным, что возможность реализации указанного механизма напрямую зависит от правовой оценки этого действия, от того, считать или нет изменение обвинения процессуальным решением, которое предопределяет позицию суда.

Одним из признаков процессуального решения является выраженность его в предусмотренной законом форме. В соответствии с данным критерием изменение обвинения государственным обвинителем можно относить к процессуальному решению лишь частично. Если изменение обвинения в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 301 УПК, предполагает вынесение постановления, то изменение обвинения в сторону его

смягчения отражается только в протоколе судебного заседания, что является явно недостаточным. По нашему мнению, позиция государственного обвинителя об изменении обвинения в судебном разбирательстве в обязательном порядке должна во всех случаях облекаться в форму мотивированного постановления. Это имеет принципиальное значение по ряду причин.

Во-первых, изменение обвинения как процессуальное решение есть не только реализация государственным обвинителем предоставленного ему права, но и всегда выполнение предусмотренной законом обязанности. Государственный обвинитель действует в интересах публичных, изменить обвинение или нет зависит не от его усмотрения, а от складывающейся в ходе судебного разбирательства ситуации, установленных по делу обстоятельств. Необоснованное смягчение, равно как и частичный отказ от обвинения, может позволить обвиняемому в значительной степени уйти от ответственности. Отсутствие процессуального акта, фиксирующего позицию представителя государства, как мы считаем, не дисциплинирует его и не лучшим образом сказывается на обоснованности принимаемого решения.

Во-вторых, письменная форма для любого вида изменения обвинения необходима и потому, что это позволяет реально гарантировать право на защиту лица от обвинения. Дело в том, что возможны ситуации конкуренции между двумя вариантами трансформации обвинения. Представим, что в суде рассматривается уголовное дело по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 205 УК (кража, совершенная в крупном размере). В ходе судебного заседания государственным обвинителем высказывается позиция об изменении обвинения и переквалификации действий обвиняемого на ч. 2 ст. 205 УК по признаку проникновения в жилище. Такого рода видоизменение обвинительного тезиса находится в полном соответствии с требованиями ч. 4 ст. 301 УПК и является ни чем иным, как квалификацией деяния обвиняемого по статье, предусматривающей ответственность за менее тяжкое преступление. Однако если предположить, что в обвинении признак проникновения в жилище ранее не фигурировал, а обвиняемый вину в совершенном преступлении отрицает, то подобного рода изменение обвинения является одновременно и существенно отличающимся от ранее предъявленного, и менее тяжким. Если в данном случае отказать от вынесения нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого, то мы нарушим право обвиняемого знать, в чем его конкретно обвиняют, лишим его гарантированного ч. 2 ст. 301 УПК времени на подготовку к защите.

В-третьих, письменная форма должна четко отграничить предоставленное государственному обвинителю полномочие на изменение обвинения от его права на изложение собственного мнения по квалификации обвинения на этапе судебных прений. В самом деле, как расценивать ситуацию, когда обвинитель в ходе судебных прений указывает иную, более мягкую квалификацию действий обвиняемого, чем та, которой он придерживался, оглашая обвинение?

Чтобы придти к более полному знанию того, что из себя представляет изменение обвинения государственным обвинителем в суде первой инстанции, нам необходимо рассмотреть основания принятия данного решения.

Действующий УПК не указывает на какие-либо основания для изменения обвинения в суде. Одна часть ученых в данной связи проводит параллель с причинами такого решения, выделяя среди них объективные и субъективные. Первые связываются с наличием в уголовном законе оценочных понятий, с установлением новых фактов, с изменениями в уголовно-процессуальном законе и т.д. Вторые сводятся к различным проявлениям неполноты и односторонности расследования [6, с. 28, 64–83; 7, с. 68, 69]. Из утверждения некоторых авторов о том, что «определяющим для объявления перерыва в судебном заседании по основаниям, указанным в ч. 2 ст. 301 УПК, является инициатива в виде мотивированного ходатайства государственного обвинителя», следует, что основания изменения обвинения отождествляются с его видами [8, с. 14].

На наш взгляд, основания модификации обвинения обладают правом на самостоятельное существование, их нельзя смешивать с видами изменения обвинения. Они имеют не меньшее теоретическое и практическое значение, чем вопрос определения оснований для предъявления обвинения.

Основания изменения обвинения, имея близкое лексическое значение с термином «причина», в уголовно-процессуальном смысле все же необходимо рассматривать изолированно. Причины обвинения – это те обстоятельства объективного и субъективного характера, возникновение которых может внести диссонанс в структурные элементы обвинения. Четкое представление о причинах, которые могут повлиять на устойчивость обвинительного тезиса, поможет предупредить нежелательное затягивание процесса, гарантировать защиту прав его участников. Вместе с тем любые новые факты, установленные по делу, и ошибочные действия должно-

стных лиц не являются сами по себе основаниями для изменения обвинения, они всегда нуждаются в оценке с точки зрения их влияния на обвинение, а точнее сказать, на такое его важнейшее свойство, как обоснованность. Известно, что обоснованность как важнейший качественный признак обвинения предполагает, что его фактическая фабула, формулировка и квалификация должны соответствовать фактическим обстоятельствам совершенного преступления и имеющимся доказательствам по делу [9, с. 124]. Отсюда вытекает утверждение, что именно явление несоответствия структурных элементов обвинительного тезиса друг другу и имеющимся по делу доказательствам позволяет говорить о необходимости изменения обвинения.

Уточним, о чем конкретно идет речь. Структурно обвинение состоит из фактической фабулы, юридической формулировки и правовой квалификации. Основания для изменения обвинения могут возникнуть в различных ситуациях. Так, доказательства по делу могут противоречить фактам, указанным в обвинении, факты и доказательства могут находиться в логическом непротиворечии, однако они могут не соответствовать правовой формулировке и в конечном итоге квалификации преступления. Обобщив все варианты, мы приходим к выводу, что основания изменения обвинения государственным обвинителем в суде первой инстанции выступают:

во-первых, явление несоответствия между установленными и изложенными в обвинении обстоятельствами совершенного преступления (фактическая фабула) и доказательствами по делу;

во-вторых, явление несоответствия правовой квалификации и (или) юридической формулировки фактической фабуле обвинения, либо несоответствие правовой квалификации юридической формулировке обвинения.

Изменение государственным обвинителем обвинения в суде первой инстанции должно представлять собой принимаемое при наличии соответствующих оснований обязательное для суда процессуальное решение государственного обвинителя, которым вносятся поправки в существо и объем обвинения.

Изменение обвинения государственным обвинителем при наличии соответствующих оснований должно являться обязанностью для государственного обвинителя и оформляться постановлением с указанием новой формулировки обвинения, а также оснований и мотивов принятия данного решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаров, С. Изменение квалификации преступлений в судебном разбирательстве / С. Макаров // Уголовное право. – 2003. – № 2. – С. 118–120.
2. Зеленин, С. Зависимость суда от позиции прокурора / С. Зеленин // Законность. – 2001. – № 5. – С. 14–16.
3. О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 5 марта 2004 г., № 1: в ред. от 23 дек. 2008 г. // КонсультантПлюс: Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.
4. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 8 дек. 2003 г., № 18-П // КонсультантПлюс: Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.
5. Ивановский, А. Принцип состязательности в уголовном процессе: первые итоги применения / А. Ивановский // Судовы весн. – 2001. – № 3. – С. 2–4.
6. Добровольская, Т.Н. Изменение обвинения в судебных стадиях советского уголовного процесса / Т.Н. Добровольская. – М.: Юрид. лит., 1977. – 112 с.
7. Ровнейко, В.В. Изменение обвинения в суде первой инстанции по российскому уголовно-процессуальному законодательству: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.В. Ровнейко. – Ижевск, 1996. – 237 л.
8. Калинкович, В. Применение норм УПК судами первой инстанции / В. Калинкович, Л. Дулько // Судовы весн. – 2002. – № 4. – С. 12–16.
9. Давыдов, П.М. Обвинение в советском уголовном процессе / П.М. Давыдов. – Свердловск, 1974. – 136 с.

Дата поступления статьи в редакцию 06.09.2010

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРИЗНАКОВ УМЫШЛЕННОЙ ФОРМЫ ВИНЫ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ХИЩЕНИЯ

ХИЛЮТА В.В.,

доцент кафедры уголовного права и криминологии
Гродненского государственного университета им. Я.Купалы

В статье рассматриваются актуальные проблемы умышленной формы вины при совершении хищения чужого имущества. Автором анализируются уголовные дела, имевшие место в судебной практике, и вырабатываются правила квалификации хищений, совершаемых в имущественной сфере. Рассматриваются ситуации, связанные с возможностью совершения хищений с косвенным умыслом.

In the article actual problems of the deliberate form of fault are considered at fulfilment of plunder of another's property. The author analyzes the criminal cases which were taking place in judiciary practice, and rules of qualification of the plunders made in property sphere are developed. The situations connected with possibility of fulfilment of plunders with indirect intention are considered.

Одним из обязательных признаков хищения является совершение преступного деяния лицом умышленно (нельзя себе представить, чтобы кто-то совершил хищение по неосторожности). В уголовно-правовой литературе почти безоговорочно утверждается, что хищение всегда совершается только с прямым умыслом [1, с. 75; 2, с. 42; 3, с. 19]. Согласно ч. 2 ст. 22 Уголовного кодекса (далее – УК) преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественную опасность своего действия или бездействия, предвидело их общественно опасные последствия и желало их наступления.

Итак, в общем виде субъективная сторона хищения характеризуется прямым умыслом и корыстной целью, общее содержание которых состоит в следующем: а) лицо сознает, что завладевает чужим имуществом или приобретает право на него, совершая противоправные действия, не соответствующие закону; б) виновный предвидит неизбежность причинения своими действиями прямого имущественного ущерба в виде уменьшения имущества собственника (или законного владельца имущества) и приумножения своего; в) лицо желает получить чужое имущество в свое владение или обогатить других лиц за чужой счет.

1. Совершая хищение, виновное лицо, во-первых, должно осознавать общественно опасный характер своего деяния, социальную упречность

своего поведения и неодобрение таких действий обществом и государством в целом. Виновный отдает себе отчет в том, что посягает на сложившийся в обществе экономический порядок и своими действиями причиняет вред интересам личности, общества, государства. Интеллектуальная сторона умысла при хищении охватывает и осознание субъектом всех юридически значимых фактических обстоятельств, которые образуют объективную сторону хищения.

Во-вторых, виновный должен понимать, что, совершая хищение, он завладевает чужим имуществом, которое не принадлежит ему, а является собственностью другого лица. При этом осознание виновным принадлежности данного имущества к собственности другого лица, а равно осознание отсутствия какого-либо права у себя на изымаемое имущество отражает (хотя бы в общих чертах) его субъективное представление о свойствах объекта посягательства [4, с. 282].

Так было отказано в возбуждении уголовного дела по обвинению в грабеже, совершенном В. При выходе из поезда В. не обнаружил своего чемодана. Решив, что он похищен, и увидев у направляющегося к выходу С. чемодан, похожий на пропавший, В. нагнал С. и вырвал у него чемодан, не обращая внимания на протесты. При доставлении С. и В. в дежурную часть ми-

лиции и проверке содержащихся в чемодане вещей, было установлено, что они принадлежат С. [5, с. 120].

В-третьих, виновный всегда действует противоправно и безвозмездно, и это обстоятельство им должно непременно осознаваться. Если виновный фактически имел право на имущество, но нарушил установленный порядок его приобретения (получения), то такие действия не могут быть квалифицированы как хищение, поскольку здесь завладение имуществом продиктовано не корыстными мотивами, а стремлением осуществить свое право на такое имущество, не считаясь с другими и установленным порядком его реализации.

Зарегистрированная в центре занятости как безработная и получающая пособие по безработице Т. выступила учредителем ООО и была зарегистрирована в качестве субъекта предпринимательской деятельности. Не поставив об этом в известность центр занятости, она продолжала получать пособие по безработице. Районным судом Т. была признана виновной в мошенничестве, однако вышестоящей судебной инстанцией было принято решение об отмене приговора в отношении Т. и прекращении производства по делу за отсутствием в ее действиях состава преступления. Как было указано, для привлечения Т. к ответственности за мошенничество необходимо установить, что обвиняемая знала о том, что, став учредителем организации, она не имеет права на получение пособия по безработице и умышленно скрыла это с целью незаконного его получения. Между тем в документах, регламентирующих порядок получения пособия по безработице, с которыми была ознакомлена Т., не было указаний на то, что учредитель какого-либо предприятия считается работающим лицом и не может признаваться безработным, что свидетельствует об отсутствии умысла со стороны Т. на хищение чужого имущества [6].

В-четвертых, сознанием виновного при хищении должно охватываться и то обстоятельство, что он обращает похищенное им имущество в свою пользу или пользу других лиц, включает чужое имущество в сферу чьих-либо материальных интересов (этим хищение отличается от умышленного уничтожения или повреждения имущества, при котором возможно его противоправное изъятие, завершаемое уничтожением этого имущества без включения в чье-либо владение).

2. Помимо всех объективных признаков имущественного посягательства интеллектуальный момент умысла включает в себя предвидение виновным неизбежности причинения своими действиями ущерба собственнику имущества (считается, что ущерб в виде утраты имущества неизбежно сопутствует реализации корыстной цели хищения, поэтому его следует понимать в

качестве желаемого). Этот момент является очень важным, потому как уголовный закон разграничивает сегодня ответственность в зависимости от размера похищенного. Здесь умыслом виновного лица, совершающего хищение, должен охватываться не только причиняемый им материальный ущерб, но и развитие причинной связи между его противоправными действиями и имущественным ущербом.

Временное позаимствование чужого имущества не может расцениваться как хищение. О временном позаимствовании могут свидетельствовать следующие факты: отсутствие сокрытия (маскировки) совершенного преступления; наличие попыток и реальной возможности погасить задолженность из доступных лицу источников (сроки погашения); острое наличие временной необходимости в свободных денежных средствах; информированность лиц о временном изъятии чужого имущества и др. [7, с. 52, 53].

3. Волевой элемент умысла при совершении хищения предполагает желание виновного причинить ущерб владельцу имущества и обогатиться за его счет посредством приумножения своего имущества, введением его в свой оборот. Подтверждением прямого умысла виновного в данном случае выступает корыстная цель, где виновный желает поставить себя или других лиц на место собственника. Важным показателем направленности умысла в подобных случаях является и поведение виновного лица до, во время и после совершения хищения. В случае, если лицо совершает насильственное хищение, то у него может присутствовать прямой умысел по отношению к завладению чужим имуществом и косвенный умысел или неосторожность по отношению к последствиям примененного насилия к потерпевшему.

Направленность умысла имеет существенное значение и служит основанием для разграничения форм и видов хищения. Для этого могут быть использованы следующие правила:

а) при совершении хищения с неопределенным (неконкретизированным) умыслом (например, лицо предвидит, что может похитить имущество в крупном или особо крупном размере) уголовная ответственность наступает за преступление, предусматривающее фактически наступившие последствия;

б) при совершении покушения на хищение с неопределенным (неконкретизированным) умыслом уголовная ответственность должна наступать за деяние, содержащее признаки наименее опасного преступления или иного правонарушения [8, с. 32; 9, с. 82];

в) при совершении хищения с альтернативным умыслом (когда виновный предвидит и в равной мере желает наступления одного из двух конкретизированных последствий) уголовная ответственность должна наступать за фактически причиненный вред;

г) при наличии у лица конкретизированного умысла его действия должны квалифицироваться в соответствии с направленностью умысла (так, если при совершении хищения умысел виновного был направлен на завладение имуществом в крупном или особо крупном размере и он не был осуществлен по независящим от виновного обстоятельствам, содеянное надлежит квалифицировать как покушение на хищение в крупном или особо крупном размере независимо от размера фактически похищенного (при этом дополнительной квалификации совершенного хищения в меньшем размере не требуется);

д) в случае, если виновный заблуждается относительно принадлежности похищаемого имущества, его действия должны расцениваться в зависимости от направленности умысла (ошибочное представление похитителя о личности собственника не влияет на квалификацию хищения);

е) если в случае реализации первоначально возникшего умысла на совершение хищения (например, кражи) его направленность и содержание изменяются и перерастают в более тяжкое хищение (например, грабеж или разбой), то содеянное квалифицируется по наиболее тяжкому из предвиденных и желаемых субъектом последствий;

ж) в случае, если виновный имел реальную возможность похитить имущество в крупном или особо крупном размере, однако завладел менее значительным имуществом (или совершил мелкое хищение), содеянное надлежит квалифицировать по фактически похищенному имуществу;

з) если, совершая хищение, виновный полагает, что имущество еще не поступило в фонды собственника или уже выбыло из его владения, то его действия должны рассматриваться по правилам о фактической ошибке (деяние может квалифицироваться как покушение на причинение имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 УК), присвоение найденного имущества (ст. 215 УК);

и) квалифицирующие признаки, относящиеся к одному из субъектов, участвующих в хищении, не подлежат вменению другим независимо от того, осознавались они этими лицами или нет.

Для того чтобы правильно установить направленность умысла виновного, следует принимать во внимание совокупность различных обстоятельств: наличие материальных ценностей в определенном помещении на момент совершения преступления; знание данного обстоятельства виновным лицом, являлось ли преступление заранее подготовленным; использовал ли преступник технические средства для совершения хищения; наличие возможности изъятия имущества в конкретном объеме виновным и т.д. Полагаем, что выяснение этих, а также иных об-

стоятельств позволит правильно установить направленность умысла виновного и степень его определенности (конкретизированный, альтернативный, неопределенный).

Так, Е. присутствовал в бухгалтерии СПК в момент выдачи заработной платы работникам. Он видел содержимое сейфа и знал, что заработная плата выдана не всем работникам СПК и примерно половина поступившей из банка суммы оставлена кассиром на ночь в сейфе СПК. Решив совершить кражу, Е. проник в бухгалтерию СПК и пытался вскрыть сейф, однако ему не удалось это сделать. После этого Е. скрылся с места происшествия, не доведя свой преступный умысел до конца по независящим от него обстоятельствам. Судом действия Е. были квалифицированы по ч. 1 ст. 14 и ч. 3 ст. 205 УК (покушение на кражу в крупном размере).

В подобном случае важно, чтобы виновный хотя бы приблизительно осознавал размер предполагаемого хищения (в сознании субъекта размер хищения никогда не может быть конкретизирован с точностью до рубля) и его предвидением охватывалась такая возможность. Таким образом, анализируя субъективную сторону хищения, важно установить отношение лица к деянию и его последствиям, и это обстоятельство может в ряде случаев играть решающую роль в определении момента окончания хищения и размера предполагаемого преступления.

Неоднозначен в судебно-следственной практике подход, когда должностное лицо, злоупотребляя своим служебным положением, не имеет цели безвозмездного получения либо выплаты денежных средств, но в последствии в силу результата производственного процесса получает в виде премий, надбавок к заработной плате денежные средства.

Так, семеро сотрудников одного из ОАО органами предварительного следствия обвинялись в хищении путем злоупотребления служебными полномочиями 12,2 млн. рублей. Достоверно зная, что ОАО не выполняет плано-производственные показатели, обвиняемые (в лице директора, его заместителя, начальников цехов) рассчитывали количество готовой продукции, которую необходимо было приписать в отчете каждого цеха, чтобы формально выполнить плано-производственные показатели. В результате такого рода действий ОАО был причинен ущерб в особо крупном размере, однако эти денежные средства выплачивались рабочим в качестве премиальных за выполненную работу, где часть премий предназначалась и некоторым обвиняемым (в среднем по 150 тыс. рублей). Проведенная финансово-хозяйственная экспертиза подтвердила некоторое завышение отчетных данных и необоснованное начисление премий.

Квалификация подобных случаев, как хищения, имеет под собой и правовое обоснование, главным образом сводящееся к тому, что хищение может совершаться и с косвенным умыслом, потому как неизбежным результатом подобных приписок независимо от умысла виновного обязательно является незаконная выплата ему и другим лицам денежных средств, и эти последствия не могут не предвидеться субъектом совершения хищения. Иначе говоря, при совершении хищения с косвенным умыслом завладение чужим имуществом является неизбежным результатом такого поведения виновного, который в качестве основной преследует и иную цель (например, желает получить освобождение от работы посредством представления фиктивного документа, что в дальнейшем влечет незаконное получение зарплаты) [10, с. 42; 11, с. 22]. Базируется же данное утверждение на том, что корыстные мотивы при хищении не являются единственными, они могут сочетаться с другими побуждениями некорыстного характера.

Однако вряд ли в данной ситуации обоснованным будет вывод о том, что обвиняемые похитили 12,2 млн. рублей, скорее они причинили ущерб предприятию на указанную сумму, злоупотребив властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК). В подобных случаях особое внимание необходимо обращать на способ извлечения материальной выгоды и направленность умысла виновных. Само по себе установление завышенных вознаграждений или премий по договорам и контрактам не может служить основанием для квалификации действий по ст. 210 УК. Здесь важно установить и доказать корыстную заинтересованность должностного лица и если таковая имеется, то лишь тогда присутствуют основания для применения ст. 210 УК.

Игнорирование содержания умысла виновных в данном случае приводит к тому, что фактически допускается возможность совершения хищения с косвенным умыслом и без корыстной цели. Однако указание в уголовном законе на цель преступления всегда является показателем прямого умысла, а игнорирование данного обстоятельства порождает принцип объективного вменения.

Судебно-следственной практике уже известны перегибы в данном вопросе, когда преступлением считалось и так называемое хищение в пользу третьих лиц. Жертвами такого толкования были энергичные, предприимчивые хозяйственные руководители (отдельные председатели колхозов, директора совхозов и иных предприятий), которые в нарушение ведомственных инструкций часть получаемых доходов использовали на дополнительную заработную плату колхозникам и рабочим (деньги эти были действительно заработаны последними). Однако раз-

меры таких выплат суммировались, а их присвоение вменялось в вину хозяйственным руководителям как хищение социалистического имущества. Последние приговаривались к длительным срокам лишения свободы даже в случае, если сами никаких сумм не получали. Лишь в середине 80-х годов XX века Верховный Суд СССР отказался от такого понимания хищения [12, с. 269-272].

Правильное установление направленности умысла виновного и мотива его действий помогает отграничить хищение от других преступлений, где лицо хотя и получает противоправным и безвозмездным образом чужое имущество, но умысел при этом направлен не на преступное обогащение, а на достижение иных целей (например, получение средств по подложному больничному листку, представленному в целях оправдания прогула; получение премии в результате представления фиктивных данных о выполненном плане, улучшения показателей в работе с целью показать себя в выгодном свете; изъятие одежды купающихся с целью поставить их в неловкое положение и т.д.). В такой ситуации завладение имуществом по некорыстным мотивам не может рассматриваться как хищение.

Я., являясь должностным лицом – начальником исследовательской лаборатории внедрения новой технологии ОАО, ненадлежащим образом исполнял должностные обязанности, выразившиеся в том, что им не оприходовались должным образом использованные в ходе технологического процесса остатки металла, в результате чего образовались его излишки на сумму более 34 млн. рублей. Органами предварительного следствия Я. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 13, ч. 4 ст. 210 УК. Я. вину не признал и показал, что при изготовлении оборудования лабораторией имело место неиспользование в полном объеме материалов, вследствие чего и образовались излишки, которые списывались с целью использования их в случае отсутствия металла для последующего срочного изготовления необходимого предприятия оборудования и разработки нового (на учет эти излишки не ставились). Каких-либо данных, свидетельствующих о приготовительных действиях со стороны Я. на завладение имуществом, следствие не представило, вследствие чего суд признал виновным Я. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 428 УК.

Таким образом, какие бы трудности не возникали при определении отношения лица к совершаемому деянию, работники правоохранительных органов должны руководствоваться принципом субъективного (а не объективного) вменения при доказывании совершенного лицом хищения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кригер, Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества / Г.А. Кригер. – М., 1974. – 336 с.
2. Матышевский, П.С. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в Украинской ССР / П.С. Матышевский. – Киев, 1972. – 200 с.
3. Калмыков, В.Т. Ответственность за хищение социалистической собственности / В.Т. Калмыков. – Минск, 1974. – 112 с.
4. Бойцов, А.И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. – СПб., 2002. – 775 с.
5. Владимиров, В.А. Квалификация похищений личного имущества / В.А. Владимиров. – М., 1974. – 208 с.
6. Бюл. Верх. Суда Рос. Федерации. – 1997. – № 12. – С. 7–8.
7. Устинов, В.С. Признаки хищений и их оценка аппаратами БХСС / В.С. Устинов. – Горький, 1979. – 88 с.
8. Векленко, В.В. Квалификация хищений чужого имущества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.В. Векленко. – Екатеринбург, 2001. – 52 с.
9. Рарог, А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений / А.И. Рарог. – М., 2006. – 224 с.
10. Тишкевич, И.С. Квалификация хищений имущества / И.С. Тишкевич, С.И. Тишкевич. – Минск, 1996. – 144 с.
11. Красуцких, Л.В. Карательная практика по уголовным делам о хищениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Л.В. Красуцких. – Омск, 2006. – 24 с.
12. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. / А.В. Наумов. – М., 2007. – Т. 2. – 504 с.

Дата поступления статьи в редакцию 11.10.2010

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ И ЛЕЧЕНИЯ

ЧАЙКИН С.Н.,

начальник отдела тылового обеспечения исправительного учреждения
«Исправительная колония № 8» УДИН МВД Республики Беларусь по Витебской области

На основе анализа источников уголовно-исполнительного законодательства выявляется отсутствие законодательного определения порядка назначения принудительных мер безопасности и лечения в отношении лиц, заболевших психическими заболеваниями во время отбывания наказания, и иных мер уголовной ответственности. Обосновывается необходимость внесения в статьи 106 и 107 Уголовного кодекса Республики Беларусь и статью 16 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь изменений, обеспечивающих назначение принудительных мер безопасности и лечения в отношении указанной категории лиц.

According to analyses of sources of criminal executive law there is deficiency of indication in application to this ground when imposing measures of compulsion to socially dangerous people fallen ill with mental disease during the service of sentence and other measures of criminal responsibility. There is necessity to introduce into articles 106 and 107 of the Criminal Code of the Republic of Belarus and article 16 of the Criminal Executive Code of the Republic of Belarus alterations providing with measures of compulsion of safety and medical cure in relation to socially dangerous people fallen ill with mental disease after committing a crime.

Необходимость обеспечения безопасности общества от общественно опасных деяний лиц, страдающих психическими заболеваниями, обусловила законодательное определение принудительных мер безопасности и лечения в отдельном разделе Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 года (далее – УК) в качестве самостоятельного правового института, а также обусловила определение целей и оснований их применения. Вместе с тем не менее важным является вопрос о том, определен ли действующими правовыми актами, основными из которых являются УК, а также Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь (далее – УПК и УИК), порядок назначения указанных мер.

В соответствии с содержанием главы 14 УК психические состояния, при наличии которых возможно назначение принудительных мер безопасности и лечения, можно разделить на две группы: состояния, при которых психические заболевания связаны с наступлением уголовно-правовых последствий (совершением деяния, предусмотренного УК, либо освобождением от наказания), и психические состояния, с наступлением уголовно-правовых последствий не связанные.

К первой группе можно отнести состояния невменяемости, уменьшенной вменяемости, психическое расстройство (заболевание), лишшающее возможности после совершения преступления сознавать значение своих действий или руководить ими, а также имеющиеся на момент совершения преступления заболевания хроническим алкоголизмом, наркоманией либо токсикоманией. Ко второй группе можно отнести психическое расстройство (заболевание), не полностью лишшающее после совершения преступления возможности сознавать значение своих действий или руководить ими, и заболевания после совершения преступления хроническим алкоголизмом, наркоманией либо токсикоманией.

Специфика назначения принудительного лечения в отношении лиц, психическое состояние которых относится к первой группе, заключается в регламентации этого процесса особым правовым актом – УПК. Так, установление указанных психических состояний и психических заболеваний осуществляется в соответствии со статьями 33, 34, 36, 37, 228 УПК, которыми предусмотрено, что если психическое состояние подозреваемых (обвиняемых) дает основания сомневаться в их вменяемости, то по постановле-

нию прокурора, органа дознания, следователя либо определению суда проводится судебно-психиатрическая экспертиза. В отношении лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, наркоманией либо токсикоманией, в соответствии со ст. 107 УК принудительное лечение назначается на основании медицинского заключения. Однако в соответствии с Положением о порядке признания лица больным хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, утвержденным постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 10 июля 2002 г. № 53, в отношении указанных лиц проводится судебно-наркологическая экспертиза [6, с. 2]. Обязательность проведения экспертизы обеспечивается статьей 61 УПК, в соответствии с которой эксперт обязан дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам. Об ответственности за неисполнение без уважительных причин своих процессуальных обязанностей, а также об уголовной ответственности за отказ либо уклонение без уважительных причин от исполнения возложенных на них обязанностей экспертов перед проведением экспертизы во исполнение требований статьи 230 УПК предупреждает руководитель экспертного учреждения. В соответствии с Инструкцией о порядке производства судебно-психиатрической экспертизы в Республике Беларусь, утвержденной приказом Главного государственного судебно-медицинского эксперта Республики Беларусь от 31 июля 2002 г. № 56, судебно-психиатрическая экспертиза проводится судебно-психиатрическими экспертными подразделениями Государственной службы медицинских судебных экспертиз. В заключении судебно-психиатрической экспертизы оценивается психическое состояние подэкспертного как в момент совершения общественно опасного деяния, так и в период экспертизы, определяется диагноз психического заболевания и виды принудительных мер безопасности и лечения, которые можно к нему применить [1, с. 2]. После получения судом заключения судебно-психиатрической (судебно-наркологической) экспертизы и других материалов, имеющих значение для назначения принудительных мер безопасности и лечения, суд для назначения принудительных мер безопасности и лечения в отношении невменяемых либо уменьшенно вменяемых в ходе судебного разбирательства устанавливает факт совершения лицом, страдающим психическим заболеванием, общественно опасного деяния (либо преступления). После доказанности этих фактов суд устанавливает причинную связь между психическим состоянием лица и инкриминируемым ему деянием, то есть наличие состояния невменяемости либо уменьшенной вменяемости, а также определяет степень общественной опасности лица. Для назна-

чения принудительного лечения в отношении лиц, заблывших психической болезнью после совершения преступления, но до постановления приговора, суду, кроме установления факта совершения указанными лицами преступлений, необходимо установить, что имеющееся у лица психическое заболевание является не временным расстройством душевной деятельности, а представляет собой заболевание, принявшее тяжелый и необратимый характер, при котором назначение наказания невозможно. При доказанности наличия указанных обстоятельств суд выносит решение о назначении лицам, страдающим психическими заболеваниями, принудительных мер безопасности и лечения.

Однако, если в отношении лиц, являющихся участниками уголовного процесса, органы и учреждения, назначающие и проводящие судебно-психиатрическую (судебно-наркологическую) экспертизу, указаны и предусмотрены правовые гарантии проведения экспертизы, то в отношении остальных субъектов применения принудительных мер безопасности и лечения эти вопросы действующим законодательством не определены. Так, в статье 16 УИК указано, что если во время отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности будет установлено, что осужденный является психически больным, признан уменьшенно вменяемым либо страдает хроническим алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, орган или учреждение, исполняющее меры уголовно-правового воздействия, направляет в суд представление о назначении такому осужденному принудительных мер безопасности и лечения. Однако процедура, в ходе которой устанавливается наличие у лица психического заболевания, а также учреждения, назначающие эту процедуру и устанавливающие наличие психических заболеваний, указанной статьей не определяются.

Определяя процедуру принудительного установления факта заболевания лиц, отбывающих наказание, либо иных мер уголовной ответственности психическим заболеванием, лишаящим их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими, необходимо отметить, что законодательством об оказании психиатрической помощи предусмотрено два вида таких осмотров – психиатрическое освидетельствование и судебно-психиатрическая экспертиза. Признаки, характеризующие психическое состояние рассматриваемой категории лиц (например, их непосредственная опасность для себя или окружающих либо их беспомощность), допускают возможность назначения и проведения в их отношении принудительного психиатрического освидетельствования. Однако психическое состояние указанных лиц является причиной возникновения специфических правовых последствий – невозможности отбывания нака-

зания, а Законом «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (далее – Закон «О психиатрической помощи») проведение принудительного освидетельствования предусмотрено только для определения, страдает ли лицо психическим заболеванием и нуждается ли оно в психиатрической помощи [4, с. 1]. Вынесение заключения о возможности осужденных отбывать наказание и соответственно о необходимости назначения в их отношении принудительных мер безопасности и лечения указанным законом не предусмотрено. Вместе с тем в соответствии с Методическими указаниями по составлению заключения судебно-психиатрической экспертизы, утвержденными приказом Главного государственного судебно-медицинского эксперта Республики Беларусь от 31 июля 2002 г. № 56, выяснение возможности осужденного, страдающего психическими заболеваниями, отбывать наказание входит в компетенцию судебно-психиатрических экспертных подразделений Государственной службы медицинских судебных экспертиз и устанавливается в ходе судебно-психиатрической экспертизы [5, с. 1]. Если лицо, совершившее преступление, осуждено к наказаниям в виде лишения свободы, ареста, пожизненного заключения, то в соответствии с Инструкцией по медицинскому обеспечению лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь, утвержденной постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 27 августа 2003 г. № 202/39, после определения врачом-психиатром медицинской части учреждения, исполняющего наказание, факта наличия у осужденного психического заболевания, отделом стационарных судебно-психиатрических экспертиз лиц со строгим наблюдением Государственной службы медицинских судебных экспертиз проводится судебно-психиатрическая экспертиза для решения вопроса об освобождении осужденного от наказания [2, с. 79].

Однако на стадии назначения судебно-психиатрической экспертизы возникает проблема правовой гарантии ее проведения. Инструкцией о производстве судебно-психиатрической экспертизы в Республике Беларусь, утвержденной приказом Главного государственного судебно-медицинского эксперта Республики Беларусь от 31 июля 2002 г. № 56, предусмотрена возможность проведения такой экспертизы. Однако ни в УИК, ни в рассмотренных выше Инструкциях не указано на обязанность Государственной службы медицинских судебных экспертиз проведения экспертизы. Статьей 37 УПК обязанность эксперта дать обоснованное заключение по поставленным перед ним вопросам предусмотрена только в случае его участия в уго-

ловном процессе по постановлению органов уголовного преследования и суда. При этих же условиях предусмотрена ответственность за отказ или уклонение без уважительной причины от проведения экспертизы. В иных случаях ее проведение является правом, но не обязанностью Государственной экспертной службы, что на практике приводит к отказам подразделений этой службы в проведении судебно-психиатрических экспертиз. Таким образом, в соответствии с действующим законодательством гарантия проведения экспертизы в отношении лиц, заболевших во время отбывания наказания, возможна только после приобретения как указанным лицом, так и учреждением, исполняющим наказание, правового статуса участников уголовного процесса, то есть только после совершения лицом, заболевшим психическим заболеванием, нового преступления или общественно опасного деяния. В итоге законодательством не обеспечивается достижение одной из целей принудительных мер безопасности и лечения – предупреждения совершения новых преступлений либо общественно опасных деяний.

Не определен законодательно вопрос и о назначении и проведении судебно-психиатрической экспертизы в отношении рассматриваемой категории лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, либо иным мерам уголовной ответственности. Инструкцией о производстве судебно-психиатрической экспертизы в Республике Беларусь возможность проведения такой экспертизы и соответственно возможность вынесения заключения о невозможности дальнейшего отбывания наказания предусмотрена только в отношении лиц, осужденных к лишению свободы. В соответствии со статьей 14 УИК наказание в виде исправительных работ и контроль за осужденными с отсрочкой исполнения приговора либо с условным неприменением наказания осуществляется уголовно-исполнительными инспекциями по месту жительства осужденных. Порядок работы этого органа определяется Инструкцией по организации работы уголовно-исполнительных инспекций, утвержденной постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 30 ноября 2000 г. № 211. Однако указанной Инструкцией органы и учреждения, как назначающие, так и проводящие экспертизы, не определены. Отсутствие правовой регламентации назначения принудительных мер безопасности и лечения и правовых гарантий их назначения в отношении лиц, заболевших после совершения преступления психическими заболеваниями, лишаящими их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими, некажущие этим лицам психиатрической помощи может привести к нарастанию тяжести психических заболеваний и в конечном итоге – к воз-

никновению высокой вероятности совершения ими новых общественно опасных деяний либо преступлений. Указанная проблема еще более актуальна в связи с тем, что в рамках назначения мер недобровольной психиатрической помощи принудительное лечение в отношении рассматриваемой категории лиц осуществляться не может.

В отличие от назначения принудительных мер безопасности и лечения лицам, психическое заболевание которых обусловило наступление уголовно-правовых последствий, особого порядка назначения принудительного лечения лицам, частично утратившим возможность сознавать значение своих действий либо руководить ими, а также заболевшим хроническим алкоголизмом, наркоманией либо токсикоманией после совершения преступления, законодательством не предусмотрено. Инструкцией по медицинскому обеспечению лиц, содержащихся в учреждениях УИС, определено, что при выявлении в учреждении лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, наркоманией либо токсикоманией, им предлагается пройти курс лечения в добровольном порядке. При отказе осужденного от лечения комиссией учреждения выносится заключение о необходимости назначения им принудительных мер безопасности и лечения, после чего заключение направляется в суд. Однако осуществление указанных действий Инструкцией предусмотрено только в отношении осужденных, которым наряду с наказанием уже назначались указанные принудительные меры и которыми после прекращения в их отношении принудительного лечения был допущен алкогольный срыв (или повторное употребление наркотических средств) [2, с. 80]. В данном случае законодательно определено не назначение принудительных мер безопасности и лечения лицу, у которого хронический алкоголизм, наркомания, токсикомания выявлены впервые, а продление лечения, ранее уже назначавшегося указанным лицам, наряду с назначением наказания.

Этой же Инструкцией направление психически больных, осужденных к аресту, лишению свободы либо пожизненному заключению, на судебно-психиатрическую экспертизу предусмотрено только при решении вопроса об освобождении осужденных от отбывания наказания в связи с наличием у них хронического психического заболевания (то есть такого заболевания, при котором лицо полностью лишено возможности сознавать значение своих действий или руководить ими). Направление же на экспертизу лиц, лишенных этой возможности не в полной мере, рассматриваемой Инструкцией не предусмотрено. Также в соответствии с Инструкцией о производстве судебно-психиатрической экспертизы такая экспертиза проводится для установле-

ния необходимости применения принудительных мер безопасности и лечения только к лицам, заболевшим после совершения преступления душевной болезнью, полностью лишаящей их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими. Проведение экспертизы в отношении иных категорий лиц указанной Инструкцией не предусмотрено. Определение органа либо учреждения, назначающего и исполняющего процедуру установления психических заболеваний у осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, в Инструкции по организации работы уголовно-исполнительных инспекций также отсутствует.

Однако, в отличие от лиц, психические заболевания которых связаны с наступлением уголовно-правовых последствий, принудительное лечение рассматриваемой группы лиц можно осуществлять не только в ходе исполнения принудительных мер безопасности и лечения, но и в ходе реализации мер недобровольной психиатрической помощи, осуществляемой на общих основаниях в отношении лиц, преступлений не совершавших. В соответствии с Инструкцией по медицинскому обеспечению лиц, содержащихся в учреждениях УИС, наличие у осужденных психических заболеваний осуществляется врачами-психиатрами медицинских частей учреждений, исполняющих наказание, после чего в отношении указанных лиц осуществляется принудительное диспансерное наблюдение в соответствии с Законом «О психиатрической помощи». На основании этого же закона в отношении лиц, не полностью утративших возможность сознавать значение своих действий или руководить ими, осужденных к иным наказаниям и мерам уголовной ответственности, установление диагноза и оказание психиатрической помощи осуществляется представителями территориального специализированного лечебно-профилактического учреждения [4, с. 9].

На общих основаниях с лицами, к уголовной ответственности не привлекавшимися, осуществляется оказание психиатрической помощи лицам, у которых после совершения преступления было выявлено заболевание хроническим алкоголизмом, наркоманией либо токсикоманией. В случае, если злоупотребление алкоголем или наркотическими средствами обуславливает непосредственную опасность этих лиц для себя либо окружающих (например, в случаях острых интоксикационных психозов), врачами-психиатрами территориальных специализированных лечебно-профилактических учреждений в соответствии с Законом «О психиатрической помощи» осуществляется принудительное освидетельствование и постановка их на диспансерный учет [4, с. 7]. Если психическое заболевание таких последствий не обуславливает, то в соответствии с Положением о порядке признания лица больным хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией наркологическое осви-

детельствование для установления диагноза зависимости от алкоголя или наркотических веществ в отношении таких лиц осуществляется врачом-психиатром либо при оказании медицинской помощи, связанной с употреблением алкоголя или наркотических веществ, либо по мотивированным направлениям правоохранительных органов [6, с. 3]. Если же указанные лица в состоянии алкогольного опьянения либо в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, совершают административные правонарушения за что три и более раза в течение года привлекаются к административной ответственности, то их освидетельствование осуществляется в соответствии с Законом Республики Беларусь от 4 января 2010 года «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них» на основании постановления начальника органа внутренних дел или его заместителя, после чего при установлении наличия у освидетельствуемых хронического алкоголизма либо наркомании направляются судом в лечебно-трудовой профилакторий [3, с. 1].

Таким образом, порядок назначения принудительных мер безопасности и лечения в отношении лиц, психическое состояние которых связано с наступлением уголовно-правовых последствий, в полной мере определен в отношении лиц, являющихся участниками уголовного процесса. В отношении лиц, заболевших во время отбывания наказания в виде лишения свободы, ареста, пожизненного заключения психической болезнью, лишаящей их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими, законодательно не установлены правовые гарантии проведения судебно-психиатрической экспертизы, а в отношении указанных лиц, осужденных к иным наказаниям и мерам уголовной ответственности, законодательно не определены также органы, назначающие и проводящие экспертизы. В отношении лиц, психическое состояние которых с наступлением уголовно-правовых последствий не связано, действующим законодательством не определено ни назначение, ни проведение процедуры установления психического заболевания.

Решением данной проблемы может быть внесение в УК и УИК изменений, которые обеспечат либо назначение принудительных мер безопасности и лечения в отношении всех категорий

субъектов применения принудительного лечения, либо исключение лиц, психическое состояние которых с наступлением уголовно-правовых последствий не связано, из перечня субъектов назначения принудительного лечения. В связи с тем, что назначение принудительного лечения лицам, психическое состояние которых связано с наступлением уголовно-правовых последствий, возможно только в рамках принудительных мер безопасности и лечения, в статье 16 УИК необходимо определить подразделения Государственной экспертной службы в качестве органа, осуществляющего производство судебно-психиатрической экспертизы, и установить обязанность ее проведения в отношении лица, заболевшего после совершения преступления психическим заболеванием, в связи с которым оно лишается способности сознавать значение своих действий или руководить ими, а также установить обязанность назначения экспертиз в отношении указанных осужденных уголовно-исполнительными инспекциями.

Напротив, лицам, психическое состояние которых с наступлением уголовно-правовых последствий не связано – заболевшим после постановления приговора психическим заболеванием (расстройством), не полностью лишаящим их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими, либо заболевшим хроническим алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией, оказание психиатрической помощи осуществляется наряду с лицами, преступлений не совершавшими. Учитывая, что указанные психические состояния как на совершение преступления, так и на способность лица к отбыванию наказания никакого влияния не оказывают, представляется возможным исключить их из перечня психических состояний, указанных в статьях 101, 106 и 107 УК, при которых назначаются принудительные меры безопасности и лечения. Предлагаемая редакция УК позволит назначать принудительные меры безопасности и лечения в отношении лиц, действительно нуждающихся в применении этих мер, и повысит эффективность достижения цели принудительных мер безопасности и лечения – предупреждения совершения психически больными новых преступлений либо общественно опасных деяний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инструкция о порядке производства судебно-психиатрической экспертизы в Республике Беларусь: утв. Приказом Глав. гос. судеб.-мед. эксперта Респ. Беларусь от 31 июля 2002 г. № 56 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

2. Инструкция по медицинскому обеспечению лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы МВД Республики Беларусь: утв. постановлением М-ва здравоохранения Респ. Беларусь и М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 27 авг. 2003 г. № 202/39 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

3. О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них: Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 104-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

4. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Закон Респ. Беларусь, 1 июля 1999 г., № 274-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

5. Методические указания по составлению заключения судебно-психиатрической экспертизы: утв. Приказом Глав. гос. судеб.-мед. эксперта Респ. Беларусь от 31 июля 2002 г. № 56 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

6. Положение о порядке признания лица больным хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией: утв. постановлением М-ва здравоохранения Респ. Беларусь от 10 июля 2002 г. № 53 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

Дата поступления статьи в редакцию 04.11.2010

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПИСЬМА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

АКУЛОВА И.А.,

адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

В статье проводится сравнительно-исторический анализ криминалистического исследования письма на всех этапах его становления и развития, рассматриваются современные виды и направления экспертных исследований в данной отрасли криминалистики, освещаются различные подходы к классификации, противоречия в определении места почерковедческой и автороведческой экспертиз в общей теории криминалистики, их предмета, объекта и задач в научной, учебной и методической литературе.

The author of the article gives a comparative historical analysis of the criminalistic examination of handwritten documents at all stages of its formation and development, investigates modern kinds and trends of expert examinations in the given sphere of criminalistics, reveals different approaches to the classification, contradictions in defining the place of handwriting examination and authorship identification in the general theory of criminalistics, their subject, object and tasks in scientific literature and manuals.

Одной из высших психических функций человека является письмо, которое представляет собой сложный механизм, включающий в себя графические элементы (своеобразие начертания письменных знаков), технические особенности (манеру держания пишущего прибора, расположение листа бумаги при письме) и навыки письменной речи (уровень грамотности, словарный состав). Любая рукопись может быть изучена с точки зрения графических характеристик письма (почерка) и реализации речевых навыков (письменной речи). Почерк чаще всего является предметом идентификационного исследования при решении вопроса об исполнителе текста, а письменная речь – при решении вопроса об авторе анонимного или псевдонимного текста.

Возникновение экспертизы письма напрямую связано с появлением письменности и имеет долгую историю развития. В Древнем Риме во времена правления императора Юстиниана (V–VI века) судебные споры о подлинности или подложности документов решались с помощью исследования письма [10, с. 20]. Проявления интереса к связи почерка с личностью писавшего можно найти в сочинениях Аристотеля, Дионисия Галикарнасского, Светония и других древних авторов [17, с. 139].

Начальным этапом в развитии экспертизы письма можно считать XVI–XVII века, когда появляются первые сведения об исследованиях документов, фигурировавших в судебном процессе. Данное направление обычно называют

каллиграфическим, так как в роли экспертов чаще всего привлекались приказные и площадные дьяки и подьячие, которые в то время выполняли функции переписчиков-каллиграфов. Первый зафиксированный случай проведения каллиграфической экспертизы в Русском государстве произошел в 1508 году по судебному делу о покупке Даниилом и Давидом Кемскими «вотчины Кодобое и сельца Гридинское с деревнями» у Федора Кемского [17, с. 155]. Когда продавец умер, его жена, княгиня Анна Кемская, оспорила совершение сделки, в результате чего покупатели были вынуждены обратиться в суд. По решению судей было произведено сравнение почерков спорной купчей и представленных рукописных образцов. Примеры исследования письма в судебных тяжбах XVI–XVII веков приводят в своих работах историк криминалистики И.Ф.Крылов [17, с. 156; с. 175–176] и палеограф Л.В.Черепнин [22, с. 29–30]. Впервые в конце XVII века уставом от 9 декабря 1699 г. «О порядке исследованья подписей на крепостных актах в случае возникшаго о подлинности оных спора, или сомнения, о писании крепостей в поместных и вотчинных делах с Поместном приказе, а не на Ивановской площади, и о потребном числе свидетелей, для подписания крепостных актов» [20, с. 678] законодательно устанавливается порядок исследования сомнительных документов. В XVIII–XIX веках вместо дьяков и подьячих в качестве экспертов стали приглашать секретарей, письмоводителей, учителей чистописания, граверов, литографов.

В Своде законов 1857 года эта экспертиза была узаконена следующим образом: «Рассмотрение и сличение почерков производится назначенными судом, сведущими в том языке, на коем написаны и подписаны сличаемые документы, достойными веры людьми, не отведенными ни которым из тяжущихся, когда можно секретарями присутственных мест, учителями чистописания или другими преподавателями из находящихся в том месте или поблизости учебных заведений и вообще лицами, которые по заключению надлежащих присутственных мест, могут в сем случае быть признаны сведущими» [13, с. 22]. В Европе в этот же период происходят сходные процессы. В 1570 году в Париже образована Корпорация присяжных мастеров-письмоведов по исследованию почерков и подписей, получившая в 1595 году от короля Генриха IV патент на право производства экспертиз (в 1727 году была преобразована Людовиком XV в Академию и просуществовала до 1792 года). Появляются первые самостоятельные сочинения о распознавании и сравнении почерков и подписей, о связи личности человека с его почерком. К самым известным относятся работа француза Франсуа Демеля «Советы по распознаванию поддельных рукописей и сравнению почерков и подписей для того, чтобы уметь видеть и обнаруживать всякие подделки; с подробным и полным объяснением искусства письма; о том, как распознать и расшифровать скрытые и тайные письма» (1609), трактат итальянца Камилло Бальдо «Рассуждение о способе узнавать обычаи и качества писавшего по письму» (1622), сочинение француза Жака Равено «Трактат об исследовании письма» (1665) [9, с. 192].

Как видно из приведенных выше примеров, основному вниманию при исследовании подвергался почерк, в то время как признаки письменной речи анализировались в очень редких случаях. Так, в качестве одного из подобных случаев можно привести сохранившиеся в исторических документах сведения о спорном деле между землевладельцами XVII века (1622 год) о праве на владение двумя беглыми девушками Марией и Варварой Фофоновыми. Князя Тимофей и Федор Долгорукие, одна из сторон тяжбы, представили в качестве документа, удостоверявшего их владельческие права, «раздельную запись», в которой отец этих девушек Яков Фофонов значился в числе доставшихся им крестьян. Когда пригласили подъячих Ивановской площади*, то они указали, что в документе имеется подделка. Установлено это путем анализа начертаний букв, написания имени (был проведен грамматический анализ падежных окончаний в фамилии Якова Фофонова) и чернил [23, с. 349].

Безусловно, как и любой зарождающийся институт, экспертиза письма на каллиграфиче-

ском этапе не имела научных основ, а сам процесс исследования «сводился лишь к выявлению сходства или различия внешнего начертания отдельных букв в сравниваемых рукописях» [10, с. 20], что приводило к многочисленным ошибкам [9, с. 127].

Формирование научно-практической базы современных исследований письма началось в конце XIX – начале XX века. Предвестником криминалистического этапа экспертизы письма был сигналитический (приметоописательный) подход. Основателем данного направления является французский криминалист А.Бертильон. В 1897 году он изложил результаты соответствующих научных разработок в статье «Сравнение почерков и графическая идентификация». Цель его исследования состояла в выделении типовых, наиболее броских элементов почерка, анализе их особенностей, а также в разработке для них единой терминологии и единого способа измерений по ранее разработанному самим А.Бертильоном методу словесного портрета. Главным недостатком этого направления являлись его механистичность, игнорирование особенностей формирования письменного-двигательного навыка.

Автором графометрического метода как разновидности приметоописательного направления являлся французский исследователь-эксперт Э.Локар, впервые предпринявший попытку научного обоснования возможности идентификации личности с помощью различных измерений почерка. При этом качественная сторона вопроса идентификации исключалась из рассмотрения, и вся ответственность за выводы экспертизы переносилась на статистику [18, с. 22].

Основателем графологии считается аббат Ж.Мишон, предложивший термин «графология» и создавший собственную школу. К наиболее известным трудам о связи личности человека с его почерком относятся ранее упоминавшиеся работы Франсуа Демеля, Камилло Бальдо, Жака Равено. «В графологии была сделана попытка связать графику письма с некоторыми психическими особенностями личности пишущего. Однако стремление это намного опережало научное обоснование подобной связи, превращая графологию в технику толкования психических особенностей пишущего по почерку, чрезвычайно произвольную и субъективную.» [10, с. 22]. Одним из наиболее известных псевдонаучных направлений в графологии конца XIX века является реакционное учение основателя французской антропологической школы Ч.Ломброзо. В 1895 году в своей работе «Руководство по графологии» он попытался экспериментально доказать наличие взаимозависимости специфиче-

* Писавшие акты на площади около колокольни Ивана Великого в Московском Кремле.

ских особенностей графики «прирожденных преступников» и их криминальных наклонностей.

Все перечисленные подходы в экспертизе письма характеризуются тем, что основному вниманию при исследовании подвергался почерк, в то время как признаки письменной речи анализировались в очень редких, наиболее очевидных случаях, оставаясь по большому счету вне сферы интересов и компетенции ученых и практиков. Впервые проблема исследования признаков письменной речи была поднята только в криминалистическом почерковедении.

Необходимость исследовать содержание письма подчеркивалась Г.Гроссом, Е.Ф.Буринским, С.М.Потаповым, А.И.Винбергом. Вместе с тем до возникновения автороведения навыки письменной речи и почерка рассматривались как единая совокупность и лишь в сочетании друг с другом. Данный подход представляется не совсем верным, так как признаки почерка указывают на исполнителя, а признаки письменной речи – на автора текстового документа, что предполагает необходимость их самостоятельного исследования. Именно этот принцип в дальнейшем послужил причиной разделения экспертизы письма на почерковедческую и автороведческую. Кроме того, методы изучения признаков письменной речи, которые предполагали преимущественно качественный оценочный анализ речевых структур, были недостаточно объективны. Долгое время не существовало единого подхода к определению идентификационных признаков письменной речи [18, с. 27–29]. Только благодаря усилиям ряда ученых, учету теоретического и практического опыта, накопленного такими науками о языке и речи, как филология (включая лингвистику), психология, нейробиология и стилометрия, постепенно были созданы основы современных идентификационных, классификационных и диагностических исследований признаков письменной речи. Наиболее значимый вклад в развитие теоретических и методических принципов исследования признаков письменной речи внесли труды Г.Д.Марковой, Б.В.Комаринца, В.К.Войнова, Л.Е.Ароцкера, Э.У.Бабаевой, О.К.Дамбраускайте, С.М.Вула, В.И.Батова и др. Формирование автороведческой экспертизы в криминалистике началось в конце 60-х годов в работах Э.У.Бабаевой [11, с. 64], которые были посвящены разработке идентификационных признаков и методов исследования письменной речи [4; 5; 3; 2]. Значительный прогресс в развитии современного автороведения, его научно-методических положений сделан благодаря усилиям таких ученых, как С.М.Вул, Т.В.Гомон, Е.И.Горошко, Е.И.Галяшина.

В настоящий момент «научной основой судебно-автороведческой экспертизы является

система знаний об условиях и закономерностях речевого поведения человека, обуславливающих индивидуальность, динамическую устойчивость, вариативность его письменной речи» [12, с. 122], и о методах ее исследования с целью получения криминалистически значимой розыскной и доказательственной информации. Автороведческая экспертиза решает идентификационные, классификационные и диагностические задачи. Автороведческая идентификация позволяет установить, является ли определенное лицо автором текста конкретного документа, является ли определенное лицо автором нескольких документов или какого-либо фрагмента текста документа, а также является ли исполнитель документа его автором. При решении классификационных задач эксперт устанавливает групповую принадлежность автора документа, выявляет особенности его социального статуса (пол, возраст, родной язык (диалект), уровень образования, профессиональную принадлежность, хобби). К диагностическим относятся задачи по установлению условий составления текста (факта намеренного искажения письменной речи, наличия необычного психофизиологического состояния). В отдельных случаях для получения исчерпывающей доказательственной информации автороведческая экспертиза проводится в рамках комплексного экспертного исследования с участием специалистов в области судебного почерковедения, судебной психиатрии и иных.

На современном этапе различают следующие виды криминалистического исследования документов: криминалистическое исследование почерка (почерковедение), криминалистическую идентификацию автора текста (автороведение) и технико-криминалистическое исследование документов [15, с. 305]. Вместе с тем в учебных изданиях и научных статьях недостаточно четко прослеживаются границы между предметом, объектами и задачами почерковедения и автороведения. Авторы некоторых учебников по криминалистике отождествляют или объединяют по смыслу понятия «криминалистическое исследование письма», «криминалистическое исследование письменной речи» и «почерковедение», что является гносеологической ошибкой в познании таких явлений, как «письмо», «письменная речь» и «почерк». Например, в одном учебнике криминалистическим исследованием письма названо судебное почерковедение [1, с. 270], в другом – автороведение [6, с. 179–180]. Оба подхода представляются неверными, так как письмо – это «знаковая система фиксации речи, позволяющая с помощью начертательных (графических) элементов передавать речевую информацию на расстоянии и закреплять ее во времени» [19, с. 571]. Таким образом, письмо, включая в себя графическую (знаковую систему) и смысловую (речевую информацию) стороны, является предметом исследо-

вания не только почерковедческой, но и автороведческой экспертизы. Следовательно, и та и другая в равной степени относятся к криминалистическому исследованию письма. Отдельные авторы, отождествляя почерковедение и криминалистическое исследование письма, и вовсе лишают автороведение «права на существование», относя установление автора документа и его групповой принадлежности к задачам судебно-почерковедческой экспертизы [7, с. 100–101; 16, с. 166–178]. Существуют и иные подходы к классификации, при которых судебно-почерковедческая, судебно-автороведческая и лингвистическая экспертизы относятся к классу судебных речеведческих экспертиз [21, с. 73–158], что свидетельствует о формировании новых направлений в теории и практике экспертных исследований, а следовательно, и в криминалистике. В целом складывается впечатление, что, невзирая на усилия ученых в создании и обосновании теоретических и методических основ автороведения и объективные процессы накопления и систематизации, интеграции и дифференциации научного знания в данной сфере, теория криминалистики продолжает рассматривать данное направление не как самостоятельный вид исследования, а как часть почерковедения, исторически складывавшегося как криминалистическое исследование письма. Тогда возникают вопросы, почему автороведение в отличие от почерковедения не относят к традиционным криминалистическим экспертизам и на каком основании часть отделяется от целого.

Также устоявшимся, обусловленным историческим процессом становления и развития криминалистической экспертизы письма является мнение большинства авторов научной, учебной и методической литературы о необходимости исследования признаков письменной речи в рамках не только автороведческой, но и почерковедческой экспертизы [10; 15, с. 309; 1, с. 271; 7, с. 93–95; 14, с. 240]. Однако анализ литературы ставит под сомнение целесообразность подобного подхода по ряду причин. Во-первых, чаще всего речь сводится к простой констатации самого факта существования в письме признаков письменной речи, их перечислению и делению на общие и частные, в то время как превалирующее большинство описываемых методик судебно-почерковедческой экспертизы по установлению исполнителя документа направлено на исследование именно почерковой (графической) и топографической информации. Вместе с тем все ученые отмечают тот факт, что признаки письменной речи в почерковедении не имеют самостоятельного значения [7, с. 101] или второстепенны по отношению к признакам почерка [1, с. 271], а также то, что они

в значительно большей степени характеризуют автора, а не исполнителя документа [7, с. 35; 8, с. 41]. Таким образом, идентификация исполнителя по признакам письменной речи возможна только в том случае, если заведомо известно, что он одновременно является автором исследуемого текста. Во-вторых, полный и достоверный анализ содержащейся в письме речевой информации требует от эксперта специальных знаний почти во всех отраслях современной лингвистики и смежных дисциплинах, составляющих систему знаний об условиях и закономерностях речевого поведения человека. Однако на практике эксперты-почерковеды редко обладают подобными знаниями в надлежащей степени, что снижает степень информативности полученных результатов. В-третьих, именно в автороведении разработаны методы не только качественного, но и количественного анализа письменно-речевых структур в тексте с целью выявления общих и частных признаков, их достоверного, полного и объективного исследования.

Следует признать тот факт, что развитие компьютерных технологий и технических средств и способов печати приводит к уменьшению количества выполняемых рукописным способом текстов и, как следствие, к сокращению объема почерковых объектов. Данный факт делает автороведческие исследования особенно значимыми и востребованными при расследовании преступлений, когда письменный документ является единственным вещественным доказательством вины подозреваемого или важным источником розыскной информации, установить которую по почерку не представляется возможным.

Так что же представляет собой современное криминалистическое автороведение? Как и в каком качестве оно соотносится с криминалистическим исследованием письма? Наличие несоответствий и противоречий в научной (общетеоретической и отраслевой), а тем более в учебной и методической литературе может привести к формированию ошибочных представлений в процессе усвоения теоретических знаний, к усложнению процесса их применения в практической деятельности. Очевидно, что определение места автороведения и почерковедения в криминалистике, разграничение предмета, объекта и задач каждого из этих направлений имеет большое значение для создания единой, упорядоченной, взаимосвязанной и четко структурированной системы, которую представляет собой любая наука.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянова, Т.В. Криминалистика: учеб. / Т.В. Аверьянова [и др.]. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2008. – 994 с.
2. Бабаева, Э.У. К проблеме отождествления личности по признакам письменной речи / Э.У. Бабаева // Правоведение. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – № 5. – С. 124–128.
3. Бабаева, Э.У. Криминалистическая идентификация личности по признакам письменной речи / Э.У. Бабаева // Вопросы современного развития советской юридической науки: тезисы докл. науч. конф., посвящ. 50-летию сов. гос-ва и права, Ленинград, 5–7 июня 1968 г. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – С. 124–125.
4. Бабаева, Э.У. Криминалистическое исследование анонимных документов с целью идентификации личности по признакам письменной речи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.717 / Э.У. Бабаева; науч. рук. И.Ф. Крылов; Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Л., 1970. – 18 с.
5. Бабаева, Э.У. Некоторые экспериментальные данные о возможности применения количественных методов с целью идентификации личности по признакам письменной речи / Э.У. Бабаева, И.Ф. Крылов // Применение математических методов и вычислительной техники в праве, криминалистике и судебной экспертизе: материалы симпозиума. – М., 1970. – С. 122–123.
6. Балашов, Д.Н. Криминалистика: учеб. / Д.Н. Балашов, Н.М. Балашов, С.В. Маликов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. образование: ИНФРА-М, 2009. – 503 с.
7. Бобовкин, М.В. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: курс лекций / М.В. Бобовкин; под ред. В.В. Серегина. – Волгоград: ВА МВД России, 2002. – 228 с.
8. Бурейко, В.Ф. Научные основы идентификации личности по почерку / В.Ф. Бурейко // Проблемы криминалистики: сб. науч. тр. / Академия МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2007. – Вып. 5. – С. 40–45.
9. Буринский, Е.Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею / Е.Ф. Буринский. – СПб.: Тип. товарищества печат. и издат. дела «Труд», 1903. – VI+352 с.
10. Винберг, Л.А. Почерковедческая экспертиза: учеб. для вузов МВД / Л.А. Винберг, М.В. Шванкова; под ред. Р.С. Белкина. – Волгоград: НИИРИО ВСШ СССР, 1977. – 174 с.
11. Галяшина, Е.И. Методологические основы судебного речеведения: дис. ... д-ра юрид. наук: 10.02.21 / Е.И. Галяшина. – М., 2003. – 553 с.
12. Галяшина, Е.И. Основы судебного речеведения: моногр. / Е.И. Галяшина; под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: СТЭНСИ, 2003. – 236 с.
13. Жижина, М.В. Судебно-почерковедческая экспертиза документов / М.В. Жижина; под ред. проф. Е.П. Ищенко. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 176 с.
14. Криминалистика: учеб. для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – 943 с.
15. Криминалистика: учеб. / отв. ред. Н.П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. – 781 с.
16. Криминалистика: учеб. / под общ. ред. А.Г. Филиппова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. образование, 2009. – 835 с.
17. Крылов, И.Ф. В мире криминалистики / И.Ф. Крылов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 328 с.
18. Леонтьев, А.А. Речь в криминалистике и судебной психологии / А.А. Леонтьев, А.М. Шахнарович, В.И. Батов. – М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1977. – 62 с.
19. Письмо // БСЭ. – 3-е изд. – М., 1975. – Т. 19. – С. 571–576.
20. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – Т. III, 1732. – Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 691 с.
21. Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и практика: науч.-практ. пособие / под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Юрайт, 2010. – 535 с.
22. Черепнин, Л.В. Русская палеография / Л.В. Черепнин. – М.: Изд-во полит. лит., 1956. – 616 с.
23. Яковлев, А.И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. / А.И. Яковлев. – М.; Л.: АН СССР, 1943. – 564 с.

Дата поступления статьи в редакцию 12.10.2010

УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА В ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ

ДМИТРИЕВА Т.Ф.,

начальник отдела оперативного реагирования и криминалистического сопровождения раскрытия преступлений экспертно-криминалистического центра УВД Витебского облисполкома

В статье анализируется проблема отождествления терминов «специальные знания» и «специальные познания», «сведущее лицо» и «специалист», определяется сущность данных понятий. Приводятся авторские определения понятий «специальные знания» и «специалист», которые предлагается закрепить в УПК Республики Беларусь. Для обеспечения гарантии добросовестности специалиста при проведении осмотра места происшествия автор предлагает ввести в УК и УПК Республики Беларусь норму об уголовной ответственности специалиста за отказ или уклонение от выполнения своих обязанностей, а также за предоставление заведомо ложных сведений и за заведомо неправильные действия, которые повлекли или могли повлечь утрату следов преступления и вещественных доказательств. Для уменьшения временных затрат на поиск и определение компетентности специалиста нужной области знаний автор предлагает создание Единого национального ведомственного реестра сотрудников правоохранительных органов, имеющих право самостоятельного участия в осмотрах мест происшествий и других следственных действиях. Проведенное исследование поможет оптимизировать процесс участия специалиста в осмотре места происшествия.

The problem of identification of the terms «special knowledge» and «special experience», «knowledgeable person» and «expert» is commented in the article, the essence of these concepts is determined. The author's definitions of the terms «special knowledge» and «expert» are given, they are offered to enter in the Criminal Procedure Code (CPC) of the Republic of Belarus. In order to guarantee the integrity of the expert during the inspection of crime scene, the author prompts the rule of criminal responsibility of the expert in the Criminal Code (CC) and CPC of the Republic of Belarus for failure or refusal to fulfill duties, and also for providing false information and for obviously incorrect actions, that caused or could cause the loss of traces of the crime and evidence. In order to reduce the time spent for search and identification of expert competence in the required area of expertise, the author proposes to create the Unified National Departmental Roster of Law Enforcement, which has the right to self-involvement into the inspection of crime scene and other investigations. This study will contribute to the optimization of the process of the participation of expert in the inspection of crime scene.

Осмотр места происшествия (далее – ОМП) является одним из важнейших следственных действий, так как именно его результаты могут дать возможность установить обстоятельства преступления и изобличить преступника. Потерю или уничтожение следов преступления в ходе ОМП зачастую невозможно восполнить путем проведения других следственных действий. В свою очередь, обнаружить в ходе данного неотложного следственного действия следы пре-

ступления, обеспечить полноту их фиксации и грамотное изъятие невозможно без наличия специальных знаний и навыков применения технико-криминалистических средств. Конечно, для установления всех обстоятельств совершенного преступления следователь (дознатель) должен обладать необходимым объемом специальных знаний в области криминалистики, но на современном этапе технического и научно-го прогресса для обеспечения эффективности

проводимых мероприятий ему не обойтись без помощи лиц, обладающих специальными знаниями в той или иной области. Одной из форм использования специальных знаний является участие специалиста в следственных действиях, в том числе в осмотре места происшествия. Именно специалист способен качественно и результативно применить в ходе ОМП технические средства и криминалистические методы, от чего напрямую зависит успех раскрытия и расследования преступлений.

В этой связи актуальность рассматриваемой темы весьма высока, поскольку сегодня уровень и темпы развития технических средств стремительно растут и способность уловить изменения и освоить их применение на практике далеко не каждому под силу. Так, результаты проведенного анкетирования 30 следователей прокуратуры, 317 сотрудников предварительного расследования (далее – ПР) и 307 сотрудников экспертно-криминалистических подразделений (далее – ЭКП) органов внутренних дел (далее – ОВД) четырех областей Республики Беларусь свидетельствуют о том, что 36,7 % следователей прокуратуры и 36,9 % следователей (дознавателей) ПР ОВД не способны самостоятельно осуществлять применение технико-криминалистических средств в ходе осмотра места происшествия. При этом сами анкетированные оценили свой уровень технико-криминалистической подготовки: как высокий – всего 3,3 % следователей прокуратуры, 8,2 % следователей (дознавателей) ОВД и только 28,3 % сотрудников ЭКП ОВД; как средний – 76,7 % следователей прокуратуры, 77 % сотрудников ПР и 61,9 % сотрудников ЭКП ОВД; как низкий – 13,3 %, 10,4 % и 3,3 % сотрудников соответственно; затруднились ответить: 6,7 %, 4,4 % и 6,5 % соответственно. Еще 20 % следователей прокуратуры и 32,5 % сотрудников ПР ОВД единодушны во мнении, что на практике иногда у них отсутствует возможность привлечь специалиста-криминалиста ЭКП ОВД к осмотру места происшествия. О невозможности привлечения к ОМП специалиста ЭКП ОВД другой области знаний (например, биологии, баллистики, химии и т.д.) высказалось 33,3 % следователей прокуратуры и 51,1 % сотрудников ПР ОВД. К одной из причин такого положения дел анкетированные отнесли отсутствие в данном районе (области) соответствующего специалиста (36,7 % и 45,4 % соответственно). Отсутствие информации о наличии необходимых им специалистов в других регионах не дает возможности устранить данную проблему. Эти цифры красноречиво свидетельствуют о большой практической значимости указанной темы.

Различные аспекты вопросов использования специальных знаний при расследовании преступлений рассматривали в своих трудах многие ученые: Л.Е.Ароцкер, В.А.Волынский, Г.И.Гра-

мович, А.В.Дулов, А.М.Зинин, Е.И.Зуев, В.К.Лисиченко, В.Н.Махов, И.Т.Луцок, В.А.Снетков, И.Н.Сорокотягин, В.В.Циркаль и многие другие. Изучение литературы показывает, что проведенные ранее исследования несомненно имеют большое теоретическое и практическое значение. Однако во многих работах, как правило, анализировались отдельные аспекты использования специальных знаний, главным образом связанные с производством экспертиз. Вопросы участия специалиста в осмотре места происшествия в криминалистической литературе исследованы недостаточно. Поэтому с учетом современного состояния этой проблемы автором предпринята попытка исследования данной проблемы, предложены меры по совершенствованию некоторых аспектов участия специалиста в осмотре места происшествия.

До настоящего времени отсутствует единообразный подход к определению терминов «специальные знания» и «специальные познания», «специалист» и «сведущие лица», что препятствует однозначному толкованию данных понятий и определению их сущности. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) правовое значение термина «специальные знания» также отсутствует. Между тем, «термин – это слово, которому соответствует определенное понятие» [1, с. 5], и «недостатки терминологии в целом ряде случаев затрудняют взаимопонимание между специалистами, учебно-педагогический процесс, составление технической документации, вызывают излишние затраты труда при пользовании научно-технической и учебной литературой, на практике ведут к целому ряду недоразумений и даже ошибок» [2, с. 7].

На наш взгляд, понятие «специалист» можно рассматривать через понятие «специальные знания», для чего необходимо уяснить сущность данного понятия. В юридической литературе одни авторы ведут речь о «специальных знаниях», а другие о «специальных познаниях», вкладывая в эти понятия по существу одинаковый смысл. Тем самым происходит отождествление понятий, то есть возникает синонимия, которая является крупным недостатком современной терминологии. Под терминами-синонимами мы понимаем такие термины, когда для одного понятия существуют два или более терминов [2, с. 9].

Так, одни авторы используют термин «специальные знания» [3, с. 4; 4, с. 11; 5, с. 10; 6, с. 38; 7, с. 42; 8, с. 30; 9, с. 8; 10, с. 17; 11, с. 22], другие употребляют термин «специальные познания» [12, с. 13; 13, с. 42; 14, с. 2; 15, с. 7; 16, с. 6; 17, с. 9], третьи отождествляют оба эти термина [18, с. 7; 19, с. 3–5; 20, с. 10–11; 21, с. 23–27; 22, с. 38–42]. Однако эти понятия не тождественны, что подтверждает семантический анализ терминов

«знания» и «познания», который позволяет нам трактовать знания как результат познавательной деятельности [23, с. 278], а познания как совокупность сведений в какой-нибудь области [23, с. 709]. В гносеологии под познанием понимают общественно-исторический процесс формирования знаний, в то время как знания – это продукт, результат познавательной деятельности людей [24, с. 18]. Поэтому, на наш взгляд, правильнее будет использовать термин «специальные знания». Кроме того, «представляется нелогичным вводить дополнительный термин «познания» наряду с термином «знания»: это привносит дополнительную неясность и двусмысленность в понимание спорного вопроса», тем более, что и сам законодатель отдал предпочтение термину «специальные знания» (ст. 62 УПК), хотя и использует понятие «познания» (ст. 233 УПК) [11, с. 22].

Далее важно определить, что же понимать под «специальными знаниями»? В этом вопросе среди ученых тоже нет единства мнений. «Бесспорно лишь то, что специальными знаниями не могут быть сведения правового характера» [24, с. 21]. Относительно остальных признаков этого понятия имеются различные точки зрения.

Так, одни авторы считают, что «специальные знания» – это знания, полученные в рамках специального образования, профессионального опыта [8, с. 30; 15, с. 7; 25, с. 9]. Другие определяют «специальные знания» как знания, которыми обладает лицо в какой-то определенной области [26, с. 7], отсутствующие у других лиц [27, с. 7]. Третьи понимают под «специальными знаниями» совокупность знаний [13, с. 42; 11, с. 37; 14, с. 2; 28, с. 6; 29, с. 11], которые должны соответствовать современному уровню знаний [19, с. 7]. Четвертые делают упор на сферу реализации специальных знаний, их практическое приложение [12, с. 42; 5, с. 10; 30, с. 7; 31, с. 8] с определенной целью [4, с. 12]. Ряд авторов считают, что «специальные знания» – это не общеизвестные и не общедоступные сведения [26, с. 7; 10, с. 34; 16, с. 12; 29, с. 11; 32, с. 8].

На наш взгляд, особый интерес представляет определение специальных знаний, предложенное Г.И.Грамовичем, которое аккумулировало в себе все основные его черты, к которым он отнес следующие:

1) специальные знания – это современные научные знания;

2) ими не могут быть обыденные общежитские знания, общеизвестные и общедоступные, полученные гражданами в результате общего образования;

3) специальными не являются знания в области материального и процессуального права;

4) они приобретаются в результате профессиональной подготовки, опыта работы в какой-либо области деятельности;

5) они представляют собой систему знаний об определенных объектах;

6) целью применения специальных знаний является содействие собиранию доказательств и ориентирующей информации для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, а также разработка для этого наиболее эффективных тактических и технических средств и методов;

7) применять специальные знания может и лицо, производящее дознание [24, с. 25].

По мнению Г.И.Грамовича, «специальными в уголовно-процессуальном значении будут знания (умения, навыки) в определенной области человеческой деятельности (исключая знания в области материального и процессуального права), полученные в результате профессиональной подготовки и опыта работы, используемые в целях собирания доказательств и ориентирующей информации о преступлении, а также способствующие разработке технических средств и приемов работы с доказательствами» [24, с. 26].

Полностью разделяя точку зрения Г.И.Грамовича, представляется возможным согласиться с предложенным им определением специальных знаний, добавив лишь то, что это все-таки, на наш взгляд, – система знаний.

Таким образом, понятие «специальные знания», по нашему мнению, можно сформулировать следующим образом: специальные знания в уголовно-процессуальном значении – это система знаний в определенной области человеческой деятельности (исключая знания в области материального и процессуального права), полученных в результате профессиональной подготовки и опыта работы, используемых в целях собирания доказательств и ориентирующей информации о преступлении, а также способствующих разработке технических средств и приемов работы с доказательствами.

Мы считаем, что данное определение специальных знаний следует закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь. «Это позволит устранить существующие различия в понимании данного термина и будет способствовать правильно использовать специальные знания в правоохранительной деятельности» [24, с. 26].

Из участников уголовного процесса таким качеством, как обладание специальными знаниями, наряду с экспертом характеризуется только специалист, правовой статус которого определен статьей 62 УПК. Специалистом является не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, для участия и оказания содействия в производстве следственных и других процессуальных действий (статья 62 УПК).

При рассмотрении понятия «специалист» доминирующей является точка зрения, суть которой сводится к отождествлению терминов «специалист» и «сведущее лицо».

Так, выдающийся русский юрист И.Я.Фойницкий определил понятие «сведущие лица», под которыми понимал лиц, приглашаемых «к следствию или суду для наблюдения и установления обстоятельств, познание которых предполагает специальные сведения в науке, искусстве, ремесле или иной области знания, и дачи суду о таких обстоятельствах своего заключения или мнения, к которому они приходят на основании обладаемых ими специальных сведений» [33, с. 284]. По мнению В.Н.Махова, «сведущие лица в уголовном процессе – лица, обладающие специальными знаниями и навыками их применения, не заинтересованные в исходе дела, призванные следователем, судом для оказания содействия в установлении истины по делу в случаях, формах, определенных законом» [6, с. 54]. А.М.Зинин говорит о направлениях участия сведущих лиц в раскрытии и расследовании преступлений, к одному из которых относит и участие в осмотрах и освидетельствованиях, по существу отождествляя сведущее лицо со специалистом [18, с. 9]. В.А.Снетков также отождествляет понятия «специалист» и «сведущие лица», когда говорит о необходимости «привлечения следователями к производству следственных действий помощи специалистов, т.е. сведущих лиц» [7, с. 3].

Противоположной точки зрения придерживается В.М.Логвин, который на основании анализа публикаций по данной проблематике, семантического анализа названных терминов, анализа правовых норм, касающихся рассматриваемого вопроса, утверждает о том, что термины «сведущее лицо» и «специалист» не являются равнозначными понятиями. По его мнению, «всякий специалист является сведущим лицом, но не всякое сведущее лицо является специалистом» [34, с. 91]. В этой связи он признает справедливым утверждение Е.П.Гришиной и И.В.Абросимова о том, что «термин «специалист» соотносится со словом «сведущий» как часть и целое» [34, с. 91]. На наш взгляд, с этой точкой зрения нельзя не согласиться. Так, действительно семантика слова «сведущий» имеет очень широкий смысловой спектр. Сведущий – это человек, во-первых, «имеющий большие познания, сведения в чем-нибудь»; во-вторых, «компетентный, авторитетный, осведомленный в какой-нибудь области» [23, с. 909]. Толкование данного термина подчеркивает информированность сведущего лица, его осведомленность в той или иной области знаний. Семантика термина «специалист» имеет более конкретное, прикладное значение. Специалист – «представитель той или иной специальности, профессионально за-

нимающийся тем или иным видом специального труда» [23, с. 974].

Таким образом, можно сказать о том, что знания специалиста являются более узкими, очерчиваются границами какой-то определенной специальности в той или иной области знаний. Осуществление профессиональной деятельности специалиста предполагает обладание им как теоретическими знаниями, так умениями и навыками их применения. Резюмируя изложенное, считаем справедливой точку зрения В.М.Логвина о том, что всякий специалист является сведущим лицом, но не всякое сведущее лицо является специалистом. Таким образом, на наш взгляд, необходимо использовать термин «специалист» для всех лиц, обладающих специальными знаниями, которые оказывают содействие следователю и суду в установлении истины по уголовному делу в случаях и порядке, установленных законом.

Основной целью использования специальных знаний специалиста в следственных действиях, в особенности в осмотре места происшествия, как это следует из содержания статьи 62 УПК, является содействие следователю в обнаружении, фиксации и изъятии следов преступления и вещественных доказательств, которое осуществляется путем применения технических средств и использования научно обоснованных способов (часть 3 статьи 192 УПК).

В современных условиях акцентирования внимания всех участников ОМП на эффективности проведения этого важного следственного действия на практике иногда имеют место случаи уничтожения следов преступления. Данный тезис подтверждают результаты анкетирования. Так, 20 % следователей прокуратуры, 17,7 % сотрудников ПР ОВД и 39,7 % экспертов и technicians-криминалистов ЭКП ОВД признали факт, что в их практике были случаи, когда в ходе самостоятельного применения технико-криминалистических средств в ходе ОМП произошла порча или уничтожение материальных следов преступления. Актуализация качества выполнения любой работы во всех сферах деятельности, в особенности в деле раскрытия и расследования преступлений, несомненно диктует необходимость минимизации отмеченных недостатков.

Непосредственно перед участием в производстве осмотра места происшествия следователь, дознаватель в соответствии со статьей 198 УПК вправе предупредить специалиста о недопустимости разглашения без их разрешения имеющихся в деле сведений и об уголовной ответственности по статье 407 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) за умышленное разглашение данных дознания, предварительного следствия или закрытого судебного заседания без разрешения лица, производящего

дознание, следователя, прокурора или суда, что фиксируется в протоколе следственного действия и удостоверяется подписью специалиста (статья 200 УПК).

К сожалению, законодателем не предусмотрена норма об уголовной ответственности специалиста за отказ или уклонение от выполнения своих обязанностей, а также за дачу ложных пояснений и за заведомо неправильные действия, которые повлекли или могли повлечь утрату доказательств. Тем не менее мы полностью разделяем мнение В.Н.Махова о том, что участвуя в осмотре места происшествия, имея непосредственное отношение к обнаружению, фиксации и изъятию следов преступления и вещественных доказательств, специалист может безвозвратно причинить большой ущерб расследованию, если недобросовестно отнесется к исполнению своих обязанностей, даст заведомо неправильные пояснения по поводу выполняемых им действий, совершит действия, направленные на повреждение или уничтожение доказательств, с учетом чего предлагает предусмотреть в УК норму об уголовной ответственности за данные действия [35, с. 291]. В литературе имеются различные предложения о возможности привлечения специалиста к уголовной ответственности. Так, А.А.Новиков с целью фиксации процессуального положения специалиста в уголовном судопроизводстве и обеспечения возможности применения к нему мер процессуального принуждения предлагал внести дополнение в УПК РФ о предупреждении специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения или ложных показаний [27, с. 7]. И.Н.Сорокотягин с целью получения дополнительных гарантий добросовестного и объективного выполнения специалистом возложенных на него обязанностей предлагал ввести в УПК РСФСР статью, предусматривающую ответственность специалиста за умышленное уничтожение вещественных доказательств, а также за заведомо неправильные ответы на вопросы следователя и суда [36, с. 89]. Кроме того, за то, что лица, осуществляющие применение технико-криминалистических средств при проведении ОМП, должны нести уголовную ответственность за сообщение ими заведомо ложных сведений или совершение заведомо неправильных действий, повлекших уничтожение материальных следов, высказались 60 % анкетированных следователей прокуратуры, 33,8 % следователей (дознавателей) ПР ОВД и 24,8 % сотрудников ЭКП ОВД.

С учетом анализа уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, юридической литературы и результатов анкетирования сотрудников правоохранительных органов, рассматривая в качестве опорного предложение В.Н.Махова, считаем целесообразным в УК предусмотреть норму «об уголов-

ной ответственности специалиста за отказ или уклонение от выполнения своих обязанностей, а также за предоставление заведомо ложных сведений и за заведомо неправильные действия, которые повлекли или могли повлечь утрату следов преступления и вещественных доказательств» [35]. Эта статья несомненно будет служить дополнительной гарантией добросовестности специалиста.

В статье 200 УПК указывается, что перед началом производства следственного действия орган уголовного преследования удостоверяется в личности и компетенции специалиста, а также выясняет его отношение к подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему, тем самым определяя по существу два основных условия участия специалиста в следственных действиях, а именно компетентность и незаинтересованность в деле. Для нас представляет интерес такое условие, как компетентность, так как именно оно является важным условием обеспечения качества осмотра места происшествия.

Рассматривая семантику данного термина, становится понятным, что «компетенция» – это, с одной стороны, круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом; с другой стороны, – это круг полномочий [23, с. 359]. Из этого справедливо следует, что компетенция специалиста может быть проверена по документам, удостоверяющим его личность, должность, специальное звание, а также по свидетельству установленного образца, которое должно выдаваться сотруднику экспертно-криминалистического подразделения на право выполнения им самостоятельно той или иной деятельности по проведению осмотра места происшествия [34, с. 92]. А как подтвердить свою компетентность сотруднику ЭКП ОВД – специалисту в другой области знаний или сотруднику другого учреждения и ведомства, привлекаемого к осмотру места происшествия в качестве специалиста в иной области знаний (например, в биологии, химии, физике, баллистике и др.), и где следователю, дознавателю получить информацию о наличии такого специалиста и месте его дислокации? Эти вопросы вызывают затруднения на практике и являются одними из причин, вследствие чего такие специалисты редко привлекаются к производству ОМП. Этот тезис подтверждают результаты проведенного анкетирования. Так, если за то, что у руководителя ОМП во всех необходимых случаях имеется возможность привлечь специалиста-криминалиста ЭКП ОВД высказалось 73,3 % следователей прокуратуры и 59,6 % сотрудников ПР ОВД; за то, что во всех необходимых случаях у руководителя ОМП имеется возможность пригласить для участия специалиста ЭКП ОВД другой области знаний высказалось только 43,3 % следователей прокуратуры и 26,2 % сотрудников ПР ОВД.

Еще в 1977 году И.Т.Луцок отмечал, что важным является вопрос об улучшении взаимодействия следственного аппарата и криминалистических подразделений с целью расширения информационных потребностей следователей и на этой основе – информационных возможностей специалистов [5, с. 16]. В диссертации он освещал положительный опыт Львовской прокуратуры того времени, заключающийся в ведении в кабинете криминалистики прокуратуры области и в районных прокуратурах города «журнала учета специалистов, которые могут участвовать в расследовании уголовных дел, с указанием их адресов, телефонов, возможностей; беседы и встречи со специалистами, с руководителями учреждений, в которых они работают; совместный учебно-методический анализ результатов работы по уголовным делам; участие специалистов-криминалистов в обобщении некоторых категорий уголовных дел, практики использования научно-технических средств, тактических рекомендаций и т.п.» [5, с. 16]. А.А.Новиков предлагал определение компетентности лица, которое планируется привлекать в качестве специалиста, производить с учетом трех составляющих: установление наличия у него специальных знаний, выявление его профессионально важных качеств и способностей и определение готовности лица к конкретному виду деятельности [27, с. 8]. В качестве одного из вариантов решения проблем потери времени для следователя и усложнения процедуры использования одной из форм специальных знаний Б.М.Бишманов предложил расширить функциональную деятельность ЭКП с целью полного обеспечения специальными знаниями любых следственных действий, тем самым исключив приглашения лиц извне. К положительной стороне такого решения проблемы он отнес экономии времени следователя на организационные моменты, гарантию применения квалифицированных, установленных специальных знаний, участие лиц, компетентных в специфике следственной работы, наличие ведомственного реестра специалистов и удостоверенную личность специалиста [10, с. 77]. Анализ практики свидетельствует о том, что если в областных подразделениях ОВД, ввиду их относительной многочисленности, следователи, дознаватели способны оперативно выяснить сведения об интересующем их специалисте, то в районных звеньях такую информацию им зачастую взять неоткуда. Особенностью районных подразделений ОВД является малочисленность сотрудников ЭКП (по 2 сотрудника). В случае отсутствия одного или сразу двух из них по причине некомплекта, отпуска, болезни и так далее, следователь, дознаватель не располагают обновленными сведениями, в каких подразделениях и какой компетенции имеются специалисты.

Таким образом, с учетом анализа предложений приведенных авторов и потребностей практики считаем возможным предложить свой вариант решения обозначенной проблемы. Нам представляется, что создание Единого государственного ведомственного реестра сотрудников правоохранительных органов, допущенных к самостоятельному участию в производстве следственных действий, в том числе в осмотре места происшествия, сможет снять информационную блокаду следователей и других сотрудников правоохранительных органов (прокуратуры, ОВД и других). Аналоги такого реестра существуют в других сферах деятельности, значительно облегчающие их работу, например, реестр врачей-специалистов [37-й реестр], реестр аттестованных специалистов недвижимости [38-й реестр], Белорусский реестр специалистов в области спортивного ориентирования [39-й реестр]. В реестр в качестве ключевых полей поиска специалистов, на наш взгляд, целесообразно включить следующие составляющие: специализация (квалификация по диплому и по допускам на право производства экспертиз); фамилия, имя, отчество; наименование подразделения, учреждения, организации; стаж работы; номера всех допусков и дата их выдачи; даты и темы прохождения стажировок и курсов повышения квалификации; наличие ученой степени; темы публикаций и прочие. Нам думается, что форма этого реестра может представлять собой единый программный продукт с доступом к нему сотрудников правоохранительных органов всех регионов республики, организованный по аналогу успешно функционирующей Единой государственной системы регистрации и учета правонарушений [40, 41]. Представляется, что ответственными за формирование и ведение реестра могут являться руководители подразделений и секретари квалификационных и экзаменационных комиссий, имеющих право выдавать допуск на проведение экспертиз и на участие в ОМП. Предоставлять право на проведение экспертиз могут МВД, УО «Академия МВД», а также другие государственные судебно-экспертные учреждения Республики Беларусь и иностранные государства в соответствии с международными и межгосударственными договорами (соглашениями) [42, с. 6]. Предоставлять допуск к самостоятельному участию в качестве специалистов в ОМП и иных следственных действиях могут ГЭКЦ МВД, ЭКЦ ГУВД, УВД, УВДТ [42, с. 10].

Предложенный реестр, на наш взгляд, создаст оптимальные условия для принятия решений сотрудниками правоохранительных органов о привлечении необходимого специалиста к ос-

мотру места происшествия, что несомненно позволит повысить качество, эффективность и результативность данного важного следственного действия.

Подводя итог рассуждениям, с учетом вышеприведенных предложений, учитывая важность компетентности лица, обладающего специальными знаниями, на наш взгляд, целесообразно определение специалиста, закрепленное статьей 62 УПК, дополнить словом «компетентное», тогда специалистом будет являться компетентное, не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сфе-

рах деятельности, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, для участия и оказания содействия в производстве следственных и других процессуальных действий.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что комплексная разработка проблемы участия специалиста в осмотре места происшествия позволит в значительной степени повысить эффективность этого важного следственного действия, а значит в целом и деятельность органов уголовного преследования по обеспечению качественной доказательственной базой процесса выявления (раскрытия) и расследования преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головин, Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах: учеб. пособие для филол. спец. вузов / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М.: Высш. шк., 1987. – 104 с.
2. Как работать над терминологией. Основы и методы: пособие сост. по трудам Д.С. Лотте и Комитета науч.-техн. терминологии АН СССР / под ред. акад. В.С. Кулебакина; Акад. наук СССР. Комитет науч.-техн. терминологии. – М.: Изд-во «Наука», 1968. – 76 с.
3. Гульянц, А.Г. Основные направления повышения эффективности осмотра места происшествия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Г. Гульянц. – М., 2005. – 210 с.
4. Зезянов, В.П. Роль, место и значение специальных знаний в криминалистической методике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.П. Зезянов; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 1994. – 23 с.
5. Луцюк, И.Т. Участие специалиста-криминалиста в предварительном следствии (по УПК Украинской ССР): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И.Т. Луцюк; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 1977. – 22 с.
6. Махов, В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: моногр. / В.Н. Махов. – М.: Изд-во РУДН, 2000. – 296 с.
7. Снетков, В.А. Основы деятельности специалиста экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел: учеб. пособие / В.А. Снетков. – М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2001. – 72 с.
8. Тхакумачев, Б.Ю. Тактико-организационные особенности участия специалиста при производстве следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Б.Ю. Тхакумачев. – Нальчик, 2005. – 186 с.
9. Хрусталева, В.Н. Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях / В.Н. Хрусталева, Р.Ю. Трубицын. – СПб.: Питер, 2003. – 208 с.
10. Бишманов, Б.М. Эксперт и специалист в уголовном судопроизводстве / Б.М. Бишманов. – М.: Моск. психолого-соц. ин-т, 2003. – 224 с.
11. Телегина, Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Т.Д. Телегина; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2008. – 204 с.
12. Гусев, А.В. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы использования специальных познаний в ходе предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.В. Гусев. – Волгоград, 2002. – 231 с.
13. Сорокотягин, И.Н. Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / И.Н. Сорокотягин. – Екатеринбург, 2005. – 396 с.
14. Андрианова, Т.П. Применение специальных криминалистических познаний при судебном разбирательстве уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Т.П. Андрианова; Белорус. ордена Труд. Красн. Знамени гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Минск, 1989. – 18 с.
15. Ильина, А.М. Обязательное использование специальных познаний в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.М. Ильина. – Екатеринбург, 2005. – 26 с.
16. Мельникова, Э.Б. Участие специалиста в следственных действиях / Э.Б. Мельникова. – М.: Юрид. лит., 1964. – 88 с.

17. Черенков, А.М. Правовые, организационные и методические основы деятельности экспертно-криминалистической службы органов внутренних дел в условиях мегаполиса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / А.М. Черенков; Акад. упр. МВД России. – М., 2000. – 37 с.
18. Зинин, А.М. Криминалист в следственных действиях: учеб.-практ. пособие / А.М. Зинин. – М.: Изд-во «Экзамен»: изд-во «Право и закон», 2004. – 144 с.
19. Сорокотягин, И.Н. Системно-структурная характеристика специальных познаний и формы их использования в борьбе с преступностью / И.Н. Сорокотягин // Применение специальных познаний в борьбе с преступностью: межвуз. сб. науч. тр. / Свердлов. юрид. ин-т. – Свердловск, 1983. – С. 3–10.
20. Лисиченко, В.К. Формы использования специальных познаний и виды участия специалистов на предварительном следствии / В.К. Лисиченко, В.В. Циркаль // Применение специальных познаний в борьбе с преступностью: межвуз. сб. науч. тр. / Свердлов. юрид. ин-т; отв. ред. И.Н. Сорокотягин. – Свердловск, 1983. – С. 10–18.
21. Коновалов, Е.Ф. Соотношение специальных знаний следователя и специалиста-криминалиста / Е.Ф. Коновалов // Применение специальных познаний в борьбе с преступностью: межвуз. сб. науч. тр. / Свердлов. юрид. ин-т; отв. ред. И.Н. Сорокотягин. – Свердловск, 1983. – С. 23–27.
22. Сурыгина, Н.Е. О соотношении научных терминов «специальные знания» и «специальные познания» / Н.Е. Сурыгина // Проблемы предварительного следствия и дознания: сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. – 144 с.
23. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков; под ред. д-ра филол. наук Н.Ф. Татьянченко. – М.: Альта-Пресс, 2005. – 1216 с.
24. Грамович, Г.И. Криминалистическая техника (научные, правовые, методологические, организационные основы): моногр. / Г.И. Грамович. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004. – 214 с.
25. Денисов, А.Э. Специалист как участник уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Э. Денисов. – М., 2010. – 27 с.
26. Морозов, Г.Е. Участие специалистов в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Г.Е. Морозов; Саратов. юрид. ин-т МВД РФ. – Саратов, 1977. – 19 с.
27. Новиков, А.А. Институт специалиста в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.А. Новиков; Калинингр. юрид. ин-т МВД России. – Калининград, 2007. – 26 с.
28. Трапезникова, И.И. Специальные знания в уголовном процессе России (понятие, признаки, структура): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И.И. Трапезникова; Южно-Урал. гос. ун-т. – Челябинск, 2004. – 23 с.
29. Шиканов, В.И. Проблемы использования специальных знаний и научно-технических новшеств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.И. Шиканов; Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – М., 1980. – 31 с.
30. Калинин, Ю.А. Участие в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю.А. Калинин; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 1981. – 19 с.
31. Трифонова, Н.А. Специальные знания в раскрытии и расследовании корыстно-насильственных преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.А. Трифонова; Байкал. гос. ун-т экономики и права. – Иркутск, 2006. – 23 с.
32. Циркаль, В.В. Тактика производства следственных действий с участием специалистов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.В. Циркаль; Киев. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко. – Киев, 1984. – 25 с.
33. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. – СПб.: Изд-во «АЛЬФА», 1996. – Т. 2. – 607 с.
34. Логвин, В.М. Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях: процессуальные и организационные аспекты / В.М. Логвин // Проблемы криминалистики: сб. науч. тр. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Г.Н. Мухин; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – Вып. 5. – С. 87–98.
35. Махов, В.Н. Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / В.Н. Махов. – М., 1993. – 388 с.
36. Сорокотягин, И.Н. Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / И.Н. Сорокотягин. – Екатеринбург, 1992. – 221 с.
37. Вся медицина в Интернет! // MedLinsk.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.medlinks.ru>.
38. Реестр аттестованных специалистов [Электронный ресурс] / Уральская палата недвижимости. – Режим доступа: http://www.upn.ru/education_att_reestr.htm.
39. Белорусский реестр специалистов в области спортивного ориентирования [Электронный ресурс] / Реестр специалистов; O'Belarus. – Режим доступа: http://www.obelarus.net/art/stk/specialist_register.htm. – Дата доступа: 12.01.2007.

40. О единой государственной системе регистрации и учета правонарушений: Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2006 г., № 94-З // Белорус. зак-во LawBelarus.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lawbelarus.com/repub2008/sub15/text15550.htm>.

41. Об утверждении Положения о порядке функционирования единой государственной системы регистрации и учета правонарушений: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 20 июля 2006 г., № 909: текст по сост. на окт. 2009 г. // Зак-во Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – С. 297; Белорусский правовой портал PravoBY.info. – Режим доступа: <http://www.pravoby.info/docum09/part13/akt13365/index.htm>.

42. Об утверждении Инструкции об организации деятельности экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел Республики Беларусь: постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 10 июля 2006 г., № 185 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2007. – 54 с.

Дата поступления статьи в редакцию 26.10.2010

ФОРМИРОВАНИЕ КОМИССИИ ЭКСПЕРТОВ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОВЕДЕНИЯ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ГОРОШКО Е.Ю.,

преподаватель кафедры криминалистических экспертиз Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук

Количественный рост проведения комплексных экспертных исследований обусловил спектр проблем, которые возникают в правоохранительной практике при их назначении, организации и выполнении. В данной статье рассмотрены проблемные вопросы неэффективной работы комиссии экспертов при проведении комплексных экспертных исследований, в частности, психологический аспект; раскрыты основания (психологические принципы), на которых должна базироваться деятельность при формировании любого коллектива для проведения экспертиз; обозначены основные положения, которые следует учитывать органу уголовного преследования и суду, а также руководителю судебно-экспертного учреждения при формировании комиссии экспертов (при подборе ее членов) в целях получения в результате проведения исследования достоверного высокоинформативного вывода; предложено использовать для этого комплекс методов; даются рекомендации по установлению благоприятного психологического климата работы коллектива, в целом определен подход к процессу формирования комиссии экспертов при проведении комплексных исследований.

Quantitative growth of the complex range of expert research has led to problems that arise in law enforcement for their appointment, organization and implementation. This article discusses the problem of ineffective work of the commission of experts in conducting complex expert examinations, in particular, the psychological aspect. Solved reason (psychological principles), which should be based activities during the formation of any group for examination. Outlines the key provisions that should be considered authority for prosecution and trial, as well as the head of the forensic institution during the formation of a commission of experts (in the selection of its members) in order to obtain as a result of the study and highly reliable output. Proposed use for this set of methods. The recommendations on the establishment of a favorable psychological climate of the team, in general, determined approach to the process of setting up a commission of experts in conducting complex investigations.

В настоящее время судебная экспертиза играет существенную роль в выявлении и расследовании преступлений. Особенно актуальными являются комплексные экспертные исследования. При их проведении удается решать многочисленные задачи, которые при выполнении однородных экспертиз осуществить не удастся. Однако в назначении, организации и проведении комплексных экспертных исследований в практике правоохранительных органов существует множество проблем, которые затрудняют комплексный экспертный процесс и, как следствие, получение достоверного высокоинформативного результата. Одной из них является проблема

психологического характера в случае проведения исследования в коллективной форме. Ю.Г.Корухов в 1997 году обратил внимание, что нельзя игнорировать трудности коллективной деятельности экспертов [1, с. 46]. Это приводит к тому, что нередко в деятельности комиссии экспертов приоритетом пользуется мнение более старших (по возрасту) коллег, часто мнение одного из членов комиссии принимается за правильное и рассматривается как единственно истинное в силу того, что он работает в вышестоящей или контролирующей организации и т.д. Все это влечет экспертные ошибки, назначение повторных экспертиз, затягивание сроков рас-

следования, что снижает эффективность борьбы с преступностью в нашей стране. Для того чтобы этого избежать, очень важен в организации комплексного экспертного исследования этап формирования комиссии экспертов, в частности его психологический аспект.

Комиссия экспертов представляет собой единый коллектив, работа которого направлена на достижение общей цели, решение единой задачи. Важность данного коллектива для комплексных исследований бесспорна. Именно от состава и компетенции комиссии зависят качество и сроки проведения исследования. Поэтому при работе комиссии экспертов между ее членами должны быть нормальные межличностные отношения, благоприятный для общения климат, тесное сотрудничество.

Психологией формирования комиссий экспертов для проведения экспертиз, особенностями их коллективной деятельности в науке занимались многие ученые-криминалисты. Я.М.Яковлев изучал общие основы психологической структуры экспертной деятельности [2]. Ю.Н.Погибка исследовала психологические особенности деятельности экспертов при проведении почерковедческих экспертиз [3]. Г.Л.Грановским было уделено внимание психологии проведения именно комплексной экспертизы [4]. В психологической науке активно исследовались общие вопросы групповой совместной деятельности людей, разрабатывались программы по оптимальному подбору членов групп для выполнения определенных задач, формировались рекомендации по установлению наиболее благоприятного микроклимата коллектива [5]. В результате анализа научных разработок представляется, что в психологическом аспекте определяющими положениями при формировании комиссии экспертов для проведения комплексных исследований являются следующие:

- наличие всестороннего экспертного мышления субъектов проведения комплексного экспертного исследования;
- психологическая готовность членов комиссии экспертов к проведению комплексного экспертного исследования;
- наличие и устойчивость нравственных качеств у субъектов проведения комплексного экспертного исследования;
- психологический климат в работе комиссии экспертов;
- условия формирования внутреннего убеждения комиссии экспертов.

Наличие всестороннего экспертного мышления субъектов проведения комплексного экспертного исследования предполагает способность членов комиссии экспертов анализировать не только сведения, полученные в ходе собственного исследования, а также материалы, полученные в результате других исследований,

сопоставлять их, проводить обобщение, синтезировать и формировать общий комплексный вывод. Это достигается за счет высокого уровня развития логического, наглядно-образного, критического мышления, способности моделирования обстоятельств и явлений, возможности их взаимодействия, видоизменения, перераспределения и т.д. Р.С.Белкин указывал, что для эксперта очень важно наличие у него специфической наблюдательности [6, с. 440], что, несомненно, относится и к субъектам проведения комплексных экспертных исследований. Быстрое и четкое детальное восприятие объекта и его признаков обеспечит качественное проведение комплексного экспертного исследования.

Психологическая готовность членов комиссии экспертов к проведению комплексного экспертного исследования отражает психологическую готовность каждого эксперта проводить исследование в составе группы, так как большинство комплексных экспертных исследований на современном этапе проводятся именно так. Эксперт должен осознавать, что собственно проведенное исследование и полученные им выводы впоследствии будут подвергнуты членами комиссии экспертов анализу, сопоставлению, синтезу с другими результатами и лягут в основу комплексного вывода. Кроме того, проводя векторное, целенаправленное изучение какого-либо объекта, он должен учитывать общую задачу комплексного экспертного исследования, которую решает с точки зрения других научных позиций еще ряд субъектов проведения экспертизы. В.В.Юрчук, исследуя психологию групповой деятельности, отмечает, что для успешной работы группы людей необходимо рассматривать не только механизмы взаимодействия индивидов, но и каждого субъекта-индивида в отдельности для целостного понимания тех целей и задач, которые преследует он сам и группа в целом [7, с. 116]. Эксперт должен быть готов к обсуждению полученных им и другими членами комиссии экспертов выводов, возможной критике, необходимости обосновывать и доказывать полученные результаты. Коммуникабельность в общении, умение находить компромисс, рационально и бесконфликтно приходиться к верному решению – определяющие качества, которые характеризуют готовность эксперта к проведению комплексного экспертного исследования. Немаловажен и опыт проведения комплексных исследований.

Наличие и устойчивость нравственных качеств у субъектов проведения комплексного экспертного исследования подразумевает моральные качества и их направленность. Эксперт должен понимать правовой характер своей деятельности, осознавать степень ответственности за сформированное им заключение, адекватно оценивать свои возможности и общественный

характер совершаемых им действий. Большое значение имеют порядочность, честность, справедливость эксперта, что во многом достигается в процессе воспитания либо самовоспитания личности. Эксперту необходимо владеть такими психофизиологическими качествами, как эмоциональная уравновешенность, усидчивость, скрупулезность, способность к сосредоточению, концентрация внимания и др.

Психологический климат в работе комиссии экспертов является существенным фактором для эффективного проведения комплексного экспертного исследования. Он зависит в первую очередь от состава комиссии, поэтому при формировании комиссии экспертов руководителю судебно-экспертного учреждения, которому поручено проведение комплексного исследования (ведущего – если исследование проводится двумя и более судебно-экспертными учреждениями), либо органу уголовного преследования или суду (в случае, когда в постановлении указаны конкретные специалисты для проведения экспертизы) необходимо учитывать структуру проведения предстоящего комплексного исследования. Данная структура включает логическую структуру исследования и организационную. Логическая структура исследования подразумевает определение субъектов проведения экспертизы, их целей и задач в зависимости от компетентности. В психологическом аспекте это обуславливает взаимное уважение как квалифицированных специалистов в своей области между членами комиссии и доверие к результатам, сделанным в процессе частных экспертных исследований. Организационная структура вытекает из логической. Она подразумевает выбор комфортного времени и места проведения исследования, обеспечение экспертного процесса необходимыми материалами и т.д. Правильный подбор структуры комплексного экспертного исследования – залог благоприятного психологического климата комиссии экспертов, а следовательно, и эффективности его проведения.

Любая коллективная деятельность нуждается в организации и управлении. В составе комиссии экспертов для осуществления этих функций целесообразно назначать ведущего эксперта. Представляется, что установление благоприятного психологического климата коллектива является еще одной обязанностью данного лица. Для достижения этого основной задачей его является установление и поддержание психологического контакта со всеми членами комиссии экспертов. Отказ от предвзятости суждений о людях, коммуникабельность и простота в общении, взаимное доверие, искренняя заинтересованность в получении достоверного высокоинформативного результата при проведении исследования, достойная оценка профессиональных качеств членов комиссии обеспечат вы-

полнение ранее обозначенной задачи. Отметим, что установление благоприятного для работы психологического климата требует и от самого ведущего эксперта высокой организованности, доброжелательности в общении, самокритичности, самоконтроля и чувства ответственности за свою работу и работу своего коллектива. Стремление к лидерству, упрямство и неумение слушать другого являются негативными психологическими качествами для ведущего эксперта. Если в составе комиссии экспертов возникла конфликтная ситуация, недоверие, то ведущий эксперт должен, как отмечает Н.П.Майлис, направить работу в нужное русло, не принижая ни достоинство членов комиссии, ни значимости результатов их исследований, трудовая деятельность должна протекать по законам экспертной этики [8, с. 50–52].

Психологический климат коллектива во многом зависит, считает Я.М.Яковлев, и от психологической совместимости членов комиссии экспертов. Проведение исследования будет неэффективным, если в процессе совместной деятельности людей характерологические особенности их несовместимы. Это порождает атмосферу нервозности, напряженности, раздраженности. И наоборот, удачный подбор членов комиссии экспертов, черты характера и темперамент которых дополняют друг друга, обеспечит должный микроклимат совместной работы и успешность выполнения поставленной задачи [9, с. 158–159]. Целесообразно использовать при подборе членов комиссии методы анализа (изучение экспертной практики того или иного лица) и опроса (изучение мнений его коллег, эксперимента).

Комиссии экспертов при проведении комплексного исследования, как и любому коллективу людей, присуще распределение ролей. Ошибочным будет считать, что роль лидера всегда принадлежит ведущему эксперту. Представляется, что распределение ролей при проведении комплексных экспертных исследований индивидуально. Оно зависит от каждого конкретного комплексного исследования и самоорганизации комиссии экспертов. Существенное влияние на распределение ролей оказывают объективный и субъективный факторы. Объективный фактор – значимость результатов конкретного исследования для решения общей интеграционной задачи, субъективный – непосредственно участие члена комиссии в достижении конечной цели [10, с. 149].

В настоящее время большинство комплексных исследований проводятся в комиссионной форме. Основная черта данных исследований – общий комплексный вывод. Любой вывод основывается на внутреннем убеждении субъекта проведения экспертизы. Следовательно, общий комплексный вывод должен формироваться на

внутреннем убеждении всех членов комиссии, проводивших исследование. Однако это не сумма мнений членов комиссии. Не соглашусь, что главным условием внутреннего убеждения, как указывает Н.П.Майлис, является процессуальная самостоятельность экспертов [8, с. 237]. Представляется, что формирование внутреннего убеждения – результат обсуждения частных исследований, в процессе которого устраняются имеющиеся противоречия или возражения у членов комиссии, доказываемый факт, что в конечном итоге обуславливает возникновение на уровне группового сознания объективного представления об исследуемом событии. На основе внутреннего убеждения принимается групповое решение – «согласование мнений участников группы, выбор какой-либо резолюции из нескольких альтернативных, которые преследуют те или иные цели» [7, с. 117]. Одним из условий принятия группового решения является групповая полемика. Данный модус представляет собой систему верификационных дискуссий. Именно групповая полемика позволяет рассматривать цель исследования со всех сторон, подойти к любой проблеме с различных оценок, характеристик [7, с. 118]. Поэтому главным условием внутреннего убеждения является активная групповая полемика, в результате которой принимается групповое решение, формируется вывод, что обуславливает ответственность за принятое решение и сделанный вывод. При этом форма ответственности – коллективная. Это является «высшим уровнем развития межличностных отношений, содержанием совместной деятельности» [5, с. 20].

Отметим, что формирование коллективного внутреннего убеждения – процесс достаточно сложный. Он требует от членов комиссии высокого профессионализма, опыта проведения комплексных исследований и определенного объема знаний во всех отраслях, которые участвуют в процессе выполнения экспертизы. Объективным фактором соблюдения вышеназванных условий является высокий уровень профессиональной подготовки судебно-экспертных кадров. Однако, большое разнообразие возможных видов комплексных экспертных исследований (комплексная трасологическая, волоконведческая и автотехническая экспертиза, комплексная химико-биологическая экспертиза, комплексная компьютерно-техническая и товароведческая экспертиза и т.д.) существенно затрудняют подготовку универсальных специали-

стов, которые могли бы обеспечить качественный экспертный процесс и выполнение поставленных перед любым исследованием задач. Целесообразным является создание в нашей стране постоянных комиссий экспертов по проведению того или иного вида комплексного исследования. В их совместной деятельности в большей степени будет присутствовать сплоченность, согласованность работы, взаимопонимание и т.д., что обеспечит эффективность проведения комплексного исследования. Кроме того, можно с уверенностью утверждать, что в результате работы постоянной комиссии уровень компетентности ее членов в области тех наук, которые участвуют в проведении исследования, но в которых они не являются специалистами, будет значительно выше, чем в комиссии, которая создается впервые или работает непостоянно. Немаловажно, что при работе постоянных комиссий накапливается и значительный опыт проведения определенного исследования. Полагаем, что подготовить специалистов по проведению конкретного вида комплексного исследования (организовать обучение, курсы повышения квалификации) более реально и рационально, чем подготовить универсальную комиссию экспертов для проведения всех комплексных исследований. По наиболее часто проводимым видам исследований следует разработать учебные программы, включить их в программу подготовки и переподготовки экспертных кадров, создать экспертную специальность.

Кроме того, при работе постоянных комиссий значительно упростится и процесс обмена опытом по проведению того или иного исследования. В некоторых странах, например Латвии [11, с. 25], уже созданы постоянные комиссии по проведению той или иной комплексной экспертизы. Взаимный обмен информацией в значительной мере повысит качество проведения комплексных экспертных исследований, обеспечит более глубокое понимание вопросов совместной компетенции.

Таким образом, вышеизложенные положения позволяют определить подход (психологический аспект) к процессу формирования комиссии экспертов при проведении комплексных исследований. Представляется, что его реализация значительно повысит качество экспертиз, снизит число экспертных ошибок, обеспечит эффективность и доказательственность судебно-экспертной деятельности в практике борьбы с преступностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корухов, Ю.Г. Взаимодействие и взаимоотношение субъектов при проведении судебной экспертизы / Ю.Г. Корухов // Основы судебной экспертизы. – М.: РФЦСЭ, 1997. – Ч. 1. – С. 37–56.
2. Яковлев, Я.М. Психологическая структура экспертной деятельности / Я.М. Яковлев // Вопросы теории и практики судебной экспертизы: сб. науч. тр. / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т судеб. экспертиз. – М., 1973. – Вып. 7. – С. 117–139.

3. Погибко, Ю.Н. Исследование процесса решения идентификационной задачи экспертом-почерковедом: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю.Н. Погибко; М-во юстиции СССР. Всесоюз. науч.-исследоват. ин-т судеб. экспертиз. – М., 1979. – 186 с.
4. Грановский, Г.Л. Некоторые психологические проблемы комплексной экспертизы / Г.Л. Грановский // Теоретические и методические вопросы судебной экспертизы: сб. науч. тр. / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т судеб. экспертиз. – М., 1984. – С. 9–25.
5. Психология коллективной деятельности / под ред. А.И. Суворовой. – Киев: О-во Знание Украинской ССР, 1976. – 24 с.
6. Криминалистика: учеб. для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.]; под ред. Р.С. Белкина. – М.: Норма, 2000. – 972 с.
7. Юрчук, В.В. Современный словарь по психологии / В.В. Юрчук. – Минск: Совр. слово, 1998. – 768 с.
8. Майлис, Н.П. Судебно-трасологическая экспертиза: учеб.-метод. пособие для экспертов / Н.П. Майлис. – М.: Триада-Х, 2000. – 276 с.
9. Яковлев, Я.М. Основы психологии судебно-экспертной деятельности / Я.М. Яковлев // Вопросы психологии и логики в судебно-экспертной деятельности : сб. науч. тр. / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т судеб. экспертиз. – М., 1977. – Вып. 30. – С. 156–162.
10. Гамаюнова, Ю.Г. Комплексная трасолого-волоконноведческая экспертиза: науч.-метод. пособие / Ю.Г. Гамаюнова; под науч. ред. В.Ф. Орловой. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 176 с.
11. Биркавс, В.В. Организация комплексных экспертных межведомственных исследований в Латвийской ССР / В.В. Биркавс // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований: материалы всесоюз. науч.-практ. конф., Рига, 5–6 дек. 1984 г. / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т судеб. экспертиз; редкол.: Ю.Г. Корузов [и др.]. – М., 1985. – С. 21–30.

Дата поступления статьи в редакцию 20.08.2010

УДК 343.9

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ВИТЕБСКАЯ И СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТИ)

СТАЦЕНКО В.Г.,доцент Витебского государственного университета им. П.М.Машерова,
кандидат исторических наук

Для переходного периода, переживаемого в настоящее время Республикой Беларусь и Российской Федерацией, характерны как общие процессы, обусловленные едиными социально-экономическими условиями их продолжительного совместного развития, так и специфические, связанные с национальными особенностями и своеобразием избранных ими путей реформирования. Это относится и к криминогенным процессам.

В близких по своим социальным и экономическим характеристикам приграничных Смоленской и Витебской областях динамика и тенденции преступности вообще и подростковой преступности в частности имеют как совпадающие, так и различающиеся характеристики, детерминированные отличающимися объективными условиями.

For the transition period going through now in the Republic of Belarus and Russia are typical both common processes caused by common social and economic context of their long joint development and specific conditions, related to national peculiarities and elected ways of reform. This applies to the criminogenic process too.

Dynamics and trends of crime in general and juvenile delinquency, in particular, in Smolensk and Vitebsk frontier regions close by their social and economic characteristics have both overlapping and distinctive characteristics, determinate by objective conditions.

Анализ особенностей социально-экономического, политического и социокультурного развития двух соседних стран и их пограничных территорий объективно необходим для установления закономерностей происхождения и генезиса преступности в разных по своим социально-экономическим, социально-культурным и иным характеристикам регионах, выделения в этих закономерностях общего и специфического.

Для переходного периода, переживаемого в настоящее время Республикой Беларусь и Российской Федерацией, характерны как общие процессы, обусловленные едиными социально-экономическими условиями их продолжительного совместного развития, так и специфические, связанные с национальными особенностями и своеобразием избранных ими путей ре-

формирования. Это относится и к криминогенным процессам.

Начиная с середины 90-х годов Российская Федерация и Республика Беларусь устойчиво занимают соседние (1-е и 2-е соответственно) места в рейтинге стран СНГ по уровню преступности.

Если до 2005 года включительно статистика свидетельствовала о постоянном росте объема и уровня преступности в Российской Федерации и Республике Беларусь, то в 2006–2010 гг. количественные показатели свидетельствуют о новой тенденции в динамике преступности. Отличительной ее особенностью стало существенное снижение показателей объема и уровня преступности.

Динамика уровня преступности (на 100 000 населения) в государствах – участниках СНГ [1]

	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Россия	2039	1755	1926	2007	2521	2260	2110
Беларусь	1125	1339	1531	1716	1860	1637	1565
Украина	1057	955	1185	193	878	844	954
Казахстан	1024	910	795	956	827	814	767
Молдова	1042	1002	857	852	681	698	719
Кыргызстан	807	745	707	644	557	559	556
Армения	302	–	–	314	261	287	443
Азербайджан	180	190	185	203	218	251	255
Таджикистан	223	198	170	166	171	160	167

В 2009 году в Российской Федерации было зарегистрировано 2 994 820 преступлений, что на 6,7 % меньше, чем в 2008 году; в Республике Беларусь в том же году зарегистрировано 151 293 преступления (снижение по сравнению с 2008 годом – 4,7 %).

Зафиксировано снижение объема тяжких и особо тяжких преступлений.

Произошло существенное сокращение регистрации краж, разбоев, грабежей и ряда других преступлений.

Вместе с тем следует отметить то обстоятельство, что речь идет, главным образом, о снижении количественных показателей преступности, причем объем преступности в обеих странах сохраняется на высоком уровне начала 2000-х годов.

Увеличение же было зафиксировано в отношении преступлений, связанных с наркотиками (+ 3 % – Россия и + 10 % – Беларусь); взяточничеством (5 и 24 % соответственно). В отличие от Российской Федерации, в Республике Беларусь зафиксирован в 2009 году рост случаев мошенничества (3 %) [3].

Наиболее существенная разница в характере преступности Российской Федерации и Республики Беларусь выражается наряду с различием уровней преступности (2110 и 1565 в 2009 году соответственно) прежде всего в том, что доля

тяжких и особо тяжких преступлений составляет в зарегистрированной преступности Российской Федерации 26,5 % (данные 2009 года), а в Республике Беларусь – 9 %, то есть почти в 3 раза меньше.

Те же тенденции характерны для этих стран, как свидетельствует официальная статистика, и в 2010 году [4].

Динамика преступности в приграничных районах Российской Федерации и Республики Беларусь (Смоленская и Витебская области) в целом отражает общие закономерности.

Следует отметить, что эти приграничные области весьма сходны друг с другом по своим географическим, демографическим и социально-экономическим характеристикам.

В 2009 году число зарегистрированных преступлений в Витебской области составило 18 629, что на 6,3 % меньше, чем в 2008 году (19 820). Уровень преступности (на 100 тысяч жителей) составил по области – 1473, что несколько ниже уровня по республике (1565). Уменьшилось количество убийств и покушений на убийства, умышленных причинений тяжких телесных повреждений, грабежей, краж [6].

В Смоленской области зарегистрировано в 2009 году 22 840 преступлений, уровень регист-

Число зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений против личности [2]

	Умышленные убийства и покушения на убийство		Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью		Изнасилования и покушения на изнасилование	
	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.
Беларусь	645	571	1 710	1 539	240	218
Россия	20 056	1 761	45 436	43 112	6 208	5 398

Сравнительная характеристика приграничных областей [5]

Показатели	Смоленская область	Витебская область
Площадь территории	49,8 тыс. км ²	40,1 тыс. км ²
Численность населения (на 01.01.2010): городское сельское	983 200 чел. 703,5 тыс. чел. 279,7 тыс. чел. (28,4 %)	1 230 821 чел. 897 033 чел. 333 788 чел. (27,1 %)
Половая структура населения: мужчины женщины	441,7 тыс. чел. – 44,9 % 541,5 тыс. чел. – 55,1 %	569 163 чел. – 46,4 % 661 658 чел. – 53,6 %
Из общей численности – население в трудоспособном возрасте	616,2 тыс. чел. – 62,6 %	746 980 чел. – 60,7 %
Национальная структура населения (в %)	русские – 93,4 украинцы – 1,7 белорусы – 1,5 другие национальности – 3,4	белорусы – 85,1 русские – 10,2 украинцы – 1,2 другие национальности – 3,1
Уровень безработицы, процентов	6,5	1,1
Среднедушевые денежные доходы (в месяц) в долларовом эквиваленте	283 USD	198 USD
Удельный вес численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	18 %	10 %

рируемой преступности на 100 тысяч населения составил 2345, что выше среднего по России (2110). Уменьшилось количество корыстно-насильственных преступлений, меньше зарегистрировано разбоев, сократилось количество грабежей и краж. В то же время на 15 % больше зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков [7].

При общих тенденциях снижения основных показателей преступности следует констатировать в целом более высокий уровень преступности в Смоленской области в сравнении с Витебской, а также ее более жесткий и насильственный характер. Так, если в Смоленской области в 2009 году было зафиксировано 6808 особо тяжких и тяжких преступлений (29,8 % от всех зарегистрированных преступлений), то в Витебской области этот процент составил 8,6 % (2601 преступление).

Общие закономерности развития криминальной ситуации отражают и тенденции преступности несовершеннолетних.

Преступность подрастающего поколения как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации представляет собой серьезную общественную проблему, о чем свидетельствует, в частности, включение преступности несовершеннолетних в число основных факторов, создающих угрозу безопасности, и в Концепцию национальной безопасности Республики Беларусь и в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [8].

Криминологов особенно тревожат не только масштабы (уровень) преступности несовершеннолетних, но и негативные изменения в структуре подростковой преступности, неблагоприятные тенденции в динамике этих структурных изменений.

Таблица 4

Динамика доли несовершеннолетних в числе лиц, совершивших преступления [9]

Год	Количество выявленных лиц, совершивших преступления		Из них лица 14–17 лет		Доля несовершеннолетних в общем числе преступников в %	
	Россия	Беларусь	Россия	Беларусь	Россия	Беларусь
2005	1 297 123	87 839	149 981	7 539	11,6	8,6
2006	1 360 860	80 364	148 595	6 082	10,9	7,5
2007	1 317 600	77 778	131 965	5 664	10,0	7,3
2008	1 256 199	72 944	107 819	5 167	8,6	7,1
2009	1 219 789	73 310	85 452	4 410	7,0	6,0

Динамика объема преступности несовершеннолетних в Российской Федерации и Республике Беларусь

Год	Всего преступлений		Преступлений несовершеннолетних		Преступления несовершеннолетних в % к общему объему	
	Россия	Беларусь	Россия	Беларусь	Россия	Беларусь
2005	3 554 738	192 506	154 734	9 096	4,4	4,7
2006	3 855 375	191 468	150 264	8 133	3,9	4,2
2007	3 582 541	180 427	139 099	6 572	3,9	3,6
2008	3 209 900	158 506	116 090	5 957	3,6	3,7
2009	2 994 820	151 293	94 720	5 404	3,2	3,6

Анализ данных уголовной статистики за период с 2005 года по 2010 год позволяет выявить скрытые проблемы в динамике, структуре и уровне преступных проявлений несовершеннолетних как в Республике Беларусь и Российской Федерации в целом, так и в пограничных Смоленской и Витебской областях и определить возможные тенденции их развития в будущем.

Официальные статистические данные позволяют прежде всего констатировать снижение доли несовершеннолетних в числе лиц, совершивших преступления, при относительной стабилизации в последние годы на уровне примерно 7 % как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации.

О положительной динамике преступности несовершеннолетних свидетельствуют и данные, характеризующие объем преступности несовершеннолетних в последние годы как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь.

Вообще за последние 15 лет количество регистрируемых преступлений с участием данной категории лиц сократилось: почти вдвое – с 9892 в 1996 году до 5404 в 2009 году в Республике Беларусь и более чем в 2 раза – с 202 900 в 1996 году до 94 720 в 2009 году в Российской Федерации.

Сокращение доли преступности несовершеннолетних последних лет во многом объясняется сокращением численности данной возрастной категории как следствия демографических процессов, особенностями учета преступлений несовершеннолетних, изменениями уголовного законодательства в отношении классификации уголовно наказуемых деяний. Свою роль играет и целенаправленная деятельность по предупреждению преступности несовершеннолетних, осуществляемая в республике.

Наряду с положительными тенденциями в динамике подростковой преступности в последние годы прослеживаются и негативные моменты.

Так, уголовная статистика свидетельствует об устойчивой тенденции омоложения преступности. Это происходит за счет вовлечения в преступную деятельность все большего числа 14–15-летних подростков, роста численности ма-

лолетних, совершивших уголовно наказуемые деяния до достижения возраста уголовной ответственности, а также криминализации поведения детей младших возрастных групп (8–12 лет).

Следственно-судебная практика свидетельствует также об изменении качественных характеристик подростковой преступности, об усилении агрессивности, дерзости и цинизма в преступных деяниях несовершеннолетних, повышении их криминальной активности.

Преступность несовершеннолетних в Витебской и Смоленской областях отражает общие тенденции в криминальной сфере своих стран и областей.

Если в 2007 году в Витебской области было зарегистрировано 815 преступлений несовершеннолетних, то в 2008 году – 689 (– 15,5 %), а в 2009 – 712.

Удельный вес подростковой преступности в общей структуре преступности области в 2009 году составил около 4 %. Криминализация на 1000 детского населения составила 3 преступления.

В структуре подростковой преступности отмечается в сравнении с 2008 годом:

увеличение количества убийств с 2 до 3; краж – с 435 до 498; мошенничеств – с 11 до 19; угонов – с 11 до 32;

уменьшение тяжких телесных повреждений – с 6 до 3; грабежей – с 71 до 49, разбоев – с 13 до 10, вымогательств – с 3 до 2, хулиганств – с 45 до 36, незаконного оборота наркотиков – с 15 до 8 преступлений.

За 9 месяцев 2010 года показатели подростковой преступности в области вновь снизились (– 18,2 процента по количеству преступлений; – 25,3 процента по числу преступивших закон несовершеннолетних лиц); удельный вес правонарушений молодежи в общем объеме преступности составил 4,5 % при среднереспубликанском показателе 5,1 % [10].

В Смоленской области за тот же 2009 год несовершеннолетними совершено 799 преступлений, из них 208 – лицами, ранее совершавшими преступления, 314 – в группе (при этом в 118 случа-

ях в группе были только несовершеннолетние), 60 – в состоянии опьянения. За 2009 год по сравнению с 2008 годом удельный вес подростковой преступности уменьшился на 0,6 % и составил 6,2 % (2008 год – 6,8 %). На 17 % с 235 до 275 возросло число тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных подростками. Также возросло число преступлений, совершенных подростками в сельской местности, на 21,6 % с 279 до 338 [11].

Криминологический анализ преступности несовершеннолетних пограничных территорий России и Беларуси позволяет также выявить следующие общие ее характеристики:

- преступность несовершеннолетних составляет основу для воспроизводства общей преступности. Лица, совершившие преступления в молодом возрасте, в дальнейшем, как правило, не прекращают свою преступную деятельность;
- в структуре преступности несовершеннолетних преобладают корыстные (более 60 %), корыстно-насильственные и насильственные виды преступлений;
- преступность среди несовершеннолетних носит преимущественно групповой характер;
- для динамики подростковой преступности наиболее характерны сезонные «пики». В весенне-летний период, когда у молодых людей расширяются возможности для неконтролируемых контактов, количество совершаемых преступлений увеличивается. В это время удлиняется световой день, расширяются границы общественных мест, где молодежь имеет возможность бесконтрольно проводить время. Одновременно ослабевает социальный контроль над времяпрепровождением подростков (отпускной период у родителей, каникулы в учебных заведениях).

Почти аналогичный результат дает и криминологический анализ личности несовершеннолетних правонарушителей двух стран.

Изучение возрастных особенностей несовершеннолетних позволяет сделать вывод, что среди них доминируют лица старшего возраста (16–17 лет) – до 60 %. Доля несовершеннолетних в возрасте 14–15 лет составляет около 40 %. При этом темпы прироста преступности несовершеннолетних младшей возрастной группы увеличиваются более интенсивно, чем темпы прироста старшей.

Преступления совершают в основном лица мужского пола, их удельный вес среди несовершеннолетних преступников как в Республике Беларусь, так и в России составляет свыше 90 %.

Преобладание лиц мужского пола связано с психическими и психологическими особенностями пола, с исторически сложившимся различием поведения, воспитания мальчиков и девочек, с большей активностью, предприимчивостью и другими общепсихологическими свойствами мужчин.

В последние годы наблюдается расширение круга и количества преступлений, которые совершают девочки-подростки и девушки. Это не случайно, как не случайно и то, что увеличилось число подростков женского пола, которые занимаются проституцией, пьянствуют, ведут аморальный образ жизни, неизбежным следствием чего является преступное поведение.

Процесс феминизации преступности несовершеннолетних свидетельствует о смещении ценностных ориентиров молодых девушек в негативную сторону.

Подавляющее число несовершеннолетних преступников (свыше 70 %) проживает в городе.

В образовательной характеристике несовершеннолетних правонарушителей просматривается тенденция отставания их от образовательного уровня сверстников. Среди всех несовершеннолетних преступников удельный вес неработающих и неучащихся составляет около 30 % в обеих странах.

Стабильно высоким остается количество подростков, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения. По Республике Беларусь динамика такова: 2006 год – 25,9 % от всех осужденных подростков; 2007 год – 33,8 %; 2008 год – 25,6 %; в 2009 году 23,4 % совершили преступления в состоянии опьянения [12]. Приведенные цифры свидетельствуют о прямой связи возрастания агрессивности в поведении подростков и употребления алкоголя.

В Российской Федерации также каждое третье преступление несовершеннолетними совершается на почве злоупотребления спиртными напитками [13].

Таким образом, сравнительный анализ количественных показателей подростковой преступности в пограничных областях свидетельствует о довольно сходных тенденциях и динамике этого вида преступности.

Качественные отличия преступности несовершеннолетних, коррелируя с особенностями преступности в Республике Беларусь и Российской Федерации в целом, определяются объективными отличиями условий двух социумов, порождающих криминальное поведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности в странах Содружества в 2008 году // Казахстан и страны СНГ: ежекварт. журн. – № 2-2009. – С. 49; Состояние преступности в государствах – участниках Содружества Независимых Государств в 2009 году // Сайт Исполкома СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/main.aspx?uid=16468>. – Дата доступа: 30.10.2010.

2. Состояние преступности в государствах – участниках Содружества Независимых Государств в 2009 году // Сайт Исполкома СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/main.aspx?uid=16468>. – Дата доступа: 30.10.2010.

3. Там же.

4. Статистика преступности в Российской Федерации за сентябрь 2010 года // Сайт МВД Рос. Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mvd.ru/stats/10000479/10000692/>. – Дата доступа: 30.10.2010; Заседание коллегии Генеральной прокуратуры Республики Беларусь по итогам работы органов прокуратуры Республики Беларусь за первое полугодие 2010 г. // Офиц. сайт Генеральной Прокуратуры Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=25165#doc>. – Дата доступа: 31.10.2010.

5. Таблица составлена на основе статистических материалов по Витебской и Смоленской областям // Сайт Нац. статист. комитета Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/main.php>. – Дата доступа: 31.10.10; Сайт Федеральной службы гос. статистики. Смоленская область [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B08_14s/IssWWW.exe/Stg/z/13.htm. – Дата доступа: 31.10.2010.

6. Сведения о регистрации и предварительном расследовании преступлений по Витебской области за 2009 год / МВД Респ. Беларусь, информ.-аналит. управление. – Минск, 2010; Наказание – неотвратимо // Сайт газеты «Витьбичи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vitbichi.by/?page_id=1988. – Дата доступа: 30.10.2010.

7. Сайт УВД по Смоленской обл. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://uvd.smolensk.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1239&Itemid=73. – Дата доступа: 30.10.2010.

8. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 17 июля 2001 г. № 390 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2001. – № 1/2852; О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Рос. Федерации, 12 мая 2009 г., № 537 // Собр. зак.-ва Рос. Федерации. – № 20. – Ст. 2444.

9. Таблицы 4 и 5 составлены на основании статистических материалов: «Сведения о состоянии преступности по Республике Беларусь» за 2005–2009 годы / Информ.-аналит. управление МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2005–2009; Статистика преступности в Российской Федерации за 2005–2009 годы // Сайт МВД Рос. Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mvd.ru/stats>. – Дата доступа: 30.10.2010.

10. Подростковая преступность снизилась в Витебской области // Знамя юности. – 2010. – 8 окт.

11. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Смоленской области в 2009 году // Сайт уполномоченного по правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://admin.smolensk.ru/~upolchel/index.php?option=com_content&task=view&id=181&Itemid=10. – Дата доступа: 31.10.2010.

12. Сведения о состоянии преступности по Республике Беларусь за 2005–2009 год / Информ.-аналит. управление МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2005–2009.

13. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Смоленской области в 2009 году // Сайт уполномоченного по правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://admin.smolensk.ru/~upolchel/index.php?option=com_content&task=view&id=181&Itemid=10. – Дата доступа: 31.10.2010.

Дата поступления статьи в редакцию 09.11.2010

РЕЙДЕРСТВО: ПОНЯТИЕ И МЕХАНИЗМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

ЧУЕШОВ К.В.,

младший научный сотрудник отделения исследований в сфере экономического развития и экологии Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Статья посвящена актуальной проблеме современности – рейдерству. Автором анализируется многообразие подходов к определению данного явления, вычленяются основные его признаки, а также факторы, способствующие его распространению на постсоветском пространстве. Особое внимание уделено вопросам соотношения понятий «недружественное поглощение», «корпоративный захват», «рейдерство», а также классификации рейдерства. По итогам исследований автор делает вывод о возможных мерах противодействия данному негативному явлению.

The article is devoted to the actual contemporary problem of corporate raid. The author analyzes different approaches to definition of raid, underlines its most characteristic features and factors which influence on its spreading in post-soviet states. Special attention is paid to distinguishing the following terms: «M&A» (merger and acquisition), «corporate raid» together with the ways of classification of corporate raid. Conclusion of the article is connected with possible measures of overcoming of corporate raid.

Введение

Рейдерство нередко рассматривается в качестве современной тенденции перераспределения собственности в условиях кризисного функционирования экономики.

Благоприятной средой для распространения данного негативного явления некоторыми авторами называется активизация неизбежных в рыночной экономике процессов перераспределения собственности, развитие процессов слияния и поглощений на фоне «сырого» законодательства в области регистрации и перерегистрации компаний, в сфере акционерных обществ и банкротства, в условиях процветающей коррупции.

Как отмечают российские специалисты Ю.С.Нехорошев и Е.А.Таран, как макроэкономическое явление в целом рейдерство остается фрагментарно исследованным. Зачастую белорусскими и зарубежными авторами предпринимаются попытки комплексного анализа данного явления. Однако, как представляется, для уяснения сущности корпоративных захватов и построения четкой системы противодействия им на законодательном уровне отдельные вопросы требуют более пристального внимания. К такого рода аспектам, без сомнения, следует отнести методологию рейдерских захватов, характерную для постсоветского пространства.

Общим вопросам методологии корпоративных захватов уделяют внимание такие авторы, как Э.В.Биджаков [1, 2], Ю.С.Нехорошев и Е.А.Таран [3], И.В.Андросов [4], В.Демин [5], В.С.Каменков [6], С.В.Гомцян [7] и другие.

До сих пор не найдены ответы на многие важные для экономической теории вопросы, например, какие факторы влияют на генезис и распространение рейдерства, какое влияние оно оказывает на экономическое развитие страны, какой должна быть политика государства в отношении данной проблемы. Отсутствие единого понимания сущности рейдерства и тенденций его развития не дает возможности выработать эффективную государственную политику противодействия рейдерским захватам, поэтому всестороннее изучение рейдерства является актуальной научной и прикладной задачей [3, с. 20].

Целью настоящей статьи является изучение самого феномена рейдерства, его содержания, а также методологии корпоративных захватов, характерной для стран постсоветского пространства, в том числе и для Республики Беларусь.

Предметом исследования стали соответствующие тематике теоретические труды некоторых отечественных и зарубежных авторов. Так, представляется обоснованным сосредоточить

внимание в данной статье на следующих основных блоках вопросов: общая характеристика явления рейдерства, специфика данного явления на современном этапе в постсоветских странах, а также методология корпоративных захватов.

Основная часть

В настоящее время не существует четкого определения, что такое рейдерство. Общепризнанной точкой зрения можно назвать сосуществование таких понятий, как «недружественное (враждебное) поглощение», «корпоративный захват», «рейдерство».

Очевидно, что наиболее широким является первое из указанных. Как правило, оно ассоциируется (хотя и не всеми авторами) с западной традицией перераспределения корпоративной собственности. Главной особенностью недружественных поглощений является то, что они не предполагают воли (согласия) менеджмента компании-цели. В остальном же недружественное поглощение может и не предполагать наличие криминального элемента [8, с. 339–340].

В таком случае указанное явление зачастую рассматривается как рыночный инструмент, позволяющий перераспределить собственность, пользуясь законными механизмами. Ю.С.Нехорошев и Е.А.Таран называют это «белым» рейдерством [3, с. 21].

Небезынтересной в этой связи представляется и позиция С.В.Гомцяна. Автор считает сравнение недружественных поглощений в их классическом понимании и явлений, имеющих место в корпоративном секторе Российской Федерации, которые сопровождаются нарушениями закона, в корне неверным. Для обозначения последних российских специалист предлагает использовать термин «корпоративные захваты» [7, с. 12].

Именно прямое нарушение закона и «обход» закона («черное рейдерство» и «серое рейдерство» согласно Ю.С.Нехорошеву и Е.А.Таран, а также Э.В.Биджакову) являются отличительными признаками корпоративных захватов.

Попытки определить саму категорию «рейдерство» бесчисленны. Разумно, по нашему мнению, привести некоторые наиболее рознящиеся трактовки.

Так, упомянутые российские авторы Ю.С.Нехорошев и Е.А.Таран определяют рейдерство как «...относительно новый рынок услуг по недружественному (враждебному) захвату собственности», а также как «...макроэкономическое явление, приводящее к перераспределению собственности» [3, с. 21].

Э.В.Биджаков под рейдерством подразумевает «специфическую форму экономических отношений, возникающих в процессе недружественного (противозаконного) перераспределения

прав собственности или трансформации оперативного управления объектом захвата для получения дополнительных доходов и возможностей расширения деятельности субъекта с использованием коррумпированности чиновников, несущую угрозу экономической безопасности бизнеса» [1, с. 29]

В свою очередь В.С.Каменков характеризует рейдерство в качестве узкогруппового названия цепи комплексных правовых, экономических и организационных мероприятий (действий, актов, операций), основанных на пробелах и коллизиях в законодательстве, направленных на завладение акциями, активами, капиталом (бизнесом) с одновременным лишением права собственности на них законных владельцев (собственников) [6].

На основании изложенного можно сделать вывод о характерных признаках рейдерства:

- сочетание «белых», «серых» и «черных» методов;
- направленность на лишение права собственности законных владельцев (речь идет, прежде всего, о корпоративной собственности);
- использование рейдерами целого комплекса мероприятий: правовых, экономических, организационных и иных;
- основанность на пробелах и коллизиях в законодательстве;
- масштабность явления (например, в Российской Федерации рейдерство как одна из серьезнейших внутригосударственных проблем стала предметом многочисленных дискуссий на самом высоком уровне).

Кроме того, зачастую недружественные действия в отношении субъектов хозяйствования могут преследовать иные цели, нежели завладение активами предприятия. Ю.С.Нехорошев и Е.А.Таран, в частности, отмечают: «рейдерство ведется, как правило, не в производственных, а в спекулятивных целях: в крупных городах с дорожающей недвижимостью (сначала это наблюдалось в Москве, затем в Санкт-Петербурге, а теперь эта тенденция охватывает уже всю Россию) предприятия захватываются преимущественно ради их недвижимости. При этом производства просто уничтожаются как ненужное для рейдеров и мешающее им «обременение»» [3, с. 21].

К тому же современной тенденцией в России стало появление особого вида услуг по корпоративным захватам. Рейдерство, другими словами, приобрело заказной характер. При этом складывается ситуация, при которой заказчик обращается к соответствующим субъектам, которые и проводят все либо некоторую часть мероприятий по захвату за вознаграждение. Описанный вариант усложняет задачу менеджмента компании-цели по защите от рейдерства, поскольку истинный заказчик зачастую неизвестен до оп-

ределенного момента (как правило, до инициации процессов по смене руководства компании-цели), к тому же противостоять профессионалам, специализирующимся на оказании такого рода услуг, затруднительно [5, с. 7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что рейдерство как «цепь комплексных правовых, экономических и организационных мероприятий (действий, актов, операций)», о которых говорил В.С.Каменков, может иметь различные цели: рейдер может быть заинтересован как непосредственно в самом захвате и получении контроля над субъектом хозяйствования, так и в получении вознаграждения за такого рода деятельность (в том случае, когда в круг субъектов входят заказчик и исполнитель). Зачастую полученные активы могут использоваться для последующей перепродажи.

К данным аспектам следует добавить относительную молодость исследуемой проблемы. В современном виде проблема корпоративных захватов встала лишь в начале 1990-х годов после распада СССР, когда изменились политический строй, экономическая система абсолютно всех без исключения постсоветских государств. Новые субъекты на политической карте мира были не в состоянии эффективно гарантировать право собственности через свою систему законодательства. Потому с распадом СССР наибольшее распространение получило так называемое «черное рейдерство», для которого характерно использование криминальных методов завладения активами субъектов хозяйствования.

К подобным технологиям Ю.С.Нехорошев и Е.А.Таран относят:

- силовые захваты предприятий;
- подделку документов;
- изготовление нового реестра акционеров (главного объекта рейдерства);
- неправомерное проведение собрания Совета директоров;
- фальсифицированные судебные решения;
- возбуждение заказных уголовных дел на руководителей субъектов хозяйствования [3, с. 21].

Говоря о предпосылках рейдерства в России, Э.В.Биджаков упоминает следующие:

1. Масштабная коррупция, слабость правоохранительной системы и судов.
2. Слабость законодательной базы.
3. Рост благосостояния, рост активов, как производственных, так и недвижимости.
4. Неэффективное использование собственности.
5. Низкий уровень предпринимательской культуры. Собственники компании больше думают о развитии бизнеса и о взаимоотношениях с административными органами власти и значительно реже – о потенциальном захвате.
6. Слабость рыночных институтов. Рыночные институты, по мнению экспертов, не являются

сегодня настоящими регуляторами в рыночной среде.

7. Равнодушное, а местами даже агрессивное отношение общества к бизнесменам и частной собственности в принципе [2, с. 243].

Многие авторы [4, с. 10–11; 2, с. 243] сходятся во мнении, что существует четыре основных способа захвата предприятия:

- через акционерный капитал: рейдеры скупают 10–15 % акций, обычно этого достаточно для того, чтобы инициировать общее собрание и принять нужное решение, например о смене руководства;
- через наемное руководство: менеджмент может просто «выводить» активы на подконтрольные рейдеру структуры или брать кредиты под залог собственности под нереальные проценты;
- через кредиторскую задолженность: если у предприятия имеется несколько мелких задолженностей, рейдер скупает их и предъявляет к единовременной оплате;
- путем оспаривания приватизации: условия для такого рейдерства создаются в тот момент, когда предприятие приватизируется незаконным путем.

Как отмечает И.В.Андронов, в современной России особенно распространены два первых способа, при этом они носят явно криминальный характер [4, с. 11].

Э.В.Биджаков, в свою очередь, подчеркивает, что «...очень сложно провести грань между законными и незаконными методами рейдерства. Если скупку акций можно считать вполне законной, то метод, использующийся для этого, может быть незаконным, и, следовательно, сама скупка акций приобретает незаконный оттенок» [2, с. 243].

Также указанный автор, ссылаясь на аналитические материалы Центра политических технологий, посвященные рейдерству (апрель 2008 года), приводит следующую классификацию этого явления:

«1. Мошенничество. Подделка документов: фальсификация протоколов собраний, подделка подписей, взятка регистраторам, изготовление фальшивых документов, подкуп чиновников. Самая распространенная и многократно проверенная форма рейдерства – это перевыборы на основании фиктивных или полужаконных собраний акционеров, когда их проводят 3–5 % акционеров и перевыбирают генерального директора.

2. «Гринмейл» – психологическая атака. Этот способ можно отнести к квазизаконным методам. Он не нарушает законодательство, не нарушает формальные правила. Обычно гринмейлство – самостоятельный вид бизнеса.

3. Силовой захват – незаконный способ отъема собственности. Метод постепенно уходит в прошлое, но сбрасывать его со счетов эксперты не рекомендуют. Вне всякого закона физический захват предприятия и его владельца.

4. Банкротство. Методология банкротства сейчас используется в меньшей степени, поскольку проработан закон о банкротстве, а также ощутимо влияние общественного мнения. Но раньше банкротство было основным методом захвата предприятия.

5. Административные методы со стороны местных или федеральных властей. Бизнесмен получает определенное вознаграждение за бизнес, который у него отбирают в пользу либо государственных, либо негосударственных структур.

6. Скупка акций. Размывание собственности миноритариев путем выпуска акций без учета их прав – квазизаконный метод. Произвести дополнительную эмиссию может только собственник, если эмиссию акций производит не собственник – акция незаконная» [2, с. 243–244].

Заключение

Рейдерство на постсоветском пространстве резко отличается от западного, хотя подобное явление широко распространено. В данном случае рынок слияний и поглощений значительно криминализован.

Методология рейдеров очень разнообразна и зависит от многих факторов, среди которых можно назвать цель корпоративного захвата, степень подготовки «агрессора», общую криминальную обстановку в регионе, внешние и внутренние условия функционирования компании-цели, а также некоторые иные.

Рейдерство представляет реальную угрозу для многих преуспевающих предприятий, в особенности для имеющих в собственности большие активы. Зачастую объектом внимания рейдеров становятся предприятия, где пакет акций распылен между большим количеством мелких акционеров, а также компании, где существуют внутренние корпоративные конфликты между собственниками.

Рейдерство подрывает фундамент рыночной экономики – отношения собственности. Недалеко многие специалисты считают его макроэкономической проблемой. В данном случае разумной мерой защиты (а точнее предупреждения) от рейдерства представляется законодательное закрепление комплекса мер по гарантированию права собственности, обеспечению и охране прав участников хозяйственных обществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биджаков, Э.В. Генезис и сущность экономического содержания рейдерства / Э.В. Биджаков, В.М. Юрьев // Соц.-эконом. явления и процессы. – 2010. – № 1 (017). – С. 19–29.
2. Биджаков, Э.В., Специфика рейдерства в современной экономике России / Э.В. Биджаков // Вестн. ТГУ. – 2009. – № 5 (73). – С. 242–247.
3. Нехорошев, Ю.С. Анатомия российского рейдерства / Ю.С. Нехорошев, Е.А. Таран // Изв. Томск. политехн. ун-та. – 2009. – № 6. – С. 20–23.
4. Андросов, И.В. Рейдерство как современная тенденция перераспределения собственности в условиях кризисного функционирования экономики / И.В. Андросов // Соц.-эконом. явления и процессы. – 2009. – № 4 (016). – С. 9–12.
5. Демин, В. Пираты в галстуках и их покровители / В. Демин // БДИ. – 2006. – № 3 (66). – С. 6–15.
6. Каменков, В.С. Рейдерство есть. А антирейдерство? / В.С. Каменков // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. 2010.
7. Гомцяп, С.В. Правила поглощения акционерных обществ: сравнительно-правовой анализ: моногр. / С.В. Гомцяп. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 320 с.
8. Чуешов, К.В. Современные подходы к определению понятия «рейдерство» / К.В. Чуешов // Право в современном белорусском обществе / Нац. центр зак-ва и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2010. – Вып. 5. – С. 337–343.

Дата поступления статьи в редакцию 17.01.2011

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТУРИЗМЕ ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ЯХНОВЕЦ И.Н.,

адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

В статье анализируются и обобщаются теоретические взгляды ученых по исследованию классификаций этапов развития туризма. В зависимости от роли и значения туризма, которые определялись нормативными правовыми актами на конкретном историческом этапе, предложена авторская периодизация развития гражданского законодательства в туристической сфере.

Theoretical views of different scientists dedicated to the research of some aspects of classification of tourism development are analyzed and summarized. Depending on the role and significance of tourism defined by the legal acts at a determined historical stage, an author's definition of periods of civil legislation concerning the sphere of tourism is proposed.

Издавна человек стремится к познанию окружающего его мира. Одной из многообразных и доступных форм этого познания являлись путешествия, которые с развитием торговли открывали широкую возможность знакомства с другими странами и народами. Сегодня такого рода путешествия объединены одним понятием туризм.

Туризм в своем развитии воздействует как на экономику, так и на многие другие стороны жизни нашего общества. Этим объясняется интерес ученых различных сфер деятельности: юристов, экономистов, географов, врачей, социологов, философов, педагогов и других к данной сфере.

История туризма как вида отдыха восходит к самым ранним этапам человеческой деятельности. Но только начиная с XIX века можно говорить о его нормативном правовом регулировании в современном смысле.

Для правильного понимания генезиса туристического законодательства необходимо определить этапы становления данного явления. В научной литературе существуют различные точки зрения на периодизацию туризма. Так, Л.М.Гайдукевич предлагает в развитии белорусского туризма выделить три основных этапа:

развитие и становление туризма в Беларуси в период зарождения туризма как нового соци-

ально-экономического явления. Этот период датируется началом XIX века и по 1918 год;

развитие туризма в условиях социалистической модели хозяйствования (с 1919 года по 1990 год);

развитие туризма в период становления рыночных отношений в Республике Беларусь. Данный период длится с 1991 года и по настоящее время [1, с. 22–23].

А.П.Дурович, Н.И.Кабушкин, Т.М.Сергеева и другие в истории туризма различают 4 этапа:

1. До начала XIX в. – элитарный туризм, зарождение специализированных предприятий по производству туристических услуг. Этот этап определяется как предыстория туризма.

2. XIX в. – Первая мировая война. Данный период характеризуется революционными изменениями в развитии транспорта, созданием первых бюро путешествий, изобретением парохода, паровоза.

3. Период между двумя мировыми войнами, который ознаменовался началом становления массового туризма.

4. Современный этап – после Второй мировой войны и до наших дней. В этот период происходит формирование туристической индустрии как межотраслевого комплекса по производству товаров и услуг для туризма. Из пред-

мета роскоши туризм становится потребностью для большинства населения высокоразвитых стран. Формируется индустрия туризма со своими институтами, продуктом. Особенностью данного этапа является широкий международный обмен [2, с. 7–8].

Существуют и другие классификации развития туризма и, соответственно, становления туристического законодательства. В целом, не оспаривая предложенных авторами классификаций развития туризма, целесообразно отметить некоторые неточности. В приведенных положениях в качестве отправной точки развития туризма взят XIX в. В предложенные классификации не попал огромный исторический период: от появления первых удельных княжеств на территории белорусских земель и до начала XIX в.

Анализ научной литературы по данной проблеме, нормативных правовых актов, исторических документов позволяет предложить следующую периодизацию становления туризма на территории Беларуси и, соответственно, развития законодательства, регламентирующего общественные отношения в данной области. Основой предложенной классификации является степень правового регулирования рассматриваемого вопроса.

Целесообразно выделить пять этапов в становлении и развитии туристического законодательства на территории белорусских земель: первый период – до XIII в.; второй – XIII в. – 1917 г.; третий – 1917–1969 гг.; четвертый – 1969–1991 гг.; пятый – 1991–2010 гг.

Первый период – до XIII в. Накануне образования Древнерусского государства и в начальный период его развития наших предков обычно именовали по названиям племен (или племенных союзов), в которые они объединялись. Это поляне, древляне, кривичи, вятичи и прочие. Как известно из исторических источников, еще в древности наши предки совершали путешествия в другие страны. Однако в большинстве случаев такие путешествия носили сугубо военный характер. Так, отряды кривичей в составе дружин киевских князей ходили на Царьград, то есть в Византийскую империю, что нашло отражение в летописи. По мнению известного историка Е.А.Рыбакова, о Киевском государстве можно говорить уже с начала IX в. Одним из характерных признаков наличия государства у восточных славян является объединение земель вокруг Киева.

Нормативные правовые акты, регулирующие правоотношения на данном этапе развития древнего государства, не содержали норм, регулирующих въезд-выезд лиц, проживающих на определенной территории. К таким документам, в частности, относятся Русская Правда, княжеские уставы и уставные грамоты (Устав князя

Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях церковных, Устав князя Ярослава о церковных судах, Уставная грамота князя Мстислава Даниловича 1289 г.), а также договоры Смоленского, Витебского и Полоцкого княжеств с Ригой, Готландской землей и немецкими городами 1229 г., Договорная грамота князя Гердена с Инфлянцким магистром (Конродом фон Мандерном) и городами Ригой, Полоцком и Витебском 1263 г., Договорная грамота князя Изяслава с Инфлянцким магистром и городом Ригой. Одними из первых источников белорусского права являются договоры 1229 г. Смоленского, Витебского и Полоцкого княжеств с Ригой и Гоцким берегом и 1263 г. между Полоцким, Витебским княжествами и Ливонией, которые не содержали норм, регулирующих выезды жителей белорусских княжеств за пределы государства и выезды иностранцев на территорию страны.

После распада Древнерусского Киевского государства (XII в.) его законодательство продолжало действовать в новообразовавшихся странах. В них создаются свои законы, уставы тех или иных князей, однако они не могут заменить собой всю сложную систему законодательства Киевской Руси.

Таким образом, говоря о первом периоде развития туризма на территории Беларуси, необходимо отметить, что данное явление существовало де-факто, но его правовое регулирование не осуществлялось.

Второй период – XIII в. – 1917 г. Характеризуется тем, что путешествия становятся важным элементом культурного развития общества.

В XIII в. на территории Беларуси возникло новое государственное образование – Великое Княжество Литовское (ВКЛ). ВКЛ – одна из интереснейших страниц в истории нашей государственности. Это средневековое белорусское государство появилось в результате объединения Новогородком (так тогда назывался Новогрудок) вокруг себя соседних древних княжеств – Полоцкого, Турово-Пинского и Смоленского на экономической и культурной основе, а также земель, которые заселяли племена литва, латыголь, ятвязь и другие. Именно начиная с времен ВКЛ можно говорить о формировании туристического законодательства на территории современной Беларуси. Так, привилеи великих князей Казимира (1447 г.), Александра (1492 г.), Бельский привилей (1564 г.), Судебник Казимира IV (1468 г.) уже содержали в себе нормы, позволяющие выезжать за пределы государства князьям, рыцарям, шляхте и боярам. Местные привилеи (Витебский 1503 г. и Полоцкий 1511 г.) позволяли выезжать за границу всем свободным людям данных земель.

Статут ВКЛ 1529 г. стал первым сводом законов в Европе, который охватывал многие отрасли права: конституционное, семейное, граждан-

ское, административное, уголовное, земельное и прочее. В соответствии со Статутом 1529 г. свободно выезжать за пределы государства имели право лишь «княжата и панове хоругвные, шляхта и бояре», но не люди «всякого стану». Статут ВКЛ 1566 г. ознаменовал собой новый подъем в развитии белорусского права. В нем были разумно объединены новые теоретические разработки местного права с практической деятельностью государственной администрации и судов; сняты все ограничения на перемещения и закреплено право каждого человека «всякого стану» выезжать за пределы государства, кроме неприятельских земель. Целью выезда могло быть обучение либо лечение заболеваний. В Статуте 1566 г. закреплялась и юридическая защита путешествующих по землям ВКЛ [3].

Статут ВКЛ 1588 г. сохранил право для человека любого сословия свободно покидать земли ВКЛ «для набыцця навук у пісьме практыкавання і ўчынкаў рыцарскіх і таксама, маючы слабае здароўе, для лячэння ва ўсякія землі і краіны, акрамя земляў непрыяцеляў нашых, з кім бы тое панства наша на той час ваявала» [4, с. 47].

В 1569 г. подписана Люблинская уния, результатом которой явилось объединение Польши и ВКЛ в Речь Посполитую. При этом следует отметить, что в период нахождения белорусских земель в составе Речи Посполитой, на ее территории продолжал действовать Статут ВКЛ 1566 г., а затем 1588 г. В результате трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793 и 1797 гг.) данное государство прекратило свое существование и его земли вошли в состав Российской империи. После включения в состав Российской империи белорусские земли были лишены всякой политической самостоятельности и рассматривались российскими правителями исключительно в качестве имперских провинций.

В 1772–1796 гг. система управления белорусскими землями пережила ряд реорганизаций. В 1772 г. создано Белорусское генерал-губернаторство с центром в Могилеве (несколько позднее административный центр был перенесен в Витебск). Большая часть присоединенных земель вошла в состав Могилевской губернии, территория Подвинья была включена в состав Псковской губернии. В 1776 г. образована Полоцкая губерния, в 1793 г. – Минская, в 1795 г. – Виленская и Слонимская губернии, в 1796 г. в результате слияния Могилевской и Полоцкой губерний – Белорусская губерния (с центром в Витебске). В 1802 г. в результате новой административной реформы на территории Беларуси создано 5 губерний (Виленская, Витебская, Гродненская, Минская, Могилевская), после чего белорусские земли не подвергались административным реорганизациям вплоть до 1917 г. [5]. Несмотря на присоединение к Российской империи, с конца XVIII и до первой трети

XIX вв. на территории западных губерний основным источником права все еще оставался Статут ВКЛ 1588 г. Однако в 1831 г. действие Статута 1588 г. отменено в Витебской и Могилевской губерниях, а в 1840 г. – в Виленской, Гродненской и Минской [6, с. 171].

Период вхождения белорусских земель в состав Российской империи, с одной стороны, характеризуется укреплением феодально-крепостнического строя, а с другой – получением дворянами права на свободу передвижения за пределы страны и на возвращение в любое время [7, с. 5].

Первые туристические организации в Российской империи появились в 1885–1890 гг. в Петербурге, Тифлисе, Одессе. Самая крупная организация основана в 1885 г. Липсоном в Петербурге под названием «Предприятие для общественных путешествий во все страны света» [8, с. 88–90].

В XIX в. отмечается возникновение тенденции превращения путешествий в один из видов предпринимательской деятельности. Уже на тот момент к лицам, осуществляющим путешествия, можно применить термин «туристы» (в современном понимании данного слова), так как наряду с целью получения знаний появляется и такой мотив, как отдых, ознакомление с достопримечательностями. В 1901 г. создано Российское общество туристов, которое организовывало поездки по стране и за границу, однако сохраняется характер сословно-правового регулирования данных отношений.

Говоря о развитии туризма на белорусских землях, следует отметить, что туризм как коллективное, общественно-экономическое явление начинает зарождаться в XIX в., и связано это с массовым использованием населением такого средства передвижения как велосипед (первый велосипед в Беларуси появился в Витебске в 70-е гг.) [9, с. 199].

Третий период – 1917–1969 гг.

До Великой Октябрьской социалистической революции туризм как вид отдыха был доступен лишь представителям имущих классов, предпочитавшим поездки в уже сформировавшиеся туристические центры зарубежной Европы, где существовали туристические клубы и специальные фирмы, обслуживающие туристов [10, с. 9]. После 1917 г. туризм стал массовой и широко доступной формой удовлетворения духовных, в том числе познавательных, рекреационных, коммуникативных потребностей трудящихся и молодежи, эффективным способом самодетельности населения во вне рабочее и свободное время.

Данный период характеризуется сменой идеологического смысла туризма и жестким планированием. Зарождается марксистско-ленинская методология, и доминирующая роль в

правовом регулировании туризма принадлежит коммунистической партии и государству.

После Октябрьской революции туризм в Беларуси развивался в рамках физической культуры. В 1917 г. Декретом Совнаркома учреждена Государственная комиссия по народному просвещению, которая помимо других вопросов занималась проблемами физического воспитания в школах. В 1923 г. в Беларуси создается Высший совет по физической культуре, в 1928 г. открылся техникум физической культуры в Минске, где стали готовить специалистов не только для различных видов спорта, но и по туризму.

Правовому регулированию туризма в рассматриваемый период уделялось недостаточно внимания. Так, только в Конституции Белорусской ССР 1937 г. содержалась статья 94, которая продублировала статью 119 Конституции СССР 1936 г., в которой закреплялось право граждан на отдых с предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов [11, с. 41].

В период советской власти туризм в Белорусской ССР развивался в рамках союзного законодательства. При этом развитие туристического движения в Беларуси отставало от других социалистических стран. Ученый секретарь Белорусского бюро краеведения Н.И. Касперович писал: «... в то время, как в РСФСР и Украинской ССР есть целая сеть экскурсбаз, литература и так далее, у нас нет ни центра, который бы занимался об организации экскурсионного дела и туризма, ни баз, ни маршрутов» [12, с. 69]. Для активизации туристического движения в Беларуси с 1931 г. организуются массовые походы краеведческого характера.

В 30-е годы белорусские власти стали широко пропагандировать туризм, появились первые белорусские издания по туризму («Экскурсия на завод», «Турысты – за вывучэнне гісторыі грамадзянскай вайны»), широко освещались вопросы белорусского туризма в различных журналах, таких как «Наш край», «Савецкая краіна». Было создано Общество пролетарского туризма и экскурсий Беларуси (ОПТЭ), однако туризм в стране еще не стал массовым. Членами ОПТЭ являлись в основном студенты и служащие.

Согласно постановлению ЦК КП(б) 1931 г. организовано оргбюро ОПТЭ. Целью ОПТЭ было массовое вовлечение трудящихся в туристско-экскурсионное движение для подчинения его задачам социалистического строительства и выполнения отдельных заданий партийных, комсомольских и других организаций.

Советом народных комиссаров (СНК) БССР 23 июля 1932 г. принято постановление № 382 «Пра арганізацыю адпачынку рабочых у 1932 г.», в котором обоснована необходимость создания при Центральном Совете профессиональных

союзов Белоруссии (ЦС ПСБ) межведомственного бюро из представителей ЦС ПСБ, Народно-го комиссариата охраны здоровья, Республиканской кассы Социального страхования и Товарищества Пролетарского туризма и экскурсий, на которые возлагались разработка мероприятий по организации рабочего отдыха, планирование дел и оперативное руководство им [13]. Целью данной реорганизации было улучшение организации рабочего отдыха. Во исполнение данного постановления разрабатывались разнообразные туристические маршруты, заключались договоры с различными предприятиями для проведения экскурсий, организовывались экскурсии в города Советского Союза.

В 1936 г. Президиум Центрального совета профессиональных союзов Беларуси посчитал существование ОПТЭ нецелесообразным и ликвидировал его. После ликвидации общества руководство туристической работой перешло физкультурным и профсоюзным организациям.

Таким образом, в довоенный период в Беларуси туризм не приобрел массового распространения среди населения из-за жесткого партийного контроля, идеологической направленности, но при этом наблюдалась устойчивая тенденция развития туризма, экскурсионного дела и формирования правовой основы. В предвоенные годы отмечался рост кадров туристических учреждений, началось строительство новых и приведение в порядок ранее существовавших туристических баз [14, с. 7].

Вторая мировая война приостановила всякую туристическую деятельность. После ее завершения условия для туризма стали приближаться к довоенным и Совет народных комиссаров БССР принял постановление о возобновлении работы и оказании помощи комитетам по физической культуре и спорту.

В 1957 г. создана Минская экскурсионная база Центрального туристского управления ВЦСПС при Белсовпрофе, которая была переименована в Белорусское республиканское бюро туристских путешествий (БРБТП), в 1959 г. – в Белорусское туристско-экскурсионное управление ВЦСПС (БТЭУ). В 1962 г. Президиум ВЦСПС преобразовал туристско-экскурсионные управления в советы по туризму.

С 1958 г. на территории БССР открываются турбазы, разрабатываются новые туристические маршруты, начинают работать первые клубы туристов. С 1964 г. во всех вузах и техникумах создаются туристические секции, а в крупных институтах образуются клубы туристов. Успехи в развитии республиканского туризма в эти годы связаны, прежде всего, с расширением материальной базы.

Постановлением Совета Министров БССР от 29 апреля 1960 г. № 243 «О передаче профсоюзам санаториев и домов отдыха» все действующие

щие на хозяйственном расчете санатории (кроме туберкулезных) и дома отдыха переданы Белорусскому республиканскому совету профсоюзов [15, с. 190].

Президиум ВЦСП 20 июля 1962 г. принял постановление «О дальнейшем развитии туризма».

Четвертый период – 1969–1991 гг.

С принятием постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 30 мая 1969 г. № 411 «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране» начинается качественно новый этап развития туризма и экскурсий в стране [16]. В данном постановлении были определены основные направления развития туризма, сформулированы цели и задачи профсоюзных, советских и хозяйственных организаций в сфере туризма. Руководство туризмом и экскурсионной работой, организацией местных и дальних путешествий и экскурсий в стране возложено на профсоюзы. Обеспечивая руководство развитием туризма и экскурсий в стране, ВЦСПС вовлекало в эту деятельность государственные, хозяйственные и общественные организации, вносило предложения в директивные органы о необходимых мерах по дальнейшему совершенствованию туристического и экскурсионного дела [17, с. 28].

ЦК КПБ Совета Министров БССР и Белорусский республиканский совет профессиональных союзов приняли постановление 28 июля 1969 г. № 265 «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в Белорусской ССР», которое фактически продублировало союзное [18, с. 341]. Постановлением ЦК КПБ и Совета Министров БССР от 5 октября 1970 г. № 320 «О размещении и развитии зон отдыха, сети санаторно-курортного лечения и туризма в Белорусской ССР» одобрены основные положения проекта размещения и развития зон отдыха и туризма в Белорусской ССР, указаны зоны отдыха, обладающие наиболее благоприятными природными условиями для строительства оздоровительных учреждений: в зонах отдыха и прилегающих к ним районах запрещено строительство промышленных предприятий и других объектов, оказывающих вредное влияние на окружающую среду [18, с. 343].

Постановлением Совета Министров БССР от 18 февраля 1974 г. № 63 «О схеме размещения и развития сети туризма в Белорусской ССР» одобрены основные положения схемы размещения и развития сети туризма в Белорусской ССР. Данный документ предусматривал структурное деление туризма:

по специфике обслуживания – на туризм для взрослого населения, детей и иностранных граждан;

по основной цели – на познавательно-экскурсионный и спортивно-оздоровительный;

по продолжительности – на длительный (более трех дней) и кратковременный;

по степени обслуживания – на туризм с частичным обслуживанием (по желанию туриста) и полным обслуживанием (обеспечение туристским снаряжением, транспортом, питанием и другими услугами, организация ночлега и экскурсионного обслуживания);

по организационной форме – на плановый (по путевке) и самодеятельный;

по виду передвижения – на пешеходный и с использованием транспортных средств [19, с. 363].

Постановлением Совета Министров БССР от 14 декабря 1983 г. № 388 «О перспективной схеме развития туризма в Белорусской ССР» утверждены «Основные положения перспективной схемы развития туризма в Белорусской ССР», а также установлены сроки развития внутреннего туризма – 2010 год. Данным нормативным правовым актом определено увеличение на территории республики туристических зон, туристических центров, развитие познавательного, спортивно-оздоровительного, самодеятельного туризма, дальнейшее расширение его материально-технической базы путем развития и реконструкции действующих и строительства новых учреждений туризма, рациональное использование существующих учреждений и повышение их рентабельности, увеличение числа иностранных туристов, улучшение транспортного обслуживания туристов и экскурсантов, осуществление комплексных мероприятий по охране окружающей среды [19, с. 520].

Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ от 18 июля 1985 г. «О мерах по развитию туризма и совершенствованию туристско-экскурсионного обслуживания населения СССР в 1986–1990 гг. и на период до 2000 года» определило широкий круг мер по развитию туризма [20]. Этим постановлением предусматривалось существенное увеличение объема и качества услуг, предоставляемых трудящимся туристско-экскурсионными организациями профсоюзов и бюро международного молодежного туризма «Спутник», создание условий для расширения туристического отдыха родителей с детьми, учащейся и рабочей молодежи. В данный период имел место переход от административно-командной экономики к рыночной, что привело к бурному развитию рынка туристических услуг и образованию туристических предприятий различных форм собственности.

В пятом периоде – 1991–2010 гг. – будут рассмотрены правовые аспекты развития туризма с момента провозглашения независимости Республики Беларусь и по настоящее время.

Таким образом, в своем развитии туризм прошел много этапов развития и к XX в. прочно вошел в повседневную жизнь всех людей. Туризм рассматривается не только как отрасль народного хозяйства, экономически выгодная госу-

дарству, но и как сфера, призванная, прежде всего, предоставлять гражданам возможность укреплять здоровье, узнавать собственный край, прививать любовь к стране. Именно в этой связи на данном этапе в стране уделяется столь пристальное внимание развитию туристической отрасли.

Также можно говорить о том, что на каждом отдельном этапе нормативные правовые акты, регулирующие туризм, зависели как от типа государственного регулирования туристической

сферы, так и от общественных отношений, сложившихся в конкретный исторический период. Туристическая деятельность, как одно из перспективных направлений экономики страны, с каждым новым периодом подвергалась все более детальному правовому регулированию. В настоящее время, исходя из проанализированных нормативных правовых актов, туризм – это не только сфера деятельности, но и отдельный институт со своим правовым регулированием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Туризм в Беларуси / Л.М. Гайдукевич [и др.]. – Минск: БГУ, 2001. – 131 с.
2. Организация туризма: учеб. пособие / А.П. Дурович [и др.]; под общ. ред. Н.И. Кабушкина. – Минск: Новое знание, 2003. – 632 с.
3. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / рэдкал.: Т.І. Доўнар [і інш.]. – Мінск: Тэсей, 2003. – 250 с.
4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года / пер. на сучас. беларус. мову А.С. Шагун. – Мінск: Беларусь, 2005. – 206 с.
5. Беларусь – Туризм в Беларуси [Электронный ресурс]. – Минск, 2010. – Режим доступа: <http://www.belarustourism.by/belarus/history/empire/>. – Дата доступа: 29.03.2010.
6. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (са старажытных часоў да нашых дзён): вучэб. дапаможнік / А.Ф. Вішнеўскі [і інш.]; пад агул. рэд. праф. А.Ф. Вішнеўскага. – 2-е выд. – Мінск: Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2003. – 320 с.
7. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова [и др.]. – М.: Юрид. лит., 1987. – Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма / О.И. Чистяков [и др.]. – 528 с.
8. Шеховнин, Н. Как родился туризм? / Н. Шеховнин // Спутник. – 1995. – № 1. – С. 88–90.
9. Шаповал, Г.Ф. История туризма / Г.Ф. Шаповал. – 3-е изд. – Минск: Респ. ин-т высш. шк., 2004. – 259 с.
10. Ефременко, Е.В. Туризм в БССР / Е.В. Ефременко. – Минск: Изд-во БГУ, 1981. – 64 с.
11. Конституция (Основной Закон) Белорусской ССР. – Минск: Партиздат ЦК КП(б)Б, 1937. – 55 с.
12. Каспяровіч, М. Разгорнем школьны турызм / М. Каспяровіч // Камуніст. выхаванне. – 1930. – № 4. – С. 69.
13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 2. Мясцовы турызм.
14. Пасечный, П.С. Туризм для всех / П.С. Пасечный. – М.: Центр. рекл.-информ. бюро «Турист», 1982. – 84 с.
15. О передаче профсоюзам санаториев и домов отдыха (извлечение): постановление Совета Министров БССР, 29 апр. 1960 г., № 243 // Собр. законов, Указов Президиума Верх. Совета БССР, постановлений и распоряжений Совета Министров БССР. – 1960. – № 1–19. – 765 с.
16. О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране: постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС, 30 мая 1969 г., № 411 // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2010.
17. Пасечный, П.С. Основы организации и управления самостоятельным туризмом / П.С. Пасечный. – М.: Центр. рекл.-информ. бюро «Турист», 1980. – 93 с.
18. Свод законов Белорусской ССР: в 10 т. – Т. 3: Законодательство о социальном развитии и культуре. Социально-экономические права граждан. – Минск: Беларусь, 1986. – 436 с.
19. Собрание действующего законодательства Белорусской ССР: в 21 т. – Т. 14: Законодательство о культуре; Законодательство о здравоохранении, физической культуре и спорте; Законодательство о браке и семье. – Минск: Беларусь, 1979. – 622 с.
20. О мерах по развитию туризма и совершенствованию туристско-экскурсионного обслуживания населения СССР в 1986–1990 гг. и на период до 2000 года: постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, 18 июля 1985 г. // Правда. – 1985. – 19 июля. – С. 1.

Дата поступления статьи в редакцию 29.09.2010

МЕСТО СЕКРЕТОВ ПРОИЗВОДСТВА (НОУ-ХАУ) В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ЛЕВКИНА Е.А.,

аспирант Белорусского государственного экономического университета

В статье рассматривается проблема определения охраняемых секретов производства (ноу-хау) и их места в системе объектов гражданских прав. Главным является вопрос о разграничении секретов производства (ноу-хау) с коммерческой тайной, о необходимости выделения секретов производства (ноу-хау) из информации, составляющей коммерческую тайну.

There is the problem of definition of the trade secrets (know-how) and their place in the system of the objects of Civil laws. The main idea in the article is the differentiation of the trade secrets (know-how) with the commercial secrets, and the necessity of apportionment the trade secrets (know-how) from information included into the commercial secrets.

Исследование места и роли секретов производства (ноу-хау) в системе объектов интеллектуальной собственности в настоящее время представляется весьма важной теоретической задачей. Следует отметить, что законодательство Республики Беларусь в части охраны, защиты и передачи секретов производства (ноу-хау) не носит целостный характер. Отдельные нормы, относящиеся к секретам производства (ноу-хау), содержатся в различных нормативных правовых актах, некоторые из них неоднозначны и требуют дополнительной трактовки.

Рассмотрим место секретов производства (ноу-хау) в системе объектов интеллектуальной собственности в законодательстве Республики Беларусь.

Законодательство Республики Беларусь не дает определение объекта права секретов производства (ноу-хау). Единственное определение секретов производства (ноу-хау) содержится в постановлении Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г. № 7-10 «О рекомендательном законодательном акте «О защите высоких технологий» [1]: «Секреты производства (ноу-хау) – полностью или частично конфиденциальные знания, включающие сведения технического, экономического, управленческого, финансового характера, использование которых обеспечивает определенные преимущества лицу, их получившему, но не запатентованные».

В некоторой степени понятие секретов производства (ноу-хау) раскрывается в п. 1 ст. 1010 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) [2] через отношение к секретам производства (ноу-хау) субъекта права: «Лицо, правомерно обладающее технической, организационной или коммерческой информацией, в том числе секретами производства (ноу-хау), не известной третьим лицам (нераскрытая информация), имеет право на защиту этой информации от незаконного использования, если соблюдены условия, установленные пунктом 1 статьи 140 настоящего Кодекса».

Хотя указанные в п. 1 ст. 140 ГК условия относятся к служебной и коммерческой тайне, законодатель устанавливает их и для объектов, указанных в п. 1 ст. 1010 ГК. Это позволяет по аналогии определить условия охраны секретов производства (ноу-хау): 1) секреты производства (ноу-хау) должны иметь действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам; 2) к секретам производства (ноу-хау) не должно быть свободного доступа на законном основании; 3) обладатель секретов производства (ноу-хау) должен принимать меры к охране конфиденциальности.

В соответствии со ст. 998 ГК секреты производства (ноу-хау), как и иная нераскрытая информация, отнесены к объектам промышленной собственности. В Республике Беларусь право на секреты производства (ноу-хау) возникает в связи с фактом их создания и не требует осуществления каких-либо формальностей: регистра-

ции, получения свидетельств и т.п., что вытекает из положений п. 2 ст. 1010 ГК.

При сравнении требований различных статей ГК следует отметить следующее:

1) понятия «ноу-хау» и «секреты производства» отождествляются;

2) понятие «секреты производства (ноу-хау)» определяется через понятия «техническая информация», «организационная информация», «коммерческая информация»;

3) к секретам производства (ноу-хау) предъявляется требование быть неизвестными третьим лицам (нераскрытая информация).

В ГК секреты производства (ноу-хау) названы «в том числе» в рамках общего понятия «нераскрытая информация». Нераскрытая информация согласно ст. 1010 ГК понимается как техническая, организационная или коммерческая информация, не известная третьим лицам. Исходя из этого можно логически заключить, что в действующем законодательстве Беларуси секреты производства (ноу-хау) определяются как информация. Такого же мнения придерживаются некоторые белорусские ученые [3, с. 47]. Статья 1 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» термин «информация» трактует как «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления» [4]. Однако, как представляется в данном случае, в отношении секретов производства (ноу-хау) лучше использовать специальный термин «научно-техническая информация», так как последний более точно подходит к рассматриваемому определению. В Законе Республики Беларусь от 5 мая 1999 года № 250-З «О научно-технической информации» дано определение термина «научно-техническая информация» как «сведения о документах и фактах, получаемых в ходе научной, научно-технической, инновационной и общественной деятельности» [5].

Поскольку наибольшие сложности вызывает вопрос о разграничении секретов производства (ноу-хау) именно с коммерческой тайной, остановимся на нем более подробно. В литературе по вопросу о соотношении коммерческой тайны и секретов производства (ноу-хау) высказывались следующие точки зрения:

а) коммерческая тайна и секреты производства (ноу-хау) тождественны друг другу (например, З.Ф.Гайнуллина, А.П.Сергеев и др.) [6, с. 10; 7, с. 679];

б) институт коммерческой тайны как бы вбирает в себя институт секретов производства (ноу-хау), но не исчерпывается им (С.С.Лосев) [3, с. 47–48];

в) несмотря на то, что признаки, принадлежащие секретам производства (ноу-хау), отно-

сятся также и к коммерческой тайне, нельзя говорить о том, что секреты производства (ноу-хау) полностью поглощаются коммерческой тайной хотя бы в силу того, что секреты производства (ноу-хау) в отличие от коммерческой тайны являются результатом интеллектуальной деятельности, потенциальная ценность которых не связана с конкретным бизнесом [8, с. 130];

г) секреты производства (ноу-хау) являются нетрадиционным объектом интеллектуальной собственности, права на который охраняются в режиме коммерческой тайны [11, с. 105–108].

Отличия между рассматриваемыми институтами сводятся к следующему:

а) различный состав информации, входящей в их содержание;

б) различная правовая природа коммерческой тайны и секретов производства (ноу-хау);

в) различный состав субъектов права на данные объекты и их правомочий [12, с. 11–12].

Информация, составляющая коммерческую тайну, это практически любая информация, попадание которой к конкурентам может причинить вред правообладателю. Секреты производства (ноу-хау) исходя из общепринятой практики составляют информацию о сущности охраноспособных результатов научно-технической деятельности, о методах, технологиях, процессах производства, сведения, относящиеся к способам реализации экономических и организационных решений при продвижении на рынок продукции и услуг и так далее, полученные в результате интеллектуальной (творческой) деятельности.

Состав информации, охраняемой в режиме коммерческой тайны, является более разнообразным и не исчерпывается только информацией о секрете производства (ноу-хау). В связи с этим сомнительным выглядит отождествление данных понятий.

Необходимость выделения секретов производства (ноу-хау) из общего массива информации, составляющей коммерческую тайну, равно как и существование специального регулирования отношений по поводу их, обусловлены присущим составляющим их сведениям творческим характером. Все иные категории сведений, не отвечающие данному требованию, которые в настоящий момент все же отнесены к секретам производства (ноу-хау), следует включать в состав информации, составляющей коммерческую тайну, которая может и должна охраняться и защищаться в рамках законодательства о коммерческой тайне и общих норм гражданского законодательства.

Таким образом, коммерческая тайна имеет те же общие признаки, что и информация, в силу чего по своей природе выступает ее разновидностью.

Иную правовую природу имеют секреты производства (ноу-хау). На международном уровне, прежде всего в документах ВОИС, традиционно секреты производства (ноу-хау) относятся к объектам интеллектуальной собственности, несмотря на то, что принципы правовой охраны прав на секреты производства (ноу-хау) отличны от принципов охраны, к примеру, объектов патентного права. При этом следует учитывать нормы международного права, являющиеся неотъемлемой частью правовой системы Республики Беларусь. В частности, многочисленные соглашения и конвенции о научно-техническом сотрудничестве, об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы содержат положения о том, что охрана интеллектуальной собственности включает в себя помимо прочего охрану нераскрытой информации о секретах производства (ноу-хау) и обязательства обеспечивать «адекватную и эффективную охрану» такой информации.

Таким образом, коммерческая тайна и секреты производства (ноу-хау) имеют различную правовую природу: коммерческая тайна, имея общие признаки с информацией вообще и конфиденциальной информацией в частности, выступает в качестве ее разновидности, в то время как секреты производства (ноу-хау) должны быть отнесены к объектам интеллектуальной собственности. Соответственно, основополагающими при рассмотрении и определении правового режима данных объектов права должны быть различные отрасли права и законодательства: в отношении коммерческой тайны – информационного (в рамках института информации с ограниченным доступом), в отношении секретов производства (ноу-хау) – гражданского (в рамках института интеллектуальной собственности).

Вместе с тем, несмотря на различную правовую природу коммерческой тайны и секретов производства (ноу-хау), нельзя однозначно и категорично утверждать об абсолютном разграничении рассматриваемых институтов хотя бы потому, что любые секреты производства (ноу-хау) – это по сути своей конфиденциальная информация. В связи с этим до сих пор не снята острота научных споров по вопросам взаимосвязи и соотношения институтов коммерческой тайны и ноу-хау, поскольку в основе многообразия мнений в данном случае лежит глубинная проблема – проблема соотношения таких объектов права, как информация и результаты интеллектуальной деятельности [3, с. 49].

Итак, исходя из существующих норм законодательства невозможно четко определить границы того, что есть секреты производства (ноу-хау). В то же время сведения, составляющие секреты производства (ноу-хау), можно условно разделить на три группы:

1) технические решения, относящиеся к продукции или технологии ее производства, охраноспособные в качестве объектов промышленной собственности (изобретений, полезных моделей, сортов растений, топологий интегральных микросхем), но не защищенные патентами (свидетельствами);

2) технические и организационные решения, относящиеся к производству продукции, неохраноспособные в качестве объектов права промышленной собственности;

3) иной профессиональный опыт, который может быть использован при производстве продукции.

С.С.Лосев справедливо отмечает, что чаще всего секреты производства (ноу-хау) составляют именно патентоспособные результаты научно-технического творчества [3, с. 50]. Что же побуждает производителей отказываться от патентования в пользу охраны технических решений в качестве секрета производства (ноу-хау)? Во-первых, охрана в качестве секрета производства (ноу-хау) не требует соблюдения каких-либо формальностей в виде подачи заявки в патентный орган, уплаты пошлины за выдачу патента и поддержание его в силе и наступает автоматически, если выполняются условия, установленные в ст. 140 ГК. Во-вторых, если срок действия патента ограничен (максимальный срок действия патента – патента на изобретение – составляет 20 лет), то срок охраны ноу-хау может быть более продолжительным, поскольку ограничивается только временем действия трех условий, установленных в ст. 140 ГК. В-третьих, если обеспечиваемое патентом исключительное право может быть в ряде случаев ограничено, то охрана в качестве секрета производства (ноу-хау) обеспечивает его владельцу абсолютную монополию на составляющую ноу-хау информацию. Кроме того, в ряде случаев патент не может обеспечить эффективную защиту изобретения или иного объекта права промышленной собственности, поскольку его использованием признается использование в производимой продукции всех указанных в патенте признаков объекта. Опубликование описания изобретения или иного объекта промышленной собственности дает возможность другому лицу свободно использовать данную информацию как существующий уровень техники для создания на его основе своих технических решений, отличающихся от запатентованного.

Охрана в качестве секрета производства (ноу-хау) может не исключать, а сопутствовать получению патента. Наиболее грамотные заявители оформляют документы на получение патента таким образом, чтобы описания объекта было достаточно для квалификации его в качестве изобретения, полезной модели и т.п., но недостаточно для внедрения в производство без

помощи разработчика. Эта сопутствующая информация, охраняемая в качестве ноу-хау, делает патентную охрану более эффективной.

Поскольку секреты производства (ноу-хау) относятся к результатам интеллектуальной деятельности, то охраняются исключительным правом. В то же время оно не закрепляется формально, а осуществляется в силу факта создания объекта. Условием закрепления исключительного права является обеспечение конфиденциальности информации, составляющей секрет производства (ноу-хау).

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

а) секрет производства (ноу-хау) – это специфический объект права, имеющий двойственную правовую природу: рассматривается как объект интеллектуальной собственности и информация, права на которую возникают с момента установления в отношении ее режима коммерческой тайны;

б) секреты производства (ноу-хау) участвуют в отношениях интеллектуальной собственности в качестве результата интеллектуальной деятельности, а в информационных правоотношениях – в качестве информации;

в) дальнейшее исследование вопросов правового режима секретов производства (ноу-хау) целесообразно проводить с учетом позиций установленной двойственности. В данном случае мы имеем дело с уникальной взаимосвязью и взаимозависимостью институтов информационного права и гражданского права, когда условием охраноспособности прав на объект интеллектуальной собственности является установление режима конфиденциальности информации;

г) принятие нормативного правового акта, регулирующего правовой механизм применения секретов производства (ноу-хау), позволило бы получить исчерпывающий ответ на вопрос о соотношении понятий «ноу-хау» и «коммерческая тайна».

ЛИТЕРАТУРА

1. О рекомендательном законодательном акте «О защите высоких технологий»: постановление Межпарламент. Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 17 февр. 1996 г., № 7-10: по сост. на 30 авг. 2006 г.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 июля 2008 г. № 366-З // Консультант-Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.
3. Лосев, С.С. Правовая охрана ноу-хау / С.С. Лосев // Юрист. – 2007. – № 5. – С. 46–50.
4. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.
5. О научно-технической информации: Закон Респ. Беларусь, 5 мая 1999 г., № 250-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.
6. Гайнуллина, З.Ф. Правовое обеспечение прав и законных интересов обладателей необщедоступной информации (коммерческой тайны, ноу-хау): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / З.Ф. Гайнуллина. – М., 1998.
7. Сергеев, А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учеб. / А.П. Сергеев. – М.: Проспект, 2007. – 752 с.
8. Добрынин, О.В. Особенности правовой регламентации «ноу-хау»: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.В. Добрынин. – М., 2003. – 180 с.
9. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 гг.: Указ Президента Респ. Беларусь, 12 июня 2006 г., № 384 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.
10. О некоторых мерах по стимулированию инновационной деятельности в Республике Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 марта 2009 г., № 123 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.
11. Лопатин, В.Н. О состоянии законности и правопорядка в сфере охраны и защиты интеллектуальной собственности / В.Н. Лопатин, А.Щ. Юсуфов; под ред. В.Н. Лопатина. – 2-е изд., доп. – М.: НИИ ГП РФ, 2004.

12. Потрашкова, О.А. Правовой режим секретов производства (ноу-хау): информационно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / О.А. Потрашкова; науч. рук. В.Н. Лопатин. – М., 2009. – 22 с.

Дата поступления статьи в редакцию 24.10.2010

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА КАК ОБЪЕКТЫ СУБЪЕКТИВНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

ВАБИЩЕВИЧ С.С.,

доцент филиала государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный социальный университет» в г. Минске, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются вопросы, связанные с сущностью, назначением нематериальных благ, возможностью признания таковых объектами субъективных гражданских прав. На основе анализа положений действующего законодательства обосновывается вывод о том, что защищать блага, возникающие от рождения, призванные обеспечить собственную личность человека, можно непосредственно, без признания таковых объектами субъективных прав. Степень признания и гарантии неприкосновенности этих благ являются, с одной стороны, условиями правового государства, а с другой – характеризуют частное право как правовую основу свободы личности в экономических отношениях. Блага, возникающие в силу закона, являются объектами субъективных гражданских прав и создают предпосылки участия в гражданском обороте посредством идентификации субъекта и результатов его деятельности.

In article the questions connected with essence, appointment of the non-material goods, by possibility of recognition of those objects of the subjective civil rights are considered. On the basis of the analysis of positions of the current legislation the conclusion is proved what to protect the goods arising from a birth, called to provide own person of the person, it is possible directly, without a recognition of those objects of the subjective rights. Degree of a recognition and a guarantee of inviolability of these goods are, on the one hand, lawful state conditions, and on the another – characterize private law as a legal basis of a personal freedom in economic relations. The goods arising owing to the law, are objects of the subjective civil rights and create preconditions of participation in a civil circulation by means of identification of the subject and results of its activity.

Частное право охраняет имущественное положение человека как основу его гражданской свободы и частной жизни. Но вся жизнедеятельность не сводится лишь к удовлетворению имущественных интересов, человек ищет свое место в жизни, пытается себя реализовать в различных сферах (что, безусловно, может давать одновременно недостающие средства для обеспечения существования), и все это происходит в общении с другими людьми в системе, именуемой обществом, т.е. человек есть существо социальное. Для выражения социальной природы человека было сконструировано понятие «личность». При этом нормальная жизнедеятельность личности как физического существа возможна в условиях соответствующей природной и социальной среды. Такими элементарно необходимыми условиями выступают благоприятная

окружающая среда, свобода, неприкосновенность, достоинство личности и т.д. На высшем, конституционном, уровне эти условия охватываются категорией основных прав и свобод человека и гражданина (раздел II Конституции Республики Беларусь [1]), являющихся основополагающими для статуса личности и предопределяющими содержание иных прав и свобод.

Поскольку жизнь, здоровье, достоинство личности, честь и доброе имя, деловая репутация и тому подобное входят в сферу частных интересов человека, постольку на отраслевом гражданско-правовом уровне эти же условия были объединены общим понятием «нематериальные блага», примерный перечень которых закреплен в ст. 151 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК): жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность,

честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу акта законодательства [2].

Законодатель, можно сказать, традиционно не закрепил легального определения нематериальных благ, а ограничился указанием на их принадлежность к объектам гражданских прав (ст. 128 ГК), их специфические свойства (неотчуждаемость и непередаваемость) и основания возникновения (по рождению или в силу акта законодательства) (п. 1 ст. 151 ГК). Не взирая на это, «объектоспособность» нематериальных благ не находит всеобщей поддержки, также как и само отнесение большинства из вышеперечисленных ценностей к нематериальным благам является предметом постоянной дискуссии. Более того, анализ учебной и научной юридической литературы показывает, что эти ценности до сих пор не имеют единого общего названия.

Наряду с закрепленным в ГК термином «нематериальные блага», используются термины: «личные нематериальные блага» – для обозначения тех нематериальных благ, которые неотделимы от личности их носителя, и дифференциации с другими нематериальными благами, «которые могут быть отделены от субъекта посредством их воплощения в каком-либо внешнем по отношению к человеку материальном объекте» (например, произведения литературы и искусства) [3, с. 374]; «личные блага» – как блага, представляющие собой «социальные условия существования и выражения качеств субъекта как личности» [4, с. 612; 5, с. 83]. Отдельные авторы считают более предпочтительным именовать нематериальные блага «личными неимущественными», поскольку этот термин позволяет лучше отразить их особенности» [6, с. 413] либо предлагают заменить применяемый законодателем термин «нематериальные блага» на «неимущественные блага», «... что позволит подчеркнуть правовую природу и сущность нематериальных благ, регулируемых и охраняемых законом» [7, с. 7].

Применительно к вопросу о признании нематериальных благ в качестве объектов гражданских прав заслуживающая внимания точка зрения высказана Н.Д.Егоровым. По его мнению, нематериальные блага могут быть дифференцированы на «личные нематериальные блага», неотделимые от личности носителя (жизнь, здоровье, честь, достоинство, деловая репутация и т.д.), и «другие нематериальные блага, которые могут быть отделены от субъекта посредством воплощения их в каком-либо внешнем по отношению к человеку материальном объекте (про-

изведения науки, литературы и искусства, изобретение, промышленный образец и т.п.)» [3, с. 373]. По логике цитируемого автора, личные нематериальные блага в силу их идеальной природы не могут иметь внешнюю, объективированную форму выражения и по этой причине не способны удовлетворять потребности только тех субъектов, с которыми они неразрывно связаны, а это, в свою очередь, препятствует возникновению общественных отношений, участники которых были бы наделены субъективными правами в отношении таких благ. «Соответственно личные нематериальные блага не могут быть объектами субъективных гражданских прав» [3, с. 374].

Да, действительно, «невозможно отделить от гражданина его честь и достоинство, воплотить их в каком-то материальном объекте и подобно рукописи передать другому гражданину для удовлетворения его потребностей» [3, с. 373]. Однако все дело в том, и на этот факт обращает внимание сам Н.Д.Егоров, что частный интерес участника гражданского оборота удовлетворяет не материальный носитель, а нематериальное благо, в частности, результат интеллектуальной деятельности, ценность которого, как объекта исключительных прав, состоит в том, что он является результатом творческой деятельности его создателя. Утверждение о том, что объект противостоит субъекту, аксиоматично, однако если материальное благо в силу своих естественных свойств, предопределяемых его пространственной ограниченностью, удовлетворяет законный частный интерес в первую очередь посредством фактического воздействия на это благо, то содержанием исключительного права на результаты творческой деятельности, которые также в силу нематериальной природы неотделимы от личности их создателей, выступают действия по их использованию и воспроизведению. Кроме того не следует забывать о возможности существования произведения в объективной форме, не связанной с материальным носителем, например, устной, отчего произведение не перестает быть объектом исключительного права. Также и выделяемые Н.Д.Егоровым личные нематериальные блага как явления действительности используются управомоченным лицом в процессе жизнедеятельности. Материальные и нематериальные блага в целом как атрибуты различных аспектов бытия человека обуславливают содержание действий, которые в отношении их можно реально совершить, и соответственно являются объектами различных субъективных гражданских прав.

Вопрос о том, как все же правильно именовать блага, перечисленные в ст. 151 ГК, и какие из них относить к объектам гражданских прав, достаточно подробно и всесторонне рассмотрен российским ученым В.А.Беловым. Правда, этот

вопрос ставился им применительно к субъективным правам, обеспечивающим использование этих благ, однако его выводы вполне применимы к самим благам. Использовать характеристику «личные нематериальные» применительно к благам и правам не представляется, по мнению указанного автора, возможным, поскольку при таком подходе в едино сливаются характеристики двух различных сторон объектов – неразрывная связь с личностью обладателя и нематериальная природа удовлетворяемого ими интереса, то есть выделение таких объектов происходит не по одному, а по двум различным критериям [8, с. 626–628].

Аргументы в пользу наименования «личные нематериальные блага», предложенные Н.Д.Егоровым, не выдерживают критики по следующим соображениям. Как отмечалось выше, нематериальная природа объектов исключительных прав также препятствует отделению их от личности создателя. Неудачным представляется и пример автора об отделимости имени гражданина и фирменного наименования юридического лица от указанных субъектов ввиду возможности воплощения во внешних материальных объектах (документах, вывесках, книгах и т.д.) [3, с. 374]. Речь в данном случае идет не об отделимости, ибо ее невозможность не вызывает сомнений, а об использовании указанных благ для отличия одних субъектов от других.

Выбор наименования рассматриваемых благ зависит, конечно же, от их сущностной характеристики, тем более, что используемое законодателем наименование «нематериальные блага» построено на отрицании, что явно недостаточно для описания какого бы то ни было явления. Из предыдущего изложения видно, что большинство исследователей усматривают таковую в неотделимости благ от конкретной личности их носителя, то есть суть выражается очередным отрицанием.

Некоторые авторы к этому свойству добавляют указание на то, что нематериальные блага – это «духовные ценности внеэкономического характера, которые направлены на всестороннее (имеется в виду физическое и социальное – прим. автора) обеспечение существования личности» [6, с. 413]. В данном определении слово «блага» раскрывается через понятие «духовные ценности», а эти последние опять характеризуются через признак, который в них отсутствует (внеэкономический характер), но вводится такой признак, как предназначение нематериальных благ, охраняемых гражданским правом. На наш взгляд, именно в этом признаке заключена сущность нематериальных благ. В данном контексте также уместно отметить, что множество разработанных до сегодняшнего дня классификаций нематериальных благ весьма разнообразны по составу, но построены на основе одного крите-

рия – цель признания этих благ. В этой связи, например, различают блага, обеспечивающие физическое и социальное существование человека [9, с. 68–197].

Кроме вышеприведенного широкого по своей сути подхода в литературе получили распространение следующие варианты объяснения значения рассматриваемых благ. По мнению В.С.Толстого, подробно исследовавшего структуру личных нематериальных отношений, нематериальные блага (в соответствии с терминологией автора) «в совокупности определяют автономию субъекта в отношениях, регулируемых гражданским правом» [10, с. 52]. Это, безусловно, так, но проявления автономии воли не исчерпываются этими благами, на что указывает сам автор.

Е.А.Флейшиц в свое время предлагая при принятии нового ГК установить в общей форме охрану личных интересов граждан, что дало бы возможность защитить «те разнообразные интересы личности, которые поименовать и перечислить в законе невозможно и которые именно вследствие своей нетипичности (выделено мною – С.В.) и не могут отлиться в объект особых субъективных прав», пришла к выводу о том, что «объект личных прав совпадает с охраняемым этими правами интересом» [11, с. 8, 9]

В.А.Белов, несколько корректируя точку зрения Е.А.Флейшиц, при ответе на вопрос о том, «какие именно нематериальные блага могут быть объектами личных прав», указывает, что таковые представляют собой «социальные условия общественной активности (деятельности) лица (существования личности)» [8, с. 630–634], и в этой связи заслуживают наименования «личные блага». С учетом смысла и элементов термина «общественная деятельность», по мнению В.А.Белова, правовой охране подлежат «социальные условия: а) индивидуализации действующего субъекта, в том числе б) посредством обособления его личной (интимной) сферы; в) индивидуализации самой деятельности; г) индивидуализации результатов деятельности; д) стимулирования общественно полезной деятельности» [8, с. 645].

Определенные несовпадения в объяснении гражданско-правовой функции нематериальных благ имеют последствия, далеко выходящие за рамки терминологии, а именно, как отмечалось выше, норма ст. 151 ГК (ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [12]) либо воспринимается одними исследователями безоговорочно, либо в процессе научного познания получает совершенно иной вид, обусловленный изменением закрепляемого названной нормой перечня нематериальных благ. При втором подходе абсолютное большинство благ не является точкой пересечения существующих мнений. Отмечая тщательную аргументацию

двух последних концепций объекта личных прав (предложенных Е.А.Флейшиц и В.А.Беловым), выскажем собственные соображения.

Наименования главы 8 ГК и указанной выше нормы содержат слова «нематериальные блага», однако, что неоднократно отмечалось в литературе, фактически речь идет о защите этих благ и «личных неимущественных прав». Ни один из действовавших ранее Гражданских кодексов Российской Федерации и Республики Беларусь, впрочем как и других республик бывшего СССР, не содержал понятия «нематериальные блага» и «личные неимущественные права».

Как утверждает современный философ Карл Поппер, несмотря на множество недостатков, человечество еще не создавало лучшего строя, чем гражданское общество и капитализм [13, с. 15]. Гражданское общество – это общество, объединяющее свободных личностей. Но благодаря чему произошло становление и развитие гражданского общества? Со времен древнегреческой философии основой такого общества называют частную собственность, которая, в свою очередь, стала «предшественником таких личных прав, как право на имя, честь и достоинство граждан, тайну переписки» [14, с. 236]. Следовательно, гражданское общество опирается на систему общепризнанных ценностей, обеспечивающих как интересы отдельной личности, так и всего общества в целом. Поскольку носителями личностного начала выступают не только сознание человека, но и внешние физические формы его организма, постольку многие естественные неотъемлемые блага, характерные для личности как физического существа, получили свое позитивное закрепление в Конституции.

Вместе с тем вытекающие из Конституции возможности так и останутся декларативным заявлением, если с ними не связать гражданско-правовые последствия. В частности, вред, причиненный личности в любых ее проявлениях, возмещается по правилам, закрепленным в ГК (например, глава 58). Поэтому в соответствии с положениями п. 2 ст. 1 и 151 ГК нематериальные блага и неотчуждаемые права и свободы человека защищаются нормами гражданского права. Формулировку п. 2 ст. 1 ГК нельзя признать удачной как минимум по двум причинам. Во-первых, блага не могут осуществляться нормами права. Представляется, что в этом качестве могут выступать субъективные права личности или личные права. Во-вторых, отношения, связанные «с <...> защитой неотчуждаемых прав и свобод человека и других нематериальных благ», не могут выступать в качестве элемента предмета гражданско-правового регулирования, так как защита сама по себе – одна из форм правового регулирования.

Аналогичные положения ГК РФ подвергаются критике, поскольку противоречат самому по-

нятию права и его роли в обществе: «право регулирует отношения и предусматривает защиту прав, а не непосредственно благ, какими бы значимыми они не были» [10, с. 24]. В целом, соглашаясь с таким подходом, отметим, что большинство из перечисленных в ст. 151 ГК благ как объектов естественных прав являются условиями физического существования, целостности и морально-этического благополучия личности, прикреплены к ней естественным образом и реализуются независимо от права. Например, жизнь – это существование организма человека, а здоровье – это состояние организма. Жизнь, здоровье, свобода, индивидуальность и тому подобное – это естественное состояние, которое предопределяет все остальные нематериальные блага как условия существования человека. Но эти блага существуют и проявляются в сложной социальной среде, которая, с одной стороны, позволяет реализовывать возможности разума и свободы человека в различных сферах деятельности, а с другой – представляет собой переплетение интересов, конфликтов и противоборств, соблазнов и слабостей человеческой природы. Гражданское право дает возможность их разрешения и преодоления.

Следовательно, защищать блага (подчеркнем – именно блага), возникающие от рождения, призванные обеспечить собственную личность человека, можно непосредственно, без признания таковых объектами субъективных прав. В этом, в том числе, проявляется такая функция частного права, как обеспечение стабильности социальной среды. Степень признания и гарантии неприкосновенности этих благ являются, с одной стороны, условиями правового государства, а с другой – характеризуют частное право как правовую основу свободы личности в экономических отношениях. Как справедливо отмечает С.С.Алексеев, первоисточником частного права является «естественное право свободы индивида» [15, с. 80].

Самореализация человека, в том числе участие в общественных отношениях, регулируемых гражданским правом, строится не только на имущественной обособленности и самостоятельности, но и на его социальной обособленности. Иными словами, человек выступает активным участником общественно полезной деятельности при том условии, что существует реальная возможность персонифицировать его самого и осуществляемые им социальные функции. В этой связи в соответствии с положениями ГК участники гражданских правоотношений (физические лица и организации со статусом юридического лица) обладают правами на такие блага, как имя, творческое имя, авторство, наименование, в том числе фирменное, товарный знак (знак обслуживания), наименование места происхождения товара [16]. Следует отметить, что

фирменное наименование, товарный знак (знак обслуживания), наименование места происхождения товара традиционно рассматриваются как объекты исключительных прав, однако в литературе высказано обоснованное предложение о целесообразности их отнесения к объектам личных прав, поскольку эти блага не являются результатами творческой деятельности, но призваны служить для обозначения конкретного субъекта.

Таким образом, перечисленные выше блага возникают в силу закона, являются объектами субъективных гражданских прав и создают предпосылки участия в гражданском обороте посредством идентификации субъекта и результатов его деятельности. В данном контексте необходимо подчеркнуть специфику такого блага, как имя. Во-первых, право на имя – это естественное право, возникающее в силу рождения человека. Во-вторых, имя как способ гражданско-правовой идентификации лица подлежит регистрации в установленном нормами права порядке, после чего у его носителя возникает не только право, но и обязанность пользоваться зарегистрированным именем в процессе участия в гражданско-правовых отношениях (п. 1 ст. 18 ГК). Иными словами, человек получает конкретное имя на основании регистрации через некоторое время после рождения. По этой причине имя можно относить к благам, приобретаемым в связи с фактом рождения в порядке, установленном законом.

Блага, возникающие в силу закона, в отличие от благ, возникающих в силу рождения, в отдельных случаях могут обладать свойством оборотоспособности, например, лицо может предоставить право использования собственного имени в качестве составной части фирменного наименования хозяйственного товарищества (п. 3 ст. 66, п. 4 ст. 81 ГК).

Кроме рассмотренных благ в норме ст. 151 ГК названы блага, которые по своей природе не возникают сразу в полном объеме в силу рождения или в силу закона, а создаются собственными усилиями лица, в том числе целенаправленно – достоинство, честь, доброе имя, деловая репутация. При этом достоинство, выражающее отношение человека к себе как к личности, формируется также и под влиянием внешних факторов, в частности, воспитания. Поскольку эти блага создаются в процессе проявления индивидуальных особенностей, то есть прикреплены к их носителю естественным образом, они охраняются правом непосредственно. В то же время такие блага обеспечивают участие лица в общественных отношениях, в том числе расширение его профессиональных или предпринимательских возможностей (деловая репутация). Задача их правовой охраны не будет выполнена, если право не будет охранять сам процесс формирования

этих благ, то есть право не может бездействовать до тех пор, пока не будет создано устойчивое положительное представление других лиц о каких-либо личных качествах человека. В этой связи, полагаем, следует вести речь о таком личном праве, являющемся элементом правоспособности, как право на формирование объективных представлений о себе в виде достоинства, чести, доброго имени, деловой репутации.

Обобщая изложенное, можно сделать следующие выводы.

Поскольку система общепризнанных ценностей, примерный перечень которых закреплен в ст. 151 ГК, призвана обеспечить физическое, духовное и социальное обособление человека, эти ценности или блага можно именовать, как предлагается в литературе, личными.

Перечисленные блага условно можно разделить на три группы исходя из оснований возникновения: 1) блага, которые возникают в силу рождения и направлены на охрану собственной личности человека; 2) блага, которые возникают в силу закона и направлены на идентификацию субъектов гражданского права; 3) блага, которые создаются преимущественно действиями самого их носителя в процессе проявления его индивидуальных качеств и также как блага второй группы создают условия его участия в гражданско-правовых отношениях. Соответственно блага, возникающие в силу закона, выступают объектами субъективных прав и в отдельных случаях обладают свойством оборотоспособности.

Возвращаясь к концепциям личных прав, предложенным Е.А.Флейшиц и В.А.Беловым, отметим, что индивидуализация субъекта, его деятельности и конкретных результатов – это, на наш взгляд, не цель признания личных прав, а средство обеспечения интересов личности, ее социальной обособленности. Если видеть предназначение личных прав только в индивидуализации личности, возникает, например, вопрос о том, каким образом сведения, составляющие личную или семейную тайну, индивидуализируют (т.е. обособляют среди других членов гражданского общества) лицо, если кроме него эти сведения никому не известны. Эти сведения охраняются не как условия индивидуализации лица «как средоточия определенной личной (интимной сферы), нуждающейся в сохранении в конфиденциальности» [8, с. 645], а как сведения, касающиеся частной жизни человека, т.е. его глубоко личных интересов. Отметим также, что товарный знак (знак обслуживания) индивидуализирует не результаты деятельности (товары, услуги), как утверждает В.А.Белов, а их производителя. Личная, семейная тайна – это не благо, а правовой режим, предоставляемый сведениям о частной жизни лица, а сами эти сведения являются разновидностью такого объекта граждан

данских прав, как охраняемая информация. В целом многие нематериальные блага, в частности, имя, творческое имя, авторство, фирменное наименование, товарный знак (знак обслуживания), наименование места происхождения товара, достоинство, честь, доброе имя, деловая репутация имеют информационную природу.

Кроме того, необходимо различать индивидуализацию и идентификацию. В первом случае речь идет о признании качеств, отличающих конкретное лицо от других, во втором – об установлении тождества [17, с. 236, 246] субъекта на основе каких-либо критериев, например, имя, подпись и т.д. На наш взгляд, имя человека становится средством индивидуализации и обозна-

чает конкретную личность только после проявления им в процессе самореализации каких-либо личностных качеств. Нельзя сказать, что сразу после присвоения в связи с фактом рождения имя индивидуализирует «деятельность лица» [8, с. 645]. В этой связи законодатель в числе непосредственно охраняемых нематериальных благ называет доброе имя.

Индивидуальные «нетипичные интересы личности» (Е.А.Флейшиц) получают правовую охрану не непосредственно, а в результате признания и установления гарантии неприкосновенности тех общепризнанных ценностей, которые являются жизненно важными условиями нормального развития гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.
3. Гражданское право: учеб.: в 3 т. / В.В. Байбак [и др.]; под ред. Ю.К. Толстого. – 7-е изд. перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – Т. 1. – 784 с.
4. Белов, В.А. Гражданское право: Общая и Особенная части: учеб. / В.А. Белов. – М.: Юрайт-Издат, 2003. – 960 с.
5. Братусь, С.Н. Предмет и система советского гражданского права / С.Н. Братусь. – М.: Юрид. лит., 1963. – 198 с.
6. Гражданское право: учеб.: в 3 т. / Е.Н. Абрамова [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – 1008 с.
7. Тимешов, Р.П. Нематериальные блага в гражданском праве и их защита: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.03. / Р.П. Тимешов; Кубан. гос. аграр. ун-т. – Краснодар, 2010. – 26 с.
8. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / А.Б. Бабаев [и др.]; под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 993 с.
9. Красавчикова, Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации / Л.О. Красавчикова. – Екатеринбург, 1994. – 238 с.
10. Толстой, В.С. Личные неимущественные правоотношения / В.С. Толстой. – М.: Изд-во Акад. повышения квалификации и проф. переподготовки работников образования, 2009. – 216 с.
11. Флейшиц, Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран: ученые труды. Вып. VI (Всесоюз. ин-т юрид. наук) / Е.А. Флейшиц. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2010.
13. Поппер, К. Открытое общество и его враги: в 2 т. / К. Поппер; пер. с англ. под общ. ред. В.Н. Садовского. – М.: Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т. 1. – 338 с.
14. Воеводин, Л.Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособие / Л.Д. Воеводин. – М.: Изд-во МГУ, Изд. группа ИНФРА М–НОРМА, 1997. – 304 с.
15. Алексеев, С.С. Частное право / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 158 с.
16. Отметим также, что в соответствии с прямым указанием пп. 1, 2 ст. 125 ГК Республика Беларусь и административно-территориальные единицы могут иметь личные права. Объектами таких, в частности, выступают наименование, конституция, герб, флаг, гимн. Эти права входят в предмет изучения науки конституционного права.
17. Ожегов, И.С. Толковый словарь русского языка / И.С. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

Дата поступления статьи в редакцию 11.10.2010

УДК: 347.45/.47(476)
347.965(476)

ПРЕДМЕТ СОГЛАШЕНИЯ ОБ ОКАЗАНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

ПАНКОВ И.И.,
аспирант Минского института управления

В статье анализируются основные подходы к изложению предмета соглашения об оказании юридической помощи. Автор формулирует рекомендации по изложению предмета такого соглашения, исходя из специфики адвокатской деятельности.

The analysis of the essential approaches to the statement of the subject of a legal assistance agreement is given in the article. The recommendations to the subject formulated by the author are based on the features of the advocate activity.

Введение

Предмет соглашения об оказании юридической помощи, как и предмет любого другого договора, имеет определяющее значение, поскольку «в нем конкретизируются параметры предстоящего исполнения» [1]. В действующем Законе Республики Беларусь «Об адвокатуре» [2], в отличие от Федерального Закона Российской Федерации «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [3, ст. 25], отсутствуют требования к форме и содержанию такого соглашения. Постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 17 ноября 2009 г. № 68 «О некоторых вопросах заключения и исполнения соглашений об оказании юридической помощи» [4] впервые на законодательном уровне закрепило основные требования к содержанию соглашения. Подпунктом 1.4 пункта 1 приведенного постановления предписано в числе прочего указывать в соглашении «характер поручения на оказание юридической помощи и где предстоит его выполнить». Аналогичные требования существовали и ранее в сложившейся адвокатской практике. Иные требования к изложению предмета такого соглашения в законодательстве отсутствуют. В научной литературе нет единого мнения относительно изложения предмета соглашения об оказании юридической помощи. Одни полагают, что предмет должен быть крайне конкретизирован вплоть до перечисления конкретных действий адвоката (например, И.А.Владимирова, Е.Ю.Булакова, Д.Н.Козак, М.Г.Коробицын, В.Л.Кудрявцев). Другие считают, что предмет не должен быть слишком подробным по содержанию (в частности, Н.А.По-

дольный, М.В.Кратенко, А.А.Кирилловых, А.В.Воробьев). Отсутствие четких требований к изложению предмета соглашения об оказании юридической помощи способно привести к ненадлежащему его согласованию, что впоследствии может повлечь разногласия и конфликты между сторонами главным образом относительно вопроса о качестве оказания юридической помощи. Целью работы является формирование рекомендаций по изложению предмета соглашения об оказании юридической помощи. Данная цель связана с активно ведущейся в настоящее время разработкой проекта нового закона, регулирующего адвокатскую деятельность в Республике Беларусь [5], в котором должны найти отражение требования к такому соглашению.

Основная часть

Лицо обращается за юридической помощью, когда сталкивается с определенной правовой проблемой, которую не в состоянии разрешить самостоятельно. Проблема может заключаться в наличии некой угрозы со стороны других лиц, государственных органов, в наличии уже существующего конфликта с указанными субъектами, а также в некоем ущемлении или ограничении деятельности или благ лица, явившихся результатом уже произошедшего конфликта. Юридическую помощь оказывают в условиях сложной жизненной ситуации или реальной возможности ее наступления; как правило, юридическая помощь осуществляется в обстановке конфликта, спора, противостояния воле [6]. За такой помощью лицо обращается вынужденно.

Жизненные ситуации, когда человек сталкивается с правовой проблемой (процессуального и (или) материального характера), которая может повлиять на его собственную безопасность, материальное благосостояние, вызывает у него состояние, близко напоминающее крайнюю необходимость, требующее обращения за помощью к специалистам [7, с. 50]. Зачастую, в связи с пребыванием в таком состоянии и, как правило, не имея знаний в области юриспруденции, лицо не способно самостоятельно сформулировать предмет соглашения, заключаемого с адвокатом. Более того, иногда проблемная ситуация является настолько сложной и запутанной, что обратившийся не может определить характер юридической помощи, в которой он или его близкий нуждаются. В большинстве случаев, обратившееся лицо является слабой стороной в соглашении с адвокатом [6], [8], [9]. Таким образом, чаще всего предмет соглашения окончательно формулирует сам адвокат, исходя из конкретной ситуации, о которой ему ведаёт обратившееся лицо. Не проявляя должного профессионализма при составлении и заключении соглашения с обратившимся лицом, адвокат рискует уже на этом этапе вызвать у последнего сомнения в своей квалификации; еще более неприятные последствия небрежного отношения к составлению соглашения возникают в случае, если к адвокату предъявляются претензии в связи с исполнением соглашения [8], [9]. Нечеткое изложение условия соглашения о предмете может осложнить для адвоката доказывание факта надлежащего оказания юридической помощи [10, с. 23].

В научной литературе достаточно распространена точка зрения о том, что предмет соглашения об оказании юридической помощи должен быть максимально конкретизирован. В частности, И.А.Владимирова считает, что конкретное указание в договоре на действия адвоката «призвано способствовать четкой, ясной и структурной реализации сторонами по договору своих прав и надлежащему исполнению обязанностей, исключающих возможность ссылаться на неточности и неоднозначные моменты характера взятого на себя поручения...» [11, с. 17]. Д.Н.Козак отмечает, что при определении предмета поручения должно оговариваться не только то, в каком органе и по какому вопросу адвокату поручается представлять интересы доверителя, но и какие действия в этой связи могут им совершаться [12]. Совет Адвокатской палаты Костромской области Российской Федерации отмечает, что в подавляющем большинстве случаев обратившееся лицо не может четко определить предмет требуемой юридической помощи, поэтому на практике, подписывая соглашение, адвокат и обратившееся лицо «читают предмет»

каждый по-своему, в результате чего могут возникнуть конфликтные ситуации, касающиеся исполнения адвокатом условий соглашения. В этой связи, по мнению совета указанной палаты, следует более детально указывать в соглашении его предмет и раскрывать его отдельно в определении «объема юридической помощи», через который, в частности, максимально точно определять права и обязанности сторон, а возможно, и количество судебных заседаний или следственных действий, в процессе которых адвокат обязуется оказывать доверителю юридическую помощь [13]. Такой точки зрения придерживается и М.Г.Коробицын [14]. А.А.Салчак полагает, что, несмотря на то, что в каждой конкретной ситуации сложно предположить, какой объем процессуальных действий будет производиться, и решение этого вопроса во многом зависит от субъективных факторов, тем не менее, из договора должно четко следовать содержание действий или деятельности юриста [15, с. 21]. Совет Адвокатской палаты Республики Саха (Якутия) Российской Федерации рекомендует при описании предмета соглашения указывать конкретные правовые действия, которые обязуется совершать адвокат, или принятые им поручения, по возможности указывая отдельные самостоятельные этапы работы. По мнению совета данной палаты, «общие фразы в описании предмета поручения вводят доверителя в заблуждение, рожают у него завышенные ожидания и, как следствие, способны привести к конфликту...» [9]. Такой же позиции придерживается и совет Адвокатской палаты Челябинской области Российской Федерации [16], Е.Ю.Булакова [8], а также В.Л.Кудрявцев [17]. Последний отмечает также, что необходимо максимально подробно определять, какие действия должен совершить адвокат; срок, в течение которого он оказывает юридическую помощь; виды и количество документов правового характера, им составляемых, и тому подобное, поскольку «общие фразы в описании предмета поручения... приводят к неопределенности в вопросе, что должен, а что нет делать адвокат при исполнении своей обязанности по оказанию квалифицированной юридической помощи» [17].

Вместе с тем существует и другая точка зрения, согласно которой предмет соглашения не должен быть слишком подробным по содержанию. Данное мнение также заслуживает внимания, поскольку зачастую на момент заключения соглашения невозможно определить круг возможных конкретных действий адвоката для защиты прав и свобод доверителя. В частности, Н.А.Подольный отмечает: «в рассматриваемом соглашении воля доверителя не может быть четко сформулирована... На момент подписания соглашения у адвоката и доверителя отсутствует четкое представление о том, какие именно

действия необходимо выполнить. Обусловлено это отсутствием необходимого объема информации о состоянии расследования дела, а также невозможностью предусмотреть все ситуации, которые могут сложиться...» [18, с. 16]. Процедура оказания адвокатом юридической помощи при проведении гражданского, уголовного, хозяйственного, административного процесса регламентирована соответствующими процессуальными кодексами. В связи с этим, как справедливо утверждает М.В.Кратенко, «нет никакой необходимости в согласовании деятельности юриста в судебном процессе» [1], равно как и в ходе досудебного производства по уголовному делу, а также в ходе административного процесса. Заслуживает внимания точка зрения В.В.Печерского о том, что в соглашении оговариваются такие условия, как форма оказываемой помощи (защита по уголовному делу, представительство по гражданскому делу и т.д.), а также конкретный ее вид (например, участие по уголовному делу на предварительном следствии, в судебном разбирательстве, изучение материалов дела для составления жалобы и т.д.) [7, с. 52]. В то же время сложно не согласиться с утверждением М.В.Кратенко о том, что, если речь идет об оказании юридической помощи иного рода, чем судебное представительство, характер юридической помощи следует конкретизировать. «Инициатива принадлежит юристу: он уточняет юридический интерес клиента, объем необходимых процессуальных и иных действий...» [1]. М.В.Кратенко и А.А.Кирилловых обоснованно, на наш взгляд, соглашаются с мнением А.В.Воробьева о том, что для юридической помощи адвоката характерны такие свойства, как комплексность и процессуальная завершенность. Соответственно, даже если в соглашении с адвокатом юридическая помощь ограничивается какой-либо процессуальной стадией, это не означает, что адвокат может оставить своего подзащитного, например, сразу после вынесения неблагоприятного для последнего судебного решения без разъяснения порядка, оснований и сроков для обжалования [1], [6], [19]. В обратном случае, как справедливо утверждает А.А.Кирилловых, имел бы место случай, при котором если доверитель «ограничит своего представителя в процессуальных правах, то в ситуации самоговора последний не вправе был бы доказывать суду невиновность своего подзащитного, что противоречит... сущности адвокатской деятельности как имеющей особую публичную функцию» [19]. Отметим, что адвокат-защитник не вправе самостоятельно прекратить свои полномочия по уголовному делу после окончания предварительного расследования, даже если в соглашении об оказании юридической помощи закреплена обязанность адвоката осуществлять защиту только на этой процессуальной стадии или только в органе уголовного преследования (т.е. не в суде). Объясняется это тем, что уголов-

но-процессуальный закон [20, ст. 48] и нормативные акты, регулирующие адвокатскую деятельность [2, ст. 18], [21, п. 36], содержат прямой запрет для адвоката в случае принятия полномочий по защите подозреваемого, обвиняемого самовольно их прекращать или передавать другому лицу без согласия подзащитного. В приведенной ситуации независимо от выполнения адвокатом всех обязательств по соглашению он не освобождается от обязанности оказывать подзащитному юридическую помощь в суде, что является одним из проявлений специфики такого рода отношений.

Анализируя приведенные мнения относительно изложения предмета соглашения об оказании юридической помощи, приходим к выводу о том, что согласование данного условия напрямую зависит от конкретной сложившейся ситуации. Если лицо нуждается в юридической помощи, не связанной с представительством в гражданском, хозяйственном процессе, защитой или представительством в уголовном, административном процессе, в соглашении следует определить исчерпывающий перечень конкретных действий адвоката. Это уберет адвоката и доверителя от разногласий и конфликтов главным образом по поводу того, за выполнение каких конкретно действий адвокату уплачен предусмотренный в соглашении гонорар. Если же оказание юридической помощи предполагает осуществление представительства в гражданском, хозяйственном процессе, защиты или представительства в уголовном, административном процессе, где процедура оказания адвокатом юридической помощи регламентируется соответствующим процессуальным кодексом, в соглашении, на наш взгляд, должен найти свое отражение вид оказываемой юридической помощи (например, защита по уголовному делу, представительство по гражданскому делу и т.д.) без перечисления конкретных действий адвоката по защите прав и законных интересов доверителя. В данном случае такие действия (например, подготовка письменного ходатайства о проведении экспертизы, подготовка запроса для получения необходимых сведений и т.д.) будут определяться адвокатом по согласованию с доверителем поэтапно в зависимости от получаемой в ходе оказания юридической помощи информации или поведения участников процесса. В частности, конкретные действия могут быть намечены после ознакомления с документами в порядке п. 5 ч. 1 ст. 48 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, после проведения следственных действий (например, очной ставки) по уголовному делу; после ознакомления с материалами дела или с возражениями ответчика против поданного искового заявления по гра-

жданскому делу и т.д. Данные действия должны определяться исходя из конкретной ситуации, обстоятельств дела, правил осуществления профессиональной деятельности адвоката, закрепленных в законодательстве и актах республиканского органа адвокатского самоуправления, а также с учетом прав адвоката, предусмотренных соответствующим процессуальным законом. Такое изложение предмета не налагает дополнительных ограничений в процессуальной деятельности адвоката, позволяет ему реализовывать все предусмотренные законом возможности в целях наиболее эффективной защиты прав и интересов доверителя.

Представляется, что предмет соглашения об оказании юридической помощи должен включать, во-первых, указание на вид юридической помощи. При этом если процедура оказания адвокатом юридической помощи не регламентирована процессуальным законом (гражданским процессуальным кодексом, уголовно-процессуальным кодексом и т.д.), вид юридической помощи должен содержать исчерпывающий перечень конкретных действий, подлежащих выполнению адвокатом. Во-вторых, предмет соглашения должен содержать указание на правовую проблему (спор), в связи с которой лицо обратилось за юридической помощью. В-третьих, если права, свободы, законные интересы доверителя предполагается защищать в каком-либо государственном органе, иной организации, что сопряжено с обязанностью предоставления адвокатом ордера на право выполнения определенных действий, в соглашении должно найти отражение указание на такой орган или организацию. Таким образом, предмет соглашения об оказании юридической помощи может выглядеть, например, так: «Составление искового заявления к Иванову И.И. о расторжении брака и разделе совместно нажитого имущества и представительство по гражданскому делу по указанному заявлению в суде Энского района г. Энска». Или так: «Защита по уголовному делу по подозрению (обвинению) в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 339 Уголовного кодекса Республики Беларусь, в управлении внутренних дел администрации Энского района г. Энска». Или так: «Подготовка обращения в республиканское унитарное предприятие «Энское областное агентство по государственной регистрации и земельному кадастру» по вопросам определения ошибок, допущенных представителями агентства при подготовке ведомости технических характеристик в отношении домовладения, расположенного по адресу: г. Энск, ул. Энская, д. 1; а также представительство интересов доверителя при подаче данного обра-

щения в ходе личного приема в указанном агентстве». Или так: «Представительство при проведении переговоров с закрытым акционерным обществом «Эн» по вопросам заключения договора поставки продукции доверителя». Аналогичные примеры изложения предмета соглашения приводятся советом Адвокатской палаты Нижегородской области Российской Федерации [22].

Отсутствие в соглашении указания на вид юридической помощи не позволяет определить действия (характер действий), которые адвокату предполагается произвести для защиты прав, свобод, законных интересов доверителя. Отсутствие четкого обозначения правовой проблемы (спора), в связи с которым лицо обратилось за юридической помощью, приводит к невозможности определить, какие конкретно права доверителя адвокату поручается защищать. Отсутствие указания на государственный орган, иную организацию, где предполагается осуществлять представительство (защиту), не позволяет определить место выполнения поручения.

Заключение

В соглашении об оказании юридической помощи крайне важно надлежащим образом изложить предмет. Как правило, ввиду нахождения обратившегося в стрессовом состоянии вследствие возникшей правовой проблемы, отсутствия у него знаний в области юриспруденции, сложности и запутанности ситуации, последний не способен сформулировать предмет соглашения. В этой связи адвокат играет основополагающую роль в изложении предмета, который определяется исходя из конкретной ситуации, описанной обратившимся лицом.

Предмет соглашения об оказании юридической помощи рекомендуем излагать таким образом, чтобы он включал следующие составляющие:

1. Вид юридической помощи. При этом если процедура оказания адвокатом юридической помощи не регламентирована процессуальным законом (гражданским процессуальным кодексом, уголовно-процессуальным кодексом и т.д.), вид юридической помощи должен содержать исчерпывающий перечень конкретных действий, подлежащих выполнению адвокатом.

2. Указание на правовую проблему (спор), в связи с которой лицо обратилось за юридической помощью.

3. Указание на государственный орган, иную организацию, где предполагается осуществлять представительство (защиту), – если осуществление представительства (защиты) предусматривается соглашением.

Надлежащее изложение предмета соглашения об оказании юридической помощи поможет

избежать множества возможных разногласий и конфликтных ситуаций, связанных с исполнением обязательств по соглашению.

Результаты исследования предназначены практикующим адвокатам, могут быть использованы при совершенствовании нормативного регулирования адвокатской деятельности, мето-

дических рекомендаций республиканского органа адвокатского самоуправления, касающихся порядка заключения соглашений об оказании юридической помощи, а также при разработке проекта нового закона, регулирующего адвокатскую деятельность, которая активно ведется в Республике Беларусь в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кратенко, М.В. Предмет договора об оказании юридической помощи / М.В. Кратенко // Юрист. – 2005. – № 1; КонсультантПлюс: Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2010.
2. Об адвокатуре: Закон Респ. Беларусь, 15 июня 1993 г., № 2406-ХП: с изм. и доп.: текст по сост. на 20 окт. 2010 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации, 26 апр. 2002 г., № 63-ФЗ: с изм. и доп.: текст по сост. на 20 окт. 2010 г. // КонсультантПлюс: Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2010.
4. О некоторых вопросах заключения и исполнения соглашений об оказании юридической помощи: постановление М-ва юстиции Респ. Беларусь, 17 нояб. 2009 г., № 68: с изм. и доп.: текст по сост. на 20 окт. 2010 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
5. Андрейчик, Н.И. Адвокатура в Беларуси: настоящее и будущее / Н.И. Андрейчик // Юстиция Беларуси. – 2010. – № 8. – С. 9–14.
6. Воробьев, А.В. Теория адвокатуры / А.В. Воробьев, А.В. Поляков, Ю.В. Тихонравов. – М., 2002 // [Электронный ресурс] / Адвокатское бюро «Александр Еньков и партнеры». – М., 2010. – Режим доступа: <http://www.russian-lawyers.ru/2gl4.shtml>. – Дата доступа: 20.10.2010.
7. Печерский, В.В. Теоретические основы организации и деятельности адвокатуры / В.В. Печерский. – Минск: Тесей, 2007. – 272 с.
8. Адвокат: навыки профессионального мастерства / Е.Ю. Булакова [и др.]; под общ. ред. Л.А. Воскорбитовой, И.Н. Лукьяновой, Л.П. Михайловой. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 567, [1] с. // КонсультантПлюс: Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2010.
9. Соглашение об оказании юридической помощи. Анализ дисциплинарной практики Адвокатской палаты Республики Саха (Якутия). Наиболее характерные примеры // [Электронный ресурс] / Адвокат. палата Респ. Саха (Якутия). – Якутск, 2010. – Режим доступа: <http://adv-sakha.ru/poleznaia-informaciia/soglasenie-ob-okazanii-yuridicheskoi-pomoshhi-analiz-disciplinarnoi-praktiki-advokatskoj-palaty-respubliki-saxa-yakutiya-naibolee-kharakternye-primery>. – Дата доступа: 20.10.2010.
10. Кратенко, М.В. Договор об оказании юридической помощи в современном гражданском законодательстве: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.В. Кратенко; Томск. гос. ун-т. – Томск, 2005. – 26 с.
11. Владимирова, И.А. Особенности гражданско-правового регулирования оказания услуг адвокатом: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / И.А. Владимирова; Твер. гос. ун-т. – М., 2006. – 26 с.
12. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» / Д.Н. Козак [и др.]; под общ. ред. Д.Н. Козака. – М.: Статут, 2003. – 236 с. // КонсультантПлюс: Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2010.
13. Пояснительная записка к бланку соглашения // [Электронный ресурс] / Адвокат. палата Костром. обл. – Кострома, 2010. – Режим доступа: www.advokat44.ru/doc/soglasenie2.doc. – Дата доступа: 20.10.2010.
14. Коробицын, М.Г. Существенные условия соглашения об оказании юридической помощи / М.Г. Коробицын // Адвокат. – 2006. – № 10; КонсультантПлюс: Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2010.
15. Салчак, А.А. Договор об оказании юридических услуг: особенности гражданско-правовой ответственности его участников: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.А. Салчак; Ин-т эконо-

мики, упр. и права Рос. гос. гуманитар. ун-та. – М., 2006. – 29 с.

16. Положение о соглашении об оказании юридической помощи // [Электронный ресурс] / Адвокат. палата Челябинск. обл. – Челябинск, 2010. – Режим доступа: <http://www.advokat74.com/documents/90/1119.html>. – Дата доступа: 20.10.2010.

17. Кудрявцев, В.Л. Соглашение об оказании юридической помощи как одно из условий оказания квалифицированной юридической помощи адвокатом-защитником в уголовном судопроизводстве / В.Л. Кудрявцев // Адвокат. практика. – 2009. – № 1; КонсультантПлюс: Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2010.

18. Подольный, Н.А. Всегда ли в интересах доверителя, чтобы адвокат действовал в соответствии с его волей / Н.А. Подольный // Адвокат. практика. – 2004. – № 3. – С. 16–18.

19. Кирилловых, А.А. Адвокатская деятельность: юридическая помощь через правовую услугу / А.А. Кирилловых // Юрист. – 2008. – № 8; КонсультантПлюс: Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2010.

20. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-З: с изм. и доп.: текст по сост. на 20 окт. 2010 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

21. Об утверждении Правил профессиональной этики адвоката: постановление М-ва юстиции Респ. Беларусь, 27 июня 2001 г., № 15: с изм. и доп.: текст по сост. на 20 окт. 2010 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

22. О заполнении соглашений об оказании юридической помощи в адвокатских образованиях палаты: решение Адвокат. палаты Нижегород. обл. Рос. Федерации, 7 окт. 2009 г. // [Электронный ресурс] / Адвокат. палата Нижегород. обл. – Н. Новгород, 2010. – Режим доступа: <http://apno.ru/content/view/188/11/>. – Дата доступа: 20.10.2010.

Дата поступления статьи в редакцию 22.10.2010

ОБЫЧНАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РАМКАХ ИНСТИТУТА КРУПНОЙ СДЕЛКИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА

СЕМЕНОВ Ю.В.,

атташе Министерства иностранных дел Республики Беларусь,
аспирант кафедры международного экономического права
Белорусского государственного экономического университета

15 января 2011 г. в силу вступает новая редакция Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах». В рамках внесенных законодателем изменений существенно доработан институт крупной сделки хозяйственного общества. Одним из принципиальных нововведений является исключение из числа крупных сделок тех сделок общества, которые совершаются им в процессе обычной хозяйственной деятельности. Вместе с тем с введением категории «обычная хозяйственная деятельность» возникает ряд практических проблем. Они связаны, прежде всего, с определением данного понятия, а также с критериями отнесения крупных сделок к обычной хозяйственной деятельности. В настоящей статье комплексно рассмотрены существующие в научной литературе концепции «обычной хозяйственной деятельности», а также предложен авторский подход к определению ее рамок.

On January 15, 2011 a new edition of the Law «On Business Companies» of the Republic of Belarus comes into effect. Under the legislative changes the institute of large commercial transactions of companies has been substantially improved. One of the principal innovation is the exclusion from large commercial transactions those transactions that are closed in the course of regular economic activity. At the same time, the implementation of the category «regular economic activity» raises a number of practical problems. First of all, they are associated with the definition of this concept, as well as with the criteria for referring large commercial transactions to the regular economic activity. This article comprehensively reviewed existing scientific concepts of regular economic activity. Also the author presented his original approach to defining its frameworks.

Интерес и актуальность изучения понятия обычной хозяйственной деятельности хозяйственного общества обусловлены вступающей в силу с 15 января 2011 г. новой редакцией Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» (далее – Закон). В рамках внесенных законодателем изменений из числа крупных сделок исключаются сделки, совершаемые в процессе обычной хозяйственной деятельности [1]. Отметим, что значение института крупной сделки (сделки, влекущей приобретение, отчуждение или возможность отчуждения 20 и более процентов активов общества) заключается в особом порядке принятия решения о ее заключении в целях защиты имущественных интересов участников общества от необоснованных действий исполнительных органов. Однако на практике общество может систематически обращать зна-

чительную часть своих активов, осуществляя однородные по своей сути хозяйственные операции (например, субъекты малого бизнеса в сфере торговли систематически проводят товарообменные операции, стоимость которых составляет значительную часть их активов). В подобных ситуациях проведение соответствующей процедуры заключения крупной сделки отягощает хозяйственную деятельность фирмы излишними организационно-бюрократическими проводочками. Указанные изменения в Закон внесены с целью избежания подобной практики.

Однако с введением данной нормы возникает множество практических проблем. В частности, в поправках к Закону отсутствует разъяснение, что понимать под обычной хозяйственной деятельностью. Тем не менее обществу придется определять ее рамки каждый раз при заключе-

нии крупной сделки или при оспаривании ее в суде. Стоит обратить внимание, что данная правовая категория уже на протяжении ряда лет существует в корпоративном законодательстве Российской Федерации. Вместе с тем ни в российской правовой литературе, ни в российской судебной практике не сформировалась однозначная точка зрения по поводу того, что считать обычной хозяйственной деятельностью и каковы ее рамки.

В настоящей статье мы попытаемся сформулировать единый подход для определения обычной хозяйственной деятельности при заключении и оспаривании крупных сделок.

Для этого, прежде всего, целесообразно провести предметный анализ позиций ученых по данному вопросу, а также обобщенной российской судебной практики.

1. А.Маковская считает, что толкование понятия обычной хозяйственной деятельности фактически отдано на усмотрение конкретного правоприменительного органа, так как для каждого хозяйственного общества круг сделок, являющихся «обычными», сугубо индивидуальный [2].

Однако этот подход опровергается А.В.Габовым небезосновательно утверждающим, что судебная практика в настоящее время не выработала единого алгоритма для признания определенной деятельности «обычной». Это хорошо демонстрирует бесперспективность точки зрения, согласно которой вопрос о том, какая деятельность является «обычной», должен быть решен судом, исходя из всех конкретных обстоятельств дела [3]. Анализ судебной практики подтверждает позицию А.В.Габова: решения по подобным спорам зачастую весьма противоречивы.

Справочно:

В ряде постановлений суд понимает под обычной хозяйственной деятельностью виды экономической деятельности, закрепленные в учредительных документах общества [4].

В иных случаях суд закрепляет общие критерии определения хозяйственной деятельности, относя к ним сделки:

- по приобретению сырья и материалов, необходимых для осуществления производственно-хозяйственной деятельности;
- по реализации готовой продукции;
- на выполнение работ;
- на получение кредита для оплаты текущих операций [5]).

2. Некоторые авторы, исследуя понятие «обычная хозяйственная деятельность», включают в нее как сделки, являющиеся «неотъемлемым элементом обычной хозяйственной деятельности общества», так и сопутствующие им [6]. В круг подобных сделок могут быть отнесены «сделки, которые обеспечивают деятельность общества как юридического лица, а также дел-

ки, направленные на установление, изменение или прекращение обществом таких своих гражданских прав и обязанностей, осуществляя которые общество, собственно, и занимается хозяйственной деятельностью» [7].

Однако, учитывая подобную трактовку, в первую очередь практикующему юристу будет весьма проблематично определить, подпадает ли конкретная сделка под обычную хозяйственную деятельность. Термин «неотъемлемый элемент обычной хозяйственной деятельности общества», не давая однозначного разъяснения в данной ситуации, только усложняет понимание и без того противоречивого понятия. Соответственно сложность представляет и понимание того, что такое «сделки, сопутствующие сделкам, являющимся «неотъемлемым элементом обычной хозяйственной деятельности». Следуя подобной логике, можно прийти к выводу, что любую сделку хозяйственного общества можно квалифицировать как направленную на обеспечение основной деятельности.

3. В литературе также существует мнение, что при решении вопроса об отнесении сделок к числу совершенных в процессе обычной хозяйственной деятельности, следует исходить из буквального толкования понятия обычной деятельности – это те «сделки, которые совершаются обществом повседневно, в текущем порядке, для обеспечения существующего производственного процесса», «обычная для общества сделка» или «деятельность, осуществляемая на постоянной основе» [8].

Данный критерий также весьма абстрактен и на практике не даст юристу однозначного ответа, так как далеко не всегда будет характеризовать сделки, совершаемые в рамках обычной хозяйственной деятельности.

В частности, возникает вопрос, если общество на постоянной основе осуществляло поставки определенных товаров на незначительные суммы (до 5 процентов балансовой стоимости активов), а позднее осуществило поставку тех же товаров на сумму более 20 процентов балансовой стоимости активов общества, будет ли такая сделка считаться совершенной в рамках обычной хозяйственной деятельности? Ответ будет зависеть от нового ряда критериев. Так, если исходить из предмета сделки, то сделка будет входить в рамки обычной хозяйственной деятельности. Если же в качестве критерия применять еще и цену, ответ будет отрицательным, поскольку сумма сделки существенным образом отличается от совершаемых ранее сделок.

Кроме того, еще одним важным аргументом в опровержение первых трех подходов является то, что относить либо не относить сделку к крупной необходимо, прежде всего, самому обществу и его контрагентам в процессе ее заключения. Для этого юристам-хозяйственникам необходим

однозначный критерий, а не абстрактные рассуждения о том, относится ли данная сделка к обычной деятельности.

4. Ряд авторов полагает, что обычной хозяйственной деятельностью являются сделки, «которые совершаются обществом регулярно с момента его создания в рамках осуществления основной деятельности, предусмотренной учредительными документами» [9]. То есть при определении обычной хозяйственной деятельности следует руководствоваться теми видами деятельности, которые закреплены в уставе общества.

Данная позиция находит свое отражение в ряде судебных решений [10]. Суд в указанных случаях исходил из того, что если соответствующая деятельность указана в уставе либо как предмет деятельности общества, либо как вид его деятельности, то это может служить основанием для признания деятельности «обычной».

Очевидно, что подобный критерий прост и универсален в применении. Однако по заслуживающему внимания мнению А.В.Габова, представляются несостоятельными аргументы в виде ссылок на положения устава в части видов деятельности, поскольку устав в этой ситуации значения не имеет. Правоспособность акционерных обществ носит общий, а не специальный характер [11] (коммерческие организации в соответствии с Гражданским кодексом Республики Беларусь могут иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных законом). По общему правилу акционерное общество вправе заниматься любым не запрещенным законом видом деятельности, причем не важно, есть ли какое-либо специальное указание об этом в уставе или нет.

Таким образом, обычной хозяйственной деятельностью может быть и деятельность, не предусмотренная уставом, равно как и предусмотренная уставом деятельность может не подпадать под понятие обычной хозяйственной деятельности, поскольку на практике общество может редко осуществлять хозяйственные операции подобного рода.

Кроме того, с учетом изменений в процедуре государственной регистрации субъектов хозяйствования в Республике Беларусь в настоящее время вообще нет необходимости вносить перечень видов деятельности в устав [12].

5. Заслуживает внимания позиция О.В.Федосовой, которая полагает целесообразным закрепить в Законе универсальные критерии отнесения той или иной сделки к обычной хозяйственной деятельности и выдвигает следующую законодательную формулировку: «Сделками, совершаемыми в рамках обычной хозяйственной деятельности, являются сделки общества, аналогичные по предмету и цене тем сделкам, кото-

рые неоднократно (два и более раза) совершались обществом в течение года, предшествующего дате совершения предполагаемой сделки. При этом цена совершаемой сделки не должна быть выше более чем на 20 процентов максимальной цены аналогичной сделки, совершенной в течение года, предшествующего дате совершения предполагаемой сделки» [13].

Указанная формулировка содержит конкретные признаки обычной деятельности (О.В.Федосова предлагает в качестве таковых учитывать предмет, цену, период заключения сделок, а также 20-процентный предел разницы цен по сделкам в рамках обычной хозяйственной деятельности), что упрощает ее применение. Однако, учитывая многообразие и динамичное развитие гражданского оборота, подобные законодательные рамки могут стать сдерживающим фактором, не соответствующим потребностям хозяйственной деятельности. Например, может сложиться ситуация, когда сделки, заключаемые обществом, по своей сути будут являться обычной хозяйственной деятельностью, однако ввиду их несоответствия какому-либо из названных критериев (период их заключения или же 20-процентный ценовой предел), общество будет вынуждено проводить процедуру принятия решения о крупной сделке с соответствующими организационно-бюрократическими издержками.

Проанализировав изложенные в литературе и судебной практике подходы, можно прийти к выводу, что в настоящее время не сформирована единая позиция по вопросу отнесения той или иной сделки к обычной хозяйственной деятельности.

Принимая во внимание приведенную теоретическую аргументацию, попытаемся очертить механизм определения рамок обычной хозяйственной деятельности. Для этого, прежде всего, следует отметить, что он должен:

учитывать специфику бизнеса каждого отдельно взятого общества (совокупность видов деятельности, непосредственно осуществляемых обществом, а также их удельный вес), ни в какой мере не ограничивая ее;

быть простым и понятным в применении не только для судебных органов в процессе оспаривания крупной сделки, но и, в первую очередь, для самого общества (его юристов) в процессе ее заключения.

Исходя из этого, на наш взгляд, вопрос «обычной» для общества деятельности должны разрешать его учредители, а впоследствии участники (акционеры). При создании общества учредители, безусловно, имеют представление о характере и преобладающих направлениях его экономической деятельности. По мере развития субъекта хозяйствования какие-то виды деятельности могут становиться более либо менее регулярными.

Сведения об этом участники получают в ходе отчетов исполнительных органов и при необходимости могут корректировать перечень «обычных» видов деятельности во избежание систематических процедур принятия решения о заключении однообразных крупных сделок.

Таким образом, мы полагаем целесообразным при учреждении хозяйственного общества отдельным пунктом в уставе указывать, какие виды экономической деятельности являются для него обычной хозяйственной деятельностью, а в дальнейшем при необходимости вносить соответствующие изменения. При наличии подобных положений в уставе:

- 1) все заинтересованные (стороны крупной сделки, участники общества, судебные органы) имеют возможность однозначно определить, что является обычной хозяйственной деятельностью;
- 2) действует механизм защиты интересов участника при заключении крупной сделки, а ограничения в его использовании устанавливаются самими же участниками;
- 3) отсутствуют какие-либо законодательно установленные рамки обычной хозяйственной деятельности (см. подход 5), что позволяет каждому обществу учесть свою индивидуальную специфику бизнеса.

Кроме того, отметим, что подобные положения устава никоим образом не следует увязы-

вать с перечнем видов экономической деятельности, осуществляемых обществом в целом (см. подход 4).

И последнее. Несмотря на то что приведенная нами позиция в отношении определения обычной хозяйственной деятельности путем внесения соответствующих положений в устав не противоречит Гражданскому кодексу Республики Беларусь, для ее полноценного применения безусловно необходима конкретизация в законодательстве. С учетом этого предлагаем проект соответствующей поправки в статью 58 Закона: «Положения настоящей статьи не распространяются на сделки, совершаемые хозяйственным обществом в процессе обычной хозяйственной деятельности. Под обычной хозяйственной деятельностью понимаются виды экономической деятельности, указанные в уставе общества в качестве обычной хозяйственной деятельности». Основываясь на подобной, сугубо диспозитивной норме Закона, внедрение данного механизма в реальные условия деятельности хозяйственных обществ (внесение учредителями соответствующих изменений в устав) произойдет весьма органичным образом, т.е. не навязыванием его сверху, а исключительно по потребности самого общества, обусловленной динамикой конкретного бизнеса, — снизу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Минск, 2010. — Режим доступа: <http://pravo.by/webnpa/text.asp?RN=N11000168>. — Дата доступа: 01.12.2010.
2. Маковская, А.А. Крупные сделки и порядок их одобрения акционерным обществом / А.А. Маковская // Экономика и жизнь. — 2004. — С. 56.
3. Габов, А.В. Сделки с заинтересованностью в акционерных обществах: проблемы правового регулирования / А.В. Габов. — М.: Дело, 2005. — С. 246–248.
4. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20 янв. 2004 г. по делу № Ф04/260-1292/А70-2003; Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 июня 2002 г. № А42-5543/01-19; Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 8 сент. 2003 г. № А48-3333/02-10 // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2010.
5. О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах»: Постановление Пленума ВАС РФ, 18 нояб. 2003 г., № 19 // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2010.
6. Могилевский, С.Д. Правовые основы деятельности акционерных обществ / С.Д. Могилевский. — М.: Дело, 2004. — С. 361.
7. Ломакин, Д.В. Крупные сделки в гражданском обороте / Д.В. Ломакин // Законодательство. — Москва. — 2001. — № 3 — С. 27.
8. Телюкина, М.В. Комментарий к Федеральному закону «Об акционерных обществах» / М.В. Телюкина // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2010.

9. Фомичева, Н.В. Правовое регулирование деятельности и создания акционерных обществ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Фомичева. – Саратов, 2000. – С. 10; Старостина, Т.В. Бухгалтерские правила игры «по-крупному» / Т.В. Старостина // Учет. Налоги. Право. – 2004. – № 16.

10. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20 янв. 2004 г. по делу № Ф04/260-1292/А70-2003; Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 июня 2002 г. № А42-5543/01-19; Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 8 сент. 2003 г. № А48-3333/02-10 // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

11. Габов, А.В. Сделки с заинтересованностью в акционерных обществах: проблемы правового регулирования. – С. 246–248.

12. О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования: Декрет Президента Респ. Беларусь, 16 янв. 2009 г., № 1 // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

13. Федосова, О.В. Проблемы институтов крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность в обществах с ограниченной ответственностью: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.В. Федосова; Рос. юрид. акад. – М., 2008. – С 118–122.

Дата поступления статьи в редакцию 26.05.2010

УДК 349.6:330.15(476)

ПРИРОДНЫЕ РЕКРЕАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ КАК ОБЪЕКТЫ ПРАВА РЕКРЕАЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

САМУСЕНКО Л.А.,

старший преподаватель кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета

В статье исследуется проблема определения природных ресурсов, которые предназначены для рекреационного использования. На основе анализа естественнонаучной и юридической литературы, экологического законодательства предлагается авторское понятие природных рекреационных ресурсов и их состав. Анализируется правовое регулирование использования природных рекреационных ресурсов. В работе формулируются теоретические выводы и предложения по совершенствованию экологического законодательства Республики Беларусь.

In the article the problem of definition of natural resources which are intended for recreational use is investigated. On the basis of the analysis of the natural-science and legal literature, the environmental legislation the author's concept of natural recreational resources and their structure is offered. Legal regulation of natural recreational resources using is analyzed. In this research theoretical conclusions and offers on perfection of the ecological legislation of Belarus are formulated.

Введение

В отечественной и зарубежной научной литературе до сих пор нет единства взглядов по поводу понятия и состава природных рекреационных ресурсов. Более полно они исследовались экономистами, географами, экологами, намного реже – юристами. Отдельные аспекты обозначенной проблемы рассматривались российскими и украинскими учеными (С.М.Имашев, А.Г.Бобкова, Е.Н.Ткаченко, О.Н.Шмыгова). В Республике Беларусь юридические исследования по данной проблематике отсутствуют. Поэтому представляется необходимым провести правовое исследование в этой области с целью определения понятия и состава природных рекреационных ресурсов.

Основная часть

В юридической литературе в качестве природных рекреационных ресурсов рассматриваются природные курортные, лечебные, оздоровительные ресурсы и факторы, обладающие полезными свойствами для восстановления и укрепления здоровья людей и пригодные для использования в рекреационной деятельности [1, с. 60].

К природным курортным ресурсам А.Г.Бобкова относит природные лечебные ресурсы и

факторы, пригодные для использования, в том числе путем промышленного освоения, с целью лечения, медицинской реабилитации, профилактики заболеваний и улучшения здоровья людей, включающие месторождения полезных ископаемых минерального и органического происхождения, которые оказывают на организм человека лечебный эффект, – минеральные и термальные воды, горячий пар и газ, лечебные грязи, озокерит, нафталан, рапа лиманов и озер.

Природными оздоровительными ресурсами являются природные образования, которые формируют особые ландшафты и микроклиматические условия в регионе и оказывают на организм человека оздоровительный эффект, – пляжи, акватории водных объектов, воздушный бассейн, парки, лесопарки, лесные и горные массивы, соляные выработки и пещеры. Природными оздоровительными факторами являются природные явления, которые проявляются в конкретной местности в наиболее оптимальных для организма человека концентрациях и сочетаниях: продолжительность, интенсивность и радиационная безопасность солнечного излучения, влажность воздуха, интенсивность и направленность ветров, уровень аэровизации атмосферы, температура окружающей среды [1, с. 61].

Таким образом, природные рекреационные ресурсы – это собирательное понятие, которое употребляется для обозначения комплекса природных ресурсов, обладающих рекреационными свойствами, используемых в процессе рекреации. Рекреационные свойства природных ресурсов устанавливаются на основании научных исследований и многолетней практики.

В законодательстве Республики Беларусь понятие природных рекреационных ресурсов отсутствует, закреплены определения отдельных их видов, в частности лечебных и туристических, а также критерии отнесения ресурсов к туристическим.

Так, природные лечебные ресурсы согласно Концепции санаторно-курортного лечения и оздоровления населения Республики Беларусь рассматриваются как природные лечебные факторы, используемые в лечебных и профилактических целях [2]. К основным природным лечебным факторам относятся лечебные грязи, минеральные воды, спелеолечение и благоприятные свойства климата. Отнесение спелеолечения к названным факторам вызывает возражение, поскольку представляет собой не ресурс, а процесс лечения.

В Федеральном законе Российской Федерации «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» к природным лечебным ресурсам отнесены минеральные воды, лечебные грязи, рапа лиманов и озер, лечебный климат, другие природные объекты и условия, используемые для лечения и профилактики заболеваний и организации отдыха (ст. 1) [3].

Туристические ресурсы согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О туризме» – это природные, социально-культурные объекты, в том числе недвижимые материальные историко-культурные ценности, удовлетворяющие духовные потребности туристов и (или) содействующие восстановлению и укреплению их здоровья [4]. Природные объекты, как видно из изложенного, являются видом туристических ресурсов.

Режим охраны туристических ресурсов и порядок их использования с учетом нормативов допустимой антропогенной нагрузки на окружающую среду определяются в соответствии с законодательством.

Отнесение ресурсов к туристическим осуществляется по решению Министерства спорта и туризма Республики Беларусь на основании предложений государственных органов, иных организаций и физических лиц. Данные ресурсы должны обладать одной или несколькими характеристиками: привлекательность для тури-

стов, их познавательная и экологическая ценность (связь объекта с конкретным историческим событием, субъектом, жизнью и творчеством известных людей, природной средой, эстетические достоинства); рекреационная ценность (возможность использования объекта для организации отдыха и оздоровления туристов); известность (популярность среди туристов); необычность (экзотичность); сохранность (состояние объекта, его подготовленность к приему туристов); месторасположение (расстояние до объекта, удобство подъезда к нему, пригодность дороги для передвижения автотранспорта).

Представляется, что не все из указанных характеристик могут использоваться в качестве самостоятельных. Например, сохранность или месторасположение сами по себе не могут служить основанием для признания ресурса туристическим. Поэтому критерии отнесения ресурсов к туристическим требуют уточнения.

Сведения о статусе туристических ресурсов, их географическом положении и границах, природопользователях, научной, экономической, экологической и культурной ценностях, а также режиме охраны и использования включаются в Государственный кадастр туристических ресурсов Республики Беларусь, который ведется раздельно по природным и социально-культурным объектам. К природным туристическим ресурсам относятся поверхностные и подземные воды; охраняемые природные территории; бальнеологические ресурсы; рекреационные территории, включающие курорты, зоны отдыха, пляжи, места отдыха у дорог, видовые площадки, экологические тропы; охотничьи и рыболовные угодья [5], что, на наш взгляд, необоснованно расширяет перечень таких ресурсов.

Несмотря на закрепление понятия туристических и природных лечебных ресурсов в ином законодательстве, существует необходимость определения всех видов природных рекреационных ресурсов в экологическом законодательстве, практически во всех отраслях которого природные рекреационные ресурсы выделяются, однако без должной правовой регламентации.

Так, Кодексом Республики Беларусь о земле в качестве отдельной категории определяются земли природоохранного, оздоровительного, рекреационного, историко-культурного назначения, даются понятия входящих в эту категорию видов земель [6].

В юридической литературе высказано мнение о том, что вряд ли можно назвать удачным объединение четырех различных видов земель в одну категорию [1, с. 55]. Во-первых, правовой режим этих земель имеет значительные разли-

* Отметим, что в Украине земли природоохранного, оздоровительного, рекреационного, историко-культурного назначения составляют самостоятельные категории [7].

чия по ограничению хозяйственной деятельности, массовому использованию в связи с их разным целевым назначением: у земель природоохранного назначения – это сохранение для настоящего и будущего поколений особо ценных природных территорий; у земель оздоровительного и рекреационного назначения – восстановление и развитие жизненных сил человека; у земель историко-культурного назначения – сохранение историко-культурного наследия. Во-вторых, практически все они предназначены для использования в рекреационных целях. Так, объектами туризма согласно Национальной программе развития туризма в Республике Беларусь на 2008–2010 годы признаются историко-культурные ценности и археологические объекты, являющиеся объектами земель историко-культурного назначения; санаторно-курортные и оздоровительные организации, являющиеся объектами земель оздоровительного назначения [8]. Перечень объектов земель рекреационного назначения отсутствует в законодательстве, но может быть определен из имеющегося в юридической литературе термина «организованный массовый отдых»*, включает дома, базы отдыха, туристические базы, пансионаты, детские лагеря и другое и частично совпадает с объектами земель оздоровительного назначения. В-третьих, слишком ограниченно определены земли рекреационного назначения, принимая во внимание понятие рекреации как восстановление и развитие жизненных сил человека, осуществляемое как на землях оздоровительного, так и рекреационного назначения.

Как видим, нет четкого разграничения земель оздоровительного и рекреационного назначения и находящихся на них объектов, о чем указывалось в юридической литературе [10, с. 281]. Предлагается объединить эти земли, как имеющие общее целевое назначение, в один вид – земли рекреационного назначения и определить их как земельные участки, которые обладают природными рекреационными ресурсами, а также разработать специальные нормы об их правовом режиме.

В Лесном кодексе Республики Беларусь рекреационные леса отдельно не выделяются [11]. Однако ст. 64 данного акта дает основание отнести к разряду рекреационных городские, курортные леса и лесопарковые части зеленых зон, которые используются преимущественно для отдыха населения, проведения культурно-оздоровительных и спортивных мероприятий. Ведение лесного хозяйства в этих лесах осуществляется в соответствии с проектами лесостроительства, специально разрабатываемыми ле-

соустроительными организациями. Отдельные виды лесопользования, если они не совместимы с проведением культурно-оздоровительных мероприятий и организацией отдыха населения, в них запрещаются. Решением местных исполнительных и распорядительных органов эти леса могут закрепляться за организациями, садоводческими товариществами для поддержания в них надлежащего санитарного состояния.

Несмотря на отсутствие законодательного закрепления рекреационных лесов, в Республике Беларусь проводятся работы по их выделению и благоустройству. Разработана методика оценки их рекреационных функций, выработана собственная технология специального рекреационного лесостроительства [12, с. 29]. В то же время положение рекреационных лесов до сих пор остается неопределенным, то есть рекреационная функция леса признается, но рекреационные леса не выделены в отдельную группу или категорию защитности. В литературе по этому поводу имеются две точки зрения.

По мнению одних авторов, рекреационные леса нет необходимости выделять в отдельную категорию, поскольку рекреационная функция присуща практически всем лесам. При лесостроительстве их достаточно показать подстрочно под площадью лесов конкретной категории защитности [12, с. 246]. Согласно другой позиции рекреационные леса должны быть выделены в качестве отдельной группы либо категории защитности, поскольку ведение хозяйства в них существенно отличается от правил и приемов хозяйства в эксплуатационных лесах второй группы и подавляющем большинстве категорий защитности первой группы. Специфика заключается в особых приемах создания и формирования ландшафта, в вопросах благоустройства территории, организации службы сервиса лесного отдыха, в особой значимости мероприятий по сохранению биологического разнообразия и охраны природы в целом [13, с. 67].

В целях совершенствования лесного законодательства представляется целесообразным в законодательном порядке ввести термин «рекреационные леса», дать его определение, выделить рекреационные леса в качестве отдельной группы или категории защитности, установить их единую классификацию, закрепить признаки их выделения, специфику ведения лесного хозяйства и др.

Водный кодекс отдельно не выделяет водные рекреационные ресурсы, однако устанавливает категорию лечебных водных объектов и места массового отдыха и спорта водных объектов (ст.ст. 41, 42) [14]. Водные объекты относятся к

* Это отдых, который организуется и обеспечивается специализированными организациями, является строго дозированным, сознательно управляемым процессом использования природных ресурсов и имеет место в развитии туризма, экскурсионного дела и образовании домов, баз отдыха, туристических баз, пансионатов, детских и спортивных лагерей и т.п. [9, с. 14].

категории лечебных в порядке, установленном законодательством, и используются только для лечебных, курортных и оздоровительных целей. На сегодняшний день порядок отнесения водных объектов к категории лечебных отсутствует, что негативно влияет на возможность организации рекреации.

С целью обеспечения необходимых условий для полноценного отдыха населения и снижения антропогенной нагрузки на водные объекты, ограничения неконтролируемого рекреационного водопользования выделяются специальные места массового отдыха и спорта водных объектов, которые устанавливаются местными исполнительными и распорядительными органами по согласованию с органами государственного санитарного надзора, а на водных объектах, отнесенных к внутренним водным путям, — по согласованию с органом по безопасности судоходства, уполномоченным Советом Министров Республики Беларусь. Водное законодательство не определяет, что относится к местам массового отдыха и спорта водных объектов. Порядок выделения мест массового отдыха и спорта водных объектов в законодательстве также отсутствует. Необходимо восполнить эти пробелы.

Среди объектов растительного мира для организации различных форм массового отдыха населения предназначены насаждения общего пользования. По территориальному признаку эти насаждения подразделяются на внутригородские и насаждения пригородной зеленой зоны [15]. К внутригородским относятся насаждения в пределах городской черты, определенной генеральным планом города и планом землеустройства территории города. К насаждениям пригородной зеленой зоны города относятся насаждения, размещенные за городской чертой на территории зеленой зоны города, определенной соответствующей проектной документацией.

К насаждениям общего пользования относятся общегородские парки (сады), которые по назначению подразделяются на многофункциональные (культуры и отдыха) и специализированные (детские, спортивные, исторические, мемориальные, выставочные, парки-памятники садово-паркового искусства и др.), а также скверы, бульвары, парки (сады) районов жилой и смешанной застройки, лесопарки, гидропарки и лугопарки, зоны кратковременной рекреации у воды, озелененные участки общественных центров общегородского и районного уровней [16].

Применительно к объектам животного мира затруднительно выделить специальный объект права пользования дикими животными в рекреационных целях в процессе осуществления культурной деятельности, поскольку законодательство не устанавливает такого перечня и, следовательно, им могут выступать любые виды диких животных [17]. При осуществлении охоты

и любительского рыболовства в качестве рекреационных ресурсов выступают охотничьи животные и дикие животные, относящиеся к объектам рыболовства.

Охотничьими животными являются дикие животные, относящиеся к объектам охоты, группы и виды которых определены в Правилах ведения охотничьего хозяйства и охоты [18]. Среди них выделяются охотничьи животные нормированных видов, то есть охота на которых осуществляется на основании разовых разрешений на добычу (зубр резервного генофонда, лось, олень благородный, косуля европейская, кабан, бобр речной, выдра речная, глухарь, тетерев), и дикие животные нежелательных видов, то есть нежелательные для охотничьего, рыбного и сельского хозяйства (волк, лисица обыкновенная, собака енотовидная, ворона серая, сорока, баклан большой, цапля серая).

Дикие животные, относящиеся к объектам рыболовства, или рыба, согласно Правилам ведения рыболовного хозяйства и рыболовства — это все виды рыбы, раков, креветок, миног, обитающие в состоянии естественной свободы в рыболовных угодьях, за исключением рыбы, раков, креветок, миног, относящихся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь [19].

В качестве рекреационных ресурсов недр можно выделить подземные лечебные минеральные воды, которые располагаются в недрах и относятся к полезным ископаемым (ст.ст. 18, 25 Кодекса о недрах) [20]. Порядок использования и охраны подземных лечебных минеральных вод законодательством не установлен. Для лечебных, оздоровительных и иных целей, обусловленных ценностью, полезностью и иными характеристиками, также могут использоваться геотермальные ресурсы недр (ст. 61 Кодекса о земле). Отдельные подземные пространства могут быть использованы в целях размещения, строительства и (или) эксплуатации объектов социальной инфраструктуры и учреждений здравоохранения (ст. 27 Кодекса о недрах). Кодекс о недрах не выделяет иные ресурсы недр в качестве рекреационных и не предусматривает пользование ими в рекреационных целях. Однако пещеры и иные естественные и искусственно созданные полости недр, относящиеся к подземным пространствам, которые имеют особую рекреационную ценность, могут являться объектами экскурсий. Сбор геологических материалов может рассматриваться в качестве общего рекреационного недропользования, однако данные виды права рекреационного недропользования не получили отражения в законодательстве о недрах. В связи с изложенным представляется необходимым законодательно закрепить ресурсы недр, которые могут быть объектами рекреационного природопользования и установить порядок их использования и охраны, а также пре-

дусмотреть в качестве отдельного вида права недропользования право рекреационного недропользования.

Заключение

Природные рекреационные ресурсы – это природные ресурсы, обладающие рекреационными свойствами, которые используются или могут быть использованы в процессе рекреации и включают земли оздоровительного и рекреационного назначения, рекреационные леса, лечебные водные объекты, места массового отдыха

и спорта водных объектов, насаждения общего пользования, охотничьих животных и диких животных, относящихся к объектам рыболовства, подземные лечебные минеральные воды, геотермальные ресурсы недр, отдельные подземные пространства недр.

Понятие природных рекреационных ресурсов и их состав должны получить законодательное закрепление в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», а правовой режим должен быть определен в нормах природо-ресурсного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобкова, А.Г. Правовое обеспечение рекреационной деятельности / А.Г. Бобкова. – Донецк: Юго-Восток, 2000. – 308 с.
2. Концепция санаторно-курортного лечения и оздоровления населения Республики Беларусь: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь от 4 нояб. 2006 г. № 1478 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
3. О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах: Федеральный закон Рос. Федерации, 23 февр. 1995 г., № 26-ФЗ // Собр. зак-ва Рос. Федерации. – 1995. – 27 февр.
4. О туризме: Закон Респ. Беларусь, 25 нояб. 1999 г., № 326-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
5. Классификатор органа управления «Туристические ресурсы и туристические зоны Республики Беларусь». – Минск: М-во спорта и туризма Респ. Беларусь, 2007. – 52 с.
6. Кодекс Республики Беларусь о земле: Кодекс Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 425-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
7. Земельный кодекс Украины: комментарий. – Х.: ООО «Одиссей», 2002. – 600 с.
8. Об утверждении Национальной программы развития туризма в Республике Беларусь на 2008–2010 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 21 дек. 2007 г., № 1796 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
9. Самусенко, Л.А. Правовое понятие и состав земель рекреационного назначения / Л.А. Самусенко // Земля Беларуси. – 2004. – № 4. – С. 12–14.
10. Самусенко, Л.А. О развитии понятийного аппарата в сфере правового регулирования туризма / Л.А. Самусенко // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы: в 2 т. – Минск, 2008. – Т. 1: Национальное законодательства и его гармонизация с правом Европейского Союза: сб. науч. тр. – С. 275–281.
11. Лесной кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 14 июля 2000 г., № 420-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
12. Рожков, Л.Н. Основы теории и практики рекреационного лесоводства / Л.Н. Рожков. – Минск: БГТУ, 2001. – 292 с.
13. Меллума, А.Ж. Результаты и перспективы исследований по проблеме рекреационного использования природы в Латвийской ССР / А.Ж. Меллума // Рекреационное лесопользование в СССР. – М.: Наука, 1983. – 236 с. – С. 55–67.
14. Водный кодекс Респ. Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 15 июля 1998 г., № 191-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
15. Об утверждении формы государственной статистической отчетности 6-зеленые насаждения (Минжилкомхоз) «Отчет о зеленых насаждениях» и указаний по ее заполнению: постановление Нац. статист. комитета Респ. Беларусь, 26 окт. 2009 г., № 218 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
16. Об утверждении Инструкции о порядке государственного учета объектов растительного мира, расположенных на землях населенных пунктов, и обращения с ними: постановление М-ва жилищно-коммунального хоз-ва Респ. Беларусь, 29 дек. 2004 г., № 40 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

17. О животном мире: Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2007 г., № 257-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

18. Правила ведения охотничьего хозяйства и охоты: утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 8 дек. 2005 г. № 580 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

19. Правила ведения рыболовного хозяйства и рыболовства: утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 8 дек. 2005 г. № 580 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

20. Кодекс Республики Беларусь о недрах: Кодекс Респ. Беларусь, 14 июля 2008 г., № 406-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

Дата поступления статьи в редакцию 17.12.2010

УДК 342.1

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ДАВЫДИК В.В.,

заместитель начальника управления научной работы –
начальник научно-исследовательского центра ГУО «Институт пограничной службы
Республики Беларусь»

В статье рассматриваются особенности государственной пограничной политики в системе общегосударственной политики с исследованием ее правового характера.

The article deals with the peculiarities of the state border policy in the system of the government policy with its legal essence analysis.

Обеспечение пограничной безопасности затрагивает широкий спектр интересов личности, общества и государства. Постепенное снижение барьерной функции границы с одновременным возрастанием ее контактной составляющей обуславливают повышение влияния уровня пограничной безопасности на политическую сферу Республики Беларусь.

Государственная граница всегда была и остается инструментом политики. Являясь линией разграничения территорий и суверенитета государств, она одновременно является и линией их соприкосновения, а в некотором смысле и объединения. На Государственной границе Республики Беларусь (далее – Государственная граница) и в пограничных пространствах проходят первую проверку и в дальнейшем отражаются последствия принимаемых политиками решений, также как и любые нарушения функционирования границы. Даже самые незначительные инциденты способны оказать дестабилизирующее воздействие на межгосударственные отношения.

Изменение политических взглядов Республики Беларусь на собственное место и роль в системе мирового сообщества и произошедшие вследствие этого изменения в пограничном пространстве определили необходимость принятия мер безопасности на государственном уровне. Множество межгосударственных пограничных проблем и противоречий требует принятия как внутренних, так и внешнеполитических решений, обуславливающих проведение выверенной во всех отношениях пограничной политики государства. То есть реалии жизни определяют воз-

никновение новой отрасли в политической сфере Республики Беларусь – государственной пограничной политики, предназначенной для создания благоприятных условий по оптимальному функционированию системы обеспечения пограничной безопасности. Проведение пограничной политики позволяет более эффективно разрешать существующие проблемы пограничной безопасности в силу более тесной их взаимосвязи и приближенности друг к другу, а значит и более глубокого знания сути противоречий и проблем их разрешения.

Каковы место и роль государственной пограничной политики в системе общегосударственной политики? По мнению автора, эту проблему можно рассмотреть с позиции функционального предназначения видов политики в обеспечении устойчивой жизнедеятельности государства в окружающем мире. Так, внутренняя политика государства призвана создавать условия для динамичного развития экономической, социальной, культурной, демографической сфер общественной жизни. Функция внешней политики – это, образно выражаясь, формирование идеологии взаимодействия, решение принципиальных вопросов о необходимости и основных направлениях взаимодействия Республики Беларусь с другими государствами. Функциональное предназначение государственной пограничной политики – практическая реализация взаимодействия с сопредельными государствами с учетом взаимного интереса и на основе дружбы и сотрудничества.

Принципиально важным для определения характера и специфики государственной погра-

ничной политики является анализ сущности характеристик каждого вида политики.

Общеизвестно, что внутренняя политика строится преимущественно на «мирных» силах и средствах своей реализации. В ее механизме заложены такие рычаги, как нормы и принципы права, экономические методы, моральные ценности. Это подтверждается стратегическими целями внутренней политики Республики Беларусь, к которым относятся:

обеспечение прав и свобод человека и гарантии их реализации;

повышение уровня благосостояния народа; развитие демократического социального правового государства;

формирование эффективной социально ориентированной рыночной экономики.

Достижение стратегических целей невозможно без решения одной из главных задач внутренней политики Республики Беларусь – обеспечение государственного суверенитета и территориальной целостности Республики Беларусь.

Анализ основных сфер, в которых реализуется внутренняя политика Республики Беларусь (экономика, социально-трудовая сфера, здравоохранение, образование, наука, информатизация и информатизация, культура, искусство, спорт, туризм, жилищные отношения, охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, региональное развитие, военная сфера, борьба с преступностью и иной противоправной деятельностью, юстиция, предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций), позволяет утверждать, что она использует только мирные силы и средства, опираясь в основном на экономику страны.

В отличие от внутренней внешняя политика государства в арсенале своих сил и средств имеет как мирные, так и военные инструменты. Ведя цивилизованный диалог с другими государствами по вопросам взаимовыгодного сотрудничества в рамках соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права, Республика Беларусь не забывает о принципах соразмерности внешнеполитических целей политико-дипломатическому, экономическому, оборонному, научно-техническому, интеллектуальному потенциалу государства, обеспечении их реализации для укрепления своих международных позиций и международного авторитета, а также о повышении эффективности политических, правовых, внешнеэкономических и иных инструментов защиты государственного суверенитета Республики Беларусь и ее национальной экономики в условиях глобализации [1]. То есть внешняя политика predetermined, в первую очередь, силой государства, наличием Вооруженных Сил, а также состоянием экономики.

Государственная пограничная политика по своей сущности не может содержать в себе силового фактора для достижения своих целей,

так как основным содержанием государственной пограничной политики является создание и поддержание в пограничном пространстве соответствующего правового режима для устойчивого развития Республики Беларусь. Эти цели могут быть достигнуты только дипломатическими, правовыми, информационными и экономическими средствами. В исключительных случаях в зоне действия государственной пограничной политики допускается силовое воздействие на конкретные субъекты с целью приведения их деятельности в правовую форму.

Именно этими условиями была обусловлена необходимость реформирования пограничных войск Республики Беларусь в органы пограничной службы Республики Беларусь. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 25 сентября 2007 г. № 448 Государственный пограничный комитет Республики Беларусь (далее – Госпогранкомитет) является республиканским органом государственного управления, проводящим государственную пограничную политику, обеспечивающим пограничную безопасность, осуществляющим регулирование и управление в этой сфере, координирующим деятельность государственных органов и иных организаций в области проведения государственной пограничной политики и обеспечения пограничной безопасности.

В соответствии с возложенными задачами функциональным предназначением Госпогранкомитета в области проведения государственной пограничной политики является подготовка предложений по формированию государственной пограничной политики и обеспечению пограничной безопасности, в том числе по вопросам охраны Государственной границы и функционирования пунктов пропуска через Государственную границу, оперативно-служебной и иной деятельности органов пограничной службы, а также обобщение практики применения законов и иных актов законодательства в области государственной пограничной политики и обеспечения пограничной безопасности, разработка предложения по их совершенствованию [4].

Правовые основы государственной пограничной политики заложены в Законе Республики Беларусь от 21 июля 2008 года № 419-З «О Государственной границе Республики Беларусь», где указано, что Республика Беларусь при осуществлении государственной пограничной политики руководствуется принципами: обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь и международной безопасности; взаимного уважения суверенитета, равенства и территориальной целостности государств; нерушимости Государственной границы; мирного разрешения пограничных вопросов и инцидентов; уважения прав и свобод граждан; взаимовыгодного всестороннего сотрудничества с иностранными государствами [2].

Определение основных направлений государственной пограничной политики, общее ру-

ководство государственными органами по вопросам реализации государственной пограничной политики и обеспечение взаимодействия между ними осуществляет в соответствии со своими полномочиями Президент Республики Беларусь.

Правовые и организационные основы деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь по вопросам государственной пограничной политики определены Законом Республики Беларусь от 11 ноября 2008 года № 454-З «Об органах пограничной службы Республики Беларусь». Главным их предназначением является участие в проведении государственной пограничной политики, обеспечение пограничной безопасности Республики Беларусь и выполнение правоохранительных функций [3].

Перенацеливание оперативно-служебной деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь на применение «несиловых» способов выполнения задач закреплено Законом «Об органах пограничной службы Республики Беларусь», где указано, что деятельность органов пограничной службы осуществляется на принципах: законности; уважения и соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан; гуманизма; мирного разрешения пограничных вопросов и инцидентов.

Положительной особенностью государственной пограничной политики является то, что имея статус государственной, ее реализация осуществляется на различных уровнях. Пограничную политику проводят не только специально уполномоченные органы государственного управления республиканского уровня, но и другие субъекты обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь в рамках их полномочий. К таким субъектам относятся комиссии по вопросам проведения государственной пограничной политики (далее – комиссия), образованные

при областных исполнительных комитетах. Основным направлением деятельности таких комиссий является создание необходимых условий для формирования государственной пограничной политики и ее реализации при осуществлении внешнеполитической, экономической, социальной, финансовой и иной деятельности государства [5].

Комиссия в своей деятельности руководствуется Конституцией Республики Беларусь, актами законодательства Республики Беларусь, а также Положением о комиссии по вопросам проведения государственной пограничной политики [5].

Таким образом, государственную пограничную политику можно определить как сферу деятельности государства, которая охватывает систему правовых мер по определению и закреплению Государственной границы, ее охраны в целях защиты на ней политических, экономических, информационных, гуманитарных и иных интересов личности, общества и государства.

Она является необходимым промежуточным звеном, предназначенным для приведения деятельности различных государственных органов на Государственной границе в соответствие с проводимой внешней и внутренней политикой.

Формирование и реализация государственной пограничной политики позволяет на основе объективного анализа сконцентрировать усилия государства, всех его органов и социальных субъектов на целенаправленную деятельность в пределах пограничного пространства с целью создания по периметру Республики Беларусь стабильного пояса, способствующего устойчивому развитию Беларуси.

Создание и поддержание в пограничном пространстве правового режима – это шаг, приближающий Республику Беларусь к цивилизованному решению международных (пограничных) проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 14 нояб. 2005 г., № 60 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2005. – № 188. – 2/1157.
2. О Государственной границе Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 21 июля 2008 г., № 419-З. – Минск: Гос. погран. комитет Респ. Беларусь, 2008.
3. Об органах пограничной службы Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 11 нояб. 2008 г., № 454-З. – Минск: Гос. погран. комитет Респ. Беларусь, 2008.
4. Положение о государственном пограничном комитете Республики Беларусь: утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 25 сент. 2007 г. № 448 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 235. – 1/8939.
5. О создании Комиссии по вопросам проведения государственной пограничной политики на территории Брестской области: решение Брест. обл. исполн. комитета, 22 окт. 2008 г., № 844.

Дата поступления статьи в редакцию 20.10.2010

О РОЛИ ЭКСПЕРТНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ «БЕЗ ТРУПА»

АРХИПОВА А.Н.,

старший преподаватель кафедры специальных юридических дисциплин
Иркутского государственного технического университета

КИТАЕВ Н.Н.,

доцент кафедры специальных юридических дисциплин
Иркутского государственного технического университета, кандидат юридических наук

Статья посвящена возможностям судебной экспертизы при выявлении факторов, влияющих на скорость уничтожения трупа в растворах едких химических веществ, и при моделировании криминального события – в ситуации отсутствия трупа потерпевшего.

The article is devoted to the possibilities of forensic expertise in revelation of the factors influencing on the speed of destruction of a human corpse in solutions of pyretic chemical substances, in simulation of a criminal case without victim's corpse.

В судебно-следственной практике издавна известен такой способ сокрытия следов преступления, как уничтожение трупа жертвы. Наиболее часто встречается криминальное сожжение останков потерпевшего, в связи с чем в специальной литературе есть описание факторов, влияющих на скорость сгорания трупа [1]. К сожалению, в российских источниках по судебной медицине и криминалистике мы не обнаружили сведений о причинах, влияющих на скорость уничтожения трупа человека в растворах едких химических веществ, хотя этот способ сокрытия следов преступления тоже имеет место в разных странах.

Известно описание того, как правитель Ирака Садам Хусейн приказывал растворять в кислоте тела узников секретной тюрьмы [2]. В 1949 году в Великобритании был казнен 40-летний Джон Хейг, совершивший убийства 9 человек за несколько лет. В помещении своей мастерской он растворял тела жертв в емкости с серной кислотой, а раствор сливал в городскую канализацию, отчего полиция при обыске смогла найти останки только последней потерпевшей, погруженные в кислоту. После своего осуждения преступник писал: «Мои первые опыты с кислотами я провел в тюрьме, когда сидел за подлог. Одно время я работал в жестяной мастерской, там были различные химикаты... Часами я наблюдал за медленным растворением мыши в кислоте. Это

мне очень пригодилось позднее, когда мне пришлось заставлять исчезнуть людей... Моих познаний в химии хватало, чтобы понимать, что человеческое тело состоит большей частью из воды, которая легко соединяется с серной кислотой... Мой способ избавиться от тела был отработан до автоматизма...» [3].

В годы второй мировой войны во Франции, оккупированной немцами, действовал серийный убийца Марсель Петю. Он был врачом и вел прием пациентов в своем доме, где находился герметично закрывающийся люк, маскировавший глубокую яму с негашеной известью. Петю доверительно предлагал состоятельным пациентам, которые опасались преследования нацистов, переправить их нелегально за определенную плату в США. Из корыстных побуждений этот врач-убийца за период с 1942 по 1944 год умертвил массу пациентов, уничтожая их тела в негашеной извести. Костные останки жертв были обнаружены случайно. Марсель Петю признался в совершении 63 убийств. Суд счел документально доказанными только 27 эпизодов. Казнь Петю состоялась 26 мая 1946 г. [4].

По нашим сведениям, в период с 1998 года по 2008 год в Республике Молдова по трем уголовным делам об убийствах «без трупа» были вынесены обвинительные приговоры. Особый интерес представляет дело Г.А.Грозаву, совершившего из корыстных побуждений убийство двух

человек: их трупы растворил в растворе пищевой соды, который вылил в реку Днестр. При осмотре речного дна обнаружили один фрагмент кости человека, что позволило трибуналу г. Бендеры приговорить убийцу к пожизненному заключению. Впоследствии вышестоящая судебная инстанция изменила приговор на 25 лет тюремного заключения [5].

Автор ряда серьезных работ по расследованию убийств «без трупа» Г.Н.Мудьюгин уделяет только один абзац теме уничтожения тела потерпевшего в кислотном растворе [6]. В 8 сборниках «Библиографический указатель работ по судебной медицине», изданных в Ижевске в период с 1973 года по 1997 год, составители В.И.Витер и А.В.Пермяков указали более 26 тысяч печатных работ, вышедших в России за последние 200 лет, но и там мы не находим источников по интересующей нас теме. Нет такой информации и в современных пособиях по криминалистике [7].

В своей кандидатской диссертации Е.Г.Килессо утверждает, что изучил «300 архивных и находящихся в производстве уголовных дел об убийствах, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего за период с 1992 года по 2002 год» [8]. Однако этот автор не приводит ни одного лично изученного им дела по уничтожению трупов в едких жидкостях, а ограничивается краткой ссылкой на одно сообщение сборника «Следственная практика», содержание которого сомнительно [9]. Также в работе Е.Г.Килессо можно найти рекомендацию общего характера, очевидно, взятую из многочисленных цитируемых им пособий для следователей: «Обнаруженные и изъятые при осмотре и обыске различные емкости, как со следами действия химически активной агрессивной жидкости, так и с ее остатками, подлежат экспертному исследованию (в рамках судебно-химической экспертизы) на предмет выяснения вопросов, связанных с химическим составом этой жидкости и возможностью ее использования для трупа потерпевшего (в том числе по времени, нужного для полного растворения трупа, а также наличия его растворенных остатков в ней)» [10].

Наше изучение материалов уголовных дел по названной категории позволяет согласиться с мнением тех исследователей, которые пишут, что при решении вопроса о сроке уничтожения трупа с использованием растворов химически активных веществ «практически единственный способ установления этого срока – проведение эксперимента, но в эксперименте сложно создать условия, аналогичные тем, в которых действовал преступник» [11].

Именно такой эксперимент был проведен в г. Ленинграде: рабочий гальванического цеха Римкус совершил умышленное убийство другого рабочего К., труп которого расчленил, поместив

руки жертвы в ванну с горячим раствором каустической соды. На следующее утро преступник слил раствор с остатками костей в канализационный люк, а оставшиеся части трупа поместил в другую ванну с аналогичным раствором и тоже растворил. Часть вещей покойного Римкус забрал себе, они были найдены при обыске и опознаны родственниками погибшего.

Следователь назначил по делу судебно-химическую экспертизу, на разрешение которой, в частности, поставил вопрос, при каких условиях (в каком режиме) и за какой промежуток времени с учетом подогрева данного щелочного раствора возможно полное растворение в нем частей человеческого тела. Судебные химики провели эксперимент: в аналогичный щелочной раствор погрузили определенное количество мышечной и костной ткани, после чего раствор стали подогревать. Вывод экспертов гласил: «На основании произведенного эксперимента следует заключить, что растворение человеческого тела в 70 %-м растворе едкого натра, доведенного до кипения, вполне возможно в продолжении нескольких часов кипения смеси (от 1 часа и более) с последующим естественным охлаждением» [12]. Суд вынес убийце Римкусу суровый приговор, сославшись на данное заключение экспертов-химиков.

Проводились экспертные эксперименты и по другому уголовному делу, рассмотренному Санкт-Петербургским городским судом в 2008 году. Варфоломеев и сотрудник милиции Дзалаев решились совершить убийство потерпевшей Т. и ее взрослого сына, проживавших в двухкомнатной квартире, тела жертв уничтожить с помощью раствора едких химических веществ, а жилище оформить на себя и продать. С этой целью Дзалаев убил потерпевших, трупы которых были помещены в ванну и залиты горячим водным раствором приобретенной для этой цели гидроокиси натрия (каустической соды). Процедура такого растворения заняла несколько дней. Нерастворенные кости дробили, вываривали в кастрюлях, смешивали с крупой и выбрасывали. С целью уничтожения следов крови преступники вскрыли паркет, организовали свежую покраску жилища и иной косметический ремонт.

По делу назначили судебно-медицинскую экспертизу, содержание которой нашло отражение в обвинительном приговоре от 18 декабря 2008 г.: «С учетом результатов экспертного эксперимента установлена возможность полного разрушения (растворения) мягких тканей и частичного разрушения (растворения) костей человека (например, потерпевшей Т.) при помощи горячего водного раствора гидроокиси натрия» (стр. 13 приговора) [13]. Эксперты отразили в своем заключении и то время, за которое такое растворение может произойти, что соответствовало показаниям обвиняемого Варфоломеева

(уголовное дело в отношении Дзалаева было прекращено в связи с его смертью) [14].

При расследовании дел названной категории следователю необходимо учитывать такие факторы, влияющие на скорость уничтожения трупа человека в растворах едких химических веществ:

- 1) химическая характеристика едкой жидкости, ее концентрация и температура;
- 2) общее количество едкой жидкости;
- 3) время нахождения человеческих останков в растворе едкой жидкости;

4) осуществлялось ли перемешивание жидкости в процессе растворения в ней останков (такая процедура ускоряет процесс растворения);

5) осуществлялась ли в процессе растворения замена отработанного раствора на свежий (такая процедура ускоряет процесс растворения);

6) цельный труп разрушается в растворах едких химических веществ намного медленнее, чем его расчлененные части.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев, А.И. Факторы, влияющие на скорость сгорания трупа / А.И. Васильев // Сборник работ по судебной медицине. – Сталинабад, 1954. – С. 12; Пазенко, Т.Я. Экспертные возможности определения времени полного сжигания трупа или его частей / Т.Я. Пазенко, О.В. Филипчук, А.А. Николаенко // 3-й Всесоюзный съезд судебных медиков. Тез. докл. – М.; Одесса, 1988. – С. 198–199.
2. Комсомольская правда. – 1991. – 26 янв.
3. Хейг, Д. Моя исповедь / Д. Хейг // Иностран. лит. – 1992. – № 3. – С. 218, 224.
4. Лаврин, А.П. Словарь убийц / А.П. Лаврин. – М., 1997. – С. 305–308.
5. Письмо Генеральной прокуратуры Респ. Молдова № 18-20д/08-941 от 7 июля 2008 г. // Личный архив А.Н. Архиповой.
6. Руководство по расследованию убийств // под ред. С.И. Гусева. – М., 1977. – С. 352.
7. Шамонова, Т.Н. Осмотр места обнаружения признаков убийства / Т.Н. Шамонова. – М., 2008.
8. Килессо, Е.Г. Методика расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего: первоначальный этап расследования: дис. ... канд. юрид. наук / Е.Г. Килессо. – СПб., 2004. – С. 7.
9. Килессо, Е.Г. Методика расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего: первоначальный этап расследования: дис. ... канд. юрид. наук. – С. 39–40; Логинов, С.Г. Как мы искали останки убитого / С.Г. Логинов // Следственная практика. – М., 2003. – Вып. 3 (160). – С. 60–80.
10. Килессо, Е.Г. Методика расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего: первоначальный этап расследования: дис. ... канд. юрид. наук. – С. 184.
11. Путинцев, А.В. О роли судебно-медицинских экспертиз в расследовании дел об убийствах, связанных с уничтожением трупа / А.В. Путинцев, Н.Н. Китаев // Судеб.-мед. экспертиза. – 1993. – № 1. – С. 4.
12. Архив Санкт-Петербургского городского суда, 1965 г. – Уголовное дело № 2-63. – Том 2, л.д. 60.
13. Архив Санкт-Петербургского городского суда, 2008 г. – Уголовное дело № 2-60/08.
14. Архив Санкт-Петербургского городского суда, 2008 г. – Уголовное дело № 2-60/08. – Т. 4, л.д. 18–38.

Дата поступления статьи в редакцию 16.11.2010

ТРЕБОВАНИЯ
к материалам, представляемым для опубликования
в научно-практическом журнале «Право.by»

1. Общие требования к статьям

1.1. К рассмотрению принимаются статьи на бумажном носителе (до 10 страниц при одинарном интервале) в одном экземпляре, переданные вместе с файлами (файлы могут быть направлены по электронной почте: journal@ncpi.gov.by с уведомлением о доставке).

1.2. Языки публикуемых статей – русский, белорусский. Принимаются статьи на английском языке (публикуются в переводе на русский язык).

1.3. Правила оформления.

Все поля – 20 мм. Шрифт Times New Roman 15 пт, одинарный междустрочный интервал.

На первой странице сверху посередине пишется заглавие (на русском и английском языках) полужирным шрифтом прописными (большими) буквами. Затем пропускается строка, и от середины страницы с прижимом по левому краю (также на русском и английском языках) пишутся инициалы и фамилии авторов с указанием организации, должности, ученого звания и ученой степени. Каждый автор – с новой строки.

Далее – пропуск строки и аннотация на русском и английском языках (кегель 12, курсив).

Затем – пропуск строки и основной текст.

1.4. Рисунки вставляются в текст в формате JPG, BMP или WMF после первой ссылки на них в тексте. Каждый рисунок должен иметь название, которое помещается под рисунком. Если в тексте более одного рисунка, то они нумеруются арабскими цифрами (например, Рис. 2). Номер помещается перед названием.

Использование автоматических концевых и обычных сносок не допускается.

1.5. В конце статьи следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале.

В справке отдельно от перечисленных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, e-mail. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с автором.

1.6. Файл статьи представляется в формате RTF, Word. Рукописи не возвращаются.

1.7. Вместе со статьей предоставляется портретное фото автора в электронном виде в формате JPG.

2. Требования к научным статьям

2.1. Научные статьи подлежат независимой экспертизе (рецензированию). Рецензенты – доктора или кандидаты наук.

2.2. Научная статья объемом не менее 14 000 печатных знаков должна содержать следующие обязательные элементы:

индекс УДК;

название статьи, отражающее основную ее идею;

фамилию и инициалы автора (соавторов) статьи;

аннотацию (до 10 строк), излагающую краткое содержание статьи, пригодную для опубликования отдельно от статьи;

введение, содержащее краткий обзор литературы по рассматриваемой проблеме, круг ранее не решенных вопросов, основную цель работы;

основную часть, подробно освещающую рассматриваемые вопросы;

ПАМЯТКА АВТОРАМ

заключение с четко сформулированными выводами;
список цитированных источников, оформленный в соответствии с действующими требованиями Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь;
подписи всех авторов статьи (на бумажном носителе).

2.3. Ссылки на цитированные источники нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок должны быть написаны внутри квадратных скобок (например: [1], [2]).

2.4. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.

2.5. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.

2.6. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизводить статью (право на воспроизведение); распространять экземпляры статьи любым способом (право на распространение); переводить статью (право на перевод). Представление материала в редакцию является действием, выражающим согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение материала в электронной версии журнала (конклюдентное действие). Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в информационно-правовых ресурсах, формируемых Национальным центром правовой информации Республики Беларусь. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала.

2.7. Авторам настоятельно рекомендуется перед отправкой в журнал тщательно проверить общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов, оформление текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов следить за соответствием представляемого материала настоящим требованиям, а также проверять электронные файлы на отсутствие вирусов.

В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. При несоблюдении автором предъявляемых требований редакция имеет право отказать в публикации представленный автором материал.

**Адрес редакции: ул. Берсона, 1а, 220701, г. Минск
Контактный телефон/факс: (017) 222-70-75**